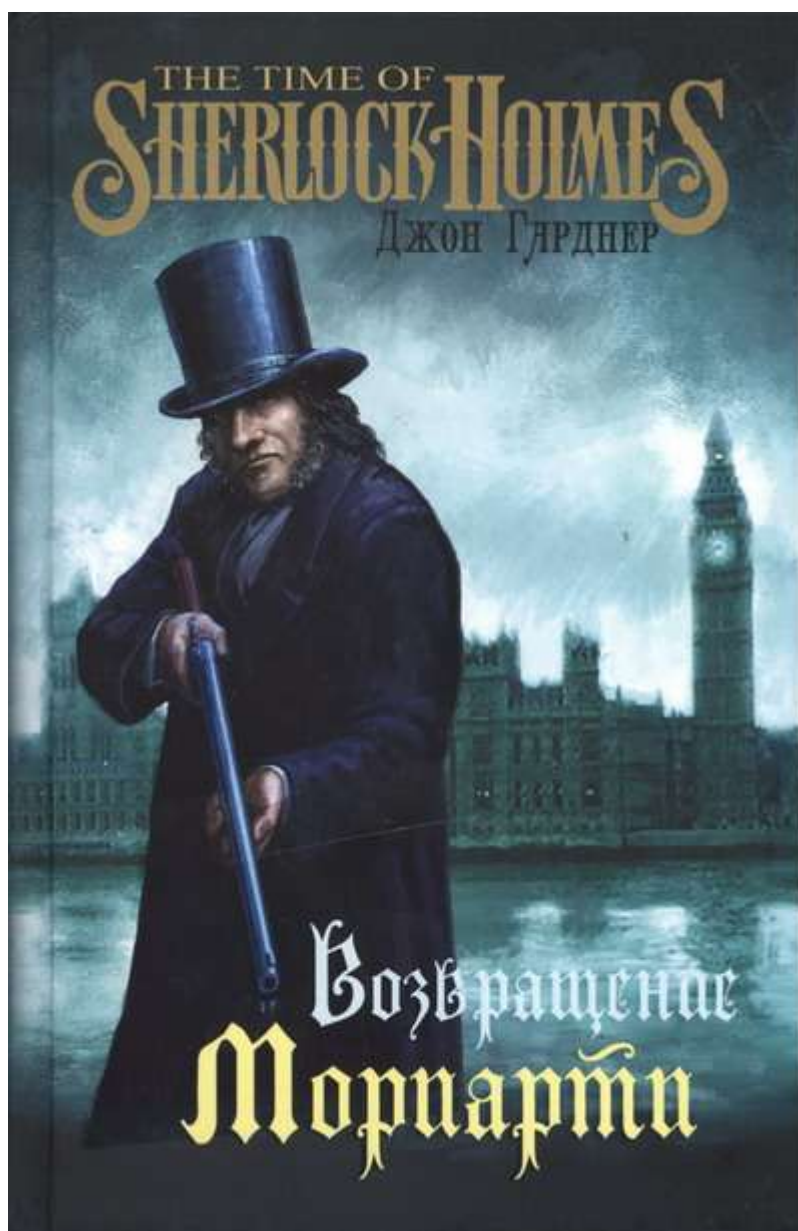

Джон Гарднер
Возвращение Мориарти

Профессор Мориарти – 1

www.megabook.do.am

Аннотация

Страх пал на Лондон. Его улицы опутаны паутиной преступной сети, действующей четко, слаженно, с математической точностью опережающей закон и сметающей на своем пути врагов и конкурентов. Так было только во времена профессора Мориарти. Но ведь он погиб, сгинул в пучине Рейхенбахского водопада во время схватки с Шерлоком Холмсом. Однако великий сыщик с Бейкер-стрит на все вопросы полиции по делу «Наполеона преступного мира» предпочитает молчать и странным образом уходит от прямого ответа.

Джон Гарднер — английский мастер триллера, автор более 40 романов, многие из которых стали бестселлерами. Среди наиболее известных книг писателя: 16 романов из

серии о Джеймсе Бонде и трилогия о главном враге Шерлока Холмса — зловещем профессоре Мориарти.

«Возвращение Мориарти» — первая книга в серии.

Джон Гарднер «Возвращение Мориарти»

Посвящается Тони Гулд-Дэвису

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как сама эта книга, так и обстоятельства ее появления требуют некоторых объяснений. Кое-какие факты следует прояснить с самого начала.

Летом 1969 года я занимался исследованиями текущих проблем и оперативных методов работы как столичной полиции, так и уголовного мира Лондона и его пригородов. В это время меня и познакомили с одним человеком, известным и полиции, и в кругу своих друзей под именем Альберта Джорджа Спира.

Спиру было тогда около пятидесяти: плотный мужчина с хорошим чувством юмора и живым умом. Он также считался знатоком криминального Лондона, причем не только своего времени, но и XIX столетия.

В полиции Спира знали хорошо: его много раз арестовывали и дважды приговаривали к тюремному заключению, причем в последний — на пятнадцать лет за вооруженное ограбление банка. Тем не менее человек этот был вполне приятный, большой любитель провести свободное время с книгой в руке. При нашей первой встрече он сказал, что прочел все мои романы из серии о Бойси Оуксе и нашел их занятой ерундой — мнение не слишком отличное от моего собственного.

Однажды вечером, ближе к концу августа, Спир позвонил мне по телефону и сказал, что хочет срочно со мной увидеться. Я жил тогда в Лондоне, и уже через час Спир сидел в гостиной моего дома в Кенсингтоне. С собой гость принес тяжелый кейс с тремя толстыми, в кожаном переплете, фолиантами. Стоит заметить, что позднее переплеты и бумага подверглись исследованиям, которые позволили однозначно установить время их создания — вторая половина XIX века. Что же до времени написания, то здесь абсолютной уверенности достичь не удалось, а результаты хроматографического анализа и дальнейших исследований точного ответа не дали.

Связанная с книгами история прозвучала в изложении Спира довольно интригующе. Первым владельцем фолиантов был его дед — Альберт Уильям Спир (1858–1919), следующим отец — Уильям Альберт Спир (1895–1940).

Мой информатор рассказал, что до последнего времени интереса к книгам не проявлял. С его слов выходило, что все три поколения Спириных имели более или менее тесные связи с криминальным миром, и его дед упоминал некоего профессора Мориарти. Отец моего знакомого много рассказывал о Профессоре, фигуре почти легендарной в семейном фольклоре Спириных.

Впервые о книгах, хранившихся под замком в доме Спириных в Степни, отец поведал Альберту уже на смертном одре. Три фолианта, уверял он, были личными дневниками Мориарти, хотя, следует добавить, в момент смерти Уильяма Спира его сына куда больше беспокоили планы Адольфа Гитлера, чем полузабытые семейные предания.

Получилось так, что, будучи завзятым книголюбом, Спир столкнулся с трудами сэра Артура Конан Дойла только в конце 1960-х. Упущение весьма странное, но не слишком меня тревожившее, поскольку я и сам познакомился с хрониками доктора Уотсона довольно поздно.

Так или иначе, когда Спир начал наконец читать трехтомную сагу, он быстро наткнулся на упоминания о главном враге Холмса, профессоре Джеймсе Мориарти, и с

удивлением обнаружил в рассказах о великом детективе описания, имевшие отношение к некоторым вещам, о которых ему говорил отец.

Заинтригованный как сходствами, так и парадоксальными несовпадениями, он внимательнее присмотрелся к самим рукописям.

Страницы сохранились в приличном состоянии, и почерк во всех трех томах был один и тот же — аккуратный, с небольшим наклоном, весьма изящный. Кое-где можно было разобрать даты и планы улиц, но в целом текст казался на первый взгляд неразборчивым. Спир пришел к выводу, что отец был прав, и что ему в руки попали подлинные, написанные шифром дневники профессора Мориарти.

Не скрою, едва взглянув на манускрипты, я испытал сильное волнение, хотя и постарался этого не выказать, ожидая, что Спир попытается на них заработать. О деньгах, однако, он даже не упомянул, сказав, что будет рад, если кто-то расшифрует записи и с толком их использует. Его же интерес во всем этом чисто академический.

В последующие дни я тоже наткнулся на несоответствия и, в частности, на тот факт, что записи продолжались и после весны 1891 года. Года, когда, согласно свидетельству доктора Уотсона, Холмс свалился в Рейхенбахский водопад после схватки с Мориарти. Правда, уже в 1894-м считавшийся мертвым сыщик вновь появился на сцене с объяснением, что в водопаде погиб один лишь Мориарти.

Если дневники и впрямь принадлежали тому самому Мориарти, то получалось, что либо кто-то смешивает правду с вымыслом, либо произошла путаница и кого-то приняли за другого.

Поскольку мои собственные познания в шифрах невелики, я передал рукописи моим добрым друзьям и издателям, Робину Деннистону (имевшему немалый опыт по части разгадывания кодов и шифров) и Кристоферу Фалкусу. После долгих часов напряженной работы, в которой метод проб и ошибок совмещался с попытками научного подхода, шифр был взломан. В результате ко времени, когда я пишу эти строки, прочитано уже почти полторы книги.

Уже на этой, относительно ранней стадии исследования, стало ясно, что опубликовать документы в их оригинальном виде невозможно. Даже в наши либеральные времена, когда дозволено почти все, присущее Мориарти зло — то, что проступает на каждой странице, — несомненно, вызвало бы серьезное беспокойство. Ясно и то, что упоминание немалого числа почтенных и даже знаменитых имен стало бы причиной появления беспочвенных слухов и скандалов.

Принимая во внимание это все, мы решили, что наилучшим вариантом будет публикация истории профессора Мориарти в форме романа или романов. Вот почему названия некоторых мест и событий слегка изменены, хотя в других случаях, касающихся, например, причастности Мориарти к делу Потрошителя и так называемого «скандалу с графиней де Гонкур», скрывать факты бессмысленно.

Еще одной причиной именно такой формы представления дневников стало исчезновение Спира вскоре после передачи их мне. Как уже было отмечено, мы не можем с достаточной долей вероятности установить время написания документов, поэтому нельзя исключать и того, хотя я сам в это не верю, что Альберт Спир, обладавший своеобразным чувством юмора, попытался повернуть вторую по масштабу замысла литературную мистификацию века. Или, может быть, его дед, частенько упоминающийся в дневниках, был человеком с большим воображением. Возможно, после публикации первого тома мы получим ответы на некоторые вопросы.

Должен добавить еще одно, последнее, признание, которое, полагаю, вызовет у читателей интерес. Хочу выразить глубокую благодарность мисс Бернис Кроу из Кейрндоу, Аргайлшир, внучке покойного суперинтенданта Энгуса Маккреди Кроу, предоставившей в мое распоряжение дневники, записные книжки, письма и заметки своего прадеда.

*Джон Гарднер
Роуледж, Суррей*

На протяжении трех долгих лет... Уотсон и весь мир считали Холмса мертвым, навеки упокоившимся под темными, бурными водами Рейхенбахского водопада, но в 1894 году Холмс предстал целым и невредимым... А если и Мориарти тоже не погиб?... Каждый, кто знаком с историей мировых злодеяний, имевших место после 1894-го, может без труда понять, что профессор Джеймс Мориарти воспользовался долгим периодом общественного недовольства, чтобы расширить и укрепить свое бесспорное положение Наполеона преступного мира...

Уильям С. Баринг-Гулд¹

Глава 1 ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛАЙМХАУЗ

Лондон:

Четверг, 5 апреля 1894

Итак, перемирие под вопросом. — Мужчина за столом довольно усмехнулся. — А ты уверен? — Он впился взглядом в сморщенное личико стоящего перед ним крохотного, напоминающего гончую человечка.

— Уверен, Профессор. Точно. Иначе я бы знал, да и Паркер тоже.

— Так это Паркер у тебя на Бейкер-стрит?

— Он самый.

— Полагаю, он хорошо замаскировался?

— Последний месяц выдавал себя за сыча.²

— Надо думать, играл на своей еврейской арфе.

— У него к этому талант.

— М-м-м-м. К этому и к веревке. — Человек за столом знал Паркера как умелого душителя, предпочитавшего прочим инструментам гарроту. В прошлом он нередко пользовался именно этим, вторым талантом Паркера.

Комната, в которой происходил описываемый разговор, была не лишена уюта: высокий потолок, два окна с видом на реку и не слишком много мебели.

Последняя, кстати, выглядела довольно новой, какой и была на самом деле: ремонтом и меблировкой занимались надежные люди из «Годфри Джайлс энд компани», размещавшейся в доме номер 19 на Олд-Кэвендиш-стрит.

На полу лежал узорчатый персидский ковер; у камина, в котором по причине не по сезону поздних весенних заморозков весело потрескивал огонь, стояло курительное кресло знаменитой фирмы «Сэр Уолтер Рейли». За креслом возвышался книжный шкаф, заставленный солидными, в кожаных переплетах томами, по корешкам которых внимательный гость мог бы определить такие труды, как «Основы логики или морфология мышления» Бозанкета, «Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века» Эмиля Фаге, «Аналитическая механика» Лагранжа, прекрасное издание «Принципов

¹ Уильям Стюарт Баринг-Гулд (1913–1967) — авторитетнейший английский холмсовед, автор вымышленной биографии «Шерлок Холмс с Бейкер-стрит: Жизнь всемирно известного частного сыщика» (1962). Среди других работ этого исследователя выделяется также книга, посвященная герою романов Рекса Стаута — «Ниро Вульф с Западной Тридцать пятой улицы» (1969), в которой Баринг-Гулд популяризировал теорию о том, что Ниро Вульф — сын Шерлока Холмса и Ирэн Адлер. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.*

² Сыч — соглядатай, «разнорабочий» в криминальной среде, чаще всего нищий-бродяга. (*Отдельные слова и выражения на арго см. в глоссарии в конце книги.*)

философии» и «Динамика астероида» Мориарти.

Помимо занимавшего в комнате центральное место большого бюро, выполненного в стиле Регентства, с обтянутой кожей столешницей, была еще пара чиппендейловских столиков красного дерева и два обтянутых мягкой кожей кресла, выполненных в мастерской Хэмптона на Пэлл-Мэлл. Никаких украшений, никаких безделушек, никаких попыток перегрузить строгий, практичный интерьер дешевой мишурой. Впрочем, одна картина все же имела место и занимала она место на стене, противоположной письменному столу, так что видеть ее мог сидевший за ним. Изображенная на картине молодая женщина, казалось, смотрела с полотна краем глаза, то ли застенчиво, то ли жеманно, словно выглядывала из окна. Знаком живописи, несомненно, узнал бы работу Жан-Батиста Греза, необычайно успешного французского художника 1700-х, заработавшего популярность картинами с изображением таких вот юных девушек и сцен, провозглашающих семейные добродетели.

Мужчина за столом опустил голову, погрузившись в какие-то свои раздумья. Стоявший перед ним человек неловко переступил с ноги на ногу.

Третий из присутствовавших в комнате — среднего возраста, с высоким, изборожденным морщинами лбом, хищным носом и холодными серо-голубыми глазами с циничным прищуром — полулежал в мягком кресле.

— Он все еще на Бейкер-стрит? — поинтересовался этот третий.

Стоявший перед столом перевел взгляд с того, кто задал вопрос, на того, кто сидел за столом.

Мужчина за столом медленно поднял голову и посмотрел сначала влево, потом вправо, поворачиваясь так, как это делает игуана.

— Полагаю, Моран, об этом следует спрашивать меня. — Говорил он негромко, но властно. — Вы хорошо поработали в мое отсутствие, если не считать пары промахов вроде этого неловкого дела с Адэром, но я буду признателен, если вы возьмете на заметку, что теперь всем командую я.

Моран хмыкнул.

— Мистер Холмс все еще в доме на Бейкер-стрит? — продолжал профессор. — Эмбер?

— Уехал в Кенсингтон, к своему другу Уотсону.

Моран снова хмыкнул, уже не скрывая раздражения.

— А, доктор. — Профессор позволил себе легкую улыбку. — Это значит...

— Это значит, что он сунет нос в дело Адэра, — резко бросил полковник. — Уотсон им уже интересуется.

— Вы мне уже говорили, Моран. Связываться с Адэром было глупо. Теперь, когда делом занялись Холмс и Уотсон, нам придется принять меры, без которых на данной стадии я предпочел бы обойтись. А работы у меня много: бизнес во Франции, общее продвижение анархии во всем мире, не говоря уже о решении рутинных вопросов здесь. Вы видели, сколько народу собралось внизу. И все хотят видеть меня, все чего-то ждут. — Он поднял правую руку, повелительным жестом указав на дверь. — Оставьте нас, Эмбер.

Человек по имени Эмбер коротко кивнул и отступил к двери, двигаясь спиной вперед, на манер гостя, покидающего покои некоего восточного владыки. Когда дверь за ним закрылась, тот, кого называли «Профессором», поднялся из-за стола.

— Послушайте, Мориарти. Позвольте мне разобраться с Холмсом. — Голос Морана сочился ядом. — Если я это сделаю, мы избавимся от него раз и навсегда.

Незримый свидетель сей сцены немало удивился бы, услышав, что Профессора называют Мориарти. Не считая привычки поворачивать голову на манер рептилии, человек за столом мало походил на того профессора Джеймса Мориарти, описание которого приведено в записках доктора Уотсона.³

³ Речь идет, разумеется, о знаменитом преступнике, портрет которого Шерлок Холмс описал в беседе со своим другом Уотсоном: «Он очень тощ и высок. Лоб у него большой, выпуклый и белый. Глубоко запавшие глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое, — что-то еще осталось в нем от профессора Мориарти. Плечи сутулые — должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, а голова выдается вперед и

При росте в пять футов и десять дюймов назвать его необычайно высоким было, пожалуй, нельзя. Да, он не был тучным, но не был и худым, — скорее стройным. Голову его венчала пышная грива ухоженных волос с модной сединой на висках. Держался он прямо и не сутулился — вопреки тому, что писал о нем Уотсон. Лицо не отличалось бледностью, но несло отпечаток частого пребывания на открытом воздухе и под солнцем. Чисто выбритое, оно действительно свидетельствовало о некотором аскетизме натуры, но глаза были ясные и вовсе не «глубоко запавшие».

В целом он выглядел человеком более молодым, чем представлялось на основании описания Холмса, которое до сего времени принималось за научный факт.

— Позвольте мне разобраться с Холмсом, — повторил полковник Моран, исполнявший при Мориарти роль начальника штаба.

— Мне нужно подумать. Сейчас, как вы сами должны понимать, не время для поспешных решений. Ставки слишком велики. Если Холмс только что вернулся в Лондон и впервые встретится со своим другом Уотсоном, то двадцать четыре часа мало что изменят. Последние три года Уотсон считал сыщика мертвым. Для доктора это будет сильнейший эмоциональный шок. Потом им, конечно, будет о чем поговорить.

— Я бы предпочел решить эту проблему сейчас. Сегодня, — раздраженно возразил полковник.

Мориарти в упор посмотрел на своего помощника. Глаза его, подобно глазам гипнотизера, проникали, казалось, прямо в мозг Морана. Люди часто отмечали, что от взгляда полковника «мороз продирает по коже», но с тяжелым, властным взором самого Профессора ему было не сравниться.

— Я бы хотел, чтобы вы сдвинули с мертвой точки некоторые другие дела. — Мориарти редко повышал голос, но тон его и уверенность, с которой он говорил, позволяли добиваться безусловного подчинения от всех, даже самых своевольных и безрассудных его сторонников.

Моран согласно, хотя и с видимой неохотой, кивнул.

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы занялись вот какими вопросами. Для восстановления контроля над ситуацией мне необходимо встретиться с нашими главными партнерами в Европе. Встреча может пройти либо здесь, либо в Париже — я согласен и на то, и на другое, — но она должна состояться в ближайшие десять дней. Договоритесь о времени и месте. И, когда будете уходить, скажите Эмберу, что я готов принять ожидающих.

Моран, похоже, еще хотел о чем-то попросить Профессора и даже открыл рот, но в последний момент передумал и, отрывисто кивнув, резко, по-военному, повернулся и вышел из комнаты.

Апартаменты профессора Мориарти, хотя и достаточно комфортные, находились далеко не в самом благополучном районе. В 1890-х Лондон все еще оставался городом больших контрастов, и блестящий Вест-Энд имел мало общего с мрачным и довольно опасным Ист-Эндом. Мориарти жил по соседству с рекой, вблизи доков и китайского квартала Лаймхауз, а его роскошная квартира располагалась над заброшенным складом, путь к которому вел по узкому лабиринту переулков, двориков и улиц, мимо ветхих домишек, жмущихся друг к дружке пивных и грязных лавчонок. Днем здесь кипела бурная жизнь с участием разношерстных обитателей, а ночью пройти по скудно освещенным закоулкам решался разве что только сумасшедший.

Фасад означенного склада не вызвал бы подозрений даже у самого наблюдательного гостя; место выглядело необитаемым и могло послужить ночным приютом только для крыс да совсем уж отчаявшихся бродяг. Разбитые окна и потрескавшиеся кирпичные стены указывали на то, что строение пребывает в состоянии упадка и разрушения. Тем не менее орды преступников и злодеев — убийц, разбойников, карманников, фальшивомонетчиков,

медленно — по-змеиному, раскачивается из стороны в сторону. Его колючие глаза так и впились в меня». (Сэр Артур Конан Дойл. «Последнее дело Холмса») — *Примеч. автора.*

мошенников, проституток, головорезов обоего пола, грабителей и им подобных — почитали склад местом особо важным.

Несколько сотен представителей перечисленных выше «профессий» знали, как попасть внутрь здания. Для этого требовалось определенным образом постучать в небольшую дверь, вставленную в большие, обшитые досками деревянные ворота, через которые время от времени поступали различного рода, от зерна до шелка, грузы, хранившиеся здесь до отправки к месту назначения судном или иным транспортом.

То же впечатление заброшенного склада сохранялось и за входной дверью, и, только пересекая весь первый этаж и проходя через небольшую дверь, которая даже знающему человеку представлялась ветхой, хлипкой и ненадежной, вы попадали в иной мир.

По другую сторону двери находилась длинная комната, заставленная голыми деревянными столами и скамейками. Справа от входа, за деревянной стойкой, хозяйничали румяный толстяк и сухошавая женщина лет тридцати с лишним. Здесь можно было получить горячий чай, суп, пиво или напиток покрепче и хлеб.

Профессор Мориарти жил в апартаментах, соперничавших по уровню комфорта с лучшими холостяцкими гнездышками куда более модного Вест-Энда.

Полковник Себастьян Моран спускался по лестнице со смешанными чувствами. Внизу, на первом этаже, сидели за столами, закусывая, выпивая и негромко разговаривая, человек двадцать мужчин и женщин. Во время трехлетнего отсутствия Мориарти именно на нем, Моране, лежала обязанность дважды в неделю принимать такие вот депутации. Но ни разу за все время этого своеобразного междуцарствия в «комнате ожидания», как называли помещение бывавшие в нем, не было так тихо и тревожно, как сейчас. Моран знал, в чем дело, и его это раздражало. Он видел здесь тех же людей, офицеров своей криминальной армии: Эмбера; высокого крепыша Пейджета; Спира со сломанным носом и тяжелым лицом, которое сошло бы за приятное, если бы не шрам, раздвоенной молнией пересекавший правую сторону от глаза к уголку рта; Ли Чоу, верткого и опасного китайца. Однако же сегодня тут господствовала атмосфера порядка, спокойствия и почтительности, атмосфера, которой не было в течение всех трех лет, пока делами занимался Моран.

Раздражение складывалось из нескольких элементов, важнейшим из которых была, конечно, зависть. В течение всего времени после исчезновения Мориарти в результате схватки у Рейхенбахского водопада Моран знал, что его патрон жив. И не просто знал, но и несколько раз встречался с Профессором в неприметных селах и деревушках в разных странах Европы для обсуждения стратегии, тактики и интересовавших Мориарти вопросов. Но для всех остальных, рядовых членов преступных сообществ Европы Профессор был мертв, и человеком, к которому они обращались за помощью, стал полковник Моран.

Хотя сам Мориарти только что похвалил Морана за проделанную работу и отметил его организаторские способности, полковник прекрасно понимал, что не обладает почти сверхъестественными талантами Профессора, внушавшего всем вокруг практически безоговорочное послушание.

Теперь, когда Мориарти вернулся, словно восстав из мертвых, полковник сознавал, что его власть и влияние значительно уменьшились. И дело было не просто в зависти. С возвращением Мориарти и Холмса его собственное положение оказалось под угрозой. Собственно говоря, первым тревожным звонком стало недавнее дело юного Рональда Адэра, но тогда полковник устранил опасность решительно и эффективно.

Полковник Моран был человеком благородного происхождения, человеком, имевшим все возможности сделать хорошую карьеру. Но в какой-то момент жизнь привела его на распутье и поставила перед выбором между добром и злом. Тот факт, что он свернул на дорожку зла, лишь подтверждает утвердившееся мнение: тяга к нарушению закона свойственна каждому человеку. Моран родился в достойной семье; его отец, сэр Огастес Моран, кавалер ордена Бани, служил одно время министром по делам Персии. Сам же

Себастьян Моран получил образование в Итоне и Оксфорде, затем служил в индийской армии, написал две книги — «Охота на крупного зверя в Западных Гималаях» и «Три месяца в джунглях». Но его истинными страстями стало оружие (он был прекрасным стрелком и охотником на крупную дичь) и игра. Два этих увлечения неизбежно влекли к криминальному образу жизни, которому он в конце концов и отдался полностью, попав под влияние Джеймса Мориарти. И именно вторая страсть, игра, привела к ситуации, которую он и оценивал сейчас, в этот апрельский вечер.

Во многих отношениях Себастьян Моран жил ради игры, потому что помимо денег, поступающих от работы на Джеймса Мориарти, главным источником его доходов были немалые суммы, получаемые за карточными столами игровых клубов Лондона. Моран был искусным игроком и проигрывал редко, что в глазах любого знатока человеческой природы и жизни вообще могло означать только одно: полковник жульничает.

И вывод этот соответствовал действительности. Моран был профессиональным мошенником, жуликом, обдиралой, выражаясь уголовным языком. Карточное мошенничество стало делом его жизни, вторым после стрельбы, а сам полковник занял достойное место в ряду таких выдающихся личностей, как Кепплингер, вострила⁴ из Сан-Франциско, Ах Син по прозвищу Узкоглазый, Ламбри-Паша и Бьянко-Испанец.

При этом Моран мог перехитрить любого из серьезных игроков, поскольку достиг высокого уровня во всех категориях своего ремесла начиная от крапления и маркировки⁵ и заканчивая более сложными способами манипулирования картами в ходе самой игры. Он был одинаково искусен и в сдаче снизу, и в подмене, и в фальшивой тасовке.

Общеизвестен и никем не опровергается тот факт, что в начале года Моран был постоянным карточным партнером достопочтенного Рональда Адэра, второго сына графа Мейнуса, губернатора австралийских колоний. В Лондон молодой Адэр возвратился с матерью и сестрой, Хильдой, и проживал в доме за номером 427 на Парк-лейн. Целью приезда была назначенная миссис Адэр глазная операция.

Вечером 30 марта Рональда Адэра нашли мертвым в запертой изнутри комнате с обезображенным разрывной револьверной пулей лицом. Убийство вызвало немалый шок и озабоченность широких слоев публики и породило немало слухов и разговоров, поскольку никакого оружия в комнате обнаружено не было, как не было и указаний на то, каким образом убийца поднялся к окну второго этажа, находящемуся в двадцати футах от земли, или как он покинул место преступления.

Перебирая в уме как общеизвестные, так и никому не известные факты, полковник Моран шагал по грязным, темным улицам с намерением забрать экипаж и вернуться к себе домой на Кондуит-стрит. В данный момент лишь два человека в Лондоне знали правду об убийстве Рональда Адэра: Себастьян Моран, совершивший это преступление, и профессор Джеймс Мориарти, которому полковник в силу обстоятельств рассказал о случившемся.

Моран прекрасно понимал, что если срочно не предпринять решительных действий, эти факты станут известны и другим. Интерес к делу уже проявлял доктор Уотсон, хотя это тревожило полковника так же мало, как и известие о том, что расследование убийства

⁴ Карточный шулер.

⁵ Из писем, находящихся ныне в распоряжении автора, следует, что полковник Моран был знаком с такими тонкостями, как наколка, срезание, подмена. Из тех же писем становится ясно, что Моран постоянно пользовался в качестве рефлектора курительной трубкой из бриара. Главным элементом сего приспособления служит так называемый «шайнер», крохотное выпуклое зеркало, которое крепится к кусочку пробки, вырезанному по размеру чаши трубки. Шулер носит «шайнер» отдельно, но в нужный момент выбивает пепел и вставляет отражатель. Затем он кладет трубку на стол чашей к себе. В таком положении зеркало видно только шулеру, который при должной сноровке имеет возможность видеть, какие карты раздаются или передаются за столом. Судя по имеющимся в распоряжении автора фактам, разоблачение Рональдом Адэром мошенничества со стороны полковника как-то связано с этим рефлектором. — *Примеч. автора.*

поручено инспектору Лестрейду из Скотланд-Ярда. Ни один, ни другой до истины никогда бы не докопались, но вот возвращение в Лондон Холмса меняло ситуацию коренным образом. Все вместе — беспокойство из-за угрозы разоблачения, зависть и необходимость исполнять поручения Мориарти — действовало не лучшим образом, так что полковник нервничал сверх обычного.

На Стрэнде он остановил экипаж, чтобы отправить четыре телеграммы: одну человеку Мориарти в Париже, другую — в Рим, третью — в Берлин и четвертую — в Мадрид.

Все были написаны с использованием нехитрого шифра, и каждая содержала один и тот же текст:

Сделку должно заключить в Лондоне к двенадцатому. Себмор.

Вернувшись затем на Кондуит-стрит, Моран перебросился парой фраз с пожилым метельщиком, вошел в дом и приготовился к ванне и обеду. Промозглый день сменялся ночью, сырой и ветреной.

В «комнате ожидания» на первом этаже склада Эмбер, Пейджет, Спир и Ли Чоу проводили Морана молчаливыми взглядами. Разговоры прекратились. Сидевшие за длинными столами притихли. Все знали — там, наверху, Профессор остался один.

Взгляды просителей обратились к Эмберу, Пейджету, Спиру и Ли Чоу, эти четверо считались элитой, приближенными Мориарти еще до дня его предполагаемой гибели в Рейхенбахском водопаде.⁶

Первым, после небольшой паузы, справился с нерешительностью Пейджет. Самый высокий и крепкий из четверки, он встал со стула, молча поднялся по лестнице и осторожно постучал в дверь.

Мориарти стоял у окна. Над рекой сгушалась ночь, низкий туман стелился по воде, накрывал набережные, расплывался по улочкам и переулкам. Услышав стук, Профессор негромко бросил через плечо:

— Войдите.

Пейджет переступил порог и закрыл за собой дверь.

— Внизу люди, Профессор. Они ждут.

— Знаю. Вот, задумался. Не каждый день возвращаешься из могилы... Непривычное чувство.

Пейджет кивком указал на дверь.

— Для тех, кто внизу, хозяин, как и для нас всех, это почти что чудо. Но терпения им не занимать. Подождут.

Мориарти вздохнул.

— Нет, будем работать по-прежнему. Они пришли за помощью, пришли с просьбами, пришли выказать мне уважение и получить наставления. Я бы обманул их ожидания и не выполнил свои обязательства, если бы не принял прибывших. В конце концов, у каждого есть семья. Расскажите, кто там. Начните с тех, у кого дела поважнее.

⁶ Следует заметить, что данный факт, как и некоторые другие, противоречит заявлениям великого детектива, изложенным в записках доктора Уотсона. В «Последнем деле» Холмс решительно утверждает, что «Они накрыли всю шайку, кроме него. Он один ускользнул!» Дальнейшие события показали ошибочность этого утверждения. По возвращении «из могилы», уже в «Пустом доме», Холмс упоминает Паркера, «грабителя и убийцу и в то же время прекрасного музыканта», наблюдавшего за домом 221-б по Бейкер-стрит, и, конечно, самого Морана. Возможно, Холмс полагал, что все подручные Мориарти схвачены в апреле 1891 — го, но теперь ясно, что на самом деле многие из них остались на свободе. Аресты определенно не затронули европейскую сеть и обошли стороной ближайших сподвижников Профессора, включая Эмбера, Пейджета, Спира и Ли Чоу, которых он называл своей «преторианской гвардией». Как мы увидим дальше, этот квартет исполнял роль коллективного телохранителя, или, говоря языком современных гангстеров, «мяса». — *Примеч. автора.*

Пейджет ненадолго задумался.

— Хетти Джейкобс. Два ее парня попали в тюрьму, она осталась с маленьким ребенком и совсем без денег. Милли Хаббард. Ее муж покончил с собой в прошлом месяце. Надо бы поддерживать. Так... Розы Макнил. Ее дочку Мэри забрали девочки Сэлли Ходжес. Розы говорит, насильно. Я сказал Сэл, чтобы пришла с девушкой.

— Там что, только женщины?

— Нет. Есть еще Билл Фишер с Бертом Кларком и Диком Гэем. Хотят обсудить одно дельце. По-моему, предложение стоящее.

— Хорошо.

— Старик Солли Абрахамс тоже здесь, со своим барахлом. Ну, и еще с дюжину других.

— Позови Хетти Джейкобс. — Мориарти позволил себе улыбнуться, что случилось далеко не часто. — Она никогда нас не подводила и заслуживает справедливого отношения.

Пейджет кивнул.

— Думаю, будет лучше, если вы с Ли Чоу составите мне компанию. Пусть он тоже поднимается.

Пейджет заметно обрадовался.

— Хорошо, Профессор. Как скажете.

— Отныне так и будет, — продолжал Мориарти. — Я хочу внести некоторые изменения в наш обычный распорядок дня. Тебе, Пейджет, и Ли Чоу надобно быть здесь во все часы приема. Пока мы не начали, сообщи об этом Ли Чоу.

Пейджет вышел, и Мориарти снова повернулся к окну. Последние три года жизнь текла ровно и спокойно. Он, правда, не во всем придерживался условий сделки: виделся с Мораном, давал ему советы, старался быть в курсе. Кроме того, путешествуя по странам и городам, он завязывал узелки на некоторых незаконченных делах. Европейское направление требовало постоянного контроля, но проведенное там время не было потрачено зря, и усилия уже давали отдачу.

Через Морана Профессору удалось составить представление о некоторых других важных делах, а также принять решение относительно той роли, которую ему вместе с его агентами предстояло сыграть на политической сцене. Еще в самом начале карьеры Мориарти понял, что крупномасштабная, организованная преступность будет существовать вечно. Он давно пришел к выводу, что гладко и эффективно действующая организация, взявшая под контроль все направления криминального бизнеса, рано или поздно достигает, выражаясь научным языком, некоей точки насыщения, по прохождении которой начинает работать практически сама по себе, без повседневного вмешательства в отлаженный механизм и при минимальных усилиях с его стороны. В таких условиях на первое место выступает необходимость постоянного поиска новых областей применения сил, свежих, так сказать, пастбищ.

На протяжении долгих лет он получал доходы, сосредоточив в своих руках поистине неслыханные богатства, являвшиеся, по сути, конечным продуктом грабежей, заказных убийств, шантажа, фальшивомонетничества, проституции и много чего еще. К нему стекалась прибыль от притонов, удовлетворявших потребности любителей крепкой выпивки и курителей опиума, от поставщиков особого рода сексуальных утех, обслуживавших клиентов с нетрадиционными запросами, от желающих скрытно и срочно покинуть территорию Великобритании. Значительная часть этих денег вкладывалась в другие, более доходные предприятия, также входившие в сферу криминального влияния Профессора. Финансировались им и легальные заведения и учреждения; мало кто знал, что Джеймс Мориарти является тайным попечителем полудюжины мюзик-холлов и дюжины лондонских ресторанов, располагающихся как в блистательном Вест-Энде, так и в богатых пригородах.

Проскользнув неслышно в комнату, Ли Чоу низко и с благодарностью поклонился. Иммигрант во втором поколении, двадцати с небольшим лет, он никогда не был в Китае, и, может быть, поэтому его плоское желтушное лицо светилось радостью, вызванной как

внезапным возвращением Профессора в Лондон, так и новым статусом, полученным им наравне с Пейджетом.

Последний вошел вслед за китайцем, ведя с собой пухлую, средних лет женщину, чье круглое, от природы румяное лицо выражало сильное беспокойство.

— Миссис Хетти Джейкобс, — объявил Пейджет, копируя манеру мажордома, состоящего на службе у какого-нибудь важного вельможи.

Выражение лица Мориарти заметно смягчилось. Протянув руки, он шагнул к просительнице, которая из последних сил сдерживала слезы. В глазах ее вспыхнуло восхищение и появилась надежда.

— О, Профессор... вы вернулись... это и взаправду вы.

Взяв его руку, женщина припала к ней с почтительным поцелуем, словно к священной реликвии вроде Истинного Креста.⁷

Мориарти позволил ей выразить таким образом чувства, всем своим видом показывая, что достоин оказанного ему уважения. Высвободив затем руку, он позволил просительнице выпрямиться, а когда она сделала это, отцовским жестом положил руки ей на плечи.

— Рад видеть тебя, Хетти.

— Сэр, мы уж и не чаяли снова увидеть вас среди нас. То-то сегодня радости будет на улицах.

Мориарти не улыбнулся.

— И не только радости, но и пьянства, и распутства. Без этого уж наверняка не обойдется. Но перейдем к делу. Пейджет сказал, что у тебя неприятности. Садись, Хетти, и расскажи, в чем дело.

Миссис Джейкобс уселась в кресло.

— Я ищу справедливости, Профессор. Справедливости для моих мальчиков.

Мориарти понимающе кивнул.

— Твои мальчики, да. Уильям и... как зовут старшего?

— Бертрам, сэр, как и его отца, упокой Господь его бедную душу.

— Да, да. — Мориарти помнил Берта Джейкобса-старшего, умершего в тюрьме шестью или семью годами ранее, весьма искусного фальшивомонетчика. — И что же случилось с ними, Хетти?

— Забрали их, сэр, полгода назад. Со стариком Блендом.

— С Блендом? Скупщиком, что живет возле Уоппингской лестницы?

Хетти Джейкобс кивнула.

— Просто пошли навестить старика. Он, как вы знаете, сэр, был другом их отца, и ребята заходили к нему раз, а то и два в месяц. Ничего такого, сэр. Просто по-дружески. Мальчики они хорошие, я их ни про что не спрашиваю, но ничего плохого с ними не случилось.

Скорее, по воле случая, чем благодаря их сообразительности, подумал Мориарти, знавший братьев как искусных карманников, с малых лет работавших на улицах Вест-Энда. Братья хорошо одевались и, посещая парки, театры и мюзик-холлы, выглядели и вели себя

⁷ Здесь нам надлежит взять паузу и поразмышлять над еще одним несоответствием. В «Последнем деле» Холмс, характеризуя Мориарти, говорит Уотсону: «Его наружность была хорошо знакома мне». Далее следует описание, приведенное в одной из сносок. Как мы уже видели, описание это не вполне совпадает с приведенным выше при пересказе событий вечера 5 апреля 1894 года. Холмс убежден, что описал Уотсону человека, которого он знал как Мориарти. Именно этого человека доктор видел затем на вокзале Виктория и позднее при других обстоятельствах. Тем не менее Моран, четыре члена «преторианской гвардии», миссис Хетти Джейкобс и, как мы увидим далее, другие знакомые и подручные Профессора без труда узнали в этом моложавом и не слишком высоком человеке настоящего Мориарти. Пока нам придется признать, что либо человек, которого Холмс принимал за Мориарти, оным не являлся, либо Мориарти, о котором идет речь в этой рукописи и которого узнали и признали криминальные элементы, не меньший мастер маскировки, чем сам Холмс. На все возникающие в этой связи недоуменные вопросы будут в нужное время даны исчерпывающие ответы. — *Примеч. автора.*

как вполне приличные молодые люди. Мориарти сам занимался их подготовкой и знал, что они могли бы сойти за своих в любой достойной компании. Лет сорок или пятьдесят назад они стали бы основной частью так называемой «Банды щеголей»,⁸ но теперь были независимы, приспособив старые приемы под современные условия.

— Так что же произошло? — мягко спросил он.

— Сидели они у старика Бленда, выпивали, слушали его байки. Бленд любит потолковать про старые времена, а им всегда интересно послушать.

Мориарти уже все понял. Наделенный от природы необычайной памятью, Бленд мог часами рассказывать о разных ворах, душегубах и прочих злодеях да событиях времен собственной юности. Слушая его, братья не только узнавали что-то интересное, но и всегда мотали на ус с прицелом на будущее.

— Там-то их свиньи и накрыли.⁹ Старик, наверно, снебрежничал. Оставил в сундуке кой-какое барахлишко с Мейденхед-Мэнор. С ним-то его и взяли.

— А заодно и ваших ребят прихватили.

— Да уж, прихватили, ублюдки, хотя мальчики и слова им плохого не сказали.

Мориарти вздохнул. В конце концов, обучались братья за его счет, и ему от их доходов перепадала немалая доля. Оба понимали, что сопротивление при аресте чревато неприятностями. В ограблении Мейденхед-Мэнор ни один, ни другой участия, конечно, не принимали. Будучи опытными карманниками, они знали свое место и ни за что бы не пошли на большое ограбление.

— Значит, их забрали как соучастников Бленда?

— И они все теперь в кутузке.

— Бленд за хранение краденого, а мальчики — за сопротивление аресту и как соучастники?

— Никакие они не соучастники, сэр. И никогда бы в жизни себе такого не позволили!

— Знаю, Хетти, знаю, но английское правосудие — штука странная.

— Разве ж это правосудие? Нету никакого правосудия.

— Будет. Сколько им дали?

— По три года каждому. Оба в Стиле.¹⁰ Премерзкое место, сэр.

— Говорят, теперь там лучше. По крайней мере, не так плохо, как прежде. И строгости поменьше, и общаться позволено.

— Не верьте, сэр, тем, кто так говорит. Камеры все те же, и надзиратели злые, как звери.

— Насчет надзирателей я знаю. Кто был судьей? — резко спросил Мориарти.

— Хокинс.

Мориарти улыбнулся. Значит, Хокинс все еще при должности. А уж должен был бы уйти на покой. Сэра Генри Хокинса знали многие. Именно он шестнадцатью годами ранее приговорил к пожизненному заключению Чарли Писа, обнаружив вскоре, что Пис незадолго до того был осужден по другому делу.

— Они все еще в Стиле?

⁸ «Банда щеголей» (Swell Mob) — в 30–60 годы XIX века так называли карманников, жуликов и аферистов, которые, дабы избежать разоблачения, одевались и вели себя как уважаемые джентльмены.

⁹ Сейчас, в 1970-е, считается, что пренебрежительное «свинья» в отношении полицейского появилось в 1960-х, во время студенческих и расовых волнений в Америке, когда полицейские носили противогазы. На самом же деле «свиньями» полицейских и детективов называли еще во второй половине XIX века. — *Примеч. автора.*

¹⁰ Стил — исправительное учреждение в Мидлсексе, известное также как тюрьма Колдбат Филдс, отличалось особо строгим режимом. В XIX в. здесь действовала так называемая «система молчания», в рамках которой заключенным запрещалось общение друг с другом. — *Примеч. автора.*

— Да, сэр.
— Справедливость будет восстановлена, Хетти. Я за этим прослежу.
— Но как?..
— Хетти, разве я когда-либо подводил своих людей? Разве я подводил твоего мужа? Или твоих друзей? Моих друзей? Твою семью?
Пристыженная таким упреком, она потупилась.
— Нет, Профессор. Вы никогда никого не подводили.
— Ну так доверься мне, Хетти. Когда я говорю, что добьюсь справедливости, верь — так оно и будет. Жди и благодари Небеса за мое возвращение.
— Спасибо, Профессор.
Женщина снова припала к его руке, и Мориарти раздраженно взглянул на телохранителя. Пейджет, поняв все без слов, подошел к миссис Джейкобс сзади и, взяв ее за плечи, повел к двери.
Через пару секунд он вернулся.
— Здесь Паркер, Профессор.
Мориарти уже сидел за столом.
— В каком он состоянии? Обеспокоен?
— Очень.
— Пусть подождет. Расскажи мне об ограблении Мейденхед-Мэнор. Мы имеем к этому делу какое-то отношение?
— Напрямую мы не замешаны, сэр.
— А кто замешан напрямую, нам известно?
— Ходят слухи, что это дело провернули Майкл Культяшка и Питер по кличке Дворецкий.
Мориарти поднялся и снова шагнул к окну. Он знал Майкла, прозванного Культяшкой за привычку изображать из себя одноногого лудильщика или матроса, и не питал к нему теплых чувств.
— Питер Дворецкий? Он же Лорд Питер, да?
— Он самый.
— Вот уже не подумал бы, что эти двое прибегнут к услугам Бленда; как-никак они ведь из-за реки.
Пейджет согласно кивнул.
— И много они взяли в Мейденхеде?
— Изрядно серебра, украшения... Говорят, только бумажек да монет на тысячу фунтов.
— И все это нашли у Бленда?
— Может, и не все, но много. Выносили целый час.
— Хм-м. Что-то здесь не так, Пейджет... что-то здесь не так. Похоже, старика Бленда кто-то сдал.
— Сдал пилерам?¹¹
— Им, кому же еще. Насколько я помню, мы уже и раньше предупреждали нашего одноногого друга, чтобы держался подальше.
— Я сам там был.
— Буду признателен, Пейджет, если ты, когда мы закончим здесь, поразузнаешь, что и как. Старик Бленд — мой человек, как и братья Джейкобс. Если у Майкла Культяшки плохая память, то, может быть, ему стоит преподать урок. Возможно, вся эта история с Мейденхед не так проста, как кажется.
Тот факт, что Бленд оказался в тюрьме, обеспокоил Мориарти; старик работал на организацию много лет, и его устранение причиняло серьезные неудобства. Еще больше

¹¹ Пилер — английский полицейский. По имени Роберта Пиля, основавшего в 1829 году муниципальную полицию. Лондонских полисменов еще называли «бобби» (уменьшительное от Роберт).

тревожило то, что Моран почему-то не рассказал об этом деле. Преподать урок Майклу Культяшке труда не составляло, но оставалась проблема Билла и Берта Джейкобсов.

— Также нужно, чтобы вы устроили мне встречу с Робертом Элтоном. Элтон служит надзирателем в Стиле, поэтому действовать нужно с величайшей осторожностью. Понятно?

— Да, Профессор.

— Хорошо. А теперь я примусь Паркера.

Был ли Паркер грязен и неопрятен в силу естественных причин или просто ловко маскировался под бродягу, сказать трудно. Судя по запаху, с мылом и водой он давненько не встречался и выглядел соответственно; длинные, спутанные волосы, клочковатая борода, мешковатое пальто, потертые, все в пятнах штаны, изношенная до дыр рубаха.

— Вы его потеряли, — бросил Мориарти, как только Паркера ввели в комнату.

— Не я, Профессор. Его, а точнее их, потерял Мейчин, но мы уверены, что сейчас они уже на Бейкер-стрит.

— Рассказывай.

Паркер тут же пустился в долгий рассказ о том, как его группа — все изображали из себя нищих попрошайек — вела наблюдение за Холмсом, который под видом старика-инвалида столкнулся с доктором Уотсоном на углу Оксфорд-стрит и Парк-лейн, а затем последовал за доктором в Кенсингтон.

— Я передал наблюдение другим, потому что Холмс вроде бы засек меня на Бейкер-стрит, — продолжал Паркер. — Так или иначе он пробыл у Уотсона около часа, а когда они вышли, Холмс был уже без маскировки. Они сели в кэб, и тут Мейчин их потерял. Но потом я снова побывал на Бейкер-стрит и могу со всей определенностью сказать — Холмс там. Его даже с улицы видно — сидит в кресле у окна.¹²

Некоторое время Мориарти молчал.

— Главное сейчас то, — сказал он наконец, — что мы знаем — Холмс вернулся и снова пользуется апартаментами на Бейкер-стрит. Полагаю, Паркер, тебе хотелось бы умыться, привести себя в достойный вид и переодеться.

Предложение это как будто удивило и даже немного обидело Паркера.

— Но людей своих на Бейкер-стрит оставь, — продолжал Мориарти. — В будущем для нас крайне важно иметь самые надежные сведения относительно местопребывания мистера Холмса.

Проводив Паркера, Пейджет вернулся в комнату, дабы сообщить Профессору, что внизу ждет Метельщик. Настоящего имени Метельщика не знал никто. Ему было далеко за шестьдесят. Вместе с несколькими приятелями человек этот работал почти исключительно на Мориарти и Морана, служа курьером и доставляя распоряжения по всему городу. Оставаться вне подозрений ему помогала роль уличного уборщика. Именно с ним перебросился несколькими словами Моран, вернувшийся в начале вечера в дом на Кондуит-стрит. Теперь Метельщик пришел к Профессору с сообщением, что агенты в Париже, Риме, Берлине и Мадриде уведомлены о назначенной на двенадцатое апреля встрече в Лондоне.

Терпеливо выслушав доставленное Метельщиком сообщение и щедро вознаградив курьера за службу, Мориарти попросил его вернуться на Кондуит-стрит и сказать

¹² Здесь встает еще один интересный вопрос. Холмс, как мы знаем из «Пустого дома», заметил Паркера, наблюдавшего за квартирой на Бейкер-стрит. Однако сыщик посчитал, что его маскировка не раскрыта. Напомним, что к доктору, практиковавшему в Кенсингтоне, Холмс явился в облике старика-библиофила. О том, что сыщик ошибся, мы можем судить по приведенному выше разговору Паркера и Мориарти. Его проследили до Кенсингтона, но, как известно нашим читателям из «Пустого дома», великий детектив, старавшийся не оставлять ничего на волю случая, избавился от возможных шпионов, как только они с Уотсоном отправились из Кенсингтона на Бейкер-стрит. В этом, как и во многом другом, Холмс преуспел. — *Примеч. автора.*

полковнику Морану, что наблюдение за домом 221-б по Бейкер-стрит продолжается и что, согласно имеющимся сведениям, Холмс и Уотсон вернулись в свою старую квартиру. Он также подтвердил свои прежние инструкции, подчеркнув, что самому полковнику следует держаться от Бейкер-стрит как можно дальше.

К несчастью для Морана, Метельщик прибыл на Конduit-стрит слишком поздно. Полковник уже вышел из дому, чтобы, как выяснилось вскоре, уже никогда туда не вернуться.

Перед тем как выйти, Моран задержался перед зеркалом. Будучи щеголем, он слегка расстроился из-за не совсем идеально повязанного галстука. Оделся полковник для ужина, и на комодке уже лежал приготовленный для такого случая складной цилиндр. Ужинать Моран намеревался в одиночестве, выбрав для этой цели Англо-индийский клуб, единственное, пожалуй, заведение в Лондоне, где можно отведать настоящий карри. После ужина его ожидало еще одно важное дело, поскольку полковник уже решил игнорировать отданные Профессором распоряжения. Приведя наконец костюм в соответствие с им же самим установленными требованиями, Моран подошел к стоявшему в комнате большому сундуку, сохранившемуся со времен службы в индийской армии, достал ключ и открыл замок. Под крышкой обнаружилась аккуратно сложенная и обильно посыпанная камфорными шариками одежда. На самом верху лежала парадная офицерская форма с выглядывающими из-под чехла лацканами мундира.

Морана, однако, интересовала не одежда, а то, что лежало под ней: тяжелая трость, металлический приклад (его размер намного меньше, чем приклад магазинной винтовки «ли-метфорд», бывшей в то время на вооружении британской армии), небольшой ручной насос и картонная коробочка, в которой, судя по этикетке, находились какие-то боеприпасы. Сняв с вешалки пальто, полковник разложил по карманам последние три предмета, закрыл сундук, заперев его на ключ, надел пальто, взял трость, нахлобучил шляпу и вышел из комнаты.

Через пять минут он уже сидел в кэбе, направлявшемся в Англо-индийский клуб.

Мориарти устал. Он только что повидался с Солли Абрахамсом, жилистым старым барыгой, который пришел поприветствовать Профессора с возвращением, а заодно и заработать: с собой у него оказалась горсть необработанных драгоценных камней. К Абрахамсу они попали после жестокого убийства, случившегося несколько дней назад возле доков. Жертвой оказался Фредерик Уорнер, тридцатидвухлетний помощник капитана грузового парохода «Ройял Джордж», которого забили до смерти на Дорсет-стрит, многие годы известной как самая страшная улица в Лондоне, находившаяся на территории, где творил свои злодеяния Джек Потрошитель.

Событие это широко освещалось в прессе, поскольку ранее Уорнер посетил несколько пабов, где открыто предлагал камни на продажу — акт величайшей глупости. Впрочем, как именно камни попали к Абрахамсу, Мориарти не беспокоило. После продолжительного торга, отнявшего немало сил, драгоценности перешли к Профессору за весьма приемлемую цену.

До встречи с Абрахамсом Мориарти успел обсудить еще один довольно сложный вопрос с тремя своими людьми — Фишером, Кларком и Гэем. Троица замыслила ограбление в Хэрроу. Проблема заключалась в том, что их было трое, а дело требовало участия четверых и четкой подготовки, гарантировать которую мог только Профессор. Проще говоря, им не доставало финансового обеспечения, а также опытного мастера, специалиста по замкам, да еще линейки, либо подобного ей транспортного средства.

Троица предложила соблазнительную картину богатств — столовое серебро, украшения, деньги и прочие ценности, — изъять которые предполагалось из загородного дома богатого баронета, который 20–23 апреля собирался нанести визит родственникам в Вест-Райдинге. В доме на это время оставалась только пара престарелых слуг.

Выслушав Фишера, Кларка и Гэя, Мориарти пообещал дать ответ через два дня, а когда

троица удалась, послал за Эмбером, которому поручил проверить полученные сведения, уточнить передвижения баронета и его супруги и по возможности выяснить, какие вещи и ценности можно вынести из дома.

Затем Профессор рассмотрел еще шесть дел.

Ларсон, фальшивомонетчик исключительных способностей, явился с женой и Востоком, своим партнером, — засвидетельствовать уважение, приложиться к руке и подтвердить свою верность главе криминальной семьи.

Отец и мать, мистер и миссис Доуби, тоже пришли за «правдой». Их дочери, — неплохо зарабатывавшей на жизнь в заведении, существовавшем на стыке криминальной и аморальной сфер лондонского Ист-Энда, — месяцем ранее плеснули в лицо купоросом. Отец девушки, Джон Доуби, не сомневался, что это дело рук некоего Таппита, искавшего расположения несчастной Энн-Мэри, которая до постигшей ее беды работала барменшей в пивной «Звезда и Подвязка», возле Коммершл-роуд, прежний владелец которой обанкротился в 1888-м, вина в своих несчастьях Джека Потрошителя. «Люди никуда больше не ходят, — заявил незадачливый предприниматель. — После всех этих убийств у меня по вечерам ни одной живой души не найдешь».

Мориарти пообещал разъяренным родителем обезображенной Энн-Мэри разобраться в случившемся и, если вина Таппита будет установлена, проследить за тем, чтобы тот получил по заслугам и тоже отведал вкус купороса.

После супругов Доуби Мориарти принял жену осужденного убийцы — его должны были повесить через неделю — и рассмотрел два дела, касавшихся платежей или, точнее, неплатежей. В первом случае речь шла о матросе, помогавшем переправиться в Голландию человеку, которого разыскивала полиция. Во втором — о трактирщике в Бишопсгейте, приютившем у себя французского анархиста, приехавшего наладить связь с идейными собратьями. Оба вопроса были решены положительно, и оба просителя удалились, заверяя Профессора в своей полной готовности служить ему и далее.

Вечер выдался трудный и еще не закончился, поскольку напоследок Мориарти досталась самая сложная проблема. Проблема Розы Макнил и Сэл Ходжес.

Сэл была аббатисой,¹³ одним из самых ценных приобретений Профессора. Она руководила тремя различными, хотя и взаимосвязанными, направлениями. В ее ведении находилась группа высококлассных проституток, работавших по двум надежным адресам в Вест-Энде: первый, неподалеку от Сент-Джеймского парка, являлся ночлежкой, известной как «Дом Сэлли Ходжес»; второй был частным домом. Еще одна группа девушек, проходивших по умеренной ценовой категории, базировалась в Сити. Девочки Сэлли, даже из второй категории, считались едва ли не королевами в сравнении с теми человеческими отбросами, что трудились в районе доков. Она же контролировала небольшой отряд хорошо обученных девушек, приносящих куда больше денег, чем самые дорогие ее шлюхи. Выдавая себя за проституток, они занимались тем, что обчищали карманы потенциальных клиентов. Методы их в целом совпадали с теми, что использовала знаменитая Мамаша Мандельбаум с Клинтон-стрит в Нью-Йорке, которая еще в 1870-е и 80-е доказала, что хорошо организованные женщины представляют собой опасную силу, с которой должно считаться. Работая по ночам в Вест-Энде, девушки Сэл заманивали мужчин хорошо известными, но действенными приемами: притворялись, что заблудились, или делали откровенные сексуальные предложения. Попавшийся на удочку мужчина мог попроситься с бумажником, часами, цепочкой или любыми иными ценностями, которые имел при себе. Они не только обчищали карманы пьяниц, но и не стеснялись, если того требовали обстоятельства, применять физическую силу. Тех, кто оказывал сопротивление, душили — до потери сознания или до смерти — шнурком или шелковым шарфом и обирали, после чего

¹³ Содержательница борделя (*арго*).

красотки растворялись в ночи, будто сирены.

Как гласил популярный стишок:

«Кошелек или жизнь?!» — постой, не шуми!
Сзади ударь да петлю затяни.
Если нас трое, когда он один,
Легкой будет работа!
Вива-виват! Вива-виват!
Слава тебе, гаррота!

Великая эпидемия удушений гарротой, разразившаяся в начале 1860-х, давно сошла на нет. Но девушки Сэл придумывали все новые методы, которые в сочетании со старыми порой напоминали о кошмарах Душителя Билла.¹⁴ Дело доходило до того, что в некоторых районах, где они работали, богачи боялись выходить из дому с наступлением темноты.

Сэл было тридцать с небольшим и жизнь ее отнюдь не баловала. В детстве она познала немало лишений, но честолюбие и неукротимое желание пробиться наверх провели Сэлли Ходжес по далеко не самой гладкой дороге от шлюхи до содержанки. Из этой, последней, роли Сэл выжимала все возможное. Последний ее содержатель был титулованным и невероятно богатым аристократом.

Нелегкое положение содержанки она терпела целых два года и за это время сумела обзавестись материалами — письмами и документами, — с помощью которых могла при необходимости скомпрометировать своего любовника. Когда такой момент настал, Сэл выложила перед несчастным имеющиеся факты и потребовала передать в ее собственность дом, в котором жила, и немалую денежную сумму в обмен на молчание и опасные бумаги. С этого времени дела Сэл пошли в гору, а обретенный дом стал первым из целой сети шикарных борделей. Затем она попала в сферу влияния Джеймса Мориарти, что обеспечило дальнейший рост и процветание ее бизнеса.

Женщина яркой внешности, всегда одетая по последней моде, с роскошными волосами цвета золота, пропорциональной фигурой и богатым на модуляции голосом, она имела лишь один недостаток: в моменты сильного душевного волнения срывалась и переходила на язык своей уже далекой юности. Такой вот срыв случился и в комнате Мориарти, когда Сэл столкнулась лицом к лицу с матерью Мэри Макнил.

— Расселась тут, словно сама никогда не была индюшкой на вертеле, да еще имеешь наглость обзывать меня шлюхой, сучка сухозадая!

— А ты и есть шлюха, Сэл Ходжес. Шлюхой была, шлюхой и останешься. И я не допущу, чтобы моя дочь расхаживала по улице с тобой и твоими потаскухами!

— Думаешь, твоя девка слишком хороша, чтобы зарабатывать по-свойски? Думаешь, она какая-то особенная, да? Так вот, леди Макнил, я тебе глазки-то открою. Твоя Мэри не первый месяц с кавалерами милуется, а мои девочки ее только недавно подобрали...

— Ах ты, лживая стерва!

— Спроси ее сама, лепешка ты коровья.

— Моя Мэри хорошая девочка...

— Такая ж, как мамочка, да? Не думай, что я ничего не помню, Розы Макнил. Уж тебя-то не забыла. Как там тебя матросы называли, а? Похотливая Розы? Да я...

Договорить Сэл не успела, поскольку Розы Макнил сорвалась с места и, пролетев через полкомнаты, подскочила к обидчице с явным намерением попортить смазливое личико. К счастью для обеих, Пейджет и Ли Чоу не дремали и, подоспев к месту схватки, растащили разъяренных, плюющих и визжащих фурий. Мэри Макнил, симпатичная, темноволосая

¹⁴ Душитель Билл (Chokee Bill) — лондонский преступник, убивавший проституток с помощью белых шелковых платков.

девушка лет семнадцати, осталась на месте, но лицо ее стало белым, как мел.

— Я требую тишины!

Впервые за весь этот нелегкий день Мориарти повысил голос.

— Здесь вам не пивная и не бордель! Попрошу обеих не забывать, где вы находитесь.

Яблоком раздора была, конечно, Мэри Макнил. До недавнего времени девушка занималась пристойным делом, помогая, по словам матери, владельцу «Семи звезд» на Леман-стрит. Однажды вечером миссис Макнил получила записку, в которой говорилось, что домой Мэри не вернется, а останется с подругами. Розе не понадобилось много времени, чтобы узнать, что «подруги» эти — не кто иные, как девушки Сэл, и что ее дочь обосновалась в одном из известных заведений Вест-Энда. По правде говоря, больше всего мамашу беспокоил тот факт, что Мэри больше не приносит домой заработанные шиллинги.

— Ладно.

Мориарти вышел из-за стола. Розе Макнил вернулась в кресло под опекой Ли Чоу. Пейджет застыл рядом с тяжело дышавшей Сэл Ходжес. (Взгляд Мориарти задержался на ее волнующейся груди.) Малышка Мэри, бледная и встревоженная, подалась вперед. Мориарти оглядел всех троих.

— Вы только отнимаете у меня время.

Голос его прозвучал мягко, но в нем отчетливо слышалась жесткая нотка.

— Послушай, Розе. Я давно знаю Сэл. Очень давно. И за все это время она только однажды позволила своим девочкам взять кого-то со стороны. Было это в восемьдесят восьмом, не самом лучшем году для шлюх, хотя Потрошитель выбирал жертв только на самом дне, так что девочкам Сэл беспокоиться было не о чем. Мэгги Раттер, так ведь ее звали, Сэл?

— Она и сейчас со мной, Профессор.

— Высокая, рыжеволосая, со смуглой кожей.

Все смотрели на Профессора.

— Мэгги работала сама на себя — на территории Сэл. До того Сэл, если находила доллимоп,¹⁵ на своем участке, просто от нее избавлялась. Сегодня она есть, а завтра — пухф! — и ее уже нет. Исчезла, как Король-демон в пантомиме. Да, потом она снова появлялась, но уже не там, где работали девочки Сэл. Я в такие дела не вникаю. Я никогда не спрашивал Сэл, как она это делает, но думаю, девке вряд ли нравилось, как с ней обходились.

Он помолчал. Глаза его снова блеснули.

— Потом появилась Мэгги Раттер, и я спросил у Сэл, почему она поступила с ней не так, как с другими. «Профессор, — сказала мне Сэл, — Мэгги была хорошенькая, и я подумала, что ей стоит дать шанс, и предложила место в своей семье». Вы впустую отняли у меня время, потому что, на мой взгляд, нечто подобное случилось и теперь. Я прав, Сэл?

— Правы, Профессор. Так все и было.

— Итак, Розе, твоя драгоценная Мэри, с виду такая тихоня, в свободное от работы в «Семи звездах» время выходила на улицу. Ты не хуже меня знаешь, что Леман-стрит — территория Сэл. Поступай, как знаешь, но я думаю, что тебе стоило бы договориться с Сэл. Будешь получать что-то от заработков Мэри. — Он повернулся к девушке. — Ты, Мэри, придешь завтра сюда в одиннадцать вечера...

— И не вздумай требовать плату, Мэри, понятно? — прошипела Сэл. — С Профессора денег не берут.

Мориарти позволил себе слабую улыбку.

— А теперь убирайтесь. Все.

Когда женщины ушли, Пейджет спросил, надо ли еще что-то сделать.

— Думаю, с тебя пока хватит. — Мориарти холодно взглянул на него. — Займись

¹⁵ Непрофессиональная проститутка.

Майклом Культяшкой и Лордом Питером да не забудь про надзирателя, Элтона.

— Все сделаю, сэр.

Подумать было о чем. Откинувшись на спинку кресла, Мориарти перебрал в уме те вопросы, решить которые предстояло как здесь, в Англии, так и за границей. «А вообще-то, — вздохнул он, — я бы выпил стакан портвейна и съел булочку». Минут через двадцать в комнату ворвался Эмбер с новостями о полковнике Моране.

Сев в экипаж на Кондуит-стрит, Себастьян Моран отправился, как мы уже отмечали, в Англо-индийский клуб сначала по Риджент-стрит, а потом по Хеймаркет. К вечеру посвежело, по улицам гулял холодный ветер, но вокруг кипела жизнь, мимо катились кэбы, экипажи и omnibusy, тротуары полнились гуляющими горожанами, некоторые из которых спешили за вполне невинными радостями в Ройялти, где давали «Тетку Чарлея», или в театр принца Уэльского на «Веселую девицу».

Впрочем, как отметил с усмешкой Моран, не забывали здесь и о любителях более чувственных наслаждений. Контроль за проститутками в Вест-Энде был не столь строгий, как в Сити и Ист-Энде, и те девушки Сэлли Ходжес, которым разрешалось охотиться на клиентов в районе Хеймаркета и прилегающих к нему улиц и переулков, легко смешивались со своими грубоватыми сестрами по семейству продажной любви. За подопечными строго присматривали сутенеры и разные бузины.¹⁶

В какой-то момент Моран позволил себе помечтать о том, что когда работа будет сделана, он навестит какое-нибудь приличное заведение, может быть даже, тот бордель Сэлли, что находится неподалеку от Сент-Джеймского парка. Недавно туда поступили две привезенные из Парижа француженки, большие искусницы по части разных штук. Мысль эта приятно взволновала старого солдата и охотника, вышедшего в этот вечер за большой добычей, запах которой уже дразнил ноздри и отдавался пощипыванием в чреслах.

В соответствии со строгими требованиями клуба, Моран повязал белый шейный платок. Вечер обещал особенные удовольствия, и разыгравшийся аппетит желал острых блюд индийской кухни.

В Англо-индийском клубе полковник задержался на добрых два часа, успев побаловать себя ароматной тушеной курицей с горячими бобами, луком и имбирем; картофельным карри, столь любимым многими послужившими в Индии англичанами; блюдом из цветной капусты, известным под названием корма шалгам; жареными огурцами и карри из горошка с индийским сыром. Кроме того, Моран отведал индийской фасоли, лайма, маринованных помидоров с луком, манго с чатни, луковой окрошки — райта, хрустящих чечевичных лепешек — поппадом и пшеничных блинчиков — роти.

Вкусный и обильный ужин добавил полковнику уверенности, напомнив о славных деньках, проведенных в индийской армии, и удовольствиях — в немалой степени пронизанных жестокими и даже садистскими обертонами, — которые ему довелось испытать в той далекой и волшебной для него стране.

Выйдя из клуба, Моран ощутил знакомое напряжение, мышцы шеи начали стягиваться, как бывало всегда перед боем или охотой, когда приближался момент активного действия. Взяв кэб, он распорядился отвезти его к перекрестку Джордж-стрит и Бейкер-стрит.

Прибыв к месту, полковник расплатился с кэбменом и огляделся. Сердце уже стучало. Моран знал, что если удача будет с ним, то он уже во второй раз за две недели совершит идеальное преступление. Детективы из Скотланд-Ярда все еще бились над представлявшейся им неразрешимой загадкой смерти юного Рональда Адэра. Но только Холмс, так некстати

¹⁶ Сцена, увиденная полковником из экипажа, не столь уж сильно отличается от тех, что до сих пор можно наблюдать в некоторых районах Лондона, где, несмотря на «Акт об уличных правонарушениях» 1959 года, женщины легкого поведения ухитряются открыто предлагать «свой товар», хотя, конечно, во времена Морана, диапазон был гораздо шире. В марте 1973-го автор имел возможность пройтись воскресным вечером через Шефердс-Маркет: жрицы любви присутствовали там в изрядном количестве, как и сутенеры, тогда как мелкая шпана отиралась лишь у домов на Маркет-Мьюз, Керзоне и Даун-стрит. — *Примеч. автора.*

вернувшийся в Лондон, мог не только понять, как именно был убит Адэр, но и изобличить его убийцу.

Неспешно, слегка наклонив голову навстречу ветру, Моран шел по Бейкер-стрит к тому месту, где ее под прямым углом пересекает Бландфорд-стрит. Подойдя ближе к намеченному пункту, он крепко сжал рукоять тяжелой трости. У угла Бландфорд-стрит на глаза ему попался один из дозорных Паркера. Сердце дрогнуло — цель была рядом.

Взглянув на окна дома 221-б, он сразу увидел на освещенной шторе четкий силуэт мужской головы и плеч. Как раз в этот момент голова качнулась, выражая несогласие. Этот орлиный профиль Моран знал слишком хорошо. Человек, сидевший за шторой, был, несомненно, самим Шерлоком Холмсом.

Моран замедлил шаг и огляделся. Еще двое подручных Паркера прятались у подъезда соседнего дома. Моран мрачно усмехнулся и, дойдя до угла, свернул вправо, на Бландфорд-стрит, потом еще раз вправо — в узкий проулок и, отворив деревянную калитку, проскользнул в задний двор стоящего перед ним темного, безмолвствующего дома.

Достав из кармана ключ, Моран вставил его в замочную скважину, повернул и осторожно толкнул дверь. Переступив порог, он так же осторожно притворил ее за собой и, по привычке опытного охотника, замер в темном коридоре, дожидаясь, пока глаза привыкнут к сумраку. Через пару минут, уже освоившись и стараясь не шуметь, полковник направился к лестнице.

Комнату на втором этаже Моран выбрал заранее — ее окна выходили на Бейкер-стрит. Войдя почти бесшумно, он подошел к окну и отыскал взглядом светлый прямоугольник с темным силуэтом головы Холмса. Полковник опустил на колено — лучшей позиции было не найти. Одно за другим он вынул из карманов то, что принес с собой.

Привинчивая к прикладу металлическую трость, бывшую на самом деле стволом, изготовленного в Германии по специальному заказу Мориарти мощного духового ружья, полковник мысленно вернулся к событиям недалекого прошлого и снова увидел молодого Адэра, устроившего сцену в кабинете карточного клуба «Багатель».

— Полковник, — заявил юный щеголь, — я бы предпочел не верить, но теперь располагаю доказательствами. — С этими словами он показал выпавший из трубки Морана кусочек пробки с «шайнером». — Я, может быть, молод и во многом несведущ, но что это такое — знаю. В Австралии мы с этим знакомы, и узнать «шайнер» для меня труда не составляет. Вы — шулер, сэра, а я, поскольку играл с вами и с вами выигрывал, имею теперь к этому жульничеству прямое отношение.

Моран молчал, понимая, что юнцу нужно дать высказаться.

— Мне остается полагать, — продолжал Адэр, — что только обстоятельства крайней нужды и денежные затруднения подвигли вас на сей прискорбный, бесчестный, недостойный джентльмена поступок. Я не стану торопить события — на этот счет вы можете не беспокоиться. Но и молчать вечно я тоже не стану. У вас есть, как мне представляется, только один выход. Вы должны оградить себя от соблазна, а для этого выйти из всех клубов, в которых состоите. Думаю, недели на это вполне хватит. Если вы не исполните мое требование в указанный срок, я буду вынужден обратиться по крайней мере к секретарю данного клуба и предъявить ему улику, невзирая на возможные скандальные последствия такого шага.

Моран знал — мальчишка достаточно глуп, чтобы воплотить свою угрозу в жизнь. Двумя днями позже полковник отправился к дому 427 по Парк-лейн, где временно остановился Адэр, прихватив с собой, как и сейчас, духовое ружье и коробку пуль с мягкими головками. Замыслив убийство, он, как и сейчас, не составил четкого плана действий. Прибыв на Парк-лейн, полковник увидел открытое окно и сидящего за столом юного Адэра. План сложился сам собой. Моран отступил в тень, быстро собрал ружье, закачал воздух, зарядил и, тщательно прицелившись, произвел бесшумный и, как оказалось, смертельный выстрел.

Теперь ситуация была иная: полковник действовал расчетливо, хладнокровно, ведомый

непоколебимой ненавистью. Оружие было готово, ручной насос обеспечил необходимое давление в 500 фунтов на квадратный дюйм, пуля лежала в стволе. Понимая, что ему предстоит сделать, возможно, самый важный в своей жизни выстрел, Моран не сводил глаз с освещенного окна напротив.

Черный силуэт уже попал в прицел. Металлический приклад уперся в плечо. Холодный ствол коснулся щеки. Палец лег на спусковой крючок. Легкое усилие...

Отдачи не было — только чуть слышный хлопок. В окне напротив звякнуло стекло.

А в следующее мгновение в темной комнате как будто разверзся ад.¹⁷

Известие об аресте полковника застало Мориарти врасплох. Первой реакцией на случившееся стал взрыв ярости, на смену которой быстро пришла холодная, сдержанная злость, почувствовать ее успел каждый, кто оказался с ним рядом. Часы показывали три ночи, но в комнате еще горели свечи. Спир разбудил миссис Райт, поскольку именно она и ее муж Бартоломью заведовали баром внизу и лично обслуживали Профессора. Кейт Райт, хорошо знавшая вкусы и предпочтения хозяина, тут же взялась за дело и приготовила подогретый кларет, добавив в него корицу, имбирь и кожицу лимона. Мориарти пил медленно, маленькими глотками, глядя в огонь. Спир и Ли Чоу молча стояли поодаль. Эмбера отправили на поиски Пейджета, который, получив указания насчет Элтона и зловещего Майкла Культяшки, пока еще не вернулся.

— Где Пейджет? — внезапно спросил Мориарти.

— Культяшку найти нелегко, можно всю ночь прождать. С таким человеком надо ухо держать востро.

— Я не намерен миндальничать ни с каким-то гонофом,¹⁸ ни с кем-либо еще. Надеюсь, Пейджет не протирает штаны в пивной и не забавляется с какой-нибудь потаскушкой?

— Да сто вы такое говорите, Плофессол. Пейзет не баловник какой-то и по пивнускам не болтается.

За целый вечер Ли Чоу впервые подал голос, и его языковой дефект вызвал у Мориарти улыбку.

— И то правда, хозяин, — ухмыльнулся Спир, радуясь тому, что китайцу удалось повеселить их хозяина. — Этих двоих, Культяшку и Питера, сыскать нелегко, так что придется Пейджету побегать. А что касается постельной джиги, так он теперь только свой матрас протирает.

— Вот как? — Мориарти вскинул бровь. — Впервые слышу. Так Пейджет, значит, теперь семейный во всех отношениях человек? — Он пристально взглянул на Спира, лишь теперь заметив, что уродливый, пересекающий щеку шрам придает его лицу выражение постоянного удивления.

— Ну, в церковь они не ходили, если вы про это. Но живет девушка здесь, у него.

— Она и сейчас здесь? — поинтересовался Профессор и холодно взглянул на Спира. — Меня беспокоит Моран. Оказывается, он представил мне далеко не полную картину. И что? Теперь полковник под арестом, и остается только гадать, что он там напоеет о нас, чтобы не задержаться надолго в соляной кубышке.¹⁹

¹⁷ Те, кто знаком с рассказом доктора Уотсона «Пустой дом», знают, что именно случилось. Холмс перехитрил банду Мориарти, установив за шторой гипсовый бюст, в который и выстрелил полковник. Между тем сами Холмс и Уотсон уже находились в пустом доме Кэмдена, расположенном напротив номера 221-б по Бейкер-стрит. Неподалеку притаился инспектор Лестрейд со своими людьми. Уотсон оглушил Морана, ударив револьвером по голове, после чего полковник был взят под стражу по обвинению в убийстве Рональда Адэра. — *Примеч. автора.*

¹⁸ Мелкий мошенник.

¹⁹ За решеткой, в тюремной камере.

— Полковника, судя по всему, взяли с поличным, и соскочить с крючка ему теперь никакие откровения не помогут.

— Но он все равно может многое насвистеть. Ему ведь известно немало. Думаю...

Закончить мысль Профессор не успел — с лестницы донесся звук быстрых шагов, а секундой позже в комнату ворвался Пейджет. За ним с небольшим опозданием следовал Эмбер.

— Я только сейчас узнал, — выдохнул Пейджет. — Так это правда?

— Как и то, что солнце встает на востоке. А ты не спешил.

— Я сначала навестил Элтона в его пивнушке, в Клеркенвелле. Он согласен, но вам это обойдется недешево.

— Нам обойдется недешево, — поправил Мориарти, поднимаясь и потягиваясь у огня. — Дело это семейное, и я намерен вытащить братьев Джейкобс из Стила как можно скорее.

— Сделать можно. Элтон готов встретиться с вами в любое время — вы только назовите место.

— Что с Культяшкой и Питером?

— В Уайтчепеле.

— Оба?

— Оба. Прибрали к рукам пивную возле Коммершл-роуд. У них теперь четыре или пять ночлежек. Пару дюжин шлюх обложили. Встретил Слепого Фреда в «Ягненке и Ворсянке». Фред сказал, что за последние три месяца несколько раз жаловался полковнику, и тот обещал что-нибудь сделать, но так ничем и не помог. Нескольких наших сильно побили, и я точно знаю, что Культяшка брал деньги с пары притонов и еще дюжины ночлежек, к которым он никаким боком. Этот человек, Профессор, сущий трассено,²⁰ а не дон,²¹ как вы.

Мориарти пропустил неуклюжий комплимент.

— Какие у него силы?

— Трудно сказать, но за ним, похоже, многие: громилы, карманники, взломщики. Большие дела делает.

Застывшее лицо Мориарти походило на маску печали. Все четверо «преторианцев» хорошо знали это выражение и чувствовали разлившееся в воздухе напряжение. Когда Профессор становился таким, каждый знал, что нужно быть настороже, следить за собой и держать язык за зубами. Если на Мориарти находило, он мог быть опасным, как ядовитая змея, а странное покачивание головы делалось более заметным.

— Это наша территория, и она была такой многие годы, — только и сказал Профессор.²²

Остальные согласно кивнули.

— Так что с полковником, хозяин? — Лицо Пейджета выдало беспокойство.

— Да. — Голос Мориарти прозвучал еще мягче, чем обычно. — Действительно, что же с полковником, Пейджет? Чем, черт возьми, занимался полковник в мое отсутствие? Похоже на то, что полковник Моран уклонялся от обязанностей в ущерб общим интересам.

Спир переступил с ноги на ногу. Пришло время выразить верноподданнические чувства и будь что будет.

²⁰ Злодей, проныра.

²¹ Опытный, уважаемый главарь, вожак.

²² Хотя к этому времени лондонский Ист-Энд претерпел значительные изменения — например, вся жуткая северная сторона Флауэр-стрит и Дин-стрит была снесена к 1892 году — много старых ночлежек еще сохранилось, как, впрочем, и само вечно меняющееся криминальное братство. — Примеч. автора.

— Вашим интересам, Профессор.

Другие промямлили что-то в знак согласия.

— Общим! — прошипел Мориарти. — Если мы начнем терять свое, проигрывать и уступать, то пострадает в итоге вся семья.

— Полковник много времени проводил с девками. Большой был любитель этого дела.

— Я знаю, что он играл, а выигрыш спускал на женщин. В этом нет ничего плохого. У каждого свои слабости и свои увлечения. Плохо, когда удовольствия путают с делом. Я не получил ни одного отчета, в котором говорилось бы о Культяшке, Питере или Уайтчепеле. Если уж на то пошло, — Мориарти бросил взгляд на Пейджета, — мне вообще о многом не сообщали. Например, о том, что у тебя здесь жена. Уж об этом-то меня следовало бы известить.

Пейджет почти покраснел.

— Я думал, сэр, что вам об этом полковник скажет, — пробурчал он невнятно.

— Получается, что не сказал. Кто она, Пейджет? Надежная моллишер,²³ девчонка из борделя или кто?

— Она из деревни, сэр. Зовут Фанни Джонс. Я с ней год назад познакомился, когда она служила у одних богачей, сэра и леди Брэй. У них особняк на Парк-лейн, недалеко от того дома, где Адэра застрелили. Хозяева выгнали ее за какой-то пустяк. Не повезло. Дом Брэев она знала как свои пять пальцев, вот я и подумал, может, пригодится. Я еще думал, что из нее тоффер²⁴ получится, даже поговорил с Сэл Ходжес, но... ну, хозяин, вы же сами знаете, как это бывает...

— Я знаю, как это бывает, мой дорогой Пейджет. А с этой твоей Фанни я еще познакомлюсь со временем. Так за что ее уволили Брэй?

— Уволила ее леди Брэй, герцогиня. Фанни отлучилась на часок, ушла из дому вечером навестить подругу. Дворецкий как-то прознал, что ее нет, и сообщил леди Брэй. А та сразу и выгнала. Выставила на улицу со всеми пожитками. Фанни хорошая девушка, хозяин.

Мориарти метнул взгляд в сторону Спира, который, верно его истолковав, осторожно посмотрел на Пейджета — не заметил ли тот. Профессор хотел, чтобы кто-нибудь порасспрашивал насчет Фанни, выяснил кто она откуда и что о ней говорят. Моран такими делами не занимался, и Спира основательность и дотошность Мориарти в какой-то степени порадовали.

Минуту-две все молчали. Мориарти, похоже, о чем-то задумался, остальные смотрели на него. Первым заговорил Пейджет.

— Профессор, если насчет полковника все правда, что ж нам теперь делать?

— И зачем только ему понадобился Холмс? Глупец, — задумчиво произнес Мориарти, переводя взгляд с Пейджета на Спира. — Неужели не понимает, как сильно мог навредить нам? И это после всего, что было, после всех наших с Холмсом договоренностей. Видит Бог, теперь Холмс может подумать, что это я нарушил перемирие. — Он помолчал, поглядывая из-под полуприкрытых век. — Что ж, судя по всему, полковника взял инспектор Лестрейд. Ясно, что...

— Мы его спасем?..

— Ты спрашиваешь, как будто сам не понимаешь, чем занимался Моран! Бог мой, Пейджет, да Моран показал себя человеком, который даже солдата со своей матери не стащит, а ты говоришь о спасении! Нет, у нас сейчас другие проблемы. Если бы Моран не знал столь многого, я бы махнул рукой, послал бы его ко всем чертям и не стал бы даже заморачиваться. Но ему слишком многое известно. И если он решит, что это ему поможет, то

²³ Подружка, любовница преступника.

²⁴ Проститутка высокого класса.

сдаст Лейстрейду или другим всех и все.

На лице Мориарти медленно проступила улыбка. Вроде бы радостная, дружеская, но лицо изменилось как-то странно, словно за улыбкой показался другой лик. Лик злобной горгульи.

— Думаю, в каком-то смысле это можно назвать спасением, — продолжал он. — Спасением для всех нас. Но в первую очередь для полковника Морана.

Спир посмотрел на хозяина, серьезно и без улыбки.

— Вы имеете в виду, что нам надо помочь полковнику, пока до него не добрались другие.

— Вот именно, Спир. И намного раньше. Чем быстрее мы это сделаем, тем лучше. Вполне возможно, что прямо сейчас полковник выкладывает полицейским все, что знает обо мне, об этом месте, о нашей семье, нашем влиянии, планах, делах, заведениях. Ему нужно закрыть рот. А уж потом придется заняться нашим делом в Уайтчепеле.

— Разобраться с Культяшкой, — уточнил Эмбер.

— Нужно будет послать экзекуторов.²⁵

Пейджет кивнул — он прекрасно понял, к какого рода действиям им придется прибегнуть.

— Экзекуторы — это только часть нашей операции. Надо пользоваться и другими методами. — Мориарти взглянул на Спира. — Я хочу, чтобы ты навел справки насчет Морана. Где он сейчас, кто с ним, какие полицейские его допрашивают, когда его доставят в суд, какой у него распорядок дня. Все это нужно узнать быстро. Как говорится, куй железо, пока горячо. Ты, Пейджет, — он ткнул пальцем в своего «гвардейца», — возьми дюжину надежных парней покрепче. Пусть будут наготове. Выясни также, может ли Элтон встретиться со мной завтра рано утром. В каком-нибудь таком месте, где нас точно никто искать не станет. Я знаю Элтона, он может, когда захочет, показать себя почти джентльменом, так что пусть будет «Кафе Ройяль». В семь утра. Внуши ему хорошенько, что он должен выглядеть безупречно. Мне придется замаскироваться. Постараюсь выглядеть, как прежний Мориарти. А он пусть постарается не выглядеть надзирателем.

Пейджет кивнул.

— Напустим экзекуторов на людей Культяшки?

— На некоторых. Эмбер, отправишься в Уайтчепел, возьмешь с собой бродяг Паркера, пройдетесь по пивным, ночлежкам, притонам. Нам надо знать основных людей Культяшки, самых лучших, где-нибудь с полдюжины.

Эмбер ухмыльнулся, показав неровные пожелтевшие зубы.

— Сделаю.

Мориарти несколько раз перевел взгляд с одного из своих подручных на другого. Глаза его блестели.

— Преподадим урок тем, на кого Культяшка рассчитывает, тогда, думаю, он и сам станет покладистым и прислушается к голосу рассудка.

— А что этот голос ему скажет? — поинтересовался Спир.

— Я намерен убрать Культяшку с наших улиц и из наших заведений, убрать от наших людей. Когда мы накажем его парней, я сделаю предложение, от которого ему будет трудно отказаться.

Все пятеро рассмеялись.

Глава 2

ТАННИ. МОРИАРТИ ВСПОМИНАЕТ ОСЕНЬ 1888 ГОДА

Пятница, 6 апреля 1894 года

²⁵ Бандиты, нанятые для расправы.

До кровати Мориарти добрался лишь незадолго до утра, но уснуть сразу не получилось. К усталости, вполне естественной после долгого трудового вечера, добавились злость и раздражение: за время вынужденного пребывания на континенте его деловыми интересами в Лондоне никто толком не занимался, в результате чего бизнес оказался в значительной степени подорванным. Мало того, с арестом Морана вся ситуация катастрофически ухудшилась. Особенно же злило то, что район Уайтчепела перешел под крыло таких жалких, никчемных личностей, как Майкл Культяшка и Лорд Питер.

В те далекие дни Мориарти использовал Уайтчепел и Спитлфилдз в качестве тренировочной площадки, сборного пункта и места, где делались деньги, пусть и не очень большие. Добиться этого в огромном, отравленном нищетой и пораженном язвой преступности районе было нелегко, но лет за восемь или девять ему это удалось. Причем удалось с помощью Морана, тогда совсем другого человека — энергичного, активного, решительного. Многие с тех пор забылось, но в память крепко засели события 1888 года.

Уайтчепел и прилегающие районы были теми местами, где зло зарождалось, росло и расцветало буйным цветом, отравляя все вокруг. Именно здесь, в сердце проклятой зоны, Мориарти смог собрать группу сторонников, сколотить маленькую криминальную армию, обязанную ему мелкими услугами и одолжениями, готовую служить с исключительной верностью, потому что только он мог облегчить их лишения и страдания, и поставлять любые сведения за минимальную плату деньгами или продуктами. Переменчивое население этой части Лондона, к востоку от Сити, быстро поняло, что приверженцы профессора Мориарти более многочисленны и пользуются заметными преимуществами по сравнению со сторонниками, например, христианских социалистов, периодически распределявших благотворительные подачки из таких мест, как Тойнби-Холл.

Власти произносили высокопарные речи, выдвигали планы переустройства, обновления и развития социальной помощи в районах, прилегающих к Уайтчепелу и Спитлфилдзу, но сделано было немного. А потом, осенью 1888-го, место, бывшее для Мориарти источником пополнения криминальных рядов, стало ареной настоящего ужаса, улицы, переулки и дворы Уайтчепела подверглись нашествию полиции и привлекли пристальное внимание озабоченной публики.

Мориарти жил тогда неподалеку от Вест-Энда, в большом доме возле Стрэнда. Пейджет и Спир жили с ним, уютно расположившись в крыле для прислуги, где и работали с другими членами банды.

Первую весть о грозящей Уайтчепелу беде принес Спир. Он отправился туда по делам: предупредить или принять карательные меры в отношении нескольких наглецов, досаждавших в последнее время Сэлли Ходжес. Уйдя вечером, Спир отсутствовал всю ночь и возвратился только на следующий день, в пятницу, 31 августа, около одиннадцати часов утра. Пройдя сразу же в кабинет Профессора на первом этаже, он объявил буквально следующее: «Полли Николс перерезали горло. Ее нашли на Бакроу этой ночью, в полтретьего».

Полли Николс, невзрачная, неряшливая женщина сорока двух лет, опустившаяся вследствие пагубного пристрастия к алкоголю на самое дно восточного Лондона, жила в меблированной комнате и торговала собой на улице, перебиваясь с хлеба на воду. Мориарти знал ее лишь потому, что в одном или двух случаях женщина оказала ему и его подручным небольшую услугу: передала кому-то какое-то сообщение.

— Придется применить строгие меры к соплякам, — такой была первая реакция Мориарти. — С прошлого Рождества это уже четвертая.

Тот факт, что сам Мориарти поощрял своих людей использовать особо жестокие формы вымогательства денег у проституток, отношения к делу не имело. Все знали, что молодежные банды, особенно с Хокстон-маркет и Олд-Никол-стрит, нещадно калечат шлюх в районе Уайтчепела и Спитлфилдса.

Упомянув о том, что Полли Николс стала четвертой жертвой молодежных банд после

Рождества, Мориарти имел в виду еще трех других проституток. Фэйри Фэй, чье настоящее имя все еще оставалось тайной, нашли сразу после прошлого Рождества на Коммершл-роуд, жутко изуродованной. Эмма Смит, жестоко избитая тремя мужчинами в ночь после Пасхи, 13 апреля, умерла позже от ушибов. И, наконец, Марта Табрам была обнаружена мертвой почти на том же месте, что и Эмма Смит — в Спитлфилдзе, на Осборн-стрит, — ночью, 7 августа, всего лишь за две с небольшим недели до убийства несчастной Полли Николс. На ее теле насчитали тридцать девять колотых ран.

Спир и Пейджет взяли на заметку известные им банды, но уже через неделю дела приняли новый оборот: в заднем дворе дома 29 по Хэнбери-стрит было найдено тело еще одной проститутки, Энни Чапмен по прозвищу Темная Энни. Ей перерезали горло и вскрыли живот.

Впервые за все время Мориарти стало очень не по себе. Обе женщины, Энни Чапмен и Полли Николс, определенно стали жертвами одного и того же убийцы. На территории, где Профессор привык чувствовать себя хозяином, воцарилась паника. Но и это было еще не все. Ужас, стоявший за путаными рассказами «очевидцев» и измышлениями газетчиков, вынудил власти принять меры, и криминальный мир вдруг обнаружил, что оказался под более чем когда-либо пристальным наблюдением. На улицах резко возросло число полицейских, как в форме, так и переодетых в штатское.

Вскоре, по прошествии буквально нескольких дней, Мориарти, Моран и остальные члены криминальной верхушки ясно осознали и ощутили едва ли не на собственной шкуре, что впервые с того времени, как район перешел под влияние Профессора, власти проявили к нему неподдельный интерес и начали задавать неудобные вопросы.

Что касается жуткой природы самого дела, то она в полной мере явила себя на предварительном следствии, когда коронер во второй раз в ходе одного слушания вызвал для дачи показаний полицейского врача, Джорджа Б. Филлипса. Хотя отчет о сенсационных откровениях мистера Филлипса не появился в газетах, а женщины и дети были удалены из зала суда еще до его выступления, молва быстро разнесла ужасающие подробности.

Отвратительные эти детали произвели особенно сильное впечатление, поскольку публика уже знала к тому времени, что убийца Полли Николс не только перерезал ей горло, но и изуродовал тело. Эта информация, а также ощущение паники, усиленное присутствием полицейских, рост числа соглядатаев на улицах, густая атмосфера ужаса и намеки на то, что все обнаруженные на месте преступления улики привели полицию в тупик, вынудили Мориарти предпринять следующий шаг.²⁶

— Полиция имеет дело не с заурядным злодеем, — сказал он Спиру и Пейджету. — Похоже, они столкнулись с каким-то сумасшедшим, ненавидящим проституток. Может быть, это религиозный фанатик, блюститель нравственности, а может, всего лишь какой-то несчастный, подхвативший заразу от одной из этих дам и вознамерившийся преподать им всем суровый урок.

— Если собирается перерезать всех, придется бросить работу, — хмыкнул Пейджет.

Знатокам того времени известно, что примерно за тридцать лет до описываемых событий число проституток в Лондоне составляло, по грубым подсчетам, около 80 000, но могло быть и выше. С большей уверенностью можно говорить о том, что в 1856 году только в трех больницах было отмечено не менее 30 000 случаев венерических заболеваний.

Немного позже Мориарти пришлось повторить это заявление перед большим собранием своих самых доверенных людей, мужчин и женщин, работавших на территории Уайтчепела и Спитлфилдза. На сей раз Профессор говорил более предметно.

— Убийца, весьма вероятно, избежит поимки, и если он продолжит свое дело, мы, несомненно, столкнемся с сильным противодействием полиции.

²⁶ Не приходится сомневаться — и позднее мы увидим это, — что Мориарти на протяжении всей своей карьеры получал информацию из полицейских источников. — *Примеч. автора.*

Более всего в этой ситуации Мориарти беспокоило то, что значительная часть криминальных элементов, оказавшись под сильным и продолжительным прессом закона, начнет рвать с традицией и откровенничать с полицейскими. Такого развития событий требовалось избежать любой ценой. В этом вопросе у него были свои козыри. До сих пор начальник столичной полиции, сэр Чарльз Уоррен, и правительство упорно отказывались предложить денежное вознаграждение за поимку Кожаного Фартука, как окрестили неизвестного убийцу. Правда, член парламента от Уайтчепела, Сэмюел Монтегю, пообещал награду в сто фунтов, а магистрат Генри Уайт добавил еще пятьдесят фунтов, но дальше дело не пошло. Мориарти мог легко назвать гораздо большие суммы.

— Я хочу, чтобы все знали, — продолжал он, — что у нас больше возможностей схватить Кожаного Фартука, чем у бобби. О любых слухах, намеках, подозрениях следует сообщать мне, а не полицейским. Если полученные нами сведения приведут к опознанию и поимке Кожаного Фартука, тот, от кого они будут исходить, получит награду в пятьсот гиней.

Названная сумма потрясла воображение измученного безысходной бедностью лондонского люда, и объявление ее имело значительные последствия: ручеек поступавшей в полицию информации иссяк, а энтузиазм перепуганных проституток, черпал,²⁷ взломщиков, вышибал и сутенеров значительно повысился. Мориарти приходилось тратить по несколько часов в день, просматривая обрывки слухов, обвинений, сплетен, поступавших во множестве через Спира и Пейджета.²⁸

Никаких результатов, однако, не было до следующего трагического кровопролития, двойного убийства, случившегося 30 сентября. Именно после ужасающих событий той ночи, событий, сопряженных с омерзительными, отвратительными деталями, убийца стал известен под именем, которое он выбрал для себя сам — Джек Потрошитель.

Вечером 29 сентября — это была суббота — Джеймс Мориарти позволил себе небольшое и не слишком частое развлечение. Такого рода отдых он брал не чаще двух раз в месяц. Профессор заранее договорился с Сэл Ходжес, что та пришлет к нему свою последнюю тоффер, высокую, элегантную девушку лет двадцати четырех по имени Милдред Феннинг.

Как было заведено для таких случаев, Мориарти заранее позаботился о том, что Спир, Пейджет и другие члены его сомнительной семейки не слонялись без дела, и ясно дал понять, что не ждет их раньше полудня воскресенья. Люди, близкие к Мориарти, хорошо знали его привычки и пристрастия, как знали и то, чем намерен заняться хозяин, когда приказывает им провести ночь под другой крышей.

Ни одна из выбранных развлекать Мориарти девушек никогда не получала за это денег, но и сожаления по этому поводу никто из них не высказывал. Это может показаться странным, но с женщинами Профессор был робким и застенчивым, дамским угодником себя не считал и при необходимости обращался к самым высококлассным шлюхам, которые находили его общество приятным как в постели, так и вне ее, а самого клиента необыкновенно щедрым. Редко кто уходил от него без подарка, украшения или какой-нибудь милой безделушки, и никто не оставался голодным, поскольку Профессор питал слабость к хорошей пище, и вечера в его доме всегда начинались с отличного ужина.

В ожидании мисс Феннинг Мориарти позаботился о том, чтобы на столе присутствовали икра, креветки, сардины, маринованный тунец, анчоусы, копченый угорь, лосось, заливные яйца. За закусками следовали куриные дариоли, котлеты из баранины,

²⁷ Карманники.

²⁸ Следует сказать, что после ужасающих событий ночи 30 сентября лорд-мэр Лондона добавил к официальной награде еще пятьсот фунтов, но к тому времени Мориарти был уже близок к тому, чтобы изблечить убийцу. — *Примеч. автора.*

заливная говядина, кнели из утки с помидорами и артишоком, македонский салат и английский салат с латуком, горчицей, редисом, зеленым луком и томатами, приправленный на французский манер. Все это запивалось чудесным шампанским «Руаяль Шартэ» из Эперне.

В то время как Мориарти с удовольствием готовился к приятному во всех отношениях вечеру, в районе Уайтчепела происходили другие события. Немногие из тех, кто бродил в ту субботнюю ночь по мрачным улицам, могли позволить себе шикарные закуски, холодное мясо и салат или бокал шампанского. Был среди них один, кто, подобно сотням других, употреблял в изобилии лишь джин.

Двумя днями ранее семейная пара, проходившая в полицейских отчетах под фамилией Келли, вернулась в Лондон с полей Кента, где участвовала в уборке хмеля. Мужчину, работавшего грузчиком на рынке, звали Джоном Келли; женщину, носившую темно-зеленое ситцевое платье, расшитое астрами и золотистыми лилиями, а также черный, с тремя металлическими пуговицами, хлопчатобумажный жакет с отделкой под мех и черную соломенную шляпку, украшенную черным бисером, знали под разными именами, в том числе как Кейт Келли и Кейт Конуэй. Маленькая, сорока трех лет отроду, с мелкими чертами лица, придававшими ей сходство с птичкой, страдающая вследствие пристрастия к алкоголю брайтовой болезнью, она жила в ночлежке, оплачивая пребывание в оной собственным телом. Настоящее ее имя было Кэтрин Эддоус, и с Джоном Келли она сожительствовала, довольно нерегулярно, последние семь лет. Мориарти она не знала и даже о нем не слышала, но была известна Пейджету и другим агентам Профессора. Многие работавшие в Уайтчепеле констебли считали ее обычной проституткой.

В Лондон эта парочка вернулась раньше времени из-за одной случайной реплики Кейт, брошенной ею в присутствии Джона неделей раньше. Жизнь за городом избавляет человека от многих опасностей и тревог, но даже там, на полях Кента, разговоры рано или поздно, особенно по ночам, заходили об убийствах и неведомом злодее, как будто следившем за всеми из темных подворотен и закоулков Спитлфилдза и Уайтчепела. Однажды, когда Джон Келли и Кэтрин пили в компании себе подобных, кто-то упомянул об объявленной неофициально награде в пятьсот гиней. Ни Келли, ни Кэтрин Эддоус ничего об этом не слышали, и Келли попросил человека, сообщившего эту новость, рассказать поподробнее.

— Я понимаю, что есть вещи, говорить о которых полицейским не следует, — сказал он. — Но кому еще, черт побери, рассказать о Кожаном Фартуке, как не им?

— Есть такой парень, Альберт Дэвис, обретается обычно в «Ягненке», на Лэмб-стрит. Он приведет другого, большого начальника; вот ему и надо все сообщить.

Позднее, уже после событий 29 и 30 сентября, Келли сказал в полиции, что вернулся с Кэтрин Эддоус за «вознаграждением». Полицейские решили, что речь идет о ста пятидесяти фунтах, обещанных Монтегю и Уайтом, и других вопросов по этой теме не задавали. Но Келли, несомненно, имел в виду гораздо большую сумму, предложенную главой криминальной семьи.

Разговор продолжался, и люди, успевшие нагрузиться алкоголем, спешили поделиться с собутыльниками собственными страхами и сочиненными в пьяном мареве теориями. В обсуждении участвовали все присутствовавшие за исключением Кэтрин Эддоус, которая странным образом притихла и погрузилась в какие-то свои мысли. Молчала она и на следующий день. Позднее Келли вспоминал, что Кэтрин была как будто во сне. Вечером она все же призналась сожителю, что догадывается, «кто такой Кожаный Фартук», а потом добавила уже с большей уверенностью: «Думаю, я знаю, кто это».

Мысль эта настолько овладела ею, что в конце концов Келли не выдержал и предложил вернуться в Лондон, чтобы она рассказала о своих догадках кому следует. Он несколько раз просил ее назвать имя или хотя бы намекнуть, кто попал под подозрение, но Кэтрин, у которой хитрость алкоголички сочеталась со скрытностью прожженной обитательницы ночлежки, упрямо отказывалась делиться тайной.

Пара вернулась в столицу. Заработанных на сборе хмеля денег хватило не только на

поезд, но и на джин, и на койку в ночлежке на Дин-стрит.

Утром в пятницу, 28-го, оба проснулись в не лучшем расположении духа, что было естественным следствием неумеренного возлияния накануне, а также осознания того печального, неумолимо напоминающего о себе со всех сторон факта, что жизнь вернула их в ужасающую грязь и тесноту лондонского Ист-Энда.

Кэтрин нездоровилось, в чем также не было ничего удивительного, поскольку терзавший ее хронический нефрит, или, проще говоря, воспаление почек, вел неумолимое наступление на изнуренный организм. Они поспорили. Джон Келли попытался отправить ее в «Ягненок», к Альфреду Дэвису. Она отказалась, сославшись на недомогание. «Вот опохмелимся, и мне полегчает». Как и все достигшие хронической стадии алкоголики, Кэтрин не могла смотреть в лицо неприветливой реальности, не уняв пагубное влечение.

Но денег на выпивку не нашлось. Они опять поругались. В конце концов Келли согласился заложить башмаки. Эддоус сама стащила обувь с его ног у ссудной кассы на Олд-Монтегю-стрит, шмыгнула внутрь и вышла с олдерменом²⁹ в кулаке.

С появлением денег в их общем кармане необходимость тащиться на Лэм-стрит ощущалась уже не так остро. Они вроде бы двинулись в нужном направлении, но застряли на полпути, проиграв в схватке с джином. Для пьяного время пролетает быстро. Разгоряченные спиртным и спорами, разгоревшимися в одной из пивных то ли на Олд-Монтегю, то ли на Уэнтурт-стрит, пара внезапно, как им показалось, осталась с шестью пенсами в кармане и перспективой провести на улице ночь, которая уже спускалась на город.

К тому времени Кэтрин Эддоус уже пришла в доброе расположение духа.

— Пойду к Дэвису утром, — объявила она Келли. — Вот тебе четыре пенса. Возвращайся на Дин-стрит. А я попробую переночевать на Майл-Энд.

Кейт имела в виду, что рассчитывает найти приют в рабочем доме, куда доступ мужчинам требовалось заслужить.

К утру субботы, 29-го, оба снова подошли не в лучшем состоянии и снова без гроша в кармане. Только вот закладывать было уже нечего, и Джон Келли пребывал в пасмурном настроении. Какое-то время они просто слонялись бесцельно по улицам, а около двух Эддоус, все естество которой требовало выпивки, объявила, что отправляется к дочери.

К этому времени Джон Келли изрядно устал от сожительницы и уже не сомневался, что ее теория насчет личности Кожаного Фартука есть всего лишь плод воображения.

— Делай, как знаешь, — сказал он и, уже отвернувшись, добавил: — Берегись Джека-попрыгунчика.³⁰

Кэтрин выругалась в ответ и сообщила, что вполне в состоянии сама о себе позаботиться.

Живой он ее больше не видел.

Хотя Кэтрин Эддоус и впрямь сильно нездоровилось, она все же твердо вознамерилась добраться до Лэм-стрит и, если не попала туда раньше, то потому лишь, что не хотела делить с Келли награду в пятьсот гиней.³¹

²⁹ Монета в полкроны.

³⁰ Джек-попрыгунчик, или Джек-пружинки-на-пятках (Spring-Heeled Jack) — существо, согласно распространенной легенде, наблюдавшееся в Англии в период с сентября 1837 по сентябрь 1904-го. Джека описывали как мужчину высокого роста, одетого в клетчатую одежду и в черный плащ. Некоторые видели у него когтистые лапы и красные, горящие глаза. Отдельные свидетели утверждали, что «монстр» сносно изъясняется на английском. Отличительной особенностью Джека-попрыгунчика была способность совершать высокие прыжки. Существо неоднократно нападало на людей, но поймать его так и не получилось.

³¹ Дальнейшие передвижения Кэтрин были затем отслежены, но до последнего времени в составленной на основе фактов схеме существовал пробел в шесть часов: от двух часов пополудни до восьми вечера. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения основаны на показаниях Келли и полицейских отчетах, в основном тех, что имеются в распоряжении полицейского участка Бишопсгейт, куда Кэтрин доставили в восемь

Расставшись с Келли, Эддоус дотащи́лась от Хундсдитч-стрит, где пара провела большую часть утра, до Бишопсгейт и свернула наконец вправо, на Лэм-стрит. Пивная под названием «Ягненок» располагалась на правой стороне улицы. Народу было много, и она не без труда пробилась к барной стойке.

— Привет, красотуля. Плохо выглядишь. Перебрала?

Сердце бармена, толстяка лет сорока, отнюдь не дрогнуло при виде несчастной женщины — здесь привыкли к пьяницам и бродягам. Иного рода публика в «Ягненок» заглядывала редко.

— Что-то нездоровится, — пробормотала Эддоус.

— Глоток джина быстро приведет тебя в порядок... или глоточек чего-то еще. — Бармен подмигнул уже обступившим Кэтрин завсегдатаям.

— Нет, нет. Просто ищю кое-кого.

Пьяница может говорить все, что хочет, но его всегда выдает особенный взгляд. Бармен узнал этот взгляд, а торопливый ответ женщины подсказал, что денег у нее нет. К милосердию — кроме как на словах, которые ничего не стоят, — склонны в этой части Лондона немногие. Тем более странно, что вид этой маленькой, истощенной женщины с мутными глазами вызвал у толстяка жалость.

— Ладно, дорогуша, выпей за мой счет.

Он пододвинул ей стакан, на доньшке которого что-то плескалось. Эддоус оторвала руку от стойки, в которую вцепилась, чтобы не упасть, схватила стакан трясущимися пальцами и поднесла к губам.

— И кого ж ты ищешь, а? — дружески усмехнулся бармен.

Кэтрин подалась к нему через стойку и, понизив голос, прошептала:

— Говорят, здесь можно найти Альберта Дэвиса.

Усмешка на лице бармена растаяла. Оторвав взгляд от женщины, он скользнул им по толпе.

— А кому он нужен? — совсем другим тоном спросил толстяк.

В последние недели Дэвиса спрашивали многие, в большинстве своем клиенты того же типа, что и Кэтрин Эддоус, и бармен знал, почему. Ужас, пришедший в эту часть города, широко раскинул шупальца, и холод в жилах чувствовали не только жившие рядом с местами убийств. Каждый, кто приходил в пивную и спрашивал Дэвиса, подталкивал бармена к невидимому, неслышному зверю, таившемуся, с ножом в руке, в воображении всех лондонцев, за каждым углом, за каждой дверью, в каждой тени Ист-Энда.

— Он меня не знает. Но у меня есть для него кое-что. — Женщина допила остатки джина.

Настороженно наблюдая за ней, бармен медленно кивнул.

— Подожди, — предупредил он, после чего обслужил трех требующих внимания клиентов и, подозвав мальчишку-подавальщика, выскользнул из-за стойки и поднялся по ступенькам к тонкой деревянной двери.

Через минуту бармен вернулся и кивком подозвал Эддоус, которая протолкалась к углу стойки и подошла к стоявшему у лестницы толстяку.

— Поднимись туда. Дверь справа, — тихо сказал он.

Альберту Дэвису было между тридцатью и сорока, и в криминальный мир он попал в семь лет, когда освоил ремесло карманника. К семнадцати практиковать истинное искусство

часов вечера в состоянии сильного опьянения и откуда отпустили около часа дня в воскресенье. Через сорок пять минут ее обнаружили убитой. «Потерянные» шесть часов всегда привлекали внимание криминалистов и разного рода исследователей, задающих такие вопросы: посещала ли Эддоус свою дочь? Откуда она взяла деньги, чтобы к восьми часам выпить до полного бесчувствия? Личные дневники Джеймса Мориарти практически не оставляют сомнений относительно ее передвижений в эти «потерянные» шесть часов. — *Примеч. автора.*

опустошения карманов стало, по понятным причинам, затруднительно, а применять более грубые версии ему как профессионалу претило. За решеткой Альберт побывал только однажды и, отбыв недолгий срок, вышел на свободу уже квалифицированным взломщиком. Несколько лет он работал исключительно на Пейджета и лишь за два года до описываемых событий узнал, что Пейджет в свою очередь работает на Профессора.

В каком-то смысле Дэвис был образцовым «семьянином» — верным, исполнительным, прожившим едва ли не всю жизнь в том районе, что отделял город от Уайтчепела и Спитлфилдза. Он присутствовал на том собрании, когда Мориарти говорил о планах по установлению личности Кожаного Фартука, и с того дня безропотно, не жалуясь, сидел в тесной камере, принимая и выслушивая каждого, кто приходил поделиться своими соображениями и подозрениями. «Не так уж все и плохо, — утешал себя Альберт, — удобная койка, выпивки хоть залейся, трехразовая кормежка, уважительное отношение со стороны хозяина, а при желании — и удаче — возможность порезвиться с любой из осведомительниц».

— Садись, — любезно предложил он взволнованной Кэтрин Эддоус, когда та переступила порог, и указал на стул.

От его внимания не укрылось, что женщина нервничает и, похоже, больна. Понял Альберт и то, что ей нужно выпить. Много пережив и повидав, он научился читать по лицам и ставить диагноз не хуже любого лекаря.

— Как насчет стаканчика?

Она согласно закивала, и Альберт, спустившись по лестнице, крикнул Тому — так звали бармена, — чтобы тот принес хорошего джину. Вернувшись в комнату, он подождал, пока мальчик выполнит заказ.

— Как тебя зовут, дорогуша? — спросил Альберт, когда женщина сделала глоток.

Она назвала свое имя и адрес — дом номер шесть по Фэшн-стрит.

— С чем пожаловала?

— Мне сказали про награду тому, кто укажет на Кожаного Фартука.

Дэвис снова кивнул.

— Ты же из семьи, так что должна и сама знать. Какую сумму тебе назвали? Я про награду.

— Говорили, что дадут пятьсот гиней.

— Вот как? И ты, Кейт, думаешь, что у тебя есть то, что стоит таких денег?

— Да.

Он пристально посмотрел на нее. Приходя к нему, все говорили одно и то же, но на проверку выходило, что их слова не стоили и чиха. За то время, что Дэвис провел в камере, у него развился нюх на такие вещи. Уверенность, прозвучавшая в голосе Кейт Эддоус, свидетельствовала в пользу того, что ее сведения относятся к иной категории. Альберт Дэвис учуял, что здесь пахнет серьезным делом.

— Что ж, в таком случае выкладывай, что знаешь, — стараясь не выдавать волнения, сказал он.

— А деньги ты даешь? — спросила она.

— После того как скажешь.

Но ее такой ответ не устроил.

— Я про то, кто тут главный, ты или нет?

— Ну... — Альберт помолчал. Женщина перед ним была не проста и, похоже, могла даже сквозь пьяную завесу различить неуверенность и ложь. У шлюх есть что-то вроде шестого чувства, без которого в их ремесле долго не протянешь. Впрочем, Полли Николс и Темной Энни оно не помогло. — Ты расскажешь мне, а я передам главному. Он и решит.

— Так вот... что знаю, я только главному и скажу, — твердо заявила она.

— Перестань, дорогуша. Намекнуть-то хотя бы ты можешь. Что у тебя есть? Ты встречалась с Кожаным Фартуком или как? — Эти слова ему еще предстояло вспомнить на следующий день.

- Я знаю имя. — И снова похоже на правду.
- Это точно?
- Точней не бывает.
- Ты знаешь его имя? Знаешь, кто он? Знаешь, где он?
- Знаю имя. Знаю, где он был год или два назад. Знаю достаточно, чтобы его найти.
- Так скажи мне.
- Скажу только ему. Главному.

Дэвис посмотрел в свой стакан, который к тому времени был пуст, и только характерный запах указывал на то, что в нем присутствовал добрый можжевельный сок. Потом посмотрел на Кэтрин Дэвис. Прикинул, что следует сделать. И наконец улыбнулся.

— Ладно, я пошлю за хозяином.

Было уже за полчетвертого. Пейджет появился около пяти, и к тому времени Дэвис еще пару раз угостил Кэтрин джином, следя, впрочем, за тем, чтобы она не перебрала. Пейджет был настроен серьезно — он тоже повидал таких, которые много обещали и ничего определенного не давали.

Кейт не напилась, но выпила достаточно, чтобы расслабиться и почувствовать себя в безопасности. Тем более, что мужчина напротив был высок, крепок и силен. Она улыбнулась ему по привычке, но он не ответил и, опустившись тяжело на койку Дэвиса, спросил:

- Ты — Кэтрин Эддоус?
 - Она самая.
 - У тебя есть для меня что-то важное?
 - Если ты главный.
- И тут Пейджет допустил ошибку.
- Для тебя, дорогуша, я — главный.
 - С тобой я говорить не стану.

Как и Дэвис, Пейджет почувствовал в ее тоне решительность и уверенность. Неужто это чучело, эта жалкая шлюха и впрямь что-то знает? Чутье подсказывало, что он подошел к правде, и оно же подсказало, что женщина эта не совсем от мира сего. Он вспомнит об этом чувстве на следующий день.

— Послушай, милочка, — твердо заговорил Пейджет, старательно скрывая истинные мысли. — Хозяин сегодня прийти не может.

- Тогда пусть придет завтра.
- Он не может каждый раз приходиться.
- Так отведи меня к нему.

Пейджет ненадолго задумался.

— Я бы мог, но мне надо дать ему какое-то подтверждение.

— Я уже дала подтверждение мистеру Дэвису.

— А теперь дай и мне.

— Я знаю его имя. Знаю, где он бывал раньше. Когда я вам все скажу, вы легко его найдете. И я жду за это пять сотен гиней.

— Если мы найдем его по твоей наводке, ты свое получишь.

— Тогда отведи меня к главному.

— Не так-то все легко и просто. Мне нужно что-то... какое-то доказательство. К нам тут многие приходят, говорят, что знают, кто такой этот Кожаный Фартук, и, поверь мне, в большинстве случаев это либо сосед, с которым они разругались, либо какой-нибудь барыга, которому они спихнули мамашин медальон, либо вообще незнакомец, у которого физиономия не на их вкус. Послушай меня, Кейт. Даю тебе слово, что деньги ты получишь, но мне надо убедить хозяина, что у тебя есть на него что-то серьезное. Так что скажи мне, и я сразу же передам ему.

Эддоус задумалась. Жизнь научила ее торговаться и договариваться, а чутье бывалой шлюхи подсказывало, что Пейджет с ней откровенен.

Она кивнула в сторону сидевшего в сторонке Дэвиса.

— Ничего личного, мистер Дэвис, но я скажу мистеру Пейджету и никому больше. Или не скажу никому.

Пейджет сделал Дэвису знак выйти из комнаты.

Альберт вышел.

— Говори.

Эддоус подалась к нему.

— Скажи главному так. Он еще молодой. Образованный и все такое. Как говорится, человек свободной профессии. Несколько лет назад был в Тойнби-Холле. Там я его в первый раз и увидела. А в последний видела недавно, может, месяц назад или около того.

— Как его имя?

— Его звали Дрю. Или Дрют. Что-то вроде этого.

— А откуда ты знаешь, что он тот, кто нам нужен?

— Хватит. Остальное расскажу только главному и никому больше. Никому. Я и так сказала слишком много. Вы его найдете.

Пейджет кивнул.

— Молодец. Думаю, главный захочет с тобой встретиться. Может, сегодня вечером. А пока оставайся здесь с мистером Дэвисом. Я постараюсь вернуться пораньше и тогда обо всем договоримся.

Пейджет ушел из «Ягненка» без четверти шесть, рассчитывая попасть к Мориарти еще до того, как к нему пожалует гостя, и зная, что если опоздает, то дело придется отложить до утра.

Народу на улице было много, туда и сюда катили кэбы и экипажи, так что на Стрэнд Пейджет попал только к половине седьмого. Было еще светло, но едва увидев дом, Пейджет выругался с досады. Окна гостиной и главной спальни закрылись шторами. Значит, гостя пришла. Раздраженно пыхтя, он повернулся и пустился в обратный путь, к «Ягненку». Впрочем, увидев Эддоус, Пейджет даже обрадовался, что не попал к Мориарти. Устав сдерживать требовавшую выпивки Кейт, Дэвис по глупости распорядился принести в каморку бутылку джина, и теперь женщина уверенно шла к цели, то есть к полной невменяемости.

— Я доставлю главного сюда или отведу тебя к нему завтра в два часа дня, — объяснил Пейджет. — Сегодня он занят.

Эддоус ухмыльнулась и кивнула.

— А пока, чтобы поддержать дух, вот тебе на вечер.

С этими словами он протянул ей один фунт. Глаза у Кейт заблестели так, словно ей выпало целое состояние. Если полагать истиной утверждение, что Бог бережет дураков и пьяниц, этих денег ей вполне хватило бы, чтобы упиться до смерти, заплатить за ночлег и еще оставить кое-что на утро.³²

Потом Пейджет сказал, что их с Дэвисом ждут дела, и посоветовал не опаздывать к назначенной на следующий день встрече. Эддоус пообещала прийти вовремя, после чего удалилась, но ушла недалеко — первую остановку она сделала внизу, в баре, где залила в себя еще немалую порцию джина.

Около восьми вечера Кейт вышла, пошатываясь, на улицу — в приподнятом настроении, напевая и привлекая к себе внимание прохожих. Через несколько минут ее забрали двое полицейских — женщина стояла посередине Бишопсгейт, изображая пожарную карету. Нарушительницу порядка и спокойствия горожан отвели в ближайший полицейский

³² Здесь было бы уместно поразмышлять о том, куда подевались деньги, поскольку потратить целый фунт за имевшееся в ее распоряжении время Эддоус не могла бы, а когда тело нашли, никаких денег при нем не оказалось. Остается только предположить, что либо она оставила их где-то по небрежности, либо в ее карманах пошарил кто-то из сокамерников во время недолгого пребывания в полицейском участке Бишопсгейта. — *Примеч. автора.*

участок, где и оставили, дав возможность протрезветь.

С начала девятого и до часа ночи Эддоус дремала, бубнила что-то неразборчивое, а потом и разразилась песней. Отпустили ее не совсем трезвую, но время было позднее, и в полиции решили, что добавить она не сможет, поскольку достать выпивку уже негде.

В те последние пьяные часы ее жизни сам Мориарти приятно проводил время в компании мисс Милдред Феннинг, не имея понятия о том, что его люди получили ценные сведения о личности уайтчепелского убийцы.

В сентябре 1888-го Джеймсу Мориарти исполнилось тридцать шесть лет, и к тому времени он уже двенадцать лет возглавлял огромную и постоянно разрастающуюся криминальную семью.³³

Хотя обслуживавшие Профессора дамы и находили его забавным и даже достойным партнером по части постельных утех, для божьих коровок Сэлли Ходжес не было секретом, что хозяин имеет свои сексуальные предпочтения. Так или иначе, вскоре после полуночи парочка, исчерпавшая силы в бурной схватке, уже сладко посапывала, развалившись на широкой кровати.

В половине первого Кэтрин Эддоус, бодрствовавшая последние четверть часа и развлекавшая компанию громким пением, обратилась к надзирателю:

— Эй, когда меня выпустят? Я хочу уйти отсюда!

— Уйдешь, как только протрезвеешь и будешь в состоянии позаботиться о себе! — крикнул в ответ надзиратель.

Около часа ночи ее вывели наверх.

— Можешь убираться.

— А час-то который? — спросила Эддоус, потерявшая счет времени за мутной хмельной завесой.

Дежурный сержант рассмеялся.

— Поздно, так что на выпивку не рассчитывай. А теперь ступай.

Выйдя на улицу, относительно тихую и спокойную, Кейт огляделась, словно еще не решила, куда податься, потом, ухватившись за какую-то мысль, побрела в сторону Хундсдитч-стрит. Она уже не пела, но музыка еще звучала у нее в голове: «Я бедный лютик, маленький лютик. Я милый маленький лютик...»

На углу Олдгейт-Хай-стрит стоял мужчина. Пытаясь разглядеть мир сквозь пьяную пелену, она остановилась, опершись рукой на так кстати подвернувшуюся стену. В каком бы состоянии ни пребывала Кэтрин Эддоус, шанса подзаработать она не упускала никогда.

— Привет, красавчик. Ты, я смотрю, припозднился. А с мисс Лейкок хочешь познакомиться?

³³ Это заявление, несомненно, смутит исследователей и знатоков, которые до самого последнего времени целиком и полностью полагались на свидетельство Шерлока Холмса, зафиксированное его верным другом и летописцем доктором Джоном Уотсоном и последующие исследования таких уважаемых людей, как мистер Уильям Баринг-Гулд и мистер Винсент Старрет. Похоже, однако, что все, включая самого великого Холмса, стали жертвами в высшей степени трусливого и подлого акта обмана. Холмс, а следовательно, и его хроникер Уотсон, и все те, кто терпеливо и упорно собирал, распределял и анализировал имеющиеся свидетельства, приняли как данность, что профессор Джеймс Мориарти, «Наполеон преступного мира», и есть тот Джеймс Мориарти, который родился около 1844 года, проявил себя блестящим математиком, написал в двадцать с небольшим лет трактат о биноме Ньютона, получил затем кафедру математики в одном провинциальном университете и ушел из него в конце 1870-х в связи с выдвинутыми в его адрес обвинениями. И действительно, с чего вдруг Холмсу было сомневаться в том, что человек, которого он знал как Мориарти, вовсе не тот самый опозоренный профессор? Глаза и уши убеждали великого сыщика, что «Наполеон преступного мира» и гений математики — одно и то же лицо. Однако, как мы увидим позже, настоящий профессор Мориарти, ушедший из университета около 1878 года, перестал существовать во всех смыслах этого слова, едва оказавшись в Лондоне, а его место занял человек, близок знавший покойного, завидовавший ему и ненавидевший его больше, чем кого-либо еще. — *Примеч. автора.*

— Почему бы и нет, — отозвался кандидат в клиенты.

Эддоус подошла поближе.

— Тебе это обойдется в фартинг. Но, обещаю, не пожалеешь. Получишь все, что требуется.

— Где?

— Пойдем, покажу. — Она сообразила наконец, где находится. — Место тихое, никто нам не помешает. Давай, красавчик, идем с Кейт.

Она повела его по Дюк-плейс, свернула в узкий Черч-пэссадж и вышла на Митр-сквер. Там, на площади, туман у нее в голове на какое-то время рассеялся, и женщина вспомнила, что к двум часам дня ей нужно быть в «Ягненке». Вспомнила, зачем... почему... и кто этот мужчина рядом с ней...

Ничего больше Кэтрин Эддоус вспомнить не успела.

Когда ее нашли — всего лишь через пятнадцать минут, — горло ее было перерезано, лицо обезображено. Кэтрин была второй жертвой той ночи; первой же стала шведка Элизабет Страйд, более известная как Длинная Лиза. Ее тело обнаружили в полумиле от Митр-сквер, рядом с Международным женским образовательным клубом на Бернерс-стрит.

Ровно в полдень воскресенья Пейджет, еще под впечатлением от двойного убийства — утром он в числе многих посетил оба места происшествия, — явился к дому Мориарти. Время было не самое удобное, поскольку Профессор и мисс Феннинг решили позавтракать поздно и вместе. Войдя и услышав наверху смех, Пейджет отправился в кухню, где и оставался почти до часу дня, когда после продолжительного прощания Милдред Феннинг, осыпанная многочисленными подарками, была препровождена к ожидавшемуся ее кэбу.

Выждав для приличия некоторое время, Пейджет поднялся наверх и постучал в дверь кабинета. Мориарти, хотя и выглядел уставшим, пребывал в добродушном расположении духа. Рассказ о Кэтрин Эддоус и ее свидетельствах лишь добавил ему энтузиазма.

— Я знал, что мы его отыщем, — с мрачной улыбкой заметил Профессор. — Ступай за женщиной и как можно скорее приведи ее сюда. И пусть придут Спир, Дэвис и полковник.

Выполняя поручение, Пейджет в первую очередь отправился в «Ягненок», где почти до половины четвертого прождал Дэвиса. Город полнился слухами, повсюду обсуждали последние события, но имена жертв названы еще не были, и ни Пейджет, ни Дэвис даже не подозревали, что одной из них может быть Эддоус.

— Как и остальных, — качая головой, вздохнул Пейджет. — Ловок шельмец.

— Могу поклясться, что ей известно.

Дэвис прекрасно понимал, чего можно ждать от Мориарти. В конце концов Пейджет приказал ему оставаться в «Ягненке» до тех пор, пока он по крайней мере не поговорит с Профессором.

Мориарти сохранял спокойствие, ожидая со Спиром и полковником Мораном плодотворного завершения предпринятых усилий. К семи часам вечера Пейджет и Спир отправили на улицу всех своих людей — выяснить местопребывание Кейт Эддоус, — но все старания не дали результатов. Поступающие донесения оптимизма не вселяли — квартал кишел полицейскими, горожане толпились на улицах, возмущенные последними зверствами, — и к вечеру до Мориарти дошло, что ситуация выходит из-под контроля. И Пейджет, и Спир докладывали, что с трудом сдерживают своих людей.

К этому времени от бывшего благодушия Мориарти не осталось и следа. Он понимал, что сохранит влияние только в одном случае: если избавит свою территорию как от убийцы, так и от постоянного присутствия полицейских. Если в середине дня, ободряемый заверениями Пейджета о том, что Эддоус назовет им имя, Профессор пребывал в состоянии эйфории, то к вечеру, когда обнаружилось ее необъяснимое исчезновение, он впал в глубокую депрессию. Сев за стол, Мориарти попытался сосредоточиться. Его деловые интересы оказались под угрозой, и он уже сожалел, что вообще выбрал этот пораженный бедностью район центром приложения своих усилий. С другой стороны, лучшего места для

привлечения под свое крыло молодежи было не найти. Гонимые голодом, отсутствием средств к существованию, отчаянием, парни шли к Спиру и Пейджету и обучались криминальному ремеслу, становясь взломщиками, карманниками, добытчиками и поставщиками всего, от упругой юной плоти до лауданума, цена на который всегда держалась на высоте. Тем не менее мир, успешно существовавший под прикрытием высокопарной морали и респектабельности, этой тонкой облицовки века, склонил даже Мориарти к некоей фатальной философии, так что к понеделнику он принял как факт, что Кэтрин Эддоус провела и Дэвиса, и Пейджета.

Во вторник тело, находившееся в морге на Голден-лейн, было опознано Элизой Гоулд (сестрой Эддоус) и Джоном Келли как принадлежащее Кэтрин Эддоус, она же Кейт Конуэй, Кейт Келли, Кейт Гоулд и Кейт Трол.

Уже через час после получения этой новости Мориарти собрал у себя, в доме на Стрэнде, людей из ближайшего окружения — Пейджета, Спира, Дэвиса и полковника Морана — для обсуждения тех немногих сведений, что удалось получить от покойной Кэтрин Эддоус.

Итог этому затянувшемуся и сошедшему на пустое теоретизирование разговору подвел Мориарти.

— Нам придется найти что-то более существенное. Пора самим навести справки, а не ждать. Начать, думаю, следует с Тойнби-Холла. Это дело я возьму на себя.

Тойнби-Холл, находившийся под крылом преподобного Сэмюэля Барнета, служил центром, в котором сходились миссионерское рвение одних и политические идеалы других, центром, призванным перекинуть мостик через разделяющую классы пропасть. Сюда, в самый центр Уайтчепела, приходили выпускники Оксфорда и люди доброй воли, представлявшие другие, самые различные аспекты жизни. В конце первой недели октября 1888 года повидать преподобного Барнета явился преуспевающий с виду священник. Одежда и манеры выдавали джентльмена вполне обеспеченного, принявшего в какой-то момент определенное решение и ступившего на путь служения. Назвавшись каноником Брюстером из Бата, гость сказал, что много слышал о той работе, которую выполняют призванные на Восток, а потому, оказавшись в Лондоне, не мог не взглянуть на все сам.

Первым жестом каноника было пополнение фонда Барнета на сотню гиней, что обеспечило ему самый теплый прием. В ходе последовавшего засим обмена мнениями был упомянут некий молодой человек, с которым Брюстер давно потерял связь и который, несомненно, оказал Барнету немалую помощь.

— Так у нас общий знакомый? — обрадовался преподобный.

— Да. — Каноник улыбнулся. — Жаль только имени его вспомнить никак не могу. Однажды, будучи в Бате у родственников, он пришел ко мне за советом и рассказал о вашей впечатляющей работе здесь. По-моему, он назвал себя Дрю или Дрют. Что-то в этом роде.

Такого имени Барнет, как ни старался, вспомнить не мог. Не удалось его найти и в списке проживающих. Тем не менее один из них вдруг заговорил о человеке, называвшем себя Монтегю Дрюит.

— Был такой парень. Монтегю Джон Дрюит. Да я видел его тут на днях. Закончил Нью-Колледж, барристер, хотя пока работает в школе в Блэкхите.

— И его видели здесь совсем недавно? — Каноник с сожалением покачал головой. — Какая досада. Мне так хотелось бы встретиться с ним.

— Нет, я видел его не здесь, не в Тойнби-Холл. Это было на Бишопсгейт, на прошлой неделе.

Голова каноника совершила странное движение взад-вперед.

— Господи, как бы мне хотелось, чтобы вы увидели его снова!

Проведя в центре еще несколько минут, гость вдруг объявил, что ему нужно идти, и покинул заведение в сопровождении самого Сэмюэля Бартлета, рассыпавшегося в благодарностях за щедрый дар.

Часом позже Пейджет уже помогал хозяину избавиться от маскировки и привести себя

в привычный вид.

— Его зовут Дрюит, — с мрачной улыбкой объявил Мориарти. — Барристер. Сейчас работает в какой-то школе в Блэкхите. Отправь туда своих людей. Мне нужно знать все.

Людам Пейджета понадобилось несколько дней, чтобы отыскать в Блэкхите школу, в которой работал Дрюит. О результатах хозяину рассказал сам Пейджет.

— Школа эта находится на Элиот-плейс. Директором там мистер Валентайн. Этот Дрюит, как ушел из барристеров, сохранил за собой место в Иннер-Темпл.³⁴

Слушая Пейджета, Мориарти ощутил знакомое каждому охотнику волнение: погоня подходила к концу. Он распорядился, чтобы за Дрюитом установили постоянное наблюдение. В последующие недели Дрюит трижды приезжал в Лондон, каждый раз в сопровождении одного из людей Пейджета. В городе бывший барристер неизменно отправлялся в Иннер-Темпл, где и проводил какое-то время в полном одиночестве в своей комнате.

Тень Джека Потрошителя, как называли теперь уайтчепелского убийцу, еще лежала на грязных улицах Ист-Энда. Но время шло, неделя улетала за неделей, число жертв не увеличивалось, и горожане — полицейские и патрулировавшие улицы добровольцы, люди Пейджета и проститутки — понемногу проникались ложным ощущением безопасности.

Вечером 8 ноября Монтегю Джон Дрюит вышел из школы, расположенной в доме номер девять по Элиот-плейс, сел в поезд и в четвертый раз с момента установления за ним наблюдения отправился в Лондон. В тот день на «хвосте» у него висел опытный соглядатай, Фредерик Хокинс.

Для этих соглядатаев Мориарти придумал хитроумную систему: при каждом сыче-наблюдателе состоял бегунок, обычно мальчишка, обучавшийся какому-то другому ремеслу, например, взломщика, ужа³⁵ или карманника, который в силу молодости мог при необходимости, если Дрюит менял вдруг маршрут, быть отправлен с предупреждением к Пейджету.

В данном случае Дрюит взял билет от Блэкхита до Кэннон-стрит. Хокинс ехал с ним в одном вагоне, а бегунок, парнишка лет десяти, в другом.

Сойдя на Кэннон-стрит, Дрюит взял кэб и отправился к Иннер-Темплу, куда и вошел со стороны Миддл-Темпл-лейн.

Хокинс отправил бегунка к Пейджету с сообщением, что останется на посту до восьми утра. Визиты Дрюита в Лондон доставляли Пейджету немалое беспокойство. Он опасался, что бывший барристер, войдя в Иннер-Темпл через одни ворота, легко уйдет через другие. Понимая, что во избежание неприятностей следовало бы взять под наблюдение и остальные ворота, он, тем не менее, не ставил перед Мориарти вопрос о выделении дополнительных ресурсов. В конце концов, если раньше ничего не случилось, то почему что-то должно случиться сейчас?

Хокинс заступил на смену всего за четверть часа до отъезда Дрюита в Лондон и ночное дежурство у Иннер-Темпл перенес без особого труда. Побеспокоиться пришлось только ближе к утру, когда небо пару раз брызгало дождиком.

Рассвет выдался сумрачный, но в семь часов Хокинс с удивлением обнаружил спешащую к воротам знакомую фигуру. Это был Дрюит — в длинном, цвета ржавчины пальто и войлочной охотничьей шляпе. Хокинс обратил внимание на красный шейный платок, а также на то, что украшенное пшеничными усами лицо бывшего барристера, как он выразился потом, «белое как смерть». Шел Дрюит быстро, хотя и явно с напряжением всех сил, выдававшим огромную усталость. В руке он нес пакет, завернутый в

³⁴ Иннер Темпл (Внутренний Храм) — один из четырех «судебных иннов», английских школ для подготовки барристеров.

³⁵ Гибкий, ловкий молодой преступник, которого используют для участия в квартирных кражах.

водонепроницаемую ткань, называемую также «американкой».

Хокинс со страхом понял, что в какой-то час ночи Дрюит, должно быть, вышел из Иннер-Темпл то ли на набережную, то ли на Тюдор-стрит и теперь возвращается обычным путем. Хокинс незамедлительно отправил бегунка к Пейджету. В восемь пришел сменщик со своим бегунком, а Хокинс направился напрямиком в дом на Стрэнде, где обнаружил и Пейджета.

В половине десятого Мориарти, Пейджет, Спир и полковник Моран собрались в гостиной. Позвали и Хокинса. Настроение преобладало мрачное, поскольку все понимали, что Дрюит ушел от наблюдения и неопределенное время оставался предоставленным самому себе. Пейджет и Спир уже отправили в район Уайтчепела своих людей с тем, чтобы незамедлительно сообщать обо всех серьезных происшествиях.

В то утро лондонский мэр устраивал шоу, но в Уайтчепеле желающих отправиться в Сити, чтобы посмотреть парад, нашлось немного. В числе этих немногих был Джон Маккарти, владевший, кроме свечной лавки на Дорсет-стрит — самой зловещей лондонской улице, — и еще кое-какой недвижимостью, включая шесть полуразвалившихся лачуг в мрачном Миллерс-корт. В номере тринадцатом жила довольно молодая проститутка, Мэри Джейн Келли, любительница напустить туману на свое прошлое и, что называется, разыграть Ротшильда, называвшая себя порой Мари-Жанетта Келли. Ей было двадцать пять лет, и ее долг по квартплате уже достиг тридцати пяти шиллингов.

В пятницу, 9 ноября, примерно без четверти одиннадцать, Маккарти послал своего помощника, Томаса Бойера, по указанному выше адресу для взыскания долга. Денег Бойер не увидел, но впечатлений получил столько, что их хватило на всю жизнь. Постучав и не получив ответа, Бойер сдвинул закрывавший разбитое окно кусок мешковины и заглянул внутрь. Мэри Келли была на месте, точнее, в нескольких местах. Повсюду темнели пятна крови.

Полицейские и врачи попали в комнату только около половины второго, но Мориарти и его приближенные узнали жуткие детали случившегося еще до полудня.

— Итак, теперь мы знаем наверняка, — холодным, могильным голосом объявил Мориарти. — Больше этого быть не должно.

— Хотите, чтобы я все устроил? — спросил Пейджет.

— Тут требуется тонкий расчет. Да, я бы хотел, чтобы все устроил ты, но только когда дело будет закончено. Думаю, для начала Морану следует надеть на него каменный пиджак.

План действий обсуждали часа три. Время от времени с улицы доносились крики продающих газеты мальчишек:

— Убийство в Уайтчепеле!

— Еще одно страшное убийство!

— Ужасные зверства!

— Читайте о последней жертве Потрошителя!

Наблюдение за Дрюитом усилили, но новых поездок в Лондон он не предпринимал и до конца четверти оставался в школе мистера Валентайна. Однако, 30 ноября самого Дрюита посетил гость. Незвестный прибыл в дом номер девять незадолго до пяти часов пополудни и, не назвав себя, спросил, можно ли ему повидать мистера Дрюита по частному делу большой важности. Гостем был, разумеется, полковник Моран, и дело, о котором он упомянул, не отняло много времени. Встретились мужчины в тесной гостиной на первом этаже.

— Мистер Дрюит, — без долгих предисловий начал полковник, — я скажу это только раз, так что слушайте внимательно. Вы не знаете меня, но я знаю, кто вы. Мне известно о ваших делах в Ист-Энде, и у меня есть доказательства.

Дрюит побледнел.

— Никому больше знать об этом не обязательно, — продолжал Моран, становясь спиной к двери и опуская руку в карман, где лежал его верный «шаттак», револьвер 32-го

калибра. — Сегодня пятница. Мы встретимся в понедельник, в шесть часов вечера, у Говард-Армс, что недалеко от ваших апартаментов в Темпл. Вы никому ничего не скажете и придете один. При встрече я передам вам имеющиеся у меня улики в обмен на шестьдесят фунтов. Сумма для вас, человека со средствами, небольшая. Итак, мистер Дрюит, до понедельника.

С этими словами Моран коротко кивнул, открыл дверь и, не дав Дрюиту времени для ответа, вышел, попятившись, в коридор.

Весь уикенд лил дождь. В субботу Дрюит перебрался с Элиот-плейс на Кингс-бенч. Люди Пейджета продолжали следить за ним, и на этот раз под наблюдение взяли все входы в Темпл.

В последний раз Дрюита видели утром в понедельник, 3 декабря, но никто не видел, чтобы он шел в сторону Говард-Армс около шести вечера.

Моран сидел за столом в небольшом, уютном, обшитом деревянными панелями баре. Неприятная, ненастная погода не способствовала наплыву посетителей; еще двое мужчин за столом у стены негромко переговаривались меж собой. То были Пейджет и Спир. Моран ждал Дрюита и, заказав два стакана бренди, не спеша потягивал из своего. Время тянулось медленно.

Дрюит появился в самом начале седьмого и сразу направился к Морану.

— Деньги у меня. Чек и золото, — негромко сказал он, опуская руку к карману.

Полковник остановил его торопливым жестом.

— Не здесь. Садитесь, мой дорогой Джек, выпейте бренди, согрейтесь.

Дрюит, заметно нервничая, неохотно опустился на стул и быстро, в два или три глотка, как и предсказывал Мориарти, выпил бренди. Никто и не заметил, что по пути от стойки к столу полковник высыпал в стакан какой-то белый порошок.

— Где улики? — спросил Дрюит.

— Все свое время, — ответил Моран и, похлопав по карману, добавил: — Здесь.

— На то была веская причина, — нервно произнес бывший барристер и сделал очередной глоток.

Полковник кивнул.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Несчастные живут в ужасной грязи. Кто-то должен был привлечь к этому внимание. Может быть, теперь власти что-то сделают. — Он допил остатки бренди.

Спир и Пейджет поднялись и вышли из бара. Немного погодя Дрюит тряхнул головой и пробормотал, что ему жарко. Он выглядел так, словно вот-вот лишится чувств.

— Вам нужно освежиться. — Моран поднялся сам и помог подняться Дрюиту. — Пойдемте. Закончим наше дело.

Уже подходя к двери, учитель из Блэкхита покачнулся, а за порогом начал оседать. Спир подхватил его под руки.

Два крепких парня, бывших при Моране в качестве сычей на подхвате, перенесли Потрошителя через улицу и положили на землю. Пейджет уже приготовил кучку камней, которые тут же перекидывали в карманы Дрюита, после чего парни ловко подхватили его и, словно мешок, бросили в поднявшиеся воды Темзы. В меркнувшем свете дня еще можно было разглядеть мелкие пузырьки, поднимавшиеся из глубины.

Тело Монтегю Джона Дрюита нашли в канун Нового года.

Больше Потрошитель никого не убивал, и Мориарти, вспоминая, как избавил Уайтчепел от сковавшего его ужаса, только укрепился в решимости избавиться так же и от Майкла Культяшки.

Он хорошо выспался. Сон вернул его в детство: зеленые луга и холмы Ирландии, животные и птицы... потом, вдруг, переезд в Ливерпуль... переполненный пароход, качка, тошнота, старший брат, насмехающийся над его слабостью, другой брат, пытающийся помочь и успокоить, мать, бледная, с покрасневшими глазами... весьма осязаемое отсутствие отца...

Сон не отпускал всю ночь. Картинки прошлого, ясные и четкие, сменяли друг друга: новый дом, намного меньше, чем ферма в Ирландии... странные звуки и еще более странные лица... школьный класс и учитель, пророчащий его брату, Джеймсу, большое будущее... чувство ненависти к этому гению, как будто занявшему в семье место отца. Там, в школе, какой-то мальчишка, да, Макгрей, научил его воровать по мелочам — платки, сладости и тому подобное. В голодные дни ходили воровать хлеб — опасное дело по тем временам.

В первые секунды после пробуждения Мориарти показалось, что он еще там, в 1888-м, на Стрэнде. Но мозг быстро перестроился на настоящее, вернув к многочисленным и непростым обязанностям: проблеме с оказавшимся в тюрьме полковником Мораном, освобождению из Стила братьев Джейкобс, изгнанию из Уайтчепела Майкла Культяшки и его банды и дюжине других, более насущных задач. День предстоял нелегкий: встреча с Элтоном, надзирателем в Стиле, деловое — но не без приятностей — свидание с Мэри Макнил.

Начиналась новая жизнь.

На завтрак миссис Райт приготовила Профессору жареный бекон, почки и колбасу — все куплено у «Уорвик Филд энд компани», Уоппинг, Хай-стрит. Стол накрыл Ли Чоу, сновавший туда-сюда с неизменной улыбкой на круглой, как луна, физиономии. Остальные «преторианцы» разошлись с первым светом, получив задания, после выполнения которых Мориарти мог с полным правом заявить о восстановлении полного контроля над столицей. Сделать это требовалось в ближайшие дни, чтобы его представители, прибывающие из крупнейших европейских городов, смогли убедиться в возможностях и силе их хозяина.

Перед тем как лечь спать, Мориарти избавил Эмбера от одного из поручений, переложив его на плечи Пейджета. Эмбера ждал трудный день: вместе с Паркером ему предстояло оценить масштабы и сферу деятельности Майкла Культяшки и Лорда Питера и, самое главное, выявить имена ближайших подручных Культяшки. Ему же Мориарти приказал изучить предложение по ограблению в Хэрроу. Последним и предстояло теперь заняться Пейджету. Поездка в Хэрроу требовала времени, и, отсылая его туда, Профессор преследовал и другую цель: выяснив местонахождение и условия содержания Себастьяна Морана, Спир должен был навести справки насчет юной подружки Пейджета, Фанни Джонс.

Когда Ли Чоу вернулся, чтобы убрать посуду, Мориарти указал ему на стул, стоявший напротив.

— Помнишь мистера и миссис Доуби? Приходили вчера поговорить насчет их дочери, Энн-Мэри?

— Энн-Мэри? Той, сто обозгли кислотой?

— Да. Так помнишь?

— У меня холосий слух. Я много слышу, но нисего не говолю, пока не спласивают.

— Ее родители сказали, что кислотой ей в лицо плеснул какой-то Таппит. Мне нужно, чтобы ты поговорил с кем надо и узнал, как все было.

Круглую физиономию расщепила широкая ухмылка.

— Все сделаю. Все узнаю. Быстло-быстло.

Мориарти посмотрел на него в упор.

— И чтобы никаких ошибок. Ли. Мне нужна правда. Если это сделал не Таппит, узнай, кто и почему. Понятно?

— Понятно. Если Таппит не виноват, давить Томми Лоллокс не надо.

Мориарти улыбнулся.

— Томми Роллокс,³⁶ Ли Чоу, — поправил он.

— Я и говолю — Лоллокс.

Профессор усмехнулся.

³⁶ Томми Роллокс (Tommy Rollocks) — яички, (брит, рифмованный сленг).

— Ладно, Ли Чоу. Пусть так. Ступай.

Китаец, ухмыляясь, удалился, а Мориарти подумал, что если Таппит виноват, то одним ударом по яйцам не обойтись. Человек, изуродовавший девочке лицо, заслуживал наказания иного рода. У. С. Гилберт и сэр Артур Салливан³⁷ выразили это простой фразой: «наказание должно соответствовать преступлению». Кто бы ни изуродовал Энн-Мэри, он получит по заслугам. Наказание будет жестоким.

К одиннадцати часам Профессор тщательно проверил отчеты за последние три года по пяти своим ресторанам и паре мюзик-холлов. Человек прозорливый, он понимал, что на данном этапе карьеры легальные предприятия являются для него высшим приоритетом.

Удовлетворенный результатами проверки, Мориарти откинулся на спинку кресла. Судя по бухгалтерским книгам, заведения принесли немалую прибыль. Прибавка легального бизнеса к криминальному могла серьезно укрепить его положение, а осуществление планов, связанных с растущим анархистским движением в Европе, содействовало бы выполнению первой части грандиозного замысла: установлению абсолютного контроля над уголовным миром Европы.

Назначенная на 13 апреля встреча с континентальными коллегами была для Профессора, возможно, самым важным на данный момент делом, от исхода которого зависело все его будущее: удачный исход сулил большие проекты, а планы обрели бы прочную основу и значительно продвинулись.

В дверь постучали. Вошел Пейджет.

— Я собрал всех внизу.

Выглядел он решительно. Решительнее, чем обычно.

— Проверенные парни?

Пейджет кивнул. Мориарти улыбнулся.

В «комнате ожидания» собралось девять человек, девять мужчин, способных на любого нагнать страх. Каждый за шесть футов ростом, широкоплеч, крепок. У каждого в лице явные признаки склонности к жестокости.

Когда-то все эти люди были уличными борцами и профессиональными боксерами, о чем напоминали шрамы, сломанные носы и изуродованные ушные раковины. Некоторые имели и более характерные отметины: у одного как будто съехал в сторону левый глаз, у другого скособочился подбородок.

Остановившись у подножия лестницы, Мориарти обвел взглядом лица собравшихся. Он хорошо знал всех и каждого. Когда-то, при первой встрече, на их лицах лежала печать отчаяния; теперь ее сменило твердое выражение решимости. И перемена эта случилась, в первую очередь, благодаря ему.

— Рад снова вас видеть, ребята, — улыбнулся он.

Ответы прозвучали негромко. Кто-то стащил с головы шляпу, кто-то кивнул, кто-то ухмыльнулся.

— Что ж, Пейджет уже сказал, наверное, насчет работы, — продолжал Профессор. — У нас тут появились смутьяны, надо кое-кого поставить на место. Вы пока поешьте да отдохните. Я жду нашего доброго друга Эмбера с несколькими именами, и как только он вернется, выпущу вас как стаю ангелов мщения. — По его лицу расплылась улыбка. — Хотя я с трудом назвал бы вас ангелами...

Среди присутствующих послышались довольные смешки.

— Скорее ангелами разрушения, Профессор, — подал голос громила по имени Терремант.

— Ангелы разрушения? Да. А теперь позвольте миссис Райт поухаживать за вами. —

³⁷ Драматург сэр Уильям Швенк Гильберт (1836–1911) и композитор сэр Артур Сеймур Салливан (1842–1900) — выдающиеся английские авторы, создавшие во второй половине XIX века четырнадцать оперетт, не уступавших по популярности произведениям Штрауса, Кальмана и Оффенбаха.

Он повернулся к Пейджету. — Толковые ребята. Займись теперь тем делом в Хэрроу. До завтра ты мне не нужен.

— Я бы хотел вернуться поскорее.

Уж не беспокоит ли в глазах Пейджета?

— А, да, я и забыл, что у тебя есть теперь особая причина вернуться к ночи. Твоя честная леди...

— Она не шлюха, — моментально ошетинился Пейджет. Назвать женщину «честной леди» вовсе не означало сделать ей комплимент.

Мориарти позволил себе паузу.

— Нет, конечно. Извини, Пейджет. Ты же рассказывал мне о ней. Фанни Смит, если не ошибаюсь?

— Джонс, Профессор. Фанни Джонс.

— Да, разумеется, Джонс. Виноват. Знаешь, я немного расстроен из-за того, что узнал о ней так поздно... что она живет под моей крышей. Вы оба здесь и находитесь под моей протекцией. Когда я смогу познакомиться с девушкой?

— Когда пожелаете, сэр.

Мориарти снова выдержал паузу, приняв задумчивый вид.

— Сейчас у меня дела... вечером я тоже занят... Может быть, я увидаю ее завтра. Она дома?

— Да. Помогает миссис Райт по кухне, ходит за покупками и все такое.

— Хорошо. Занимайся делом, а о ней поговорим завтра. И не серчай. Человек ты хороший, надежный.

— Спасибо, Профессор.

Пейджет кивнул собравшимся, которые к этому времени уже всю угощались элем и поданными миссис Райт горячими пирогами, и неслышно удалился.

Примерно через полчаса вернулся Спир, разгоряченный и заметно нервничающий.

— Ты нашел его? — спокойно осведомился Мориарти, уже сидевший к тому времени за столом. Речь шла о Моране.

Спир кивнул.

— Он на Хорсмангер-лейн, ждет суда. Сегодня рано утром его, похоже, доставили в магистрат на Боу-стрит и предъявили обвинение в убийстве. Так что на Хорсмангер-лейн ему оставаться недолго, несколько часов в лучшем случае.

Мориарти нахмурился.

— Ждет суда? — пробормотал он, не ожидая ответа. — Это ведь дает ему некоторые привилегии, не так ли?

— Ему дозволено принимать передачи, еду, напитки, одежду. Там его скорее всего и повесят. Все необходимое у них есть.

— Моран молчать до виселицы не станет, а если заговорит, то нам всем крышка. Надо сделать так, чтобы наш друг полковник покинул сей мир задолго до суда.

Мориарти погрузился в раздумья.

— Фанни Джонс. — Он улыбнулся. — Полковник узнает Фанни Джонс?

— Сомневаюсь. Девушку он видел раз десять, если не меньше, а на лица внимания никогда особенно не обращал, его другое интересовало, что пониже.

— Узнай о ней все, что только можно. И побыстрее. Если эта Фанни и в самом деле такая чистенькая, как все считают, то она может кое-что для нас сделать. Выясни, служила ли она у леди Брэй и за что ее выгнали. Покопайся в ее прошлом.

— На это много времени надобно, Профессор.

— Глубоко не бери. Положись на чутье. Я тебя знаю, Спир, ты уже через пару часов мнение составишь.

Улыбка Мориарти придавала лицу то странное и редкое выражение, которое свидетельствует о крайней степени человеческой развращенности. Нынешние психиатры имеют для него с десяток наименований, но тогда, в 1894-м, Зигмунд Фрейд еще только брел

— во мраке, на ощупь — к постижению природы психического расстройства, а такие понятия, как психология преступника или судебная психология, просто-напросто не существовали.

Стремление к власти, желание обладать и распоряжаться — собственностью, жизнью, городами, душами — пришли к Мориарти еще в юности. В десять или одиннадцать лет он уже понимал, что отличается от других.

Воспоминаний об Ирландии не сохранилось, хотя и мать, и старшие братья часто говорили о зеленых полях, ферме, домашнем скоте. Первые его воспоминания касались Ливерпуля, маленького, тихого домика в районе, где жил преимущественно средний класс, и проникавшего в сознание яростного голоса, требовавшего вырваться из плена потертого бархата и мертвых глаз незнакомых людей, глядевших из рам в крошечной гостиной. Рамки эти висели аккуратными радами над комодом вместе с декоративными тарелочками, расписанными голубыми цветочками.

Он улыбнулся про себя — те дни давно ушли, как и те времена, когда его называли Джимом. Три брата с одним именем — Джеймс. Дурацкая прихоть то ли отца, то ли матери. Пока мать играла на рояле в гостиной, Джеймс делал уроки, а Джейми предавался мечтам о войне, смерти и славе. Джим? Джим не мечтал ни о славе, ни вообще о чем-либо. Миг удачи нужно хватать за глотку, использовать его, выжимать из него все, до последней капли, а потому Джим уже в нежном возрасте начал присматриваться, искать источники власти и влияния и довольно быстро обнаружил, что найти их совсем нетрудно. Итак, сначала надо схватить человека, сделать его своим рабом, обрести полный контроль над ним, и это, как он выяснил, было легче, чем могло показаться на первый взгляд.

Самое большое влияние на мужчин имеют женщины и девушки, а значит, начинать следовало с них. Вечерами Джим Мориарти бродил по городу, отмечая для себя места, где легче всего найти людей, живших на их улице. Дальше было легче.

Первой его целью стала няня, жившая в доме номер пятнадцать. Джим поймал ее — вернее, просто увидел — с каким-то солдатом. Потом выяснилось, что девчонка, ей было шестнадцать, проводит свободное время — один вечер в неделю и воскресенья — не с одним солдатом, а с несколькими. Продолжая наблюдение, Джим в конце концов застал ее в кустах на территории старого зоологического сада: юная няня распостерлась на земле с задранной до плеч юбкой, а лежавший на ней здоровяк-капрал ерзал так, словно старался выиграть золотой кубок.

Когда все закончилось, капрал дал девушке денег и ушел; звон монет еще долго оставался в памяти Джима. Минут через пять с ней был уже другой солдат, и все повторилось.

Мориарти сознавал, насколько опасно то, чем он занимается. В Ливерпуле едва ли не каждый день находили убитых парней. Но опасность его не остановила. Он знал, что девушка работает в очень уважаемой семье, а ее отец занимает должность директора сельской школы. По крайней мере так говорила его мать. Когда Джим Мориарти рассказал ей, что знает, девушка только фыркнула презрительно.

— Ты просто маленький паршивец. Тебе никто не поверит.

— Подождите и увидите.

— Ты ничего мне не сделаешь. Я напушу на тебя своих ребят.

— Вас все равно поймают, — возразил он. — Я все записал. Все, что видел. И эти записи в надежном месте. Если со мной что-то случится, мой друг знает, что надо сделать.

— Что тебе надо, чертов ублюдок?

— Мама говорила, что вы — леди. Леди так не выражаются.

— Что?

Он назвал половину того «вознаграждения», что она имеет с солдат. Девушка спорила и даже пустила слезу, но заплатила. Заплатили и другие: сын лучшего друга его матери, еще две няни, кухарка из дома номер сорок два и строгая, чопорная мисс Стелла, преподававшая в воскресной школе — на нее Джим наткнулся случайно, но деньги отдала и она.

Все эти люди были его первоклассной клиентурой, но юный Мориарти не брезговал и рыбешкой помельче, например одноклассниками. Шантажируя их, он усваивал первые уроки настоящей власти. То было только начало.

Несмотря на сломанный нос и уродливый шрам Спир вполне мог сойти за полицейского. Бар «Виктория», где он сидел, находился неподалеку от Парк-лейн, его часто посещали слуги — дворецкие и камердинеры, не ниже, — состоявшие при богатых, известных и влиятельных особах, чьи особняки располагались поблизости.

Спир не сказал бармену, что представляет отдел уголовных расследований Скотланд-Ярда, но дал понять, что такая возможность существует. Намек сработал: в последние недели сюда нередко заходили переодетые в штатское сыщики, занимавшиеся расследованием убийства Рональда Адэра, и появление еще одного, тем более на следующий после задержания убийцы день, вовсе не выглядело чем-то странным. Бармен пошептался с хозяином паба, и тот, подойдя к столику, спросил, не желает ли гость выпить за счет заведения. Спир добродушно согласился и уже через десять минут получил необходимые сведения. Оказалось, что дворецкий сэра Ричарда Брэя, некий мистер Хейлинг, имеет привычку регулярно заглядывать в «Викторию» около девяти вечера, а два или три раза в неделю приходит и около полудня.

Спиру повезло еще больше, когда в пять пополудни в баре появился высокий, сухощавый, с печальным лицом гробовщика мужчина, несомненно, принадлежавший к верхнему эшелону прислуги. Хозяин тут же свел их, и Спир, настороженно оглянувшись и понизив голос, осведомился у мистера Хейлинга, не может ли тот уделить несколько минут для небольшого конфиденциального разговора. Он также взял два стаканчика горячительного.

Хейлинг явно заколебался; в последнее время здесь рыскали репортеры, и ему не хотелось бы попасть в какую-нибудь историю.

— Об этом, мистер Хейлинг, можете не беспокоиться, — почтительно заверил дворецкого Спир. — У нас нет ни малейшего желания впутывать кого-либо в какие-то истории, но в связи с тем неприятным делом по дому четыреста двадцать семь на Парк-лейн возникли кое-какие вопросы.

Хейлинг насупился и подозрительно уставился на собственный нос, как будто тот учуял некие оскорбляющие его обоняние запахи.

— Прискорбное дело, — произнес он тоном человека, комментирующего скорее случай с потерей флорина, а не убийством молодого джентльмена. — В высшей степени прискорбное и заслуживающее всяческого сожаления. Я бы предпочел избежать каких-либо заявлений.

Спир вздохнул, убедительно изобразив разочарование представителя власти.

— Что ж, мистер Хейлинг, если не желаете об этом говорить, ваше право. Я лишь подумал, что таким образом мы могли бы избавить сэра Ричарда и леди Брэй от полицейского допроса по делу, которое, уверен, не будет иметь для них больших последствий. Вас тоже придется вызвать, поскольку леди Брэй понадобятся ваши знания и память относительно некоторых фактов. Дело, о котором идет речь, слишком незначительно, чтобы она помнила о нем, зато от вашего внимания, мистер Хейлинг, я не сомневаюсь, не ускользает ничто. — Изуродованный шрамом уголок рта едва заметно задергался.

В первый момент Спир даже подумал, не зашел ли слишком далеко с такими речами, но опасения рассеялись, когда в глазах дворецкого мелькнуло что-то похожее на уважение, словно Хейлинг успел мысленно оценить проницательность собеседника, сумевшего так быстро признать за ним несомненные достоинства.

— Возможно, вы подскажете, о чем именно идет речь. — Дворецкий даже улыбнулся. — Достаточно легкого намека, — добавил он с ударением на последнем слове.

— Конечно. — Спир пригубил бренди. — Речь идет о девушке, работавшей одно время в доме Брэев. Некая Джонс. Горничная или что-то в этом роде. Приехала из деревни, по-моему, из Уорвикшира. Служила у леди Брэй, уволена примерно год назад. Да, Фанни

Джонс.

Хейлинг, напустив на себя важный вид, с достоинством кивнул. В этот момент он напомнил Спиру выскочку, выбившегося в секретари церковного прихода.

— Я помню эту девицу. — Голос дворецкого сочился высокомерием, а слово «девица» он произнес так, словно речь шла о кучке хлама.

Спир сдержался. Фанни Джонс ему нравилась и была к тому же девушкой старого приятеля, Пейджета. Живая, веселая да и красотка — ножки на загляденье. (Он знал это потому, что, заглянув однажды к Пейджету, застал ее неодетой, и те самые ножки запали ему в память на несколько недель.) Но Спир служил Мориарти, и коль уж Профессору захотелось разузнать о Фанни побольше, ему надлежало забыть о симпатиях и добросовестно исполнять поручение.

— Не расскажете мне о ней?

— Снова неприятности?

Снова? Спир был удивлен.

— Боюсь, не могу с вами поделиться. Полиция ведет расследование, и я не вправе обсуждать его с кем-либо. — Спир наморщил лоб, потом, словно приняв какое-то решение, взглянул на дворецкого. — Могу лишь сообщить — разумеется, по секрету, — что девушка связалась с нехорошей компанией.

— Шлюхи?

Хейлинг подался вперед. В глазах блеснул интерес, хотя голос выдал презрение.

«Друг мой, — подумал Спир, — если за Фанни ничего дурного нет, а на улице она оказалась не без твоего участия, то я сам позабочусь, чтобы ты получил по заслугам». В одну секунду взгляд дворецкого сказал ему больше, чем он узнал бы за десять лет разговоров. Спир мог узнать шлюху, едва посмотрев на женщину, и сейчас мог бы поклясться, что угрюмый мистер Хейлинг регулярно навещает либо Хеймаркет, либо Лейстер-сквер — в Сохо дворецкий вряд ли рискнул бы сунуться, — и наверняка ищет особых удовольствий.

— Что-то в этом роде, — уклончиво кивнул Спир.

— Вам известно, где?

Прямой вопрос. Возможно, особым пристрастием мистера Хейлинга была сама Фанни Джонс.

— Больше сказать не могу, но нам нужно знать, что она собой представляет и сколько времени находилась в услужении у сэра Ричарда и леди Брэй. Если вы пожелаете принять участие в спасении заблудшей, я, возможно, смогу дать вам дополнительные сведения, испросив разрешения у начальства.

Хейлинг понимающе кивнул. Его прямо-таки распирало от осознания собственной значимости; напыщенность — естественная черта, обретенная за поколения прислужничества.

— Взбалмошная, капризная девчонка. Других слов, сэр, я для нее и не нахожу. Взбалмошная и капризная.

— Продолжайте.

— К леди Брэй поступила с наилучшими рекомендациями. Приехала из какого-то местечка вблизи Уорвика, кажется, из Кенильворта. Нам прислуга не требовалась, но леди Брэй ее приняла — по доброте душевной. По-моему, за нее ходатайствовал кто-то из приятелей сэра Ричарда. Старая история, сэр: сделай человеку добро, и он отплатит тебе злом.

— Верно, верно, — кивнул Спир.

— Связалась с одним молодым лакеем. Я довел это до сведения сэра Ричарда, и, что характерно, он отнесся к этому в высшей степени снисходительно. Поговорил с парнем, и, как я думал, на этом все кончится. Молодым горничным непозволительно заигрывать с лакеями. В таком доме это недопустимо.

— Разумеется, — вставил Спир.

— К сожалению, дело на том не кончилось.

— Неужели?

— Вскоре я узнал — по чистой, заметьте, случайности, — что Джонс взяла за правило отлучаться на час-другой по вечерам для того лишь, чтобы встречаться с другим молодым человеком.

— Не из прислуги?

— Нет, сэр, с каким-то бездельником. Насколько я понимаю, отставным военным. Да это и неважно. Девчонка совсем потеряла стыд. Однажды ночью я застал ее, когда она прокрадывалась в дом после двухчасового отсутствия. Я сразу же пошел к леди Брэй, и она поручила мне разобраться самому и уволить ее. Через час в доме и духу ее не было.

— Так вы выставили ее на улицу?

— А что еще делать? Она бы оказывала дурное влияние на других девушек.

С каким удовольствием Спир врезал бы этому напыщенному, самодовольному негодяю! Врезал бы так, чтобы зубы посыпались и глаз заплыл. В том, что на самом деле случилось в благородном доме на Парк-лейн, у него не было ни малейших сомнений. Но Спир был человеком дисциплинированным.

— Что ж, думаю, больше мы вас не побеспокоим. По крайней мере, не в ближайшее время, мистер Хейлинг. Благодарю за помощь, приятно было побеседовать. Всего вам хорошего, сэр.

Возвратившись на склад, Спир обнаружил, что Эмбер уже вернулся, а Ли Чоу вызван наверх, к Мориарти.

Эмбер сидел в уголке, подальше от девяти здоровяков, которых Спир знал только наглядно. Они же, по-видимому, знали его лучше, потому что приветствовали с положенным его статусу уважением.

— Наши ребята? — спросил Спир, тяжело опускаясь на деревянную скамью рядом с Эмбером.

— Пустим в дело вечером. — Эмбер оторвался от кружки с элем. — Этот мерзавец Культяшка собрал вокруг себя приличную свору. Все крепкие парни, некоторых ты и сам знаешь.

— Кто? — бесстрастно спросил Спир.

— Джонас Фрей, Уолтер Роуч...

— Сволочи. Они же всегда работали на Профессора. — Шрам задергался, и лицо снова превратилось в маску злодея.

— Теперь вот в банде Культяшки. Вот тебе и полковник, дьявол его дери. Не удержал.

В не столь уж давние времена и Джонас Фрей, и Уолтер Роуч числились в приближенных «преторианцев»: сильные, ловкие, умные ребята. Профессор, конечно, нашел бы для них достойное место, продвинул наверх. Когда-то их использовали для выполнения заданий, требующих определенной ответственности. Их переход от Мориарти к Культяшке не мог расцениваться иначе, как откровенное предательство.

Спир сплюнул на пол — равного эффекта он достиг бы, швырнув в окно кирпич.

— Есть и другие. — Глазки Эмбера блеснули ненавистью. — Профессор сам тебе всех назовет. И что мы с ними сделаем, тоже скажет.

— Для таких никакое наказание суровым не будет. И чем раньше мы с ними разделаемся, тем лучше.

Тем временем Ли Чоу отчитывался наверху перед Профессором, который сидел за столом, как обычно, сложив ладони домиком.

Сомнений не оставалось: человеком, плеснувшим кислоту в лицо юной Энн Доуби, был Таппит. Дело ясное, свидетельств хватает. Если бы пострадавшая обратилась в полицию, Таппит уже сидел бы за решеткой, но у тех, кто считал себя частью семьи профессора Мориарти, действовали другие порядки. Полиция лишь играла роль служителей закона, и хотя закон был суров и немилосерден, во многих случаях, по причинам, известным лишь

отправителям правосудия, виновному удавалось избежать всей тяжести наказания. С другой стороны, немало было и людей относительно невинных — мужчин, женщин и детей, — жестоко пострадавших за мелкие прегрешения. Вот почему те, кому выпало жить в ужасной тени того времени, со здоровым и небезосновательным недоверием относились как к полиции, так и к закону. Они предпочитали восстанавливать справедливость по собственным понятиям.

Энн-Мэри Доуби была приятной, симпатичной девушкой и могла бы, как признал и сам Мориарти, неплохо зарабатывать, перейдя под опеку женщины вроде Сэл Ходжес. Но она предпочла другой путь и решила упорным трудом сама устроить свою личную жизнь. Возможной такая ситуация стала только лишь потому, что ее отец работал исключительно на Профессора.

В «Звезде и Подвязке», куда Энн-Мэри устроилась барменшей, ей пришлось общаться с той разношерстной частью человечества, что покровительствовала заведению. Платили мало, но зато она могла сама выбирать мужчин, что и делала весьма умело, избегая клейма шлюхи. Удостоенные ее милостей клиенты считали себя в некотором смысле победителями, покорителями женского сердца, хотя и платили за победу наличными. Энн-Мэри знала, как сделать так, чтобы мужчина воспринимал ее тело в качестве награды, естественного результата своего обаяния, чтобы ее дар — никаким даром вовсе и не бывший — представлялся ему следствием взаимного желания, не имеющим ничего общего с тем грязным бизнесом, которым занимались уличные женщины или обитательницы ночлежек и борделей.

Джон Таппит был, очевидно, давним воздыхателем Энн Доуби, почитателем, старания которого ею не поощрялись. Ли Чоу провел настоящее расследование, скрупулезное, но скорое. Множество свидетелей, как мужчин, так и женщин, говорили о том, что Таппит постоянно преследовал девушку, которая, не принимая знаков внимания, относилась к нему с добродушным юмором. Ли Чоу выслушал описания по меньшей мере трех безобразных сцен, имевших место в «Звезде и Подвязке», в результате последней из которых хозяин бара запретил Таппиту появляться в его заведении.

— Энн-Мэри — доблая девушка, — рассказывал Ли Чоу. — Когда хозяин заплетал Таппиту плечо в бал, она пообесала встлеться с ним веселом в одиннасть сясов, но не смогла плийти, потому сто клиентов было слиском много. Таппит сильно ласселдился и волвался в бал с кликами: «Я добелусь до тебя, лзивая стелва. Я полозу конес твоим иглам». Слысали это многие. На следуюсий весел, когда Энн-Мэри выходила из «Звезды и Подвязки», Таппит пелебежал серез дологу, кликнул сто-то и плеснул в лисо кислотой. У меня есть тли свидетеля, все надезные люди, которые видели, как это слусилось. Они все знают, сто я плисол от вас, и говолят, сто пытались его догнать, но уз больно быстло этот Таппит бегаает. Есе они говолят, что вы бегаете быстлее и поймаете его.

Как всегда, Ли Чоу выполнил работу безукоризненно, так что дополнительных вопросов не потребовалось.

— Ты знаешь, где живет Таппит?

— Узнаю. Быстло-быстло.

Мориарти кивнул.

— Найди его. А потом...

Отдав четкие и ясные указания неизменно тихим, бесстрастным голосом, Профессор отправил китайца заниматься порученным делом и попросил прислать наверх Спира, если тот вернулся.

Фанни Джонс исполнилось двадцать. Высокая, стройная, аккуратная, с овальным личиком в обрамлении темных локонов, большими карими глазами и тонким носиком, она привлекла Мориарти прежде всего своим ртом, вызвавшим у этого далеко не пылкого и много повидавшего человека странные представления о поцелуях, прохладных и свежих, как сорванный с грядки огурец, и соблазнительно сладких, как горшочек с медом. Фанни знала,

что лицо выдает ее трепещущую, нервическую натуру. Девушка понимала, как ей повезло встретить Пипа Пейджета. Если бы не он, оставалось только идти на улицу. Многие служанки, уволенные за ту или иную провинность, заканчивали тем, что попадали в бордели или, еще хуже, оказывались за решеткой.

Последние три дня, узнав о возвращении Профессора — личности, внушавшей ей благоговейный ужас и вызывавшей восхищение, — Фанни сильно нервничала из-за предстоящей встречи с ним. Не успокаивала даже мысль о том, что в нужный момент рядом будет Пип Пейджет. Но Пип уехал на целый день, и когда Берт Спир пришел на кухню, где Фанни помогала Кейт месить тесто для пирогов, и сказал, что Профессор желает видеть ее прямо сейчас, бедная девушка жутко смутилась.

«Испугалась, — подумал Мориарти, — да и как не испугаться бедняжке». Короткий, четкий доклад Спира он уже выслушал.

— Ты знаешь, где найти этого Хейлинга, если потребуется? — спросил Профессор.

— Я знаю, где его найти, и если все обстоит так, как мне представляется, то просил бы вашего позволения разобраться и с самим мерзавцем.

— С удовольствием. Если в случившемся с ней виноват Хейлинг, ты сам, не вмешивая Пейджета, преподашь ему тот урок, которого он заслуживает. Но... посмотрим. Приведи девушку.

Вот так Фанни Джонс оказалась в личных апартаментах Профессора.

Мориарти радушно улыбнулся.

— Много слышал о вас, Фанни. Проходите, садитесь. — Он указал на стул. — Бояться не надо.

Брошенный в сторону Спира быстрый взгляд ясно дал понять, что присутствие третьего здесь излишне.

Когда дверь за Спиром закрылась, Профессор откинулся на спинку стула.

— Чувствуйте себя как дома, моя дорогая. Я лишь вчера узнал, что вы живете под моей крышей. Пейджет служит у меня давно, и я хочу, чтобы вы знали — каждый, кто близок к нему, близок и ко мне. Каждый, кто живет под моей крышей, находится под моей защитой, и, как, возможно, уже сказал вам Пейджет, тот, кто пользуется мой защитой, имеет передо мной определенные обязательства.

Привычные, избитые слова. Знакомая, из года в год повторяемая схема. Этими словами и этой схемой Мориарти пользовался еще мальчишкой в школе и позже, подростком, на улицах Ливерпуля.

Я плачу тебе — ты мне обязан.

Ты обещал — ты мне обязан.

Я видел тебя. И мои друзья тоже. Ты мне обязан.

Хочешь, чтобы об этом узнал учитель?

Думаю, не хочешь.

Значит, ты мне обязан.

— Вы понимаете, Фанни, что это значит?

— Да, Профессор.

Она поняла, потому что Пейджет уже говорил ей об этом.

— Хорошо. Мы отлично поладим, Фанни, а сегодня вы поможете мне. Но сначала позвольте задать несколько вопросов. Видите ли, я не успел расспросить о вас Пейджета. Вы ответите? Ответите правдиво?

— Я всегда буду говорить вам только правду, Профессор.

Ей почему-то стало немного не по себе.

— Вы правдивая девушка, Фанни?

— Думаю, что да. Тем более с людьми, которых уважаю.

— Хорошо. До того, как Пейджет нашел вас и привел сюда, вы работали на сэра Ричарда и леди Брэй, верно?

— Да, горничной.

— Тогда вы знаете некоего мистера Хейлинга?

Под его пристальным взглядом щеки ее побледнели, как будто покрывшись меловой патиной, руки нервно задвигались, не находя себе места, пальцы сплелись.

— Мистер Хейлинг служит дворецким у Брэев, не так ли?

Она коротко кивнула, точнее, дернула головой.

— Да.

— Вы боитесь его, Фанни?

Снова кивок.

— Так, может быть, в том, что вас уволили, виноват он?

Она отвела глаза.

— Как я уже сказал, вам нечего бояться, Фанни. Даже если вы не рассказали чего-то Пейджету, со мной можете быть откровенной. Вас из-за него уволили?

Девушка замерла, упрямо наклонив голову. Прежде чем она шевельнулась, Мориарти мог легко сосчитать до двадцати. В следующее мгновение Фанни выпрямилась, словно собрав воедино призванные на помощь невидимые силы.

— Да. — Голос ее слегка дрогнул. — В том, что меня уволили, виноват мистер Хейлинг. Он пытался...

Медленно покачивавшаяся голова Мориарти остановилась.

— Соблазнить вас?

— Почти с самого начала, как только я пришла в дом Брэев. Всегда пытался лапать меня. Это было омерзительно, но я боялась. Он угрожал мне...

— Он добился своего?

— Один раз. — Она опустила голову. — Только один раз.

Лицо ее сделалось пунцовым.

— Он... он...

— Понимаю.

— Но он все равно продолжал. Постоянно. Сначала были подарки. Потом угрозы. Я не могла больше быть с ним, Профессор. Не могла.

— Угрозы?

— Он говорил, что если я не...

— То он выбросит вас на улицу.

— Да.

— Этим все и кончилось.

Она опять кивнула, теперь уже медленно, с горечью, и ее глаза потемнели, наливаясь жаждой мести.

— Вам не стоит так уж сильно его ненавидеть, — ласково промурлыкал Мориарти. — Если бы не он, вы не встретились бы с Пейджетом. Но можете не сомневаться, мистер Хейлинг получит по заслугам.

Она нахмурилась.

— Это означает, что его ждет наказание.

— Ах, да, к тому, кто ждет приходит отмщение.

— Вы правильно рассуждаете. — Мориарти подался к ней через стол. — А теперь, Фанни, поговорим о небольшой услуге, которую вы можете оказать мне.

Часом позже Мориарти отдал необходимые распоряжения. Поговорил с миссис Райт, чтобы та отпустила Фанни. Поручил Спиру лично разобраться с его другом Хейлингом. Отправил Терреманта в помощь Ли Чоу. Еще до исхода ночи Джону Таппиту должно было воздаться за изуродованное личико Энн Доуби.

Мориарти ждал сообщений от Паркера о местонахождении двух главных подручных Культяшки, Джонаса Фрэя и Уолтера Роуча. Как только те выберутся из своих убежищ, в дело вступят экзекуторы. Пейджет еще не вернулся из Хэрроу, и Мориарти надеялся, что он

не появится, пока Фанни Джонс не выполнит свою миссию в тюрьме на Хорсмангер-лейн.

Сам же Мориарти между тем решил подготовиться к встрече с Элтоном, надзирателем из Стила.

Глава 3 НАСТОЯЩИЙ МОРИАРТИ

Пятница, 6 апреля 1894 года

Тюрьму графства Суррей все называли хорсмангерской тюрьмой. Мрачное строение располагалось на территории прихода Святой Марии, в Ньюингтоне, окруженное грязной кирпичной стеной и почти скрытое за нею от посторонних глаз.

Фанни Джонс пробилась через толпу людей, довольных и ссорящихся, тихих и шумных, продающих, покупающих и слоняющихся без дела вдоль Стоунс-Энд. Улица эта всегда имела свой характер — шумный, веселый, добродушный, с нотками жульничества и надувательства.

Профессор был добр, но тверд, и Фанни все еще нервничала, тем более при посещении заведения, где собралось столько боли и несчастья. Неужели она и впрямь войдет в тюрьму, вдохнет ее запахи, ощутит ее вкус и даже, пусть и ненадолго, ощутит ужас существования за решеткой? В приюте для слуг, где и нашел ее Пип, о тюремной жизни говорили немало. Некоторые испытали ее «прелести» на собственной шкуре, побывав в том или ином исправительном заведении. Вспоминая те рассказы — о строгих порядках, скудном питании, всевозможных ограничениях и жестокостях, девушка невольно вздрагивала и поеживалась, как будто входила в царство кошмаров.

Когда Мориарти сказал, что хочет, чтобы она навестила полковника Морана в тюрьме на Хорсмангер-лейн, Фанни в первый момент категорически отказалась и даже заявила, что скорее уйдет из дома, чем согласится отправиться в это жуткое место. Профессор, однако, быстро и легко убедил ее, что бояться совершенно нечего.

— Вас ведь никто сажать в тюрьму не собирается, — мягко сказал он. — И полиция ни за что вас не разыскивает. — Он выдержал небольшую паузу. — Или все же разыскивает?

— Нет, конечно, нет.

— Вот и хорошо. Мы просто хотим побаловать полковника тем немногим, что позволительно ему сейчас, до того как суд вынесет приговор. Вам нужно понять, моя дорогая Фанни, что отнести корзинку с передачей, которую готовит сейчас миссис Райт, должен неизвестный властям человек. Вас никто не узнает, за исключением, может быть, самого полковника.

— Сомневаюсь, сэр. Но ведь тюрьма... это что-то ужасное...

Мориарти негромко усмехнулся.

— Не такое уж и ужасное, если не задерживаться там надолго. Вам предстоит всего лишь короткое путешествие в иной мир. Держитесь скромно. Не привлекайте к себе внимания. Вы всего лишь служанка. Оденьтесь соответственно.

Когда девушка вышла из комнаты, Мориарти позволил себе немного помечтать. Ее наряд позволял угадать и длинные, гибкие члены и мягкое, нежное тело под тонкой тканью платья, тем более что сам Профессор обладал талантом видеть скрытые формы. Откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, он попытался представить Фанни такой, какая она есть. Длинные, изящные ножки, крепкие, подтянутые ягодицы, упругие, полные, как экзотический фрукт, груди. В ее глазах он уже заметил тот кроющийся в глубине огонек страсти, который все мужчины ищут в женщинах. Пейджет — везунчик. Тут его мысли ушли в сторону, устремившись к несомненным достоинствам Мэри Макнил, встреча с которой ожидала его в одиннадцать вечера здесь, в этой самой комнате.

От Профессора Фанни пошла в кухню. Кейт Райт сказала ей переодеться и добавила, что передача для полковника будет скоро готова.

Фанни выбрала одно из двух черных платьев, которые купила за время службы у Брэев, натянула его, поправила белый воротничок, застегнулась, набросила на плечи накидку и вернулась в кухню.

Кейт Райт и ее муж, Барт, негромко о чем-то переговаривались и замолчали, как только Фанни вошла в кухню и смущенно остановилась у двери.

После некоторой паузы Кейт нерешительно улыбнулась и похлопала по корзинке, которая стояла на столе, прикрытая накрахмаленной салфеткой.

— Вот, готово, — только и сказала она.

Бартоломью Райт, крупный, немногословный мужчина, переступил неловко с ноги на ногу.

— Тебя туда отвезут в кэбе.

Он не улыбнулся — вопреки обыкновению, — и Фанни показалось, что вид у него какой-то озабоченный, но она списала это на собственную нервозность.

— Один из людей Профессора отвезет тебя на Стоунс-Энд, покажет, как пройти в тюрьму, и подождет твоего возвращения. Все понятно, девочка?

— Конечно.

В голове у нее уже мелькали жутковатые картины: мрачные физиономии, узники в грубоватой одежде, звон цепей... В эти фантазии вплетались обертоны насилия, орудия пыток, решетки и клетки, ужасный топчак (она покраснела, вспомнив, что это приспособление называют еще «дразнилкой»)³⁸

— Ты дрожишь. — Кейт положила руку ей на плечо. — Не надо, Фан, все будет хорошо. Беспокоиться не о чем.

— Знаю. Я просто боюсь.

— Такие места существуют, и тебе будет не вредно посмотреть, как оно там, изнутри.

— Только бы...

— Только бы тебя там не оставили, да, милая?

— Да, меня это очень беспокоит.

Барт рассмеялся.

— Ты сама себя пугаешь. Не бойся, Фан, тебя никто там не оставит. Кого-то другого — да, но только не такую милую девочку.

Кейт обняла ее за плечи.

— Это совесть тебя мучает, вот что. Не иначе как в этой красивой головке прячется какой-то темный секрет.

— У нашей Фан только один темный секрет — Пип Пейджет, — усмехнулся Барт. — Поэтому бедняжка и чувствует себя виноватой по ночам.

Фанни поняла, что он имеет в виду, и покраснела. Леди и джентльмены вроде Брэев и всех тех, кого она видела проходящими и выходящими из красивого особняка на Парк-лейн, всегда казались ей холодными и сухими, начисто лишеными того томительно-щемящего чувства, что испытывала сейчас она сама. Они не походили на людей, окружавших ее в Кенильворте — фермеров и всех тех, кто жил настолько близко к природе, что сами плотские удовольствия были для них понятны и естественны. Появлявшиеся в доме Брэев изысканные леди и джентльмены принадлежали к другому миру, в котором чувственность женщины приравнивалась к греху, а доминантной силой везде и повсюду выступили мужчины.

Кучером был толстяк с красной физиономией, пронизанной синими прожилками и

³⁸ Топчак (англ. treadwheel) — орудие истязания, изобретенное сэром Уильямом Кьюбиттом в 1817 году и применявшееся на протяжении XIX века в английских тюрьмах. Напоминало обычное водяное колесо, но с такими длинными лопастьями, что на нем умещалось от десяти, до сорока заключенных. Держась руками за балку над головой, они передвигали ноги, как при подъеме по лестнице, но оставались на месте, поскольку «ступеньки» уходили вниз. За относительно короткое время такая «ходьба» полностью выматывала крепкого, здорового мужчину.

испещренной оспинами. Фанни Джонс сидела, придерживая одной рукой стоящую на коленях корзинку и поглядывая беспокойно на меняющийся городской пейзаж. Экипаж остановился на перекрестке Стоунс-Энд и Тринити-стрит. Кучер повернулся и коротко объяснил, куда ей идти дальше, и как найти дорогу в тюрьму. Он также сказал, что будет ждать ее здесь в течение часа, хотя, по его мнению, она должна справиться с делом за вдвое меньшее время. Возница сделал вид, что не заметил слоняющегося неподалеку юнца в мешковатых, оборванных штанах и длинной засаленной кофте. Оттолкнувшись от стены, которую только что подпирал, паренек двинулся в том же направлении, что и Фанни Джонс. Профессор, как всегда, предпочитал не оставлять ничего на волю случая.

Желающий пройти к тюрьме на Хорсмангер-лейн должен был свернуть со Стоунс-Энд в узкий и мрачный переулок, который вел к главному входу у приземистого, с плоской крышей строения, места в котором хватало и для начальника тюрьмы со всей семьей, и для виселицы, последнего места встречи для многих несчастных.

— Посещение? — бесстрастно спросил охранник.

— Принесла продукты для заключенного, сэр, — ответила Фанни с ударением на «сэр».

— Имя?

— Чье имя, сэр?

— Заключенного, девочка.

Охранник принял ее за служанку, что было неудивительно. К такому выводу его подтолкнул, вероятно, фасон платья. К тому же в тюрьме содержалось немало должников, постоянно принимавших передачи с продуктами и одеждой от друзей, пребывающих в не столь стесненных обстоятельствах.

— Моран. Полковник Моран.

Охранник уставился на нее через решетку с таким видом, с каким разглядывают обычно какую-нибудь диковинку на ярмарке.

— Моран? Тот самый, убийца, да? И кто же это о нем так заботится?

— Знакомый офицер, — ответила Фанни, повторив то, чему учил ее Мориарти.

Дубленое лицо за решеткой сморщилось, изобразив отдаленное подобие улыбки.

— Товарищ по оружию. Имя?

— Полковник Фрейзер.

Снова гримаса.

— Что ж, подбирать слуг полковник Фрейзер умеет.

Заскрипели задвижки. Дверь распахнулась.

— Ладно. Доставишь свой «Фортнум и Мейсон»,³⁹ а там, смотришь, и ко мне заглянешь опрокинуть стаканчик.

Гримаса обернулась ухмылкой.

Фанни не пришлось даже стараться — кровь прихлынула к щекам, смущение смешалось со злостью, которую с трудом удалось скрыть.

— Меня ждут назад. У полковника очень строгие порядки.

Надзиратель кивнул.

— Может, в выходной?

— Извините, но это очень трудно.

— Разрешение на посещение заключенного тоже трудно получить.

Фанни облегченно вздохнула.

— Мне с ним видеться необязательно, — улыбнулась она. — Только корзинку доставить, вот и все.

Дверь за ней закрылась. Снова скрипнули задвижки. За узким двором она увидела низкие, обшарпанные, производящие самое унылое впечатление здания и людей — заключенных и надзирателей одетых в синее, со связками ключей, свисающих с

³⁹ Известный лондонский универсальный магазин.

металлических колец, вдетых в блестящие ремни.

Охранник еще раз посмотрел на нее острыми, голодными глазами, потом пожал плечами и кивнул.

— Как знаешь.

На привинченной к стене длинной деревянной полке лежали три или четыре тяжелых гроссбуха. Заглянув в один из них, охранник громко окликнул одного из надзирателей, приглядывавшего за кучкой заключенных.

— Уильямс!

Услышав свое имя, надзиратель быстро подошел к караульной будке. Охранник перевел взгляд с Фанни на Уильямса.

— Посетитель к Морану. Мужской блок А, камера семь. Жратву принесла, так что наедине можешь их не оставлять. Да оно и не положено.

Надзиратель кивнул.

— Тогда сюда, девочка.

Фанни проследовала за ним и повернула направо. Два внушительных здания смотрели друг на друга через двор — магистрат слева и тюрьма справа. Заключенные, мимо которых она проходила, вовсе не выглядели очень уж страшными. Объяснялось это тем, что в этом блоке содержались преимущественно должники, незадачливые торговцы, которые, тем не менее, пребывали в неплохом расположении духа.

Вслед за надзирателем она повернула налево, миновала еще одни ворота и свернула вправо. О том, что они вступили непосредственно на территорию тюрьмы, догадаться можно было по характерному запаху мыла и чего-то еще, незнакомого, тяжелого, гнетущего. К запаху добавлялось несмолкаемое эхо, звуки из кошмара — шорох шагов, стук дверей, глухое бормотанье, все далекое, сжатое тесным пространством и приглушенное толстыми кирпичными стенами.

В конце концов они оказались в длинном, узком коридоре с железными дверьми камер, пронумерованными белой краской.

— Мужской блок А, камера номер семь. — Надзиратель остановился и выбрал на связке нужный ключ.

Заскрежетал замок. Дверь открылась.

— Моран! — рявкнул Уильямс. — Девушка с передачей.

Фанни не знала, чего ожидать, что и как будет происходить.

Она оказалась в помещении с деревянным полом и голыми кирпичными стенами. Единственным источником света служило небольшое зарешеченное оконце на дальней стене, расположенное почти под потолком, на высоте примерно в семь футов. Вся мебель состояла из подвесной койки, умывальника в углу, маленького столика и табуретки.

Моран сидел за столом, обхватив голову руками — классическая поза заключенного, — и Фанни едва не вскрикнула, когда он взглянул на нее. Полковник не отличался привлекательностью и в лучшие времена, но сейчас, в ситуации крайней опасности, выглядел просто ужасно: блуждающий взгляд, дрожь, пусть и малозаметная, но проступающая и в руках, и в плечах, и на лице.

Глаза не выдали ни намека на узнавание, рот приоткрылся, как будто Моран хотел сказать что-то, но не смог по причине некоего внутреннего паралича.

— Полковник Моран, — негромко сказала Фанни, делая шаг вперед. — Ваш старый друг, полковник Фрейзер, прислал вам эту корзинку и спрашивает, нужно ли вам что-то еще?

— Фрейзер? — Он наморщил лоб, словно сию секунду вспомнил что-то, и столь очевидны были его растерянность и недоумение, что Фанни на мгновение оцепенела от страха. Что если Профессор ошибся, назвав ей не то имя? Но тут на лице заключенного появилась бледная тень улыбки.

— Джок Фрейзер, — пробормотал он. — Старина Джок. Да, весьма любезно с его стороны. Весьма. — Полковник горько усмехнулся. — Боюсь только, что и старине Джоку не снять меня с виселицы.

Фанни сделала еще шаг вперед и поставила на стол корзинку.

— Сэр, он обещал прислать меня еще раз на этой неделе.

— Передайте ему, что он верный друг.

Она подождала еще немного, потом поняла, что свидание — если это можно так назвать — окончено. Разумеется, ей было невдомек, что содержимое оставленной на столе корзинки подводило черту под тем сроком, что был определен полковнику Морану для пребывания в нашем грешном мире.

Дверь закрылось. Фанни хотелось только одного: как можно быстрее покинуть это мрачное место, но надзиратель не спешил, и она поймала себя на том, что считает до десяти, — привычка осталась с детства и помогала пережить самые неприятные мгновения.

Наконец Уильямс выпрямился и кивнул.

— Возвращаемся. Или желаете что-то еще посмотреть?

— Спасибо, сэр. Я лучше пойду.

Выйдя за тюремные ворота, она едва удержалась, чтобы не побежать; она чувствовала себя преступницей, единственное желание которой — как можно скорее покинуть место заключения. Только бы добраться до дома и смыть с себя все запахи этого жуткого заведения.

Незадолго до шести Мориарти начал одеваться, готовясь к встрече с Элтоном в «Кафе Ройяль». В это же самое время в тюрьме на Хорсмангер-лейн началась пересменка: на службу заступали надзиратели и охранники ночной смены.

Дежурный по мужскому блоку А двинулся по привычному маршруту, обходя вверенную ему территорию, и спустя несколько минут подошел к камере номер семь и заглянул внутрь через маленькое оконце в двери. Представшая его глазу картина зафиксировалась в мозгу не сразу, а когда это наконец произошло, надзиратель резко отдернул голову. Секундой позже он уже отпирал замок и звал на помощь.

Моран лежал на полу у стола, рядом с опрокинутой табуреткой. Он успел выпить стакан вина и съесть кусок мясного пирога, из остатков которого недобрым, обвиняющим взглядом смотрела половинка сваренного вкрутую яйца.

Ни надзиратели, ни доктор, подоспевший к месту происшествия минут через пять, помочь полковнику уже не могли. Морана обильно вырвало, и, судя по положению, смерть его была крайне мучительной.

— Должно быть, стрихнин или какой-то другой растительный яд, — заключил тюремный доктор, полноватый, важного вида мужчина, передвигавшийся по камере с преувеличенной осторожностью. Подражая детективу, он принялся к пище и вину и важно кивнул. — Да.

Инспектор Лестрейд прибыл в тюрьму часом позже, мрачный и заметно обеспокоенный. Поговорив с доктором и коротко взглянув на вино и пищу, он распорядился вызвать надзирателей и, опросив нескольких, дошел до охранника, в дежурство которого была доставлена корзинка, а потом и до Уильямса, сопровождавшего девушку в камеру Морана.

Около семи часов вечера инспектор покинул тюрьму в кэбе и сразу же направился на Лоундс-сквер, где проживал полковник Фрейзер.

Высокий, сухощавый, с желтоватым лицом и резкими манерами, полковник не терпел глупцов и поначалу принял Лестрейда за простака.

— Конечно, я знал Морана. Считал его своим другом, хотя и не могу сказать, что горжусь этим сейчас. Полагаю, вы уже достаточно изучили его карьеру.

— Почему вы послали ему в тюрьму продукты и вино? — По губам инспектора скользнула не обещающая ничего хорошего улыбочка.

Полковник изумленно уставился на него.

— Продукты? Вино? Вы о чем, черт побери, говорите?

— Я говорю о вашей служанке. Девушке, которая доставила корзинку полковнику

Морану сегодня во второй половине дня.

— Девушка? Какая еще девушка? — желтоватое лицо Фрейзера опасно побагровело. — У меня есть домоправительница, но ей около шестидесяти, и назвать ее девушкой я бы не решился.

Лестрейд нахмурился. Такого поворота дела он не ожидал, поскольку след вел исключительно к Фрейзеру.

— Другими словами, вы никого не отправляли с передачей к полковнику Морану? — Инспектор вопросительно вскинул брови.

В ответ Фрейзер разразился шквалом эпитетов, не оставлявших и малейших сомнений в его непричастности к совершенному злодеянию.

— Я бы и веревку ему посылать не стал, если б он пожелал повеситься! — Голос полковника поднялся на такую высоту, что наполнявшие зал стеклянные украшения задрожали, угрожая вот-вот рассыпаться. — Господи, Лестрейд, да этот мерзавец опозорил всех: школу, полк, семью. Я бы и на сто ярдов к нему не подошел, а уж отправлять посылку...

— Девушка сказала, что пришла от вас, — хватаясь за соломинку, пробормотал Лестрейд.

— В последний раз вам говорю, у меня на службе нет никакой девушки, и в тюрьму к этому злодею я никого не посылал! Слово офицера и джентльмена. Будете продолжать, и мне придется поговорить с моим другом, комиссаром.

Лестрейд поник, как будто из него выпустили вдруг весь воздух.

— Прошу прощения, сэр. Дело весьма важное и...

— Важное? Объясните.

— Тот, кто доставил передачу Морану, воспользовался вашим именем, сэр. Все указывает на то, что пища была отравлена. Себастьян Моран мертв.

— И вы подозреваете, что это я помог ему перехитрить палача?

— Ваше имя...

— К черту! Хотите что-то еще сказать, обращайтесь к моим адвокатам, «Парк, Нельсон, Морган и Гаммел», Эссекс-стрит, Стрэнд, Вест-Сентрал. Всего хорошего, сэр.

Возвращаясь в Скотланд-Ярд, смущенный и сбитый с толку инспектор попытался сосредоточиться на обстоятельствах, окружающих несомненное убийство полковника Морана. Он захватил полковника при попытке совершить убийство; при этом Моран, несомненно, уже совершил другое, застрелив юного Адэра. Остановившись на этой мысли, полковник напомнил себе, что к Морану его привел Шерлок Холмс. Очевидно, кто-то был заинтересован в смерти полковника. Но почему? Может быть, обратиться за помощью к Холмсу? Лестрейд припомнил, что великий детектив упоминал однажды о причастности полковника к темным делам печально известного Мориарти. Но Мориарти тоже мертв. Возможно, место профессора во главе организованной преступности занял кто-то другой? Ходили же слухи о некоем Майкле Культяшке, обосновавшемся и набравшем силу в Ист-Энде. Впрочем, в такой трясине зла докопаться до правды практически невозможно. Снова и снова инспектор возвращался к одному и тому же вопросу: зачем кому-то желать смерти Морану? И ответ приходил один и тот же: Моран располагал какой-то важной информацией. Но какой? Так и не решив проблему, Лестрейд проехал через ворота Скотланд-Ярда.

Для встречи был заказан отдельный кабинет, и Элтон уже ждал у входа, когда в начале восьмого к «Кафе Ройяль» подъехал Мориарти. Час был относительно ранний, поэтому обедающих в ресторане оказалось немного. Задерживаться внизу Профессор не стал и, коротко пожелав Элтону приятного вечера, повел его вверх по лестнице.

Занимая официально всего лишь должность старшего надзирателя в Стиле, Элтон выглядел весьма представительным и производил впечатление человека светского, что в немалой степени объяснялось его многолетним сотрудничеством с Мориарти. Был он

среднего роста и сложения, лицо имел на удивление мягкое, а для жесткости носил короткую, с проседью бородку, которая, вопреки намерениям, лишь подчеркивала доброту больших серых глаз. Однако того, кто верил в эту доброту, ожидало сильное разочарование, поскольку Роджер Элтон мог быть холодным, как лед, твердым, как гранит, и непробиваемым, как панцирь черепахи.

Пара эта, напоминающая отдаленно Дон Кихота и Санчо Пансу, прошла через сияющие залы первого этажа самого известного в то время лондонского ресторана, минуя столы с мраморными столешницами, золоченые колонны и бархатные пологи, поднялась по лестнице и направилась напрямик в кабинет, дверь в который услужливо придерживал почтенного вида управляющий.

Заказ, не спрашивая мнения Элтона, сделал Мориарти: суп «под черепаху», филе лосося под соусом «тартар», телячьи ребрышки с хреном и картофелем и тарталетки по-парижски. Компанию этим довольно-таки простым блюдам составляли французский салат и сыр, бутылка белого бургундского к лосося и розового к говядине.

Ели мужчины почти молча, обмениваясь лишь короткими репликами для поддержания разговора. И только когда оба перешли к ребрышкам, Мориарти поднялся, проверил, нет ли кого за дверью, и лишь затем обратился к Элтону.

— В вашем попечении находятся два моих человека.

Элтон сдержанно улыбнулся.

— Готов ручаться, их больше.

— Тех, что интересуют меня, двое. Братья Уильям и Бертрам Джейкобс.

— Уильям и Бертрам. Знаю. Получили по три года как соучастники Бланда. Чего вы хотите. Профессор?

— Мне нужно, чтобы они вышли. У меня обязательства перед их матерью.

Элтон вздохнул. По лбу его пробежали мелкие бороздки, словно там протащили крохотный невидимый плуг.

— Вам же прекрасно известно, что такое Стил. Вытащить братьев — почти то же самое, что воду выжать из камня.

— А у вас, Элтон, есть обязательства передо мной, — напомнил Профессор. — В данном случае придется выжать воду и из камня. С вашей помощью это вполне возможно.

Уголки рта у старшего надзирателя пошли вниз.

— Оба содержатся в тюрьме для мелких преступников, где был женский блок. Это близко и...

— Опасаетесь?

— Не уверен, что их можно вытащить, но если получится, шуму будет много. Начальник тюрьмы относится к надзирателям и охранникам почти так же, как и к заключенным. Если пропадут сразу двое...

— А если они не пропадут?

— Такое невозможно.

— Доверьтесь мне, мой друг. Ничего невозможного нет. С вашей помощью и при вашем молчании братья Джейкобс будут числиться среди заключенных, не находясь в тюрьме. — Мориарти одарил собеседника одной из своих редких улыбок. — Выслушайте, а потом выскажете свое мнение.

Разговор затянулся еще на час и прервался только однажды, когда официант зашел в кабинет, дабы заново наполнить бренди пустые стаканы. Говорили негромко, с серьезными, озабоченными лицами. Элтон часто кивал, и когда обсуждение наконец закончилось, оба улыбались.

На обратном пути Мориарти и Элтону пришлось пройти через главный зал внизу. Теперь он был полон; сидевшие за столиками собрались поговорить, повеселиться, продемонстрировать свое остроумие за бокалом шампанского. Вверху сияли хрустальные люстры, внизу элегантные наряды дам и безупречные костюмы джентльменов соперничали с роскошью обстановки.

У главного выхода возникла небольшая суета. Мориарти увидел невысокого, полного мужчину лет сорока с небольшим, разговаривавшего о чем-то с управляющим. Выглядел он фатовато, и это впечатление только усиливали полные, чувственные губы и рыхлое, одутловатое лицо. Мориарти узнал его с первого взгляда — имя этого человека было весной 1894-го на устах у всех.

Рядом с ним стояли двое молодых людей. Проходя мимо, Профессор услышал адресованную управляющему реплику:

— Если придет, скажите, что Оскар будет в отеле «Кадоган».

Пройдя в двери, Мориарти и Элтон оказались на шумной, запруженной прохожими Пикадилли.

Мориарти всегда нравилось окружать себя такими, как Джонас Фрэй и Уолтер Роуч, — плотными, крепкими, сильными. К сожалению, оба были людьми ненадежными, из тех, о которых говорят, что они служат и вашим, и нашим и всегда готовы переметнуться на сторону сильного. Страх у них всегда уступал жадности, а вседозволенность порождала ощущение эйфории, в котором они и пребывали, счастливо полагая, будто закон не про них — ни тот, что положен для криминальных джунглей, ни тот, что писан для всей страны.

В таком вот умонастроении эти двое и вышли в тот вечер из «Головы монашки», заведения на окраине Уайтчепела, чуть в стороне от Коммершл-роуд, где в компании себе подобных планировали новые дела и обсуждали приятное известие о кончине полковника Морана. Всего в «Голове монашки» собралось десять человек, включая их безоговорочного лидера и его ближайшего подручного — Майкла Грина, более известного как Майкл Культяшка, и Питера Батлера, именуемого также Питером Дворецким, или Лордом Питером.

Отчаянные, честолюбивые, безжалостные, вероломные, хитрые, оба обладали полным набором качеств, необходимых прирожденным лидерам уголовного братства. На протяжении года они тайно работали над выстраиванием организации, которая, как им хотелось верить, превзойдет соперничающую сеть. Следует отметить — и это свидетельствует о лояльности членов семьи Профессора, — что никто из них даже краем уха не слышал о возвращении Мориарти в родные пенаты. Настроение за столом преобладало приподнятое и даже восторженное; случившийся накануне арест полковника Морана воспринимался как победа, первый успех в сражении за господство.

Майкл Культяшка раскинулся в большом, хотя и малость потертом, кожаном кресле в большой комнате над пивной «Головы монашки». Ноги его отдыхали на столе, вокруг которого с кружками и стаканами сидели ближайшие подручные.

Культяшка был небольшого роста, плотно сбитый, с мускулистыми плечами и плоской, словно какой-то маньяк приложился к ней доской, физиономией. Нос сплюснутый, с широкими ноздрями, и болезненно желтоватая кожа выдавали его родство с монголоидной расой. Возможно, мать, молоденькая проститутка, зарабатывавшая на жизнь в районе доков, сошлась с китайским матросом, вследствие чего детские годы Майкла Грина проходили на фоне нищеты, лжи, пьянства, жестокости и всевозможных преступлений, имеющих отношение к мошенничеству, жульничеству и обману.

С малых лет Грину пришлось защищаться, думать и действовать быстро и решительно, отвечать на угрозу угрозой, хитрить и воровать, так что в конце концов это стало второй натурой. Его классами были лондонские улицы, откуда он время от времени предпринимал вылазки за город. Постепенно, с годами, он заработал репутацию человека ловкого и злобного. Тогда за ним закрепилась и кличка, свидетельствующая о незаурядном таланте по части маскировки.

У Питера Батлера история была другая. Он и в уголовный мир пришел иным, кружным путем. Родившись в деревушке Лавенхэм в Суффолке, где люди все еще жили по понятиям феодальных времен, Батлер в десять лет поступил на службу к местному землевладельцу и поднялся, пройдя по ступеням помощника буфетчика и поваренка, к семнадцати годам до второго лакея.

В восемнадцать он отправился с хозяевами в Лондон и там впервые познакомился с тем, что называется «плохой компанией», в частности, с несколькими взломщиками. Эти люди знали, как использовать доверенного слугу, каким считался Питер. Уже через два или три месяца юный лакей оказался втянутым в криминальные делишки и стал поставщиком важной информации: когда загородные дома остаются пустыми, какие драгоценности можно найти в лондонских особняках, хозяева которых отправляются на балы или в театр.

К концу сезона в жизни молодого человека произошла серьезная перемена: попав под подозрение, он был вынужден уйти со службы и перебраться к своим новым приятелям, в воровской притон среди трущоб Сент-Джайлса, прозванного Святой Землей и служившего убежищем для множества преступников в середине века. В то время эти трущобы тянулись от Грейт-Рассел-стрит до Сент-Джайлс-Хай-стрит.

Именно там репутация Питера Батлера быстро пошла в гору. Знание, пусть и ограниченное, но точное, общества и внутренней жизни богатых домов начало приносить непосредственный доход. Он мог без труда сойти и за проверенного слугу, а потом, набравшись опыта, и за молодого сельского джентльмена, приехавшего в город покутить и поразвлечься. Тогда же появились и приклеившиеся к нему навсегда клички: Питер Дворецкий и Лорд Питер.

В конце 1880-х Батлер, готовя ограбление в Хертфордшире, познакомился с Грином. Оценив мгновенно совместный потенциал и признав друг за другом право на честолюбивые устремления, эти двое объединили усилия с целью войти в элиту уголовного сообщества. Ничего уникального в таком союзе зла не было, подобное случалось раньше и, несомненно, случится еще не раз, прежде чем наша планета сойдет с орбиты.

За два с половиной года Грин и Батлер создали небольшую, но крепкую банду из прожженных уголовников, однако так и не пробилась в тот желанный круг, где планировались и осуществлялись крупные дела и грандиозные махинации и куда неизбежно притягивались самые лучшие, самые жесткие и самые сильные. Да, они контролировали нескольких торговцев в Ист-Энде, около сотни уличных женщин, обслуживавших преимущественно солдат и матросов, и пару заведений, привлекавших немногочисленных клиентов из среднего класса. Но реальный контроль по-прежнему принадлежал Мориарти, и Грину с Батлером хватало ума не переходить ему дорожку — до тех пор, пока по Уайтчепелу не распространился слух о преждевременной смерти Профессора.

Но и тогда они не ринулись поспешно делить оставшийся без присмотра пирог, а выждали еще полгода и лишь затем перешли к активным действиям. За это время парочка успела оценить структуру и силу оставшейся без головы семьи, собрать всю возможную информацию и определить стратегию проникновения.

Первой их целью стали Фрэй и Роуч, слабое звено, недовольные, которые, как только контроль перешел из твердых рук Мориарти в слабые и неуверенные руки Морана, оказались открытыми для любого внешнего влияния: давления, подкупа, обещаний.

— Полковник Моран — бездельник, которого интересует только он сам да игровые клубы, — сказал им Культяшка. — Профессор — урок для нас всех. Такого, как он, больше не будет.

Фрэй кивнул, а Роуч пробормотал, что Моран не уважает тех, кто всегда считал себя частью семьи Мориарти.

— Ничего не осталось. Ни уважения, ни страха.

Культяшка никогда не скрывал, что считает страх верным орудием достижения контроля и внушения уважения. Он всегда и не без основания боялся Мориарти и теперь, когда злой гений бесследно исчез, тешил себя мечтой достичь того влияния, которым пользовался некогда Профессор.

— Вам обоим будет лучше перейти ко мне, — откровенно заявил он.

Фрэй замялся. Роуч опустил голову и переступил с ноги на ногу.

— Многие все еще сохраняют верность Мориарти, — сказал он, поглядывая в сторону. — Каждый, кто перейдет к тебе, многим рискует.

— Еще больше рискует тот, кто отказывается от предложения и упускает свой шанс.

Парочка снова замялась, потом переглянулась. В голосе Майкла Культяшки прозвучали суровые нотки. Он, конечно, не внушал такого страха, как Мориарти, но Фрэй и Роуч понимали: его предупреждение — не пустые слова. Жадность, сила и страх всегда были для них определяющими факторами, и именно эти факторы определили, чьей стороны следует держаться.

Фрэй и Роуч стали ядром организации Майкла Культяшки, и, опираясь на них, он перешел в наступление. Одних перетягивали убеждением, других запугивали. При этом Культяшка не трогал тех, кто составлял костяк банды Мориарти, но сосредоточил внимание на головорезах, дубинщиках, матчерах, паломниках, тулерах и прочей уголовной мелочи.

Грин с Батлером начали с малого: надавили на торговцев спиртным, которые вследствие безалаберности Морана оказались без надежного прикрытия, уличных грабителей, скупщиков краденого — всего около дюжины рэкетов.⁴⁰ Взялись они и за проституток, прежде всего за тех, что работали на границе контролируемого Мориарти района. В течение года к ним перешел и по крайней мере один дом терпимости в Вест-Энде, поставлявший клиентам товар более высокого класса.

На встрече, состоявшейся в день смерти полковника Морана, Грин и Батлер пребывали в восторженном настроении. Новость, которую они принесли своим подручным, состояла в том, что под их крыло перешло еще одно заведение, на этот раз у Сентджеймского парка, и что после длительных переговоров достигнуто соглашение о присылке нескольких сельских девушек, готовых обучаться высокому искусству плотских утех. Известие это немало порадовало тех немногих, кто был в курсе применяемых Грином и Батлером методов. Для людей вроде Фрэя и Роуча не было удовольствия больше, чем лишить девственности юную, здоровую, кровь с молоком, селянку.

Кроме того, речь шла о двух планируемых ограблениях, так что домой бывшие «подданные» Мориарти возвращались довольные и преисполненные оптимизма. Витая в облаках и слегка покачиваясь после выпитого, они не заметили нищего в темном углу возле «Головы монашки», не услышали негромкого свиста и продолжали путь по грязным улицам. Между тем свист послужил сигналом, получив который отиравшийся неподалеку мальчишка сорвался с места и сломя голову, словно самой его жизни угрожала некая опасность, помчался к месту назначения.

Причин для беспокойства не появилось даже тогда, когда парочка наткнулась на болтающегося на углу улицы проныру Эмбера.

— Джонас! Уолтер! Ну и ну! Давненько не виделись. Где это вы прячетесь? В надежном месте и подальше от закона, а?

Как всегда, глазки у Эмбера бегали туда-сюда, замирая на мгновение, будто для того, чтобы пронзить ночную тьму.

Ни Грин, ни Батлер Эмбера не боялись.

— Как делишки, Эмбер? — Роуч подступил к бывшему приятелю, нависнув над ним грозной глыбой.

— Слыхали, ваш хозяин откинулся сегодня.

Эмбер печально кивнул.

— Что-то вам не везет, — прокаркал Роуч. — Как Профессора не стало, так вас и качает. Теперь вот полковничек отчалил... да он, собственно, не очень-то и старался.

— Поэтому Профессор его и списал, — сказал негромко Эмбер.

⁴⁰ Некоторые полагают, что слово «рэкет» (в значении — шантаж, вымогательство, мошенничество), как и другие выражения из уголовного жаргона, пришло к нам относительно недавно из Соединенных Штатов Америки. На самом же деле это понятие возникло в Англии. (См.: Grose «*Dictionary of the Vulgar Tongue*».) Скорее всего данное слово подобно многим иным, перекочевав когда-то через океан, вышло на некоторое время из употребления в Англии и затем, примерно в 1920-е, вернулось уже как новоиспеченный американизм. — Примеч. автора.

Смысл и полное значение реплики дошли не сразу. Фрэй недоверчиво ухмыльнулся.

— Профессор? Ты что имеешь в виду?

Они даже не услышали, как за спиной у них, выйдя из-за угла, встала четверка экзекуторов.

— Профессор желает вас видеть, — спокойно добавил Эмбер. — Обоих.

Первым, как всегда, опасность ощутил более сообразительный Роуч, лицо которого отразило растерянность человека, получившего сильный и неожиданный удар. В следующий момент он обернулся, но было уже поздно — вылетевший из темноты кулак послал его в нокдаун. Роуч рухнул, словно подрубленное дерево.

Фрэй, замешкавшись на секунду, попытался смыться, но Эмбер выставил ногу, и здоровяк, споткнувшись, сунулся физиономией в грязь. Ударился он крепко, так что воздух с шумом вырвался из легких, а подняться уже не смог. Это сделали двое громил, один из которых тут же врезал еще не пришедшему в себя Фрэю по затылку.

Эмбер растворился в темноте. Четверка экзекуторов последовала за ним, волоча двух перебежчиков и оглашая окрестности пьяным пением. Со стороны могло показаться, что веселый секстет возвращается с дружеской пирушки, в ходе которой двое его участников приняли лишнего и удалились, выражаясь современным языком, за точку невозврата.

Они и не вернулись. В одном из многочисленных полутемных, вымощенных дробленным камнем переулков их поджидала крытая подвода. Лошадка мирно дремала, но возница был начеку. Пленных загрузили, не особенно при этом церемонясь, после чего экзекуторы уселись и сами, причем двое из них прямо на бесчувственные тела. Получив сигнал, возница тронул с места, и подвода покатила в направлении Лаймхауза.

Поднимавшийся со стороны реки редкий вечерний туман рассеивал чахлый свет немногочисленных газовых фонарей. Прилегающие к складу улицы уже затихали, когда подвода остановилась у больших ворот, потратив на весь путь около двадцати минут.

Эмбер и четверка экзекуторов были не единственными, кто выполнял в тот вечер поручения Профессора. Еще двое, Ли Чоу и верзила по имени Терремант, протирали штаны в пивной небольшого дома терпимости неподалеку от Олдгейта. Ловкий китаец уже выяснил, что Джон Таппит, работавший кладовщиком на фирму «Ф. и С. Ослер», чьи товары — канделябры, лампы, столовое стекло, украшения, фарфор и керамика — выставлялись в магазинах на Оксфорд-стрит, завел привычку заглядывать сюда после работы.

Таппит, худощавый молодой человек без особенных способностей и навыков, отличался от многих наличием некоторого интеллекта, проявлению которого мешали вспыхивавшие время от времени страсти. Работа была спокойная, и, хотя платили мало, в те нелегкие времена ему завидовали многие. В пивную он приходил обычно около восьми часов вечера. Так случилось и в этот раз.

Заказав выпивку, Таппит удалился со стаканчиком в уголок, где и расположился в одиночестве. Ли Чоу и Терремант остались на месте и как будто совсем его не замечали. Проведя расследование с присущей ему тщательностью, китаец знал, молодой человек, столь жестоко обезобразивший Энн-Мэри Доуби, придерживается, по крайней мере в последние недели, определенного порядка. Ли несколько раз встречал девушку и, даже будучи человеком закаленным и многое повидавшим, с трудом сдерживал отвращение при виде изуродованной плоти, покрытой ужасными ожогами, протянувшимися от линии волос до скулы через левую щеку. По дороге к пивной он обменялся мнением с Терремантом, который согласился, что виновный должен быть наказан. Китаец знал, что если все пойдет обычным путем, то Таппит проведет в пивной не более получаса, после чего отправится домой, где его ждет более чем скромный ужин.

Прошло минут двадцать. Помещение наполнилось густым дымом и громкими голосами мужчин и женщин, сведенных вместе не дружбой, а отчаянием. Таппит поставил наконец на стол пустой стакан, и наблюдавший за ним Терремант толкнул локтем напарника. Парочка торопливо снялась с места, выскользнула из заведения, перешла на другую сторону улицы и

остановилась, продолжая наблюдение за дверью.

Таппит задержался минут на шесть или семь, повернул налево, прошел, не выказывая признаков опьянения, несколько десятков ярдов и свернул еще раз налево, на Майнорис. Ли Чоу и Терремант следовали за ним, отстав ярдов на двадцать.

Переулок между Сван и Гуд-стрит выглядел таким же пустынным, темным и зловещим, как и тот, где Эмбер и его четверо подручных взяли Роуча и Фрэя.

Пара прибавила шаг и сократила расстояние до жертвы на несколько шагов.

— Дзон Таппит, — подал голос Ли Чоу. — Мы от Плофессола.

Молодой человек остановился как вкопанный, став похожим на тот самый соляной столб, в который превратилась обернувшаяся в сторону Содома жена Лота.

В следующее мгновение китаец шагнул к нему, а Терремант прошел чуть дальше и повернулся, готовый схватить Таппита за руки. В призрачном свете блеснуло лезвие ножа. Глаза несчастного расширились от ужаса, а ноги словно приросли к земле. В горле у него забулькало.

— Что... что... — глухо прохрипел он. — За что?

Терремант схватил его сзади за локти, заключив словно в стальные тиски.

— Ты обзог Мэли Доуби лисо. Пола платить.

Скупой на слова, маленький китаец с трудом сдерживал бушующую в душе ярость. Он был готов отрезать Таппиту голову, но чувство мести подсказало, что такая быстрая, пусть и болезненная, смерть слишком легкое наказание для мерзавца, изуродовавшего прелестное личико только потому, что девушка не пожелала с ним встречаться.

Не обращая внимания на прерывистые всхлипы жертвы, Ли Чоу поднял нож. Таппит забился в руках Терреманта, стараясь спрятать лицо от страшного лезвия. Китаец схватил его за волосы и дернул вверх, заставив поднять голову.

И тут же всхлипы сменились долгим дрожащим криком боли — острие ножа вонзилось в мягкую плоть правой щеки. Ли Чоу ловко повернул запястье, совершив круговое движение наподобие того, что исполняет опытная рыночная торговка, разделявая большую, еще трепыхающуюся рыбку. Кусок мяса шлепнулся на землю, и Таппит затих, потеряв сознание.

Узкие, раскосые глаза блеснули неутоленным гневом. Повернув голову, Ли проделал такую же операцию на левой щеке. Терремант разжал руки и отступил — бесчувственное тело неловко, как смятая бумажная игрушка, завалилось вперед.

Китаец наклонился, вытер окровавленное лезвие о рукав несчастного, перевернул неподвижное тело носком ботинка, подобрал два куска теплой плоти и зашвырнул их подальше в темноту.

Жить Таппит будет, и умелый врач, если таковой найдется, возможно, даже сумеет заштопать бедолагу, но он так и останется ходячим напоминанием о воздаянии, уготованном Профессором всем и каждому, кто поднимет руку на тех, кто пользуется его покровительством. А о том, чтобы предупреждение разнеслось по Уайтчепелу, позаботится молва.

От чего не могло уберечь даже особое покровительство Мориарти, так это от проблем лондонского транспорта. Застрявший на Пикадилли-Серкус кэбмен, в экипаже которого сидел сам Профессор, с грустью смотрел на забившие ночные улицы фэтоны, кареты и омнибусы. Как жаль, что хозяин не властен и над ними. Подземную железную дорогу еще только начали строить, трамваев, появившихся несколькими годами ранее, было еще слишком мало, а конный транспорт уже не справлялся с перевозками.

Как и большинство кэбменов, Харкнесс — так звали возницу Мориарти — был весельчаком и большим любителем крепкого словца, успешно доказавшим свою полную непригодность на всех прочих работах и опустившимся в конце концов едва ли не на самое дно, а точнее, на место извозчика. Презираемый многими бывшими товарищами как неудачник, он утешался тем, что получает едва ли не больше всех своих лондонских коллег.

Сидя в кэбе, Мориарти смотрел на город, в котором не был несколько лет. Он чувствовал себя в безопасности. Запруженные проходимыми тротуары, кареты... Мир искал развлечений и наслаждений, и Профессор с удовольствием сознавал, что добрая треть этих веселящихся мужчин и женщин станут — так или иначе — его клиентами или жертвами.

Мориарти всегда предпочитал города — особенно большие города Европы — маленьким городкам и поселкам. Пышная зелень лугов, искрящаяся гладь озер, элегантная красота деревьев оставляли его равнодушным. Природа слишком близка к Богу, а Профессор принадлежал к числу тех, кто если и боится чего-то, то лишь силы Господа. Его надежным убежищем был Мамона, а естественная для Мамоны среда обитания — большой город. Ему доставляло удовольствие думать о том, сколько воров, карманников, проституток, вострил и дафферов⁴¹ работают сейчас, в этот самый момент, на него, сколько мужчин и женщин полагаются на его покровительство, чтобы заниматься избранным ремеслом.

Он отсутствовал слишком долго и теперь, с наслаждением вдыхая знакомые, характерные для столицы запахи сажи, гари, тумана и лошадей, вдруг понял, сколь многим обязан особенной порочности криминального братства этого города. Не в первый уже раз мысли устремились в прошлое, к тому фатальному шагу, который вознес его на вершину уголовного мира, сделал выдающимся преступником девятнадцатого столетия. Лишь невероятное тщеславие позволяло ему, пренебрегая риском, вести личный дневник (для чего пришлось изобрести собственный шифр), который, как он надеялся, когда-нибудь представит миру уникальную летопись его жизни и времени. Подобно многим жившим ранее, Мориарти жаждал бессмертия.

Отчасти эта потребность родилась из зависти к старшему брату, настоящему профессору Джеймсу Мориарти, бессмертие которому обеспечили трактат по биному Ньютона и должность профессора математики в провинциальном университете.

Именно тогда, в свой первый визит в эту тихую интеллектуальную заводь, он понял, какой славы достиг старший брат. Тот день Мориарти не забывал никогда: высокий, сутулый мальчишка, каким помнился ему брат, превратился в ученого мужа, пользовавшегося всеобщим уважением и почетом. Письма от знаменитостей, поздравления, лестные слова; почти законченная очередная работа, «Динамика астероида», лежавшая на безупречно чистом столе у освинцованного окна, выходящего на тихий дворик. Наверное, именно тогда, осознав в полной мере потенциал Джеймса, он ощутил всю силу зависти. Судьба назначила старшему брату стать великим ученым — в то самое время, когда младший из всех сил пытался пробиться на самый верх криминальной иерархии сначала Лондона, а потом и всей Европы.

На этом пути были и отступления, и неудачи, и Мориарти-младшему в первую очередь требовалось доказать и показать, что он — человек уникальных способностей и представляет собой силу, с которой должно считаться.

«Динамика астероида» принесла профессору Джеймсу Мориарти признание в научном мире, и только тогда его младший брат Джим ясно понял, каким путем идти дальше и как избавиться от снедающей его зависти. Он, как никто другой, знал слабости старшего брата.

В конце 1870-х высокий, сухощавый, сутулый профессор быстро становился значимой общественной фигурой. Его провозглашали гением, его звезда уверенно поднималась по академическому небосводу. О нем писали газеты, ему прочили новое назначение — высокую должность в Кембридже, — и все знали, что он уже отверг два заманчивых предложения с Континента.

Для младшего Мориарти пришло время действовать. Как всегда, он спланировал все с величайшей тщательностью.

Среди знакомых Джима Мориарти был старый актер, прославившийся на ниве

⁴¹ Вострилы и дафферы — карточные шулеры и торговцы краденым.

кроваво-мелодраматических постановок. Он сыграл едва ли не всех шекспировских героев, от горбуна Ричарда III до озлобленного старика Лира.

Гектору Хаслдину было к тому времени далеко за шестьдесят. Как в частной, так и в публичной жизни он являл собой яркую фигуру, питал слабость к бутылке, но при всем том по-прежнему, пусть и не так часто, как раньше, собирал большие аудитории и поражал зрителей актерскими талантами, в частности, удивительнейшей способностью изменять внешность.

Мориарти, всегда игравший на слабостях своих жертв, сумел проникнуть в ближайшее окружение старика и обрести немалое влияние за счет небольших подарков, прежде всего в виде спиртного и сигар. Быстро завоевав доверие, он однажды вечером, когда Хаслдин изрядно набрался, сделал первый подход, признавшись, что хочет разыграть своего знаменитого старшего брата, появиться перед ним в виде полного его двойника.

Идея пришлась актеру по вкусу, и он, вдоволь посмеявшись, приступил к ее воплощению, причем взялся за дело с профессиональным рвением. Хаслдин помог Мориарти подобрать нужный, с залысинами, парик, заказать специальную, добавлявшую роста, обувь, выработать характерную, с бросающейся в глаза сутулостью, осанку и даже показал ему профессиональные, лучшие на тот день пособия: «Искусство актерской игры, как накладывать грим» Лейси, «Практическое руководство по макияжу» и наиболее свежее, «Туалет и искусство косметики» Э. Дж. Кули.

Посвятив занятиям четыре недели, Мориарти-младший научился достигать почти невероятного сходства со своим почтенным братом. А еще через неделю старика Хаслдина обнаружили мертвым в гримерке, где его, согласно общему мнению, постиг апоплексический удар.⁴²

Неутомимый ученик Гектора всегда с величайшей тщательностью совершал обряд, в ходе которого Джеймс Мориарти-младший, становился Джеймсом Мориарти-старшим, профессором математики, автором нескольких научных работ.

Имея схожую структуру скелета, братья многим и различались: ростом, осанкой, чертами лица. Прежде чем приступить к делу, Мориарти подолгу рассматривал себя в зеркале, стоя перед ним нагишом. Таким образом он намного опередил свое время, выработав систему, схожую с той, которую много лет спустя предложил своему театру Константин Сергеевич Станиславский в книге «Работа актера над собой».

Мориарти стоял перед зеркалом, вглядываясь в свое отражение, и оно всматривалось в него. Мозг очищался, втягивал в себя другую личность, и человек по эту сторону зеркала менялся, на глазах превращаясь в другого.

Каждый раз в момент такого превращения Мориарти посещала тревожная мысль: а кто же он на самом деле, убийца или жертва? Для кого случившаяся трансформация — начало, а для кого — конец?

Достигнув ментальной готовности, Мориарти приступал к тому, что стало почти автоматическим ритуалом. Первым делом он натягивал длинный, тонкий корсет, позволявший выглядеть таким же худым, как старший брат. За корсетом следовало приспособление, напоминающее сбрую — тонкий, обхватывающий талию кожаный пояс с крепкой пряжкой. Далее шли плечевые ремни, продевающиеся через нашитые на корсете петли и идущие далее вниз, к пряжкам на поясе. Когда пряжки застегивались, плечи подавались вперед, так что двигаться можно было только с наклоном, создававшим эффект сутулости. Прежде чем надеть длинные полосатые брюки и ботинки со специальными подошвами, Мориарти натягивал чулки и рубашку.

Для полноты картины оставалось только поработать с лицом и головой. Должный

⁴² В данном случае, говорить о виновности Мориарти можно лишь предположительно. Разумеется, мы вправе подозревать худшее, однако следует обратить внимание на тот факт, что если все этапы обучения злодея тонкостям искусства маскировки изложены подробно в его дневнике, то смерть актера упомянута лишь коротко, без каких-либо деталей. — *Примеч. автора.*

эффект достигался с помощью кисточек и красок, используемых обычно актерами и мастерами маскировки.

Волосы убирались под плотно облегающую голову шапочку. На лицо наносился грим, благодаря чему щеки как бы вваливались, глаза глубже западали в глазницы, а кожа приобретала бледность. О конечном результате можно судить хотя бы по знаменитому описанию доктора Мэтсона, приведенному в «Последнем деле Холмса».

Завершающей стадией преображения было накладывание парика. Голова накрывалась тонким, пластичным материалом на твердой основе. Цветом и текстурой материал походил на кожу. Эффект достигался невероятно реалистичный — высокая лысина с клочками волос за ушами и на затылке. Потом Мориарти брал пузырек с кремом телесного тона и обрабатывал им линию соединения между париком и плотью. Удовлетворенный результатом, он одевался, вставал перед зеркалом и разглядывал себя со всех возможных углов. Из зеркала на Мориарти смотрел Мориарти.

Отработав до совершенства акт физического перевоплощения, Профессор приступил к решению следующей задачи: разрушению карьеры брата. Для человека, внимательно изучавшего неудачи других, это оказалось не так уж и трудно. Он давно знал, что Джеймс-старший иначе, чем остальные представители сильного пола, воспринимает естественные влечения плоти. Брат отдавал предпочтение обществу молодых людей, что ставило его, старшего преподавателя, ответственного за академическое воспитание отпрысков известных и богатых семей, в крайне уязвимое положение.

Еще живя в Ливерпуле, Джим размышлял о том, как использовать к собственной выгоде характерное для викторианских городов сексуальное лицемерие.

Хотя гомосексуализм — во всевозможных его формах — открыто процветал во всех слоях общества и был доступен как на улицах, так и в борделях, а также практиковался частным образом, гомосексуалист, занимавший высокий пост или исполнявший ответственную должность, мог подвергнуться остракизму и даже потерять статус, если отклонение от нормы становилось причиной или предметом общественного скандала. Юный Мориарти прекрасно представлял, насколько легко он может обратить слабость брата в свою пользу. Кампания началась с распространения слухов, причем не только в самом университете, сколько в тех местах, где проживали молодые люди, к которым профессор питал не вполне здоровый интерес. Результаты ее превзошли самые смелые ожидания.

Особенное внимание младшего Мориарти привлекли два студента. Один был старшим сыном крупного землевладельца в Глостершире; другой — наследником известного лондонского повесы, уже спустившего два состояния и готового сделать то же самое с третьим.

Обоим молодым людям — Артуру Боуэрсу и Норману Де Фрейзу — было около двадцати и оба уже несли на себе печать ранней дегенерации: томная внешность, слабые, женственные руки, безвольный рот, покраснение глаз на следующий после обильных возлияний день, аффективная речь, за которой с трудом угадывался быстрый, хотя и неглубокий, ум.

Мориарти взял на заметку обоих. Они часто проводили время в обществе профессора, иногда даже задерживались у него до утра и не демонстрировали той тяги к учению, которая была сутью самого профессора математики.

Через тщательно подобранных знакомых младший Мориарти запустил слухок о том, что его старший брат совратил и Боуэрса, и Де Фрейза. Плохие вести распространяются быстро, и вскоре они достигли родителей обоих молодых людей: первого — в тихом Глостершире, второго — в публичных домах и игровых клубах Лондона.

Как часто бывает в таких случаях, первым отреагировал распутный отец. Обеспокоенный тем, что любимый отпрыск может оказаться втянутым в паутину пагубных удовольствий и развращающих привычек, безжалостно влекущую к вечному проклятию самого отца, сэр Ричард примчался в университет, провел с сыном целый час и, преисполнившись праведного гнева, направился к вице-канцлеру.

Все сложилось наилучшим образом. Во-первых, вице-канцлером был престарелый священник, человек, погрязший в праведном лицемерии, свойственном духовным лицам христианских убеждений вообще и в особенности тем из них, кто отрезан от господствующих жизненных течений. Во-вторых, профессор оказался большим дураком, чем можно было предполагать.

Обладатель блестящего ума и невероятной проницательности во всем, что касалось математики и сопутствующих наук, профессор Мориарти имел слабое место, о существовании которого не догадывался даже младший брат: он ничего не понимал в деньгах. Весь предыдущий год профессор упорно работал, выслушивал поздравления и изредка позволял себе расслабляться с двумя молодыми людьми, разделявшими его пристрастия и причуды. Оказываясь нередко и в силу неведомых причин на финансовой мели, гений математики не видел ничего зазорного в том, чтобы занимать деньги у своих юных друзей.

Всего великий профессор Мориарти задолжал три тысячи фунтов Де Фрейзу и, как выяснилось позднее, еще пятнадцать сотен Боуэрсу. И это вдобавок к тому, что он, преподаватель и наставник, вовлек своих студентов в противоестественный образ жизни.

Вице-канцлер, святость которого не подразумевала наличия таких качеств, как терпимость и понимание, был потрясен и возмущен. И еще его заботило доброе имя университета. Из Глостершира спешно вызвали сквайра Боуэрса, а по колледжам уже распространялась эпидемия слухов: профессор математики украл деньги; мистера Мориарти застали — как говорится, *in flagrante delicto* ⁴³ — с университетской уборщицей; он надругался над вице-канцлером; он использовал свои математические способности, чтобы жульничать в карточной игре; он — курильщик опиума, сатанист и связан с бандой преступников. Профессору Мориарти не оставалось ничего другого, как подать в отставку.

Тщательно выбрав момент, младший Мориарти наведился к брату однажды вечером и без предупреждения. Увидев раскрытые коробки, сундуки и узлы, он мастерски изобразил удивление.

Старший брат — разбитый, сломленный, с потухшими глазами и еще больше ссутулившийся — мертвым голосом поведал младшему печальную историю своего позора.

— Думаю, только ты, Джим, и можешь меня понять, — добавил он, выложив всю ужасную правду. — А вот насчет Джейми сильно сомневаюсь.

— Джейми сейчас в Индии, так что беспокоиться пока не о чем.

— Но что он скажет, Джим? Конечно, публично ни о чем говорить не станут, но ведь слухи уже ходят... ужасные, далекие от истины. Вскоре весь мир узнает, что я покинул университет из-за каких-то нехороших дел. У меня нет будущего. Я никогда не закончу свою работу. Если бы ты знал, какая путаница у меня в голове! Я не представляю, что делать, к кому обратиться.

Боясь выдать себя нечаянной усмешкой, Мориарти отвернулся к окну.

— Куда поедешь?

— В Лондон. А потом... — Профессор раскинул в отчаянии руки. — Я уж подумывал податься к тебе на железную дорогу.⁴⁴

Младший брат улыбнулся.

— Я уже давно не работаю на железной дороге.

— Тогда чем...

— Чем я занимаюсь? Многим, Джеймс. Думаю, сегодня меня привело сюда само

⁴³ На месте преступления, (*лат.*).

⁴⁴ Многие до сих пор придерживаются той точки зрения, что младший брат профессора закончил свои дни начальником железнодорожной станции в одном из западных графств. Такой пост он, несомненно, занимал какое-то время, но у нас нет ни малейших сведений о том, когда и при каких обстоятельствах Мориарти переключился на криминальную деятельность. — *Примеч. автора.*

провидение. Я отвезу тебя в Лондон, а работа найдется.

В тот же день, ближе к вечеру, вещи профессора загрузили в кэб, и братья отправились на железнодорожную станцию, откуда отбыли в Лондон.

На протяжении месяца в обществе продолжались разговоры о том, что звезда гениального ученого закатилась. Между тем бывший университетский преподаватель занимался с будущими армейскими офицерами, преподавая им математику, поскольку математика, как сейчас уже ясно, играет все более важную роль в искусстве современной войны.

Скучной и нелегкой работой репетитора бывший профессор занимался на протяжении примерно шести месяцев после отставки. Жил он при этом в небольшом домике на Поул-стрит, неподалеку от того места, где ее пересекает Уэймаут-стрит, на южной стороне Риджентс-Парка. Район довольно приятный, подходящий для зимнего катания на коньках, игры в крикет летом и находящийся вблизи интересных в любое время года Зоологического и Ботанического обществ.

Затем, без какого-либо предупреждения, ни с того ни с сего профессор прекратил занятия и переехал в куда более престижный район, сняв дом на Стрэнде, где и жил еще в 1888 году, во время убийств Потрошителя.

До последнего времени этим и исчерпывались наши знания относительно передвижений профессора после его изгнания из высших эшелонов академической жизни. В действительности многое обстояло иначе; и именно в этот период в карьере профессора Мориарти, известного нам в качестве некоронованного короля преступного мира викторианских времен, произошло важнейшее событие.

Случилось оно в начале одиннадцатого часа вечера в конце июня. Погода стояла не по сезону холодная, небо хмурилось, грозя дождем, и луна пряталась за тучами.

Поужинав в одиночестве вареной бараниной с ячменем и морковью, профессор уже готовился ко сну, когда в дверь вдруг постучали, громко и настойчиво. Открыв, он увидел младшего брата, Джима — в старомодном черном длинном сюртуке и надвинутой на глаза широкополой шляпе. У тротуара стоял кэб. Лошадка мирно прядала ушами, место возчика почему-то пустовало.

— Входи же... — начал профессор.

— Некогда, брат. Джейми вернулся в Англию со своим полком. У нас беда. Нам нужно срочно с ним встретиться.

— Но где?.. Как?

— Надевай пальто. Я позаимствовал у знакомого кэб, у нас мало времени.

Требовательный голос младшего Мориарти подстегивал профессора. Он торопливо оделся и, заметно нервничая, забрался в экипаж. Его брат взял в руки поводья, и кэб тронулся. Путь их пролегал по пустынным улочкам и вел к реке, которую они пересекли по мосту Блэкфрайарз.

Продолжая следовать переулками и темными аллеями, братья проехали через Ламбет и наконец свернули на пустырь, огражденный длинной стеной, уходящей одним своим краем в мутные, бурлящие воды Темзы, заметно поднявшейся в это время года. Кэб остановился в нескольких шагах от стены, недалеко от реки. Из невидимой, прячущейся в темноте таверны доносились смех и пение, где-то лаяла собака.

Опираясь на руку брата, профессор спустился на землю и растерянно огляделся.

— Джейми здесь? — взволнованно спросил он.

— Еще нет, Джеймс. Еще нет.

В мягком, негромком голосе прозвучали зловещие нотки, и профессор, уловив их, забеспокоился по-настоящему. В руке брата блеснуло что-то длинное, серебристое.

— Джим! Что... — вскрикнул он, но договорить не смог, а лишь глухо охнул от боли, потому что брат ударил его ножом. Лезвие вошло между ребер. И еще раз. И еще.

Профессор покачнулся. Лицо его исказила ужасная гримаса. Падая, он попытался

ухватиться за полу сюртука, и в какой-то момент взгляды братьев встретились. В глазах старшего мелькнуло недоумение, потом они вдруг блеснули, словно несчастный постиг смысл происходящего, померкли и уже в следующий момент застыли в вечной слепоте.

Мориарти стряхнул вцепившуюся в сюртук руку, сделал шаг назад и посмотрел на тело брата, внешность которого он столь ловко скопировал. Казалось, в миг смерти старшего все его таланты, почести и слава перешли по лезвию ножа в тело младшего. Смерть профессора математики стала рождением новой легенды другого Профессора.

Мориарти принес из кэба цепи и замки, обшарил и вывернул карманы убитого и положил несколько найденных совершенов, золотые карманные часы и цепочку, а также носовой платок в мешочек из желтой «американки». Обмотав труп цепями и скрепив их для надежности замками, он осторожно толкнул мертвеца в воду.

Несколько секунд Мориарти молча смотрел через реку, в густую тьму, затем швырнул окровавленный нож в сторону дальнего берега. Через мгновение из темноты долетел тихий всплеск. Он быстро повернулся, сел в кэб и отправился в свой новый дом на Стрэнде.

На следующий день Спир с двумя помощниками навестил домик на Поул-стрит и убрал все следы бывшего жильца.

Возвращаясь домой после встречи в «Кафе Ройяль», Мориарти отогнал мысли о прошлом и постарался стереть из памяти предсмертный взгляд старшего брата. Они уже подъезжали к складу. День выдался долгий, и Профессор хотел прежде всего освежиться и отдохнуть. До назначенного Мэри Макнил времени ему еще предстояло уделить внимание некоторым неотложным делам.

Глава 4 **ДЕНЬ ЗА ГОРОДОМ**

Пятница, 6 апреля 1894 года

Долгим этот день был и для Пипа Пейджета.

Утром, после разговора с Мориарти, он сел на поезд на станции Лаймхауз и доехал сначала до Паддингтона, а уже оттуда отправился в Хэрроу. Было прохладно, но солнце светило ярко, и путешествие обещало приятный отдых от городской суеты и свежие впечатления. Пейджет редко ездил поездом — как наземным, так и подземным.

В те времена Хэрроу еще оставался милым уголком, сохранявшим то сельское очарование, от которого теперь, к сожалению, остались только воспоминания. Неудивительно, что едва сойдя на станции, Пейджет преисполнился ощущением свободы. С того места, где он стоял — сразу за главным входом, — были видны несколько домишек, уходящие вдаль деревья и зеленеющие поля. Паровоз запыхтел и пополз дальше, унося с собой шум и копоть центрального Лондона, а чувство беспредельности пространства, пришедшее еще в вагоне третьего класса, оказало действие, схожее с эффектом от тонизирующего средства. Гнетущие мысли, навеваемые данным Мориарти поручением, рассеялись, а их место занял очаровательный образ Фанни Джонс.

Ничего подобного Пейджет, выросший в узких закоулках и тесных комнатках огромного города, никогда еще не испытывал. Сколько он помнил себя, жизнь всегда была непрерывной битвой за выживание, войной с хитростью и обманом, в которой действовало безжалостное правило кулака, сапога, дубинки, бритвы, ножа, а то и пистолета.

Проявлений душевного тепла, нежности в жизни Пипа Пейджета было мало; оглядываясь в прошлое, он видел прежде всего мужчин и женщин, постоянно стоявших на передовой этой войны — с властями, бедностью, друг с другом, с самой жизнью. Мать его была женщиной крепкой, резковатой по натуре. Пейджет помнил, что в детстве они постоянно перебирались с места на место, нигде не задерживаясь надолго. Две грязные комнатухи делили между собой мать, два брата, три сестры и бесчисленные приходящие «дяди». Нечто, отдаленно напоминающее нежность, Пейджет испытывал разве что в тех

редких случаях, когда находил выход вожделению — сначала со старшей сестрой, а потом с многочисленными молодыми женщинами, предоставлявшими свою постель в обмен на несколько мелких монет, утаить которые удавалось в течение рабочего дня.

Жизнь круто изменилась в начале 1880-х — Пейджету было тогда двадцать шесть или двадцать семь лет, — когда в ней появился профессор Мориарти, давший место в своем доме, более спокойную работу и средства к существованию. Взамен он хранил верность хозяину и даже стал одним из самых надежных его приближенных. И вот теперь в этой жизни появилось еще одно измерение — Фанни Джонс, выказавшая ему, большому и сильному мужчине, уважение, рожденное не страхом, а желанием и природной мягкостью.

Шагая неторопливо по главной улице Хэрроу, Пейджет позволил себе помечтать — мечта эта при всей невозможности ее воплощения укоренилась в голове крепко и частенько волновала воображение — о жизни с Фанни Джонс в таком мире, что окружал его сейчас. По тротуарам шли женщины с детьми или с мужьями. Люди делали покупки в многочисленных, заполненных товарами магазинах. Мимо прокатил на велосипеде рассыльный с тяжелой корзинкой; рядом, задорно твякая, бежала собачонка. Разговаривавшие на углу двое мужчин то и дело приподнимали шляпы, кивая знакомым. И, что самое главное, сам воздух был, казалось, пропитан доброжелательностью, согласием и покоем; горожане улыбались, кэбы и омнибусы не заполняли собой улицы, неприятные запахи полностью отсутствовали.

Дом, взятый на примету тремя взломщиками — Фишером, Кларком и Гэм, — находился примерно в миле от северной окраины Хэрроу. Прогулка доставляла Пейджету истинное удовольствие. Он замечал детали, которыми не интересовался раньше, заглядывался на мелочи, привычные для местных жителей, но казавшиеся удивительными приезжему из столицы, и в какой-то момент поймал себя на том, что хотел бы жить в уединенном коттедже. Мысль эта, возникнув, разрасталась, обретала новые краски, волновала и манила. Он представлял, как выходит утром из двери, обрамленной с обеих сторон цветочными решетками, и отправляется на работу (пока еще, естественно, неопределенную), а на пороге стоит Фанни — улыбающаяся, розовощекая, и за ее юбки держатся крепкие, пышущие здоровьем ребятишки. Картина настолько его заворожила, что, подходя к дому, Пейджету пришлось сделать немалое волевое усилие, чтобы отогнать неуместные мысли и настроиться на деловой лад.

Дом — большой особняк в георгианском стиле, носивший имя Бичес-Холл, — вмещал в себя восемнадцать или девятнадцать комнат. Он был хорошо виден с дороги, от которой его отделяло акров двадцать открытых лужаек, цветочных клумб и розариев. Позади особняка маячила небольшая рощица.

Путь к особняку вел через большие железные ворота, за которыми открывалась длинная дорожка, проходившая между аккуратно подстриженными кустиками и заканчивавшаяся широким разворотом перед фасадом. Пейджет медленно прошел по дороге мимо, потом пересек небольшой луг и, выйдя к роще, оценил подход с тыльной стороны. Спрятаться было где, и он целый час лежал за деревьями, присматриваясь к особняку, беря на заметку все, что могло пригодиться взломщикам.

Возможностей для проникновения в дом обнаружилось предостаточно. «Чудные люди, — думал Пейджет, — укрепляют переднюю дверь и оставляют заднюю с хлипким старомодным замком и без запоров. А ведь есть еще оконце, ведущее скорее всего в чулан, и верхнее окно, к которому легко подобраться по крыше и которое выходит, вероятно, на лестничную площадку».

Закончив разведку, Пейджет снова пересек лужок, вернулся к дороге и направился к сбившимся в кучку домикам на дальней границе поместья. Слева остались хозяйственные постройки, принадлежавшие, очевидно, также сэру Дадли Пиннеру. По словам Мориарти, семья Пиннеров владела Бичес-Холлом во втором поколении.

Домики оказались на поверку коттеджами, таверной под названием «Синица в руке» и лавкой под вывеской, гордо именовавшей ее «универсальным магазином». Пейджет толкнул дверь магазинчика и вошел. Над головой громко звякнул колокольчик.

Пожилой мужчина в очках и белом фартуке поверх рубашки и брюк резал проволокой лежавший на прилавке огромный круг подсохшего сыра. Услышав звон, он на мгновение поднял голову. Покупательницы, пара девушек, обернулись.

Небольшое помещение едва вмещало всевозможные товары самого разного назначения. Леденцы и карамель теснились на полках рядом с джемами, жидкими заварными кремами и консервами; с потолка свисали два копченых окорока; на другом конце прилавка с сыром соседствовал внушительный кусок грудинки. Между ними пристроилось круглое блюдо с глазированными яблоками домашнего приготовления. Разнообразные запахи смешивались, создавая восхитительный, волшебный аромат, проникший во все уголки магазинчика и пропитавший собой самый воздух. Развешенные по стенам листки призывали покупать «Бовриль»,⁴⁵ лимонад «Эйфелева башня», чай «отменного качества» по цене 1/4, 1/6, 1/8. Маргарин продавался здесь по четыре пенса за фунт, о чем извещала табличка со старательно выписанными красным цифрами, размещившаяся у бочонков с желтоватого цвета жиром.

— Чем могу помочь?

Мужчина в белом фартуке вытер руки. Девушки, хихикая, выскользнули на улицу с пакетом сыра. Снова звякнул колокольчик.

Пейджет попросил четверть мятной карамели. Он уже почти не помнил ее вкуса, а душа, вырвавшись за город, требовала, несмотря на всю серьезность поручения, удовольствий. Ему предстояло дать заключение по предполагаемому ограблению, но это вовсе не означало, что у него нет права побаловать себя.

— Хороший сегодня денек, — заметил продавец.

— Хороший у вас тут бизнес, — ответил Пейджет.

— Я на этот бизнес всю жизнь работал, — усмехнулся продавец.

— Хочу спросить. — Пейджет доверительно наклонился к продавцу через прилавок. — Не знаете, здесь коттеджи на продажу есть? Или, может, в аренду кто-то сдает?

— Для себя ищешь?

Пейджет вздохнул.

— Да. Жене надоело жить у реки. Говорит, сыта по горло. Сыро и чертовски скученно.

— Ну... — Продавец поскреб затылок. — А ты сам-то чем занимаешься?

Пейджет улыбнулся. Улыбка у него была хорошая, открытая и дружелюбная.

— Ну... То тем, то другим.

— Всем понемногу. — Продавец понимающе кивнул.

— Можно и так сказать.

— Если наймешься к хозяину, можешь и жилье получить. Семьи тут живут подолгу, а все коттеджи принадлежат сэру Дадли.

— Сэру Дадли?

— Да, сэру Дадли Пиннеру, баронету. Живет в Бичес-Холл. И земля вокруг тоже его. Но работа найдется. Слышал вчера в «Синице» один паренек говорил, мол, люди им требуются. Парень ты крепкий, такого возьмут без разговоров. Коли есть желание, сходи в «Синицу», потолкуй с мистером Мейсом — он там хозяин. Скажи, что Джек Мур послал. — Продавец поставил на прилавок пакетик с карамелью. — С тебя полпенни.

Мейс, владелец «Синицы в руке», оказался плотным, широкоплечим мужчиной лет сорока пяти.

Прислонившись к стойке, Пейджет заказал кружку эля и, когда Мейс поставил перед ним пенный напиток, сказал, зачем пришел.

— Ага, работа есть. И в доме, и на ферме. Эй, Джордж! — Хозяин окликнул одного из двух посетителей, сидевших за столиком у полукруглого оконца. — Тут парень спрашивает насчет работы и жилья в доме сэра Дадли. — Он повернулся к Пейджету. — Джордж сам

⁴⁵ Популярная марка мясного экстракта для бульона и бутербродов.

работает в доме. Помощником конюха.

— А-а... — Тощий, с нездоровым лицом, Джордж важно кивнул. — Работник сэру Дадли нужен. Вообще-то, надо было двое, но одно место займет сынок старика Барни, тот, что женится на Бекки Коллинс. — Он ухмыльнулся. Его приятель хмыкнул.

— Свободный коттедж есть, — продолжал Джордж. — Сэру Дадли нужен парень женатый. Колоть дрова, работать у дома...

— И в поле, — добавил его сосед.

— Ага. — Джордж снова кивнул. — А ты сам из каких мест?

— Из Степни. — Пейджет приложился к кружке. — Хозяйка хочет перебраться из города. С кем можно поговорить насчет работы?

— Пока не с кем. — Джордж заглянул в пустую кружку. Его товарищ торопливо допил свое. Оба выжидающе посмотрели на Пейджета.

— Позвольте вас всех угостить. — Пейджет поставил на стойку свою кружку.

Джордж с приятелем поднялись из-за столика и робко, как пара увидевших топорцыплят, подошли к стойке.

— Сейчас ты там никого не найдешь. — Джордж посмотрел на эль так, словно выискивал в глубине рыбину. — До Пасхи никакой работы не будет. Да сэр Дадли и не станет никого нанимать, пока не побывает на севере. Каждый год туда ездит и всегда в одно время, хоть часы сверяй. А вот как вернется, так и начнет работников принимать. Сам-то ты парень, видать, здоровый, а вот жена твоя как? Сможет на кухне помогать? Или еще чего делать?

— Она прислугой работала.

— Ну вот и хорошо. Может, вам и повезет.

— Когда вернется сэр Дадли?

— Надо подумать. — Сказав так, Джордж поставил перед собой почти непосильную задачу. Погрузившись на некоторое время в молчание, он так и не дал точного ответа. — Где-то после двадцатого. Мистер Бирд вроде бы так говорил. Уезжают они четырнадцатого... к уикенду не вернуться, а значит, ждать их надо двадцать третьего или двадцать четвертого.

— Так мне тогда и приехать?

— Скажи, как тебя звать, а я передам старику Ривзу.

— Ривз управляет поместьем, — любезно пояснил Мейс.

Пейджет кивнул.

— Фамилия — Джонс. Филипп и Фанни Джонс. Буду признателен, если передадите, а я вернусь сюда двадцать третьего. Если мистер Мейс будет не против, оставьте для меня сообщение.

Все это было, конечно, игрой, но идея переехать с Фанни из Лондона в какой-нибудь тихий уголок и вести жизнь, совершенно не омраченную страхом, становилась все притягательнее. Так или иначе, он, как говорится, уже ступил одной ногой за порог Бичес-Холла — если не самого дома, то по крайней мере конюшни или сарая.

Следующий час Пейджет провел в пивной в разговорах с Мейсом, Джорджем и его приятелем Гербертом. Бесплатный эль развязал языки, и троица рассказала все: о сэре Дадли и леди Пиннер, о жизни в Бичес-Холл, о прислуге и заведенном в доме распорядке.

Покидая заведение, Пейджет уносил с собой бесценное сокровище фактов, рассмотрев которые, Профессор мог принять тщательно взвешенное решение относительно целесообразности финансирования предложенного Фишером, Кларком и Гэем проекта.

Спешить было некуда, так что в Паддингтон он вернулся почти в восемь вечера. Переходя к поезду до Лаймхауза, Пейджет купил за пенни последний выпуск «Ивнинг стандарт». Поймав монетку, мальчишка-газетчик побежал дальше, крича:

— Убийца Адэра умер в тюрьме! Полковник Моран отравлен! Убийца убит!

Пейджет раскрыл газету только в поезде. История в трактовке подавшего ее репортера

звучала жутковато, но факты были изложены верно:

Полковник Себастьян Моран, арестованный прошлым вечером инспектором Лестрейдом из Скотланд-Ярда и представший сегодня утром перед судом по обвинению в убийстве мистера Рональда Адэра и покушении на убийство детектива мистера Шерлока Холмса, найден мертвым в своей камере в тюрьме на Хорсмангер-лейн.

По словам обнаружившего его надзирателя, заключенный лежал на полу в неестественной позе и с «ужасно перекошенным лицом», как будто умер в больших мучениях. Судя по некоторым показаниям, он успел съесть кусок пирога и выпить немного вина, принесенного ему во второй половине дня неизвестной служанкой.

Отвечая на вопросы репортеров, инспектор Лестрейд заявил, что считает смерть полковника Морана убийством.

Упомянувшееся выше дело Адэра некоторое время смущало столичных детективов, но истина, как можно понять, была окончательно установлена вчера вечером, когда Морана арестовали непосредственно в тот момент, когда он пытался застрелить мистера Шерлока Холмса из дома на Бейкер-стрит.

Далее в газете приводились подробности как убийства Рональда Адэра, так и происшествия в тюрьме на Хорсмангер-лейн.

Пейджет сдержанно улыбнулся. Без Профессора, разумеется, не обошлось, подумал он. Месть не заставила себя ждать. Мориарти определенно не из тех, кто тратит время попусту и откладывает дело в долгий ящик. Так и надо, потому что люди давно уже не чувствовали твердой руки и распустились.

Вернувшись на склад, он обнаружил в «комнате ожидания» несколько человек. За столом в углу сидели со стаканами Ли Чоу и Терремант. В другом углу, возле лестницы, ведущей в апартаменты Профессора, собрались экзекуторы и с ними Спир и Эмбер. Там же сидели на стульях двое связанных, с кляпами во рту мужчин.

Присмотревшись, Пейджет узнал в них Фрэя и Роуча.

— Это они к Культяшке переметнулись? — спросил он у Спира.

— Они, ублюдки.

— А остальные?

— Других пока не взяли. Но они теперь быстро засохнут. Как конские лепешки.

Эмбер ухмыльнулся.

— У себя? — Пейджет показал взглядом вверх.

— Еще не вернулся. Решает вопросы, а мы ждем.

— Дел хватает. — Пейджет постучал пальцем по заголовку в газете.

Он не заметил, как переглянулись за стойкой Кейт Райт и ее муж, Барт, но что-то все-таки привлекло его внимание к паре.

— У вас там перекусить что-нибудь осталось? — поинтересовался Пейджет. — А то у меня от голода уже живот к спине прилип.

— Ты ж за городом был, мог бы пирогов деревенских отведать, — осклабился Эмбер.

— Эль да хлеб с сыром — вот и вся еда. Много ходить пришлось, ноги гудят.

— Фанни в кухне. — Миссис Райт кивнула в сторону задней двери. — Там еще много всего.

Спир коротко хохотнул.

— Да уж, нашему Пипу по горло хватит, а?

Остальные тоже рассмеялись, и Пип Пейджет, обычно принимавший подтрунивание с добродушным спокойствием, почувствовал на этот раз неприятное раздражение. Впрочем, связываться с «преторианцами», да еще на глазах у такой большой и разношерстной компании, было бы неблагоразумно, а потому он только кивнул и, обойдя прилавок, толкнул ведущую в кухню дверь.

Фанни сидела за столом и пила какао. Увидев Пейджета, она почему-то покраснела и торопливо поднялась.

— Пип... ты вернулся. Наконец-то. Я так беспокоилась.

Он обнял ее, прижал к себе и почувствовал, как колотится под рукой сердечко.

— Не стоило волноваться, Фан. Нет причин.

— Тут такие страшные вещи творятся. Я боялась за тебя.

— Мне сегодня ничто не угрожало.

Она посмотрела на него, и он нежно поцеловал девушку в губы. Фанни ответила — ей так хотелось, чтобы он обнял ее крепче, успокоил, рассеял страхи, уверил в том, что все хорошо.

— Такой день сегодня... — прошептала она. — Я познакомилась с Профессором. Он был очень добр ко мне. Дал поручение, и я его выполнила. — От волнения у нее, как у маленькой девочки, перехватило дыхание.

Пип улыбнулся.

— Вот как?

— Да. Я побывала в тюрьме. Отнесла передачу заключенному на Хорсмангер-лейн.

Сердце у Пейджета подпрыгнуло, и в животе что-то перевернулось. К горлу пополз тошнотворный привкус страха.

— На Хорсмангер-лейн? Господи, Фан.

Он отстранился, и она увидела его бледное лицо и дрожащие губы.

— Пип? Что случилось? В чем дело?

Пейджет молчал, не зная, что сказать. Промолчать? Но она в любом случае обо всем узнает — не от него, так от других.

— Присядь-ка, Фан. — Во рту пересохло, и он едва ворочал языком.

— Ну же, Пип. — Фанни попыталась улыбнуться, но улыбка не удалась. — Ты ведь не сердишься на меня? Пожалуйста, не злись.

— Нет, милая, не сержусь, но тебе нужно кое-что знать.

Она медленно опустилась на стул, сложила руки на коленях и с восхищением посмотрела на стоящего перед ней мужчину, высокого, сильного, с твердым лицом.

Профессор, объяснил Пейджет, всегда требует каких-то услуг от всех, кто работает у него. Иногда те, кого попросили об услуге, не понимают, что делают и не представляют всех последствий содеянного. Но Профессор всегда заботится о своих людях. После такого вступления он рассказал ей о Моране.

Дошло не сразу, но когда дошло, Фанни тоже побледнела.

— Боже мой. Получается, я — убийца? Я убила полковника.

— Нет, Фан. Ты всего лишь отнесла корзинку. Ее в любом случае кто-то бы отнес — не ты, так кто другой. Мы, те, кто служит Профессору, вопросов не задаем. Запомни это.

По прелестному личику покатались слезы.

— И что же, Пип, так будет всегда? Всегда?

— Не забывай, он дал мне место в своем доме, и я служу ему на совесть. Я не могу сейчас уйти. И ты тоже не можешь. Все очень серьезно, и если ты уйдешь, больше недели не проживешь. Или попадешь в Стил.

Она молча кивнула и уже собиралась что-то сказать, но тут из «комнаты ожидания» донесся какой-то шум — шаги, голоса, скрип стульев.

— Профессор вернулся. Иди в нашу комнату. Я приду как только освобожусь. И, да, прихвати холодного мяса и хлеба — я потом расскажу, где побывал сегодня.

Мориарти стоял перед связанными Роучем и Фрэм.

— Подонки! Подлые предатели! Веревку от палача, вот что вы заслужили!

Пройдя через кухню, Пейджет присоединился к остальным. Мориарти, заметив его, коротко кивнул.

— И что с ними делать? — спросил Спир.

— Что делать? Поставить бы на топчак, чтобы шагали по вечной лестнице. Но я человек милосердный.

Он повернулся и посмотрел в упор сначала на Фрэя, потом на Роуча. Те взирали на него с ужасом и в полнейшем оцепенении, поскольку давно считали своего бывшего хозяина мертвым.

— Милосердный, — повторил Профессор и рассмеялся. — Я позволю вам обоим прожить жизнь до естественного конца, но только в обмен на нужные мне сведения. Вы расскажете Спиру все, что знаете об этом гнусном типе, Майкле Грине, и его мерзком дружке Дворецком — где скрываются, имена подручных, планы. Скажете правду — позабочусь о том, чтобы вас поместили в безопасное место. — Он повернулся к Спиру. — Будут упрямитесь, отдай их Чоу. Наш китайский друг умеет добывать правду. У него даже немые разговаривают.

С этими словами Мориарти направился к лестнице, но, поднявшись на несколько ступенек, остановился и обернулся к провожавшей его взглядом компании.

— Ли Чоу, мне нужно поговорить с тобой. Потом с Пейджетом. А потом миссис Райт пусть приберется в спальне. Я жду гостью.

Отчет Ли Чоу пришелся Профессору по вкусу. Ему понравилось, как китаец обошелся с Джоном Таппитом.

— Больше никого не обидит, — ухмыльнулся Ли.

— Ты молодец, Чоу. Все хорошо сделал. А теперь иди и помоги Спиру. Да пришли мне Пейджета.

Пейджет рассказал обо всем, что узнал в Хэрроу. Мориарти, все еще остававшийся в обличье умершего брата, внимательно его выслушал, а потом сказал:

— Думаешь, дело надежное?

— По-моему, надежное.

— М-м-м. — Мориарти кивнул. — Готов пойти с ними? Их трое, нужен четвертый.

— Предпочел бы не идти. Меня там видели, я разговаривал с людьми, которые работают в Бичес-Холле. По-моему, это опасно.

— Ах, вот как?..

— Если настаиваете, пойду.

— Посмотрим. Я подумаю, а потом решим. — Профессор поднял голову и едва заметно улыбнулся. — Я использовал твою женщину, Фанни Джонс.

— Знаю, сэр.

— А она знает, что сделала?

— Она знает, что полковник мертв, и что она послужила орудием.

— И?..

— Расстроилась, но я объяснил, что без этого не обойтись.

— Хорошо, Пейджет. А девушка она милая.

— Она мне нравится, Профессор.

— Вот уж не думал, что ты такой романтик. Но такое случается. Свадьба будет?

— Я бы хотел, сэр.

— А она?

— Ее я пока не спрашивал.

— Ну так спроси, и если она не против, я все устрою. Но пусть поймет, что вы оба работаете на меня.

— Она понимает.

— И понимает, какое положение ты занимаешь?

— Она знает, что я уважаю вас, сэр, что благодаря вам у меня есть настоящий дом.

— И знает, что ты пользуешься моим особым доверием?

— В этом я пока еще и сам не уверен.

— Почему? — Голова Профессора угрожающе покачнулась на вытянувшейся шее.

— Меня отправили сегодня в Хэрроу, и вы сказали, что планируете познакомиться с Фанни завтра, потому как сегодня заняты. Я возвращаюсь и узнаю, что вы дали ей чрезвычайно опасное, связанное с убийством поручение. Естественно, у меня появились сомнения.

— Я действую, руководствуясь целесообразностью, а не по плану. И ты напрасно сомневаешься в моей доверии. А теперь иди и попроси девушку стать твоей женой — в семье Мориарти свадьбы бывают не каждый день.

Когда Пейджет ушел, Мориарти разделся, умылся и облачился в длинный темно-синий халат с экзотическими узорами на обшлагах и отворотах. Миссис Райт тем временем накрыла столик в главной комнате, уделив основное внимание легким закускам: языку, ветчине, разнообразным салатам и сыру с сельдереем. В центре стояла бутылка шампанского.

Вернувшись в свою комнату, Пейджет крепко обнял Фанни Джонс, ждавшую его на узкой кровати.

— Так ты выйдешь за меня, милая? Согласна быть моей невестой?

Глаза ее блеснули.

— Не слишком ли поздно ты об этом заговорил, Пип Пейджет? Но раз уж спрашиваешь, отвечу — да, я тебя люблю, пусть ты и преступник. И я согласна выйти за тебя, хотя и не сомневаюсь, что мы оба закончим жизнь на яблоньке Джека Кетча.⁴⁶

Мэри Макнил прибыла ровно в одиннадцать. Миссис Райт встретила ее внизу и незамедлительно препроводила наверх, в апартаменты Мориарти. Услышав шаги на лестнице, Профессор улыбнулся и взглянул на золотые карманные часы, которые носил когда-то другой Мориарти.

Мэри выглядела столь же чудесно, как и накануне. Дверь за ней закрылась, и хозяин, помогая гостье снять пальто, позволил себе коснуться пальцами ее волос. Она подняла руки, вынула заколки и тряхнула головой — гибкие пряди скользнули по щекам и шее.

— Ты не против перекусить, Мэри?

Она жеманно улыбнулась.

— Как пожелаете, сэр. Я бы хотела попробовать всего, что вы готовы предложить. Среди девушек Сэлли считается честью получить приглашение сюда.

Мориарти закинул голову и громко рассмеялся.

— Ей-богу, Мэри, ты мне нравишься. Идем же, и я выпущу своего Навуходоносора на травку с тобой.

Энгусу Маккреди Кроу исполнился сорок один год, и двадцать два из них он отдал службе в столичной полиции. Карьера его складывалась по-разному и не была лишена определенного интереса. В конце 1870-х он исполнял обязанности констебля в дивизионе Б, действовавшего на территории Вестминстера. Подобно многим своим коллегам, Кроу пережил немалое потрясение в связи с так называемым «делом графини де Гонкур»,⁴⁷ в

⁴⁶ Прозвище виселицы. Джек Кетч — знаменитый королевский палач XVII века.

⁴⁷ Дело графини де Гонкур, или «Дело детективов», — крупный коррупционный скандал с участием трех старших офицеров Скотланд-Ярда. В 1877 году Скотланд-Ярду было поручено провести расследование случая со злоупотреблением доверием с участием двух англичан, Гарри Бенсона и Уильяма Керра. Используя мошенническую схему, указанные джентльмены получили от некоей парижанки, мадам де Гонкур, 30 000 фунтов стерлингов для игры на тотализаторе. Арестовать подозреваемых долго не удавалось, поскольку они постоянно опережали сыщиков на один шаг. Позднее выяснилось, что инспектор Джон Майклджон, получая взятки от Керра, предупреждал последнего о действиях полиции. Кроме него в коррупции были изобличены старший инспектор Натаниель Драскович и старший инспектор Палмер. Суд приговорил каждого из троицы к двум годам тюрьмы. Случай этот повлек реорганизацию Скотланд-Ярда, поскольку под сомнение была поставлена способность суперинтенданта управлять подчиненными. По результатам проведенного расследования детективное подразделение было преобразовано в отдел уголовных расследований.

результате которого небольшой детективный отдел подвергся решительной реорганизации, а трое его сотрудников оказались за решеткой.

К началу 1880-х этот уже немолодой, битый жизнью шотландец занял должность сержанта, одного из подчиненных знаменитого инспектора Абберлайна, вошедшего в историю как человек, не сумевший поймать Джека Потрошителя.

Теперь Кроу был уже инспектором, и утро 7 апреля 1894-го застало его в состоянии немалой озабоченности и растерянности. В этот день мир возложил на плечи инспектора тяжкое бремя огромной ответственности.

Все началось около девяти часов вечера в пятницу, 6 апреля, когда Кроу преспокойно заканчивал ужин из бараньих котлет, картошки и зеленого горошка в своем доме номер 63 по Кинг-стрит, что чуть в стороне от Друри-лейн. Ужин приготовила его домохозяйка, миссис Сильвия Коулз, вдова тридцати с небольшим лет, женщина пухленькая и приятная во всех отношениях, которая в течение тех трех лет, что Кроу жил у нее, заботилась о постояльце, обеспечивая его всем необходимым и желаемым и руководствуясь теми же мотивами, что и все прочие женщины в ее положении.

Тот пятничный вечер выдался у инспектора свободным, и он, как часто случалось в подобных обстоятельствах, попросил миссис Коулз составить ему компанию за ужином. Оба знали, что проведут время в приятных разговорах, выпьют немного вина, а потом, по обоюдному согласию, завершат день либо на кровати Кроу, либо на роскошном брачном ложе миссис Коулз. В ту пятницу, 6 апреля, планам этим не суждено было сбыться.

За несколько минут до девяти вечера в дверь дома номер 63 по Кинг-стрит громко постучали. Открыв дверь, миссис Коулз увидела нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу констебля, который заявил, что ему срочно нужен инспектор Кроу.

Доставленное констеблем сообщение заключалось в том, что комиссар желает как можно скорее видеть мистера Кроу в своем кабинете в Скотланд-Ярде. Такие вызовы всегда означали что-то важное, а потому инспектор не стал задерживаться и уже к половине десятого прибыл в центральное полицейское управление. А еще через двадцать минут на его широкие плечи и легло тяжкое бремя той самой ответственности.

Первым делом комиссар ознакомил его с обстоятельствами смерти полковника Морана в тюрьме на Хорсмэнгер-лейн и теми событиями, что вели к данному прискорбному инциденту.

— Согласно нашему досье, — сообщил комиссар, сидевший за столом с хмурым видом гробовщика, — полковник на протяжении многих лет был правой рукой небезызвестного профессора Мориарти, выполняя обязанности начальника его штаба. Вы, разумеется, знаете, кто такой Мориарти?

— Знаю лишь, что его считали разработчиком и организатором едва ли не всех крупных преступлений в нашей стране и даже в Европе. Тем не менее мы так и не смогли собрать достаточно улик для ареста и предъявления обвинений.

Комиссар кивнул.

— Да, ни малейшей зацепки. — В его тоне прозвучало раздражение. — Напомню, что последние три года мы считали его мертвым.

— Да, сэр, я знаю.

— Теперь такой уверенности больше нет.

— Вот как?

— Есть кое-какие указания на то, что Мориарти вернулся и в данный момент находится в Лондоне.

— Мистер Холмс, насколько мне известно, тоже вернулся.

— В том-то и дело, Кроу. В том-то и дело. Мистера Холмса последние три года тоже считали мертвым. Теперь он воскрес, и вот мы уже берем Морана за попытку убить его. Затем полковник умирает. Умирает неожиданно, так что Лестрейд даже не успевает

допросить его как следует. А вот с мистером Холмсом Лестрейд поговорить успел. К сожалению, сей почтенный джентльмен оказался на удивление немногословным.

— Но ведь Лестрейд вполне успешно работал с ним раньше.

— Похоже, теперь желания сотрудничать у одной из сторон больше нет. Здесь явно что-то подозрительное. Вот почему я снимаю с расследования Лестрейда и назначаю вместо него вас. Подберите команду, четыре-пять человек. Возьмите кого хотите, отказа не будет. Ваша задача — установить убийцу Морана и выяснить, жив ли Мориарти и вернулся ли он в Англию. Одно донесение у нас уже есть. Его видели сегодня вечером у «Кафе Ройяль», где он выходил из кэба. Подтверждения этому донесению нет, но основания ему верить имеются. Итак, Кроу, дело ваше и слава, если докопаетесь до истины, тоже достанется вам. Предлагаю прежде всего поговорить с Лестрейдом. Будьте тактичны, поскольку инспектор, что неудивительно, весьма моим решением недоволен. — Комиссар любезно улыбнулся. — Думаю, вашим следующим шагом могла бы быть встреча с мистером Холмсом, но вы человек опытный и сами знаете, что делать.

Следующие два часа Кроу провел с Лестрейдом и внушительной папкой с документами по расследованию — прежде чем делать первый шаг, следовало внимательнейшим образом ознакомиться со всеми собранными уликами.

Лестрейд, мрачный и недовольный, рассказал о последнем разговоре с Шерлоком Холмсом.

— Все там, в отчете, — проворчал он, — но есть еще чувства, которые словами не выразишь. У меня сложилось впечатление, что Холмс о чем-то умалчивает, как будто что-то там не совсем чисто. Если бы я не знал его так хорошо, как знаю, подумал бы, что он достиг какого-то соглашения с... нет, не знаю. Я заметил, что Холмс — впервые за годы нашего знакомства — избегает смотреть мне в глаза.

— От ответов на ваши вопросы, как я понимаю, он тоже уклонился?

Лестрейд ненадолго задумался.

— Он ловко меняет тему разговора, так что и не сразу понимаешь, что ответа так и не получил. Когда я спросил, почему Моран хотел его убить, Холмс ответил — весьма самоуверенно и даже надменно, — что недоброжелателей у него много.

Кроу хотел спросить о чем-то коллегу, но передумал и только кивнул.

— Я сказал, — продолжал Лестрейд, — что, может быть, все не так просто, как выглядит на первый взгляд, и он отделался общим замечанием, что, мол, в такого рода преступлениях всегда не все просто. Вот его точные слова: «Каждое преступление порождает зыбь. Одни подобны брошенному в пруд камню — круги исходят от них вовне, расширяясь. С другими наблюдается обратная картина: преступление как бы становится фокусной точкой, и круги направлены внутрь, они уменьшаются, словно всасываются им».

Была уже глубокая ночь, когда инспектор Кроу вернулся к себе домой, на Кинг-стрит, и с весьма смешанными чувствами улегся в пустую, холодную постель.

Суббота, 7 апреля, прошла без каких-либо заметных происшествий. В Лаймхаузе Профессора видели немногие — он занимался куда более важными делами, связанными в первую очередь с Мэри Макнил.

На протяжении дня Спир, Эмбер и Ли Чоу, сменяя друг друга, допрашивали несчастных Фрэя и Роуча. Спир трижды отлучался с донесениями для Профессора, а в четыре часа дня вышел из дому и направился в Вест-Энд с посланием конфиденциального характера.

Супруги Райт занимались обычной работой в кухне, хотя в этот раз им пришлось обходиться без помощи Фанни Джонс, поскольку Мориарти отдал особое распоряжение не тревожить Пейджета и его леди.

Так прошел тот день в Лаймхаузе.

Между тем в Скотланд-Ярде происходили другие события. Инспектор Кроу занимался

набором команды. В этом деле он проявлял особенную тщательность, привлекая лишь тех, кого знал лично по прошлой работе и в чьей неподкупности был уверен.

В полдень Кроу вышел из полицейского управления и, сев в закрытый служебный кабриолет, поехал на Бейкер-стрит. Проведя в доме 221-б более часа, инспектор вышел оттуда в твердом убеждении, что мистер Шерлок Холмс знает больше, чем говорит.

— Что касается меня лично, — заявил великий детектив, — то моя вражда с профессором Мориарти закончилась давно, у Рейхенбахского водопада. Ничего больше посторонним знать необязательно.

Кроу оставалось только полагаться на те скудные показания, что имелись в деле, открытом после событий в тюрьме на Хорсмэнгер-стрит, и собранные ранее досье на Морана, Мориарти и их ближайших сообщников.

Вечером он вернулся в дом 63 на Кинг-стрит с тяжелой связкой папок. Лампа в окне его кабинета горела едва ли не до утра.

Глава 5 ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

Воскресенье, 8 апреля 1894 года

Джонас Фрэй и Уолтер Роуч тряслись от страха, как нерадивые ученики в ожидании неизбежного наказания розгами.

Их истязали на протяжении уже тридцати шести часов — били, стращали, не давали спать. Мучители работали посменно.

Плотный, поджарый Спир пугал грозным видом; Эмбер сыпал туманными угрозами; маленький китаец, казавшийся несчастным самим воплощением боли, расписывал пытки, которым подвергнет их в случае необходимости, и обещал познакомить со всеми муками ада. При этом каждый из лейтенантов Мориарти неизменно появлялся в компании двух здоровенных громил-эзекуторов.

В мозгу у пленников гвоздем сидела мысль, столь же невероятная, как и неоспоримая, о том, что они собственными глазами видели мертвого Профессора.

Неудивительно, что Фрэй и Роуч заговорили сразу и говорили долго, громко и откровенно. Они выложили все: где скрываются Майкл Грин и Питер Батлер, где их штаб, какой собственностью располагают эти двое, кто на них работает, с чего они богатеют, кого контролируют, какие дела планируют на ближайшее будущее.

Для тройки «преторианцев» в этих откровениях было мало того, о чем бы они не знали или по крайней мере не догадывались — Паркер и его сычи-наблюдатели уже собрали обширную информацию о ночлежках, притонах, тавернах и пивных, где мог находиться Питер Грин. Теперь Фрэй и Роуч получили возможность дополнить картину.

С неохотой отправив Мэри Макнил к Сэлли Ходжес, Мориарти спустился и сам и целый час выслушивал то, что успели выведать Спир, Эмбер и Ли Чоу.

Узнав немного нового, Мориарти тем не менее был встревожен тем, как сильно затронули его интересы Грин и Батлер. По меньшей мере два скупщика краденого, Джон Тоггер и Израель Кребиц, работавшие прежде на него, предложили свои услуги Грину. Когда Мориарти уезжал из Англии, они делали бизнес только с его людьми. Были и другие, кто теперь, пусть и непостоянно, от случая к случаю, обслуживал другую сторону. Не оставалось сомнений и в том, что несколько ночлежек и пивных, плативших еженедельную дань Мориарти, стали делиться доходами с Грином и Батлером.

Другим источником беспокойства стал составленный Спиром список девушек, подавшихся практиковать свое ремесло в контролируемый этой парой бордель на территории Вест-Энда. Пять имен из списка были знакомы Мориарти — прежде эти девушки работали в лучшем заведении Сэл Ходжес.

Больше всего Профессора расстроило то, что ни одна из проституток не переступила

двадцатипятилетний рубеж. Согласно имевшейся договоренности, Мориарти опекал всех девушек лучшего борделя Сэл после того, как они заканчивали свою спортивную карьеру в национальных домашних играх. Каждая из них, работавших у Сэл, располагала информацией, не рассчитанной на посторонних.

Мориарти какое-то время сидел молча и неподвижно — только голова по-змеиному покачивалась из стороны в сторону, — нахмурившись, с поникшими под грузом свалившихся проблем плечами.

— Спир, пошли кого-нибудь с сообщением к Сэл, — наконец заговорил он. — Я хочу видеть ее здесь как можно скорее. Потом приведешь Пейджета. Мне нужно поговорить с вами со всеми.

Через пять минут Спир вернулся с Пейджетом.

— Не хочешь поделиться с нами новостями? — поинтересовался Профессор. Пейджет покраснел, чего трудно было ожидать от человека с его прошлым.

— Да, сэр. Я спросил, и она ответила согласием. Мы поженимся.

Новость вызвала заметное оживление. Мориарти расцвел, как счастливый родитель.

— День назначим позднее, а пока нам предстоит разобраться с Грином и Батлером. — Он коротко ввел Пейджета в курс дела. — Мне нужно поговорить с Сэл, а потом тщательно все обдумать. Удар должен быть сильным и неожиданным. Мы должны преподать им впечатляющий урок. Им и остальному Лондону.

Все четверо «преторианцев» согласно закивали.

— А теперь к другим делам. — Улыбка на губах Профессора растаяла. — Похоже, я вернулся в слишком благодушном настроении. Моран запустил дела, и теперь нам в первую очередь необходимо консолидироваться. Вечером вы отправитесь в город и оцените реальную ситуацию. Возьмите на учет все наши силы и будьте осторожны — сейчас не время возбуждать подозрения. — Он помолчал, переводя взгляд с одного из своих приспешников на другого, словно выбирая цель, и остановился на китайце. — Чоу, ты в курсе наших возможностей касательно опиума и лауданума? Какие у нас запасы?

— Точно сказать не могу. Но выясню. Быстро-быстро.

Ли Чоу много лет ведал этим направлением бизнеса Мориарти, но последние события заставили нервничать даже обычно невозмутимого китайца.

Мориарти посмотрел на Эмбера, который поежился, словно от сквозняка.

— Свяжись со всеми нашими, кто может что-то знать.

Эмбер кивнул.

— Пейджет, пусть твоя женщина остается пока в доме. Не надо, чтобы ее видели сейчас на улице. Займешься сегодня барыгами, сутенерами и сборщиками. Спир, — голова резко качнулась в сторону, — за тобой фальшивомонетки и ростовщики.

Ростовщичество считалось одним из самых доходных направлений криминального бизнеса. Кто бы ни получал ссуду — оказавшаяся в тисках нищеты семейная пара, взявшая несколько пенсов, чтобы не умереть с голоду, или предприниматель, позаимствовавший сотни фунтов на расширение дела, — процент оставался одинаково грабительским, а долги взыскивались с варварской жестокостью.

Спир кивнул.

— Прежде чем мы разойдемся, — пробормотал он, — думаю, вам стоило бы посмотреть на Фрэя и Роуча. И я буду премного обязан, если вы уделите мне пару минут. Это касается того дельца, которое вы поручали.

Профессор на секунду задумался, потом торопливо кивнул.

— Хорошо. Итак, все занимаются своими делами. Пейджет, не забудь предупредить свою женщину. Спир, задержись.

— Мне бы хотелось позаботиться о нашем друге, Хейлинге, дворецком леди Брэй, — сказал Спир, когда остальные вышли из комнаты. — Вы уже давали распоряжения, и я мог бы заняться им сегодня, когда освобожусь.

— Что ж, если выкроишь время, я не возражаю. Но вопрос неспешный, может и

подождать. Сделаешь свадебный подарок Пипу и его хозяйке.

Спир грубовато хохотнул, и заглубившую, обветренную щеку прорезала белая полоска шрама.

— Что с парнями? Держать под рукой?

— Не хочу, чтобы они шлялись где попало, пока я не решу, как лучше их использовать. Пусть пока присматривают за перебежчиками. — Мориарти усмехнулся. — Работы им хватит, как только начнем расчищать Культяшкину помойку.

Фрэй и Роуч оставались связанными, хотя от кляпов их освободили. Рядом с ними находились двое громил. При виде Мориарти глаза предателей расширились от страха.

Профессор подошел к ним вместе со Спиром. Губы его тронула презрительная усмешка.

— Надеюсь, вас тут не обижали?

Фрэй с видимым усилием сглотнул.

— Нет, — прохрипел он.

— Вот и хорошо, — кивнул Мориарти. — Их покормили? — осведомился он у Спира.

— Да. Обоих. — Спир погладил кулак.

— Ну, тогда вам и жаловаться не на что. Я вами доволен. Бояться не надо. Останетесь живы. Я обеспечу вам надежное укрытие. Чтобы не поддались дурному влиянию мистера Грина и мистера Батлера.

Смех его прозвучал зловеще, и оба изменника невольно поежились, не без основания полагая, что, может быть, смерть была бы предпочтительнее того, что припас для них Профессор.

Произведя должное впечатление, Мориарти вернулся к себе. Подумать было о чем: о Грине и Батлере; о предстоящем дельце в Хэрроу; о разговоре с Сэл Ходжес, которую он ждал с минуты на минуту; о братьях Джейкобс, все еще остававшихся за решеткой в Стиле, и о многих других предприятиях как в Англии, так и на Континенте.

Воскресенье в Лондоне — не самый лучший день. Магазины закрыты, закусочные закрыты, в прочих развлекательных заведениях нет тех, кто ими управляет. А вот для карманников, мелких воришек, подставных и ронял воскресенье — день хороший. Именно к ним и отправил Эмбера Профессор.

Обходя город, Эмбер наблюдал за теми, кто занимался своим обычным, каждодневным делом, ловил врасплох невнимательных, опустошал карманы зевак. Воскресенье — удачный день и для приезжих из провинции, простоватых парней, неискушенных в тонкостях жуликов, кидал, болтунов с завернутыми рукавами, прокручивающих фокусы с тремя картами; наперсточников с тремя серебряными колпачками и сушеной горошиной, окруженных толпой простаков, уверенных в том, что уж они-то наверняка смогут отгадать, под каким колпачком прячется горошина; игроков в кости с краплеными или пилеными костяшками. У всех есть свои помощники — подставные игроки, зазывалы, пуговки и сторожа. Были здесь и карманники, работавшие на тротуарах, в густой толпе прохожих, и выбиравшие тех, кто останавливался полюбоваться выставленными в витринах товарами; и ронялы с невинными физиономиями, обращавшиеся к доверчивым горожанам с просьбой определить, уж не золотое ли вот это колечко — или часы, или брошь, — которое они только что нашли у дороги, и как жаль, что ломбард закрыт, и они не могут получить свои несколько шиллингов. По воскресеньям эти дешевые безделушки постоянно переходили из рук в руки, оседая в пустых карманах тех, у кого жажда легкой наживы перевешивала благоразумие.

В то же самое время Ли Чоу ходил по известным лишь посвященным домам, расположенным преимущественно в районе доков. Мориарти уже тогда — задолго до наркобаронов, отравляющих наши города сегодня, — понял, что человечество постоянно ищет способов бегства от мира с его проблемами, и опиекурильни викторианского Лондона, не считавшиеся в те времена — в отличие от наших — общественным злом, приносили

Профессору хороший и стабильный доход. Обязанности Ли Чоу заключались в том, чтобы контролировать доставку сырого опиума и заботиться о своевременном пополнении запасов, а также обеспечивать наличие другого товара, например, весьма дорогой спиртовой настойки опия, лауданума, весьма ценимого и предпочитаемого теми, кто не желал появляться в опиекурильнях.

Пейджет получил задание попроще. Люди, навестить которых ему поручалось, служили Профессору давно и верно. Первыми были на очереди скупщики краденого, проводившие большую часть жизни в потайных кладовых и тайниках, прячущихся за вывесками ломбардов и ссудных контор. Хотя старик Солли Абрахамс и виделся с Мориарти всего лишь пару дней назад, когда приходил засвидетельствовать свое почтение вернувшемуся главе криминальной семьи, Пейджет вначале заглянул именно к нему, показывая тем самым, что Профессор своих не забывает. Далее его маршрут растянулся на несколько миль — гостя встречали, угощали стаканчиком вина, а потом ему показывали товар: драгоценные камни, изъятые уже из оправы, кубики переплавленного золота, роскошные серебряные украшения, часы, меха, штучки из нефрита, шелк и атлас. Все эти богатства хранились в дюжине надежных мест, разбросанных по Лондону, и ожидали своей участи: одни пойдут в переделку, другие будут проданы, вывезены из страны и отправлены в иные города, где их ждут нетерпеливые покупатели.

Ни к Джону Тоггеру, ни к Израелю Кребицу, переметнувшимся, если верить Фрэю и Роучу, на сторону противника, Пейджет заходить не стал, но остальных навестил, заверив в поддержке и защите и дав понять, что непостоянство чревато неприятностями.

Приходил он и другим. К сутенерам, стерегшим уличных проституток: сборщикам, собиравшим полагающуюся Мориарти долю от доходов заведений Сэл Ходжес; обиралам, называвшихся так потому, что работали они исключительно в темное время суток, охотясь на тех, кто по глупости или неосторожности оказывался в пустынном переулке. Успех в такого рода предприятиях обеспечивали грубый голос, устрашающая внешность и скромный набор приемов запугивания. Мориарти расширил их сферу деятельности, и теперь обирали регулярно, день за днем и неделя за неделей, обходили кофейни и таверны, торговцев и извозчиков, которые, дабы не навлечь на себя гнев Профессора (что вело в лучшем случае к убыткам, а в худшем — к серьезному физическому ущербу), предпочитали отдавать определенную долю доходов в обмен на безопасность — как собственную, так и своего заведения.

Не остался без дела и Спир. Как и остальные, он посещал людей, чей бизнес обеспечивал Мориарти наличными средствами, благодаря которым и крутились колеса большой и разношерстной семьи. Первыми из них были ростовщики, долги которым часто оплачивались кровью и всегда потом и слезами. Далее шли чеканщики, дни и ночи проводившие в опасном окружении изложниц, металлических заготовок, тиглей и гальванических батарей — для нанесения гальванопокрытия. Бизнесом этим занимались обычно целые семьи, работавшие вдали от посторонних глаз, охраняемые людьми Мориарти и собаками. Результаты их трудов отливались в звонкую серебряную монету. Последними были фальшивомонетчики, специалисты высокой квалификации, изготавливавшие не только поддельные банкноты, но и множество других документов, наполнявших жизненной силой всю сложную преступную систему: отзывы, рекомендации, даже родословные, иными словами, бумаги, помогавшие продвигать нужных людей на нужные места и изымать нужные вещи.

Как и его коллеги, Спир нес людям послания от Мориарти. Послания, облеченные в весьма недвусмысленную форму. Преданность будет вознаграждена так, как это может сделать только Профессор. Измена будет выявлена, и награда за нее одинакова для каждого.

Около четырех пополудни Спир закрыл хранившийся в голове список. Закончив дело, он обычно возвращался к Мориарти с отчетом, но сегодня к обязательным поручениям добавилось одно побочное — посчитаться с Хейлингом. Одолеваемый мрачными мыслями, он взял кэб и спустя полчаса вышел у паба «Виктория», того самого, где познакомился с

дворецким, стараниями которого женщину его друга выставили на улицу. Спир знал, что встретиться с Хейлингом сейчас не получится, но по крайней мере он запустит в ход нехитрый план, и тогда, рано или поздно, чертов дворецкий отправится прямой дорожкой в ад.

Разодетая, как какая-нибудь герцогиня, Сэл Ходжес явилась к Профессору в полдень.

— Ну и ну, Сэл! — Мориарти потер руки. — Я бы, пожалуй, даже станцевал с тобой сегодня джигу. Выглядишь аппетитно, как пирожок с угрем.

Сэл коротко рассмеялась.

— Что такое, Профессор? Неужто малышка Мэри Макнил плохо старается? На прошлой неделе был у меня один лорд, так он сказал, что ночь с Мэри стоит целой жизни.

— Куда мне до лорда, Сэл... Выпьешь?

Она кивнула и, элегантно опустившись в кресло, приняла предложенный стакан кларета.

— Слышала, с Таппитом вы разобрались.

— Слухами Земля полнится.

— Об этом сейчас много говорят.

— В ближайшие часы тем для разговоров прибавится, — заметил Мориарти с видом игрока, получившего нужного карту.

— Вы поэтому хотели меня видеть?

— Отчасти. До меня дошла одна новость, Сэл. Дело серьезное, есть повод для беспокойства.

— Что-то ты сегодня больно мрачен, Джеймс.

Сэлли Ходжес была одной из тех немногих, кто в приватной беседе мог позволить себе обращаться к Мориарти на «ты».

— Есть причины. — Он взглянул на нее через стол, взял какой-то листок, повертел и снова положил. — Скажи-ка мне, моя дорогая, что случилось с Шарлоттой Форд, Лиз Уильямс, Пруденс Кетчпоул, Эстер Дейнтон и Полли Маунт? — Называя имена, Профессор загибал пальцы на левой руке.

Стакан застыл в паре дюймов от губ гостя.

— Вон оно что, — негромко проговорила она. — А я все думала, когда же...

— Когда я спрошу об этом?

— Да. — Сэл резко вздохнула и покачала головой, словно досадуя на себя саму. — Надо было еще тогда рассказать, в пятницу утром. Последние шесть месяцев часто об этом думаю.

— Ты знала, что они ушли?

— Конечно, знала. Но все случилось неожиданно и без моего ведома. Сказать по правде, они просто исчезли. Утром в воскресенье. В прошлом сентябре.

— Ты никому не сказала?

— Разумеется, сказала. — Вопрос разозлил ее. — Я, как и положено, доложила обо всем Морану, а когда он и пальцем о палец не ударил, попросила навести справки.

— И что же, все пятеро просто исчезли?

Она кивнула.

— Именно так.

— Знаешь, где они сейчас?

— Сама я никого из них не видела. Слышала только, что они вроде бы в одном заведении возле Риджент-стрит. Девочки мои их тоже не видели, никакого объяснения я не получила.

Мориарти раздраженно втянул воздух.

— Сэл, у нас большие неприятности. За время моего отсутствия многие расслабились. Моран, которому я имел неосторожность доверить ведение дел, больше думал о развлечениях, а не о семейном бизнесе. Но ты и сама это знаешь. Теперь нам приходится

иметь дело с теми, кто захватил чужое. Пятеро твоих пташек предали меня, переметнулись на другую сторону, и теперь будут посажены на Петрову иголку.⁴⁸

Сэл закусила нижнюю губу.

— С Лиз и Пруденс у меня не все было гладко, но работали они хорошо. Как и остальные.

— А еще они все слишком много знали. Слишком много. И теперь, в чем нет никаких сомнений, это знают и их новые хозяева. Слушай меня внимательно. В ближайшие несколько дней держи девочек поближе к себе и присматривай за ними повнимательнее. У тебя там сил хватит? Подкрепление не требуется?

— Думаю, бояться нечего.

Мориарти долго молчал.

— Думаю, эту малышку, Макнил, лучше прислать на время сюда. Нам нужна еще одна девушка...

— А я недосчитаюсь серебра.

— Невелика потеря, Сэл. За все приходится платить. Не будь ты так дорога мне, я бы, возможно, решил...

— Напустить на меня экзекуторов? Не думаю.

— Таков один из уроков жизни. — Его голос резанул бритвой. — Сделать замену не так уж трудно. Семья может обойтись без любого из нас. Незаменимых нет, кроме разве что меня. — Голова задвигалась из стороны в сторону быстрее обычного, словно в состоянии сильной ажитации. — Будет очень печально, если нам придется сейчас разойтись. Боюсь, я даже всплакну по тебе, Сэл.

Гостья сделала глоток кларета. Рука ее дрожала, но заметить это мог бы лишь очень внимательный наблюдатель.

— Как скажешь, так и будет, — уступчиво пробормотала Сэл, не поднимая головы. Взгляд ее, казалось, бродил по лабиринтам коврового узора, словно отыскивая выход.

— Пришли Мэри вечером. Здесь у нее будет компания.

— Кейт Райт?

— Не только. Ты уже знаешь, что Пейджет собрался жениться?

— Пип Пейджет? Я думала, ему и тебя вполне хватает.

— У него есть женщина. Молодая. Живет здесь, в доме. Они поженятся, как только ситуация прояснится.

Сэл Ходжес улыбнулась, но только лишь губами.

— Хочешь, чтобы Мэри обучила ее кое-каким хитростям?

Мориарти усмехнулся.

Через полчаса после того, как Сэл Ходжес вышла из склада, к дверям подошел молодой человек аккуратной наружности, в скромном сером костюме. В штабе Профессора его знали как клерка, служившего у солиситора по имени Уильям Сэндхилл, который вел дела Мориарти. Факт этот ничуть не тревожил совесть ни самого мистера Сэндхилла, ни его партнера, мистера Кокса, поскольку Мориарти не только купил для них юридическую практику, но и являлся на деле их единственным клиентом.

После ухода Сэл Профессор вернулся к прерванному занятию, обдумывая шаг за план действий по отражению предпринятого Грином и Батлером наступления. Когда все закончится, размышлял Мориарти, ни Грин, ни Батлер не смогут даже фартинг у ребенка отобрать.

Хозяин «Виктории» сразу признал в Спире того самого детектива, который накануне долго и обстоятельно беседовал о чем-то с мистером Хейлингом. Будучи человеком,

⁴⁸ Петрова иголка (St Peter's needle) — то есть строгое наказание, (*арго*).

предпочитающим держаться стороны закона, он почтительно приветствовал гостя и предложил стаканчик грога за счет заведения. Спир от предложения не отказался и поинтересовался, не приходил ли сегодня его друг мистер Хейлинг.

— Пока еще нет, сэр. — Хозяин посмотрел на часы. — Но, думаю, скоро появится. Всегда заглядывает по воскресеньям пропустить стаканчик. Любит, знаете ли, прогуляться вечером по городу. Такой уж он у нас, мистер Хейлинг.

Сказано это было серьезно, без всяких там подмигиваний и ухмылок, но подтекст Спир уловил.

— Вы не могли бы передать ему от меня сообщение? В частном порядке. — Он нарочно понизил голос и слегка наклонился к хозяину, всем своим видом давая понять, что только ему может доверить передачу важной информации.

Хозяин согласно кивнул.

— Мистер Хейлинг весьма заинтересован в поиске одной особы, коей желает оказать посильную помощь. Не могли бы вы сообщить ему, что молодую женщину, о которой мы с ним говорили, можно будет найти сегодня в доме номер 43 по Бериик-стрит.

По указанному адресу находилось одно из заведений Сэл Ходжес — не самое лучшее, но имеющее то преимущество, что у Спира было там немало друзей, в первую очередь, двое крепких парней, обеспечивавших девушкам необходимую защиту. Покончив с делом, он неторопливо допил грог и вышел на предвечернюю улицу. Оставалось только прогуляться не спеша до Бериик-стрит, перекинуться парой слов с нужными людьми — и Хейлинг будет на крючке.

Пройдя по Парк-лейн и Пикадилли, Спир свернул и оказался в лабиринте закоулков, который и должен был вывести его на Бериик-стрит.

Занятый своими мыслями, он не сразу обратил внимание на медленно следовавший за ним тарантас. Проехав мимо, кучер остановил лошадку у тротуара.

Поравнявшись с экипажем, Спир вдруг почувствовал, что здесь что-то не так, и попытался обойти тарантас сторонкой, но тут в голове вспыхнул яркий свет, затылок пронзила острая боль, после чего наступила тьма. Спир лишь смутно ощутил, что его поднимают чьи-то руки.

Спир не знал, как долго оставался в небытии, но возвращение не обрадовало: голова раскалывалась от боли, а мир вокруг расплывался за колышущейся дымкой. Он моргнул — не помогло — и попытался пошевелиться, но руки и ноги стягивала толстая, впившаяся в плоть веревка. Туман перед глазами постепенно рассеивался. Спир вдохнул поглубже, и в нос ударили смешанные с дымом пары джина.

Место, в котором он очнулся, представляло собой длинную, лишенную какой-либо обстановки комнату с голыми низкими балками.

— А вот и мистер Спир проснулся. — Режущий ухо голос шел с той стороны, где были ноги. Спир с усилием поднял глаза.

— Добрый вечер, мистер Спир. Мне вот интересно, что скажет Профессор, когда узнает, что мы взяли вас тепленького.

Он узнал и голос, и говорившего — Майкл Грин, по-другому — Майкл Культяшка, соперник Мориарти.

Мориарти задумчиво смотрел на огонь. Пейджет и Ли Чоу уже вернулись и отчитались. Мэри Макнил приехала с полчаса назад в сопровождении одного из вышибал Сэл Ходжес и устраивалась на новом месте. Оставалось только дожидаться возвращения Эмбера и Спира, после чего Профессор собирался изложить своим «преторианцам» план действий в отношении Грина и Батлера.

Всматриваясь пристально в раскаленные уголья, Мориарти как будто пытался разглядеть в пламени лица противников. Схема нападения вырисовывалась все яснее. Согласно имеющимся данным, Грин и Батлер частенько собирали своих людей в «Голове монашки», хотя большую часть времени проводили в притоне на Нельсон-стрит, возле

Коммершл-роуд, — в опасной близости от Лаймхауза. Кроме того, Грин контролировал с полдюжины ночлежек в районе железнодорожного вокзала на Ливерпуль-стрит.

Что касается проституток, то теперь Мориарти знал имена тех, кто прибрал к рукам доходный уличный бизнес. Их было не так уж много, около двух дюжин, и почти все они обретались, главным образом, в трех пивных на окраине Ламбета, между Пэлас и мостом Ватерлоо. Были еще два борделя на Люпус-стрит, где обслуживали в основном клиентов среднего класса, и один для джентльменов на Джермин-стрит.

Знал Мориарти и то, что из скупщиков краденого постоянные отношения с Грином и Батлером поддерживали только Джон Тоггер и Израель Кребиц; что большая семья Коллинс, прочно обосновавшаяся на тесных улочках позади Хай-Холборн, ведет с его врагами бизнес по фальшивкам (серебро и документы); и что на окраинах Вест-Энда и в районе железнодорожной станции Чаринг-Кросс орудует шайка из примерно двадцати воришек и жуликов, которая обслуживает исключительно Грина и Батлера.

Крутились в голове Профессора и другие имена, имена людей — взломщиков, карманников, шулеров, — некоторые из которых служили когда-то ему. Он мрачно усмехнулся, представляя, какому наказанию подвергнет их, когда придет час расплаты. Урок будет быстрым, жестоким и убедительным. Придется привлечь побольше экзекуторов, но это уже детали. Самое главное — выбрать нужное время. Пусть все знают, что когда Мориарти наносит удар, этот удар подобен разящему грому и смертоносной молнии.

Большую часть дня инспектор Энгус Маккреди Кроу провел в кабинете дома 63 по Кинг-стрит, изучая все материалы, так или иначе касающиеся профессора Джеймса Мориарти.

Его удивило, что досье содержит так много бумаг — рапортов, докладных, запросов, сообщений, записок. Следует помнить, что с того времени, как мистер Говард Винсент (бывший директор отдела уголовных расследований) ввел в практику расследования такие новшества, как фотографирование преступников, составление списков украденного и систему классификации известных преступников, включавшую описание их самих и используемых ими приемов (позднее эта система преобразовалась в картотеку преступных «почерков»), прошло чуть меньше двадцати лет.

В 1894 году бумагооборот еще только набирал силу, и проделанная предшественником работа произвела на инспектора сильное впечатление. Как и мистер Винсент, он был горячим сторонником методов парижского Сюрте. Человек организованного ума, Кроу твердо верил, что один из главных ключей к успешной детективной работе кроется в создании регистрационной системы показаний и улики.

Большинство коллег воспринимали высказываемые Кроу теории откровенно неприязненно, главным образом, по причине их несоответствия неотъемлемым правам англичанина. Некоторые из методов, практикуемых ныне в Европе, утверждали они, несовместимы с британским образом жизни и, более того, противны ему. Не раз, и не два Кроу пытался объяснить, что научный подход к показателям преступности нельзя смешивать с регистрационной системой, с помощью которой власти многих континентальных стран следили за своими гражданами, используя более пристальное наблюдение, чем то, что считается желательным и необходимым в Англии.

Однако в частных разговорах Кроу высказывал мнение, что сдержать рост преступности можно будет только тогда, когда показатель преступности удастся соединить с какой-то формой индивидуальной регистрации — и к черту «частную жизнь граждан».

Разумеется, Кроу поддерживал и горячо отстаивал антропометрию в том виде, как ее представлял и практиковал меье Альфонс Бертильон,⁴⁹ и набирающую популярность

⁴⁹ Альфонс Бертильон (1853–1914) — французский криминалист, разработал некоторые методы раскрытия преступлений («бертильонаж»), в частности, антропометрический метод.

дактилоскопию, которая со временем — в этом инспектор не сомневался — станет чудо-оружием следствия. Но пока ни антропометрия, ни дактилоскопия⁵⁰ в его арсенал не входили, и Кроу оставалось только разбираться с внушительной стопкой бумаг.

Факты из досье не добавляли практически ничего к тому, что он уже знал. В зените академического успеха профессор Мориарти ушел при весьма туманных обстоятельствах с престижной работы, приехал в Лондон, занялся подготовкой молодых офицеров, а потом совершенно внезапно полностью изменил образ жизни. Его имя стало регулярно появляться в полицейских рапортах, начиная с конца семидесятых.

Наиболее обстоятельным и толковым был составленный в апреле-мае 1891 года отчет Паттерсона, в котором имя Мориарти упоминалось едва ли не на каждой странице.

С лета 1890-го инспектор Паттерсон работал по делу о заговоре — несомненно, реальном — с целью похищения коронных драгоценностей и дискредитации королевской семьи. Как знает теперь весь мир, в достижении второй цели злоумышленники почти преуспели — речь идет о так называемом «скандале в Транби-Крофт»,⁵¹ непосредственно затрагивавшем интересы принца Уэльского. К отчету прилагались записки и телеграммы, которыми обменивались Паттерсон и Холмс, и из которых следовало, что Холмс не сомневался в причастности к заговору Мориарти, разработавшего, по его мнению, обе составные плана. Паттерсон, похоже, не разделял уверенности детектива с Бейкер-стрит, однако же, относился к его мнению с уважением, поскольку показания, приведшие в конце концов к аресту виновных, исходили непосредственно от Холмса.

Особый интерес представляло приложение к материалам расследования, содержащее записку, переданную Паттерсону другом Холмса, доктором Уотсоном. В ней внимание инспектора обращалось на стопроцентное доказательство причастности к делу Мориарти. Доказательство это, говорилось в записке, содержалось в голубом конверте с надписью «Мориарти», находившемся в ячейке под литерой «М».

Паттерсон отмечал, что упомянутая выше ячейка находилась в отделении «до востребования» почтового отделения Сен-Мартен-ле-Гран, которым часто пользовались они с Холмсом. Однако никакого голубого конверта в ячейке не оказалось, и Паттерсон, к несчастью, погибший годом позже в результате несчастного случая, придерживался того мнения, что Холмс, при всей его гениальности, совершил ужасную ошибку. При этом он не

⁵⁰ Антропометрия — впервые примененный во Франции в 1833 году Бертильоном метод классификации и идентификации, основан на тех размерах человеческого тела, которые не меняются от юности до глубокой старости: размер головы, длина среднего пальца, длина стопы и т. д. Позднее Бертильон добавил к этой системе и дактилоскопию.

Дактилоскопия — идентификация по отпечаткам пальцев. Применялась еще в древнем Китае; получила развитие в работах Йоганна Пуркинье. Принята в Англии лишь в начале XX века благодаря настойчивости сэра Эдварда Генри. — *Примеч. автора.*

⁵¹ Скандал в Транби-Крофт. 8 сентября 1890 года в загородном доме крупного кораблестроителя сэра Артура Уилсона собрались гости, в том числе принц Уэльский (будущий король Эдуард VII). Вечером компания села играть в баккара, карточную игру, запрещенную в то время в Англии. Некоторые из участников заметили, что хозяин Транби-Крофт, сэр Артур Уилсон мошенничает. На следующий вечер подозрения подтвердились. За два дня сэр Артур выиграл в общей сложности 228 фунтов стерлингов. Утром 10-го шестеро гостей, обсудив ситуацию, сообщили о случившемся принцу и обвинили Артура Уилсона в нечестной игре. Последний отвергал факт мошенничества, но в конце концов в обмен на заверение сохранить произошедшее в тайне дал письменное обещание никогда больше не играть.

Тайное, однако, оставалась таковым недолго. Поползли слухи. Многие полагали, что их распространяла Дейзи, леди Брук, известная сплетница по прозвищу «Болтушка Брук», тогдашняя любовница принца Уэльского. Сэр Артур Уильям стал изгоем. Он подал в суд, обвинив своих гонителей в диффамации. Принцу пришлось давать показания в качестве свидетеля. В ходе разбирательства всплыли нежелательные подробности. Защитить себя сэру Артуру Уилсону не удалось — его признали виновным. Уволенный из армии, он удалился в свое шотландское поместье, где и провел остаток жизни. Репутация принца серьезно пострадала, что вынудило его изменить свои привычки и поведение, а также расстаться с леди Брук и найти другую любовницу.

исключал возможности того, что тот самый конверт был украден из ячейки. В ходе допроса шести заговорщиков связи их с профессором Мориарти установить не удалось, и Паттерсон в конце концов закрыл дело.

Прочитав документы Паттерсона дважды, Кроу вспомнил отстраненное выражение на лице Холмса во время разговора с ним. Что-то в этом деле, решил он, пошло не так. В 1891-м Холмс был одержим одной мыслью — доказать виновность Мориарти, теперь же он не желал даже говорить о нем.

Инспектор Лестрейд и сам написал немало рапортов, главным образом, похоже, после разговоров с Шерлоком Холмсом. В частных разговорах он выражал твердую уверенность в том, что Мориарти имеет непосредственное отношение к самым важным преступлениям последнего времени. Однако никаких веских доказательств в этих рапортах не содержалось; складывалось впечатление, что их просто не существует.

Да, покойный полковник Моран был негодяем и карточным шулером. Да, он, как и ряд других весьма сомнительных личностей, проводил с Мориарти немало времени. Но с подозрениями и косвенными уликами в суд не пойдешь.

Как и в наше время, в 1890-е полиция во многом полагалась на сведения, полученные из мира воров и злодеев, и потому в пухлом досье содержались ссылки на свидетельства десятков информаторов — беспринципных преступников, людей без чести и совести, доносивших на своих коллег ради денег. Были свои информаторы и у Кроу, и вот теперь, хотя время и поджимало, он решил разыскать некоторых из них и выяснить, могут ли они добавить что-то к тем десяткам написанных от руки страницам, что горками лежали на его письменном столе. И все же на многое инспектор не рассчитывал, ведь преступники — люди, как ни странно это может прозвучать, люди весьма доверчивые. Кроу лично знал немало таких, которые, вопреки всякой логике, верили в невероятное: например, в то, что старшие офицеры полиции действуют в сговоре с судьями. Натыкаясь на нечто похожее в рапортах отдельных детективов или простых полицейских, инспектор лишь качал с сожалением головой.

Все, с кем они разговаривали, постоянно упоминали Мориарти или Профессора, как называли его представители криминального мира. (В голосах их при этом отчетливо звучали почтительные нотки.) Согласно показаниям этих мужчин и женщин, мелких мошенников, грабителей, карманников и взломщиков, Мориарти был отъявленным злодеем, совершившим едва ли не все возможные преступления, от убийства до жульничества, однако же ни один из них не выразил желания дать официальные показания. Стоило только любому полицейскому заикнуться о письменном заявлении или выступлении в суде, как информатор отскакивал или пятился, словно нервная лошадь. Чем больше читал Энгус Маккреди Кроу, тем больше сомнений возникало у него в отношении Мориарти — не из-за уклончивости информаторов, но скорее вопреки этому. Многие приписывали Профессору сверхъестественные силы и способности, утверждая, что он умеет, используя искусство маскировки, изменять не только лицо, но и тело, и даже собственную личность.

Кроу уже казалось, что для значительной части криминального мира Лондона идея Мориарти полезнее реальности: мифическая фигура, обладающая магическими силами. Может быть, такая фигура удобна и как некий козел отпущения. В любом случае, решил инспектор, абсурдно думать, что один человек способен сосредоточить в своих руках такую огромную власть и оказывать такое влияние на непостоянные, готовые колыхнуться в любую сторону уголовные массы.

В дверь постучали, и инспектор с облегчением отодвинул бумаги — в комнату вплыла пышненькая миссис Сильвия Коулз.

— У меня там холодная телятина осталась. — Она мило улыбнулась; ее темные глаза влекли и манили. — Спуститесь со мной сейчас, получите вдобавок доброй горячей горчицы.

Это была их шутка.

— Да, Сильвия, конечно. Хватит с меня на сегодня бумажной работы. Завтра —

нелегкий денек, к восьми надо быть на Хорсмангер-лейн.

— Тогда... может быть... — Она едва заметно покраснела. — Может быть, проведем...

— Наверстаем упущенное, да? Что ж, почему бы и нет? — Кроу поманил женщину указательным камнем. — Это будет зависеть от того, какая у вас там телятина.

Миссис Коулз подошла ближе и уткнулась лицом в его плечо.

— Ох, Энгус, дорогой, вы не представляете, какое это счастье — иметь рядом мужчину вроде вас, на которого можно положиться. И я... я не стыжусь своих appetитов. Мистер Коулз был хорошим человеком, но, боюсь, слишком хорошим. — Она приподнялась на цыпочках и поцеловала инспектора в губы. — Намекни я просто, что желаю его, он молился бы за меня днем и ночью. Вы совсем другой.

— Не такой уж и другой. Разве что более отзывчивый.

Кроу улыбнулся — немного натянуто, испытал легкое беспокойство, которое приходило в последнее время все чаще. Беспокойство, знакомое едва ли не каждому холостяку, чувствующему, что его втягивают в паутину брака. Инспектор долгое время оставался удачливым холостяком, зная по собственному опыту, что молодые вдовы гораздо более склонны пускаться во все тяжкие, чем большинство достойных представительниц прекрасного пола. Поведение миссис Коулз в их первую ночь стало для него приятным сюрпризом: она ерзала, пыхтела и даже попискивала, выражая свое удовольствие, очевидно, делая все то, о чем давно мечтала и в чем себе отказывала. Энгус Кроу стал ее первой отдушиной, и они оба знали, что она настроена серьезно и по-деловому, и что ее цель — привести его к алтарю.

— Сколько у нас до ужина? — спросил он, слегка отстраняясь.

— Энгус, дорогой, дайте мне пятнадцать минут, и все будет готово. — Каждое ее слово было пропитано такой двусмысленностью, таким сластолюбием, описать которые просто невозможно.

Миссис Коулз направилась к двери, и Кроу, разбуженный поцелуем и мягким прикосновением тяжелых грудей, проводил ее жадным взглядом, словно зачарованный взирая на волнительные движения бедер, скрытых длинной клетчатой юбкой. Он знал, что под юбкой у нее короткие шелковые панталоны, совершенно неподходящие, согласно общественному мнению, для настоящей леди, поскольку их носят «дамы ночи». Если женщина из приличной семьи и решалась надевать такие, они могли быть исключительно белого цвета и пошиты из хлопчатобумажной ткани. Те, что в последнее время взялась носить миссис Коулз — шелковые, цветные — были, несомненно, придумкой дьявола, созданной на погибель мужчинам.

Чувствуя, как закипает кровь, Кроу кивнул. Пусть и порождение дьявола, но снимать их было дьявольски приятно. Он вздохнул, признавая для себя тот факт, что столкнулся в лице Сильвии Коулз с достойным противником.

Он рассеянно взял со стола очередной документ, пробежал глазами по разделенной ровными строчками странице. То был рапорт, составленный полицейским инспектором, призванным одним поздним вечером в дом умирающего возле набережной. Умирающий — звали его Драсковичем — лишь недавно освобожден из тюрьмы и теперь, на смертном одре, отчаянно желал дать полиции новые показания в связи с совершенным им преступлением.

Но к тому времени, когда отозванный с улицы констебль пришел наконец в дом несчастного, Драскович уже отдавал концы, и в рапорте сохранилось лишь несколько его последних слов: «Скажите им, за всем стоит профессор Мориарти. Скажите... Мориарти».

Судя по всему, документ этот появился в посвященном Мориарти досье лишь недавно. Инспектор посмотрел на дату составления рапорта — июль 1879-го.

Драскович? Кроу знал это имя, как знали его, наверное, многие другие полицейские, но тогда, в 1879-м, молодой констебль (А 363 Джексон, Д. Х.) и его начальство, похоже, не обратили на него внимания. Нечто подобное происходило и сейчас — Энгус Кроу смотрел на бумагу с неясным ощущением, что упускает что-то важное. И это ощущение нарастало, причиняя не просто досаду, но и усиливающееся беспокойство.

Спир упал духом. Каким же надо быть глупцом, чтобы попасть в такую западню! К злости на самого себя добавлялась тревога — застать Грина и Батлера врасплох уже не получится.

— Что вам от меня надо? — проворчал он хмуро.

За спиной у Грина, прислонившись к тяжелому деревянному столу, маячил Батлер с кружкой в правой руке. Спир прошелся взглядом по другим лицам. Некоторые он узнал, потому что видел достаточно часто, но имен вспомнить не смог. Всего в комнате собралось от десяти до пятнадцати человек.

— Что нам от него надо, а, Культяшка?

Голос Питера Батлера прозвучал почти аффектированно; так говорят люди, пытающиеся имитировать речь представителей того класса, к которому и сами хотели бы принадлежать.

— Что надо? Что же нам надо? А вот что — хотим знать, что за игру вы затеяли.

Спир поморщился. Голова раскалывалась, как будто кто-то засунул в нее и теперь раздувал бычий пузырь.

— Какую еще игру? — прохрипел он.

Майкл Грин сделал шаг вперед.

— Ходят слухи, что Мориарти восстал из могилы.

— Так ты тоже слышал, а?

Спир порадовалась прозвучавшая в голосе Грина нотка страха. Хорошо и то, что Культяшка говорит о слухах — значит, наверняка они ничего не знают.

— Мы много чего слышим. По-моему, у вас, придурков, кто-то больно умный завелся.

— Да?

Спир охнул — боль прострелила голову, и перед глазами вспыхнул на мгновение ослепительно яркий свет.

Питер Батлер оттолкнулся от стола.

— Сначала вся эта болтовня насчет возвращения Профессора, потом дьявол призывает Морана. — Голос его лился гладко, как патока. — Больно уж хорошо все складывается, даже не верится. Моран ведь, как сменил Мориарти, себя делами не утруждал. Чтобы отправить его в мир иной, надо мозги иметь. У вас таких, с мозгами, четверо — ты, Пип Пейджет, этот черт желтый, Чоу, да хорек, Эмбер. — Он отвернулся, сплюнул на пол. — Из этой четверки самостоятельно проверить это дело могли двое. Ты или Пейджет. Или вы вдвоем. Так что за игру вы ведете, Берт?

— Если ты... — Культяшка неприятно усмехнулся, показав почерневшие зубы. — Если это сделал ты, то мы могли бы договориться.

Спир едва не рассмеялся от облегчения. Эти олухи не верили в возвращение Профессора и предпочитали думать, что Морана устранили «преторианцы».

— О чем договориться?

В затылке пульсировала боль, к горлу волнами подкатывала тошнота, но Спир все же попытался сыграть ожидаемую роль ловкого пройдохи.

— Мы — люди понятливые. — Культяшка доверительно понизал голос. — От организации кое-что осталось, и ты мог бы продвинуть нас с Батлером наверх. А уж мы тебя не обидим. Получишь свою долю, такую же, как мы с Питером.

— Так это ты все устроил? — не выдержал Батлер.

Спир не торопился с ответом. Выждав добрую минуту, в течение которой Батлер с Грином не спускали с него глаз, он с важным видом кивнул:

— А у вас, ребята, мозгов больше, чем я думал. Развяжите и налейте мне стаканчик. Да, все сделал я. Ну, и остальные немножко помогли.

Спир, конечно, не знал истинных намерений Грина, но понимал: как только эти двое решат, что прибрали к рукам наследство Мориарти, третий партнер станет им не нужен, и тогда его жизнь не будет стоить и ломаного гроша.

Культяшка махнул рукой, и выступившие из дыма и тени двое здоровяков принялись распутывать узлы на запястьях и лодыжках пленника. От одного несло так, словно он неделю спал на помойке.

Спир осторожно, сдерживая тошноту, поднялся, пошевелил ногами, потер запястья и пошатнулся — голову как будто расколол топор. Его схватили за руку, подвели к столу и посадили на стул. Кто-то поставил перед ним стакан с джином. Подняв глаза, он увидел молодую женщину.

— Возвращайся вниз! — грубо бросил ей Культяшка.

Она задержала на нем взгляд и как бы невзначай коснулась локтем его плеча. Ей было не больше двадцати, но в глазах уже застыла усталость, а над переносицей залегли морщины, как будто она преждевременно состарилась.

— Бриджет, слышала, что тебе сказали? — вежливо подал голос Батлер. — Спускайся к остальным. Тебе платят за то, чтобы клиенты были довольны. Не забывай.

Бриджет торопливо кивнула и отвернулась, но Спиру показалось, что женщина пытается сказать ему что-то. Он покачал головой и приложился к стакану — в голове немного прояснилось.

— Так что, Берт Спир, ты с нами? — Грин подался к нему через стол.

— Стоящее предложение.

— А как с остальными?

— Они пойдут за мной.

— Да уж так-то будет лучше.

— Ладно, давайте я пойду к ним и поговорю.

Грин ухмыльнулся.

— Не так быстро. Пойдешь, когда поговорим. Для начала расскажи, сколько народу сейчас в семье Мориарти.

— А потом, когда пойдешь, — добавил Батлер, — двое наших тебя проводят.

Спир кивнул. На их месте он поступил бы так же. Оставалось только тянуть время и надеяться, что они сейчас в одном из тех борделей Грина, о которых известно Профессору. Тянуть время и надеяться, что Профессор, когда узнает, будет действовать быстро.

Беспомощный свет газовых фонарей рассеивался в вечной смеси дыма, копоти, сажи и тумана. Падая на бледные лица, он придавал им безжизненный оттенок, отчего люди казались ходячими мертвецами. А еще он сгущал тени, в которых таились те, кто наблюдал за другими — по чьему-то поручению или замышляя собственное недоброе дело.

В Лондоне немало таких улиц и переулков, ходить по которым ночью в одиночку страшно и опасно, однако ж, мальчишка по кличке Слимпер никакого особенного страха, похоже, не испытывал.

Парнишка лет десяти, он бесстрашно бежал по сумрачным лабиринтам, лежащим вдалеке от широких, хорошо освещенных улиц. Он не слышал доносящихся из дыма и тумана стонов и хрипов. Выживай как можешь — эту простую истину Слимпер познал еще во младенчестве. Чтобы выживать сейчас, нужно было делать то, что скажут, и поэтому он бежал, бежал изо всех сил, словно черти гнались по пятам, бежал по неровным мостовым, не обращая внимания на нищих, попрошайек, бездомных — всех тех несчастных, кто оказался без крыши над головой, и кому некуда было податься даже на ночь. Он проносился под каменными арками, нырял в смрадные, зловонные дворы, пролетал по более благополучным улицам с освещенными, теплыми окнами, срезал углы и нырял в тень, заведя на перекрестке фигуру констебля.

Штаны и курточка изнашивались и расползались по швам, рубашка прохудилась до дыр, и одежда уже не спасала от дождя и холода. Он спешил, потому что знал — в конце пути, когда сообщение будет доставлено, его ждет теплый угол, миска супа и кусок хлеба с мясом.

Он бежал, снова и снова повторяя в уме слова сообщения. Бежал, пока не примчался к складу, где проходил срок ученичества, осваивая ремесло, благодаря которому рассчитывал со временем стать одним из тех, кто живет в стороне и от богатых, и от бедных.

«Не самая приятная личность этот Эмбер, — размышлял, сидя за столом, Мориарти. — Есть в нем что-то... крысиное. Подобострастный, угодливый, с плаксивыми нотками в голосе. Но дело свое знает, в этом ему не откажешь».

Эмбер сидел напротив и рассказывал о том, что узнал за день. Рассказывал подробно, не упуская деталей, называя имена и места, четко указывая, кто чем занимается и что с этого имеет.

Мориарти остался доволен.

— Хорошо, Эмбер. Ты молодец. Как всегда. Спир уже вернулся?

— Я его не видел, Профессор. Опаздывает.

— У него еще одно дельце, но, по моим расчетам, он уже должен был закончить.

Мориарти откинулся на спинку стула и потянулся. Ожидание всегда утомляло больше любого дела; каждый раз, когда кто-то отправлялся выполнять его поручение, нервы и мышцы как будто сплетались в узелки беспокойства.

— Передай внизу, — продолжал он. — Пусть вызовут Паркера. И побыстрее. Вы все мне сегодня понадобятся.

— Выступим ночью?

— Не сегодня — завтра. Надо уточнить все планы, и я хочу, чтобы потом все оставались здесь. «Гвардии» я доверяю, как и тем экзекуторам, что сейчас внизу, но нам понадобятся и другие, а там люди могут быть разные. Рисковать нельзя.

Не все шло, как надо, но все же Мориарти немного успокоился. Увидев в первый после возвращения день, сколько народу пришло в Лаймхауз с просьбами, предложениями, просто так, чтобы засвидетельствовать свое почтение, он понял, что в его распоряжении внушительная сила, но затем, услышав об успехах Грина и Батлера, пережил настоящее потрясение. Тем приятнее было узнать от Ли Чоу, Пейджета и Эмбера, что щупальца его сильны и простираются далеко, несмотря на весь урон, причиненный этим глупцом Мораном, оказавшимся никчемным руководителем.

Мориарти ждал, и часы отсчитали около сорока минут, прежде чем поступило первое известие о Спире.

Новость принес Пейджет, бесцеремонно постучавший в дверь в тот самый момент, когда Профессор усаживался за стол, чтобы отведать телячьих отбивных в приятной компании Мэри Макнил.

— Там, внизу, мальчишка, Слимпер. От людей Паркера.

Голова профессора качнулась вперед-назад, в глубоко посаженных глазах отразился свет газовых рожков, черты лица мгновенно обострились, придав ему настороженное выражение.

— Неприятности? — негромко спросил он.

Пейджет взглянул на Мэри.

— Можешь говорить при ней, — разрешил Мориарти.

— Вам бы лучше послушать мальчишку, с другими он разговаривать не хочет. Паркер хорошо его вышколил, а дело, похоже, срочное.

Голова снова качнулась из стороны в сторону. Взгляд остановился на Мэри Макнил.

— Ступай к миссис Райт и подожди.

Мэри не стала ни надувать губки, ни хмуриться, как сделала бы в подобных обстоятельствах в заведении Сэл Ходжес. Послушно поднявшись, она молча вышла из комнаты.

— Приведи сюда мальчонку, — бросил Мориарти.

Слимпер, хотя и не успел отдышаться, передал сообщение четко и ясно, как запомнил. Паркер приставил его в качестве бегунка к трем сычам, поставленным следить за притоном Грина на Нельсон-стрит. Ближе к вечеру туда прибыли Культяшка и Батлер, а с ними с дюжину громил. Примерно через полчаса подъехал тарантас, из которого трое мужчин выгрузили человека, то ли связанного, то ли оглушенного. Сычам повезло — свет от газового фонаря упал на лицо мужчины, и один из соглядатаев узнал Спира. Слимпера тут

же отправили с этим известием в Лаймхауз.

— Сычи все еще там, на Нельсон-стрит? — отрывисто спросил Мориарти. Впрочем, ответ он уже знал — никто из людей Паркера не ушел бы с поста в такой ситуации. — Надеюсь, они не только за передней дверью присматривают?

— За задней тоже, сэр, — заверил его Слимпер. — Там Пэтч, Тоф и Слепой Сэм. Слепой Сэм и разглядел мистера Спира.

— Проголодался, малыш? — заботливо спросил Мориарти.

— Немного, сэр. Больше замерз, чем проголодался.

Мориарти повернулся к Пейджету.

— Отведи его к Кейт Райт. Пусть покормит и даст чего-нибудь горячего. — Он снова посмотрел на Слимпера. — Сейчас о тебе позаботится мистер Пейджет, а потом мистер Паркер даст еще несколько поручений.

— Спасибо, сэр.

Мальчик просиял от гордости. За всю свою жизнь он всего лишь второй раз видел Профессора, а разговаривал с ним впервые.

— Запомни, что я скажу. Ты — хороший мальчик и сделал все правильно, за что получишь лишний соверен. Я забочусь о своих людях и всегда награждаю тех, кто служит мне верно.

Мориарти знал, как добиваться от людей преданности; вот и теперь, проявив показную заботу и потратив несколько слов, он приобрел еще одну душу.

Четверть часа спустя в Лаймхауз прибыл Паркер. Мориарти коротко раздал указания. Трем сычам на Нельсон-стрит надлежит остаться на месте. Еще троих отправить им в помощь. Слимпера вернуть туда же со вторым бегунком. За Грином и Батлером, если они уйдут, установить слежку. За Спиром — если его станут перевозить — тоже.

— И поспешите, Паркер. Затяните сеть потуже. Держите меня в курсе всего происходящего. Что бы ни случилось — сообщайте незамедлительно, в любое время дня и ночи. Понятно?

Паркер кивнул и поспешно удалился, чтобы вернуться к заседанию «военного совета», назначенному на более поздний час.

Проснувшись посреди ночи в нежных объятиях миссис Коулз, инспектор Кроу улыбнулся и с наслаждением прижался к теплому женскому телу.

Но улыбка быстро поблекла, глаза открылись, а мозг переключился в рабочий режим. Вертевшееся в голове имя, Драскович, вычерчивало странные, непонятные узоры, и Кроу проворочался едва ли не до утра, пытаясь раскрыть загадку значения этого имени и его связи с Мориарти, прежде чем сон снова пришел к нему.

Во сне он увидел себя в просторном зале судебных заседаний. На скамье подсудимых сидели трое. Судья зачитывал приговор. Дальше, однако, случилось странное. Когда судья распорядился увести осужденных, они поднялись и положили руки на плечи полицейским, словно поменявшись с ними ролями.

По пробуждении сон забылся, но днем напомнил о себе.

Глава 6

ВРАГ. ПРАВДА О ДОГОВОРЕ У РЕЙХЕНБАХСКОГО ВОДОПАДА

Понедельник, 9 апреля 1894 года, 1:00 ночи — 9:00 вечера

Заседание «военного совета» состоялось в апартаментах Мориарти и началось около часа ночи. Кроме Профессора присутствовали Пейджет, Ли Чоу, Эмбер, Паркер и Терремант.

Кейт Райт поставила на каминную полку два больших кувшина с подогретым кларетом и на стол несколько подносов с испеченными по случаю аппетитными пирожками.

Мориарти и Пейджет курили сигары. Рассказав о приключившемся со Спиром

несчастье, Профессор потребовал от всех действовать быстро и скрытно, соблюдая осторожность до самого момента нападения, назначенного на девять часов вечера.

Поскольку целей было определено много, а удар следовало нанести одновременно, требовалось собрать все имевшиеся силы, привлечь всех верных людей и привести их в Лаймхауз по двое и трое, не привлекая внимания противника.

— Когда все соберутся, — продолжал Мориарти, — вам надлежит проследить, чтобы никто из здания не вышел. Рисковать недопустимо. Отсюда не должно просочиться ни слова.

Паркеру поручалось усилить охрану Лаймхауза и взять под наблюдение те места, навестить которые предстояло экзекуторам.

Выступление и раздача инструкций заняли около часа. Потом обсудили вопросы, связанные с вооружением и транспортом. Вопросов было много, и обсуждение затянулось надолго, но в конце концов планы были уточнены и согласованы.

Уже выходя из комнаты, Мориарти задержал Паркера и, отведя его в сторонку, спросил, ведется ли наблюдение за квартирой Шерлока Холмса на Бейкер-стрит.

— Мои люди дежурят там днем и ночью. При них двое мальчишек.

Воняло от Паркера не так сильно, как обычно, и оделся он приличнее, так что вполне мог сойти за наседавшего в город зажиточного селянина. Такая маскировка помогала Паркеру без проблем перемещаться по большой территории, координируя действия сычей.

— Что сообщают?

— Холмс никуда не ходит и почти никого не принимает. За все время у него был только один посетитель. Полицейский.

— Лестрейд?

— Нет, но из той же конторы. Какой-то Кроу.

— Подходящее имя для полицейского. — Мориарти улыбнулся — «воронами» в уголовном мире называли сторожей.

— Вы его знаете?

— Нет, — устало вздохнул Мориарти. — Но, несомненно, в скором времени познакомлюсь. Долго был у Холмса?

— Чуть больше часа.

Мориарти удовлетворенно кивнул.

— Никаких неприятностей я от Холмса не жду, — сказал он, — но осторожность не помешает.

Как уже отмечалось выше, часовая беседа Кроу с Холмсом, имевшая место в квартире последнего на Бейкер-стрит, не принесла первому ничего, кроме разочарования.

Великий детектив принял инспектора довольно радушно, хотя и несколько сдержанно, даже с недоверием.

После короткого вступления Кроу устроился в кресле у камина и, заведя разговор, искусно направил его в заранее подготовленное русло. В первую очередь он сообщил, что принял у Лестрейда дело Морана.

— Тогда вам, вероятно, передали и записи Лестрейда, — сухо заметил сыщик.

— Совершенно верно, мистер Холмс, но я счел желательным обсудить с вами некоторые факты.

— Замечательно, — кивнул тот. — Но, боюсь, я вряд ли смогу помочь вам больше, чем Лестрейд.

— Как вы думаете, почему Моран хотел вас убить?

Некоторое время Холмс молчал. Казалось, он даже не слышал вопроса, полностью поглощенный куда более важным делом: заправкой трубки.

Заподозрив собеседника в попытке выиграть время, Кроу задал новый вопрос:

— Моран действительно был кем-то вроде начальника штаба при Мориарти?

Холмс поднял голову и, взглянув недоверчиво на инспектора, отвел глаза.

— Лично я никогда не сомневался в том, что полковник был ближайшим и

преданнейшим помощником Мориарти. — Держа трубку в левой руке, он потянулся правой за лучиной.

— Так, может быть, это и есть единственная причина?

— Может быть. У вас логический ум, инспектор, но, похоже, несколько прямолинейный.

— В некоторых из последних донесений говорится, что Мориарти жив и находится в настоящее время в Лондоне. — Сделав это смелое заявление, Кроу замолчал и выжидательно посмотрел на сыщика.

— Мориарти — мой давний враг. Точнее, был им. О его пребывании в Лондоне мне ничего не известно. Мое соперничество с ним закончилось давно, три года назад, у Рейхенбахского водопада. Больше я сказать ничего не могу.

— Полковник Моран был приближенным Мориарти. Он пытался убить вас, а теперь сам мертв, отравлен в тюремной камере. Какие выводы вы из этого делаете, сэр?

— Только один. Узнав о моем возвращении в Лондон, полковник понял, что ему угрожает опасность и что в самое ближайшее время я изобличу его как убийцу Рональда Адэра. Полагаю, он решил обезопасить себя, устранив меня. Именно я представлял наибольшую угрозу для его свободы и жизни.

— И кто, по-вашему, желал смерти Морану?

Холмс раскурил наконец трубку и с удовольствием затянулся.

— Если, как я уже сказал, Моран был заместителем Мориарти, естественно предположить, что он успел обзавестись многочисленными врагами. На основании многолетней практики я пришел к выводу, что преступники наживают врагов значительно легче, чем обычные люди, и что эти враги, в силу самого образа их жизни, потенциально крайне опасны.

Увлечшись собственными рассуждениями, Холмс в течение некоторого времени излагал свои воззрения по вопросу общественного поведения личности в условиях криминального сообщества.

Кроу, что вполне естественно, слушал великого сыщика с большим интересом, и к тому моменту, когда Холмс завершил наконец свое весьма пространное отступление, тема, ради которой инспектор и наведалься на Бейкер-стрит, оказалась благополучно забытой.

С опозданием опомнившись, Кроу попытался вернуть разговор к Мориарти и Морану, а также протянуть от них ниточку к самому Холмсу.

Но тщетно. Его именитый собеседник упорно отказывался говорить о Профессоре и, что логично, о смерти полковника. В какой-то момент Кроу, испытав различные подходы, понял, что заманить такого искушенного полемиста на нежелательную для него территорию и хитростью выудить какое-либо новое заявление ему не по силам.

В конце концов Энгус Маккреди Кроу покинул апартаменты на Бейкер-стрит в полной и непоколебимой уверенности, что, во-первых, великий сыщик многого недоговаривает, и, во-вторых, то, чего он не хочет сказать, навеки останется погребенным в дальних уголках этого непостижимого мозга.

Когда Пейджет вернулся с заседания «военного совета», Фанни Джонс уже спала, но заворочалась и быстро проснулась, хотя он и старался ее не разбудить.

— Так поздно, Пип. Что случилось?

От ее внимательных глаз не укрылось серьезное выражение на лице любимого.

— Ничего такого, что не может подождать. Спи, милая.

Но сон уже пропал, и она приподнялась с подушки.

— Я была вечером на кухне и случайно кое-что услышала. Что-то с Бертом Спиром, да?

Пейджет тяжело вздохнул и, сев на кровать, принялся стаскивать брюки.

— Да, у него неприятности. Пока Профессора не было, кое-кто попытался оттяпать чужой кусок. Завтра мы дадим им по рукам. Они, похоже, захватили Берта.

Фанни нахмурилась.

— Что они с ним сделают, Пип? Его ведь не убьют?

Пейджет ответил не сразу. Все они участвовали в опасной игре, и Фанни, зная это, не питала особых иллюзий, так что пытаться успокоить ее ложью было бы глупо.

— Случиться может всякое. Но на его месте мог оказаться любой из нас. Если бы не Профессор, мы все едва сводили бы концы с концами. По мне, так лучше служить ему и иметь денежку в кармане, чем рисковать в одиночку, не зная, что ждет тебя завтра.

— Надеюсь, я когда-нибудь привыкну к такой жизни. Но меня все эти секреты пугают.

— А разве есть что-то еще? — Пейджет нырнул под одеяло, уже согретое ее теплом.

— Жить можно не только в Лондоне, но и в деревне. — Она обняла его за шею и придвинулась ближе.

Как ни устал Пейджет, тело отозвалось на этот призыв. Он поцеловал ее, она ответила, а дальше все пошло само собой.

Закончив неотложные дела, они еще лежали какое-то время, нежась в тепле воспоминаний о приятном, безоблачном летнем дне. Пейджет думал о поездке в Хэрроу, о новой жизни с Фанни Джонс вдалеке от постоянных тревог и беспокойств. Возможно ли, чтобы мечты воплотились когда-нибудь в действительность?

Мориарти приготовился отойти ко сну, но не ложился. Впереди было слишком много дел: завтрашняя операция против Грина и Батлера; планы, требовавшие согласования до приезда людей с континента и наконец сама встреча с ними. Созданию континентального альянса Мориарти придавал особое значение, поскольку именно это предприятие считал самым важным из всех своих проектов в долгосрочном плане. И все же мысли снова и снова возвращали его к короткому разговору с Паркером. Разговор этот в свою очередь заставлял вспомнить о Шерлоке Холмсе и вернуться через годы к событиям, имевшим место в первые месяцы 1891 года.

К тому времени Мориарти уже точно знал, что во всей Европе лишь один человек может стоять наравне с ним, и только один человек способен низвергнуть его с пьедестала. Человеком этим был частный сыщик, проживавший в доме 221-б по Бейкер-стрит. Вот почему Мориарти всячески избегал конфронтации с Холмсом, ограничиваясь лишь наблюдением за ним.

Последние месяцы 1890 года были особенно успешными для Профессора: все его предприятия — ограбления, заказные убийства, мошеннические операции — проходили гладко, принося огромную прибыль. И это не считая поступающих из европейских столиц обычных доходов от криминального бизнеса. Однако в августе того же года, выполняя поручение одной заморской державы, Мориарти предпринял попытку дискредитировать королевскую семью. Задание такого рода было ему не в новинку; именно он был главным закулисным игроком, тем «серым кардиналом», что стоял за трагической любовной историей, которая завершилась самоубийством в Майерлинге кронпринца Рудольфа Австрийского.⁵² Немало интересного Профессор мог бы рассказать и о борделе для гомосексуалистов на Кливленд-стрит, оказавшемся в центре громкого скандала с участием лорда Артура Сомерсета, тогдашнего управляющего конюшнями Принца Уэльского.⁵³

⁵² 30 января 1889 года в имении Майерлинг были найдены тела кронпринца Рудольфа и его любовницы, юной баронессы Марии фон Вечера, против отношений которой с сыном выступал Франц Иосиф. Трагедия так и осталась загадкой; наиболее распространена версия, согласно которой Рудольф застрелился, а Мария либо также покончила с собой, либо ее убил принц; существует также ряд теорий заговора. Правительство скрыло обстоятельства гибели кронпринца, объявив произошедшее несчастным случаем, однако подробности достаточно быстро распространились по Европе.

⁵³ Так называемый «скандал на Кливленд-стрит» случился в 1889 году, когда полиция раскрыла существование на этой улице борделя для гомосексуалистов. Мужеложство было в то время запрещено законом, и клиентам грозило судебное преследование и общественный остракизм. По слухам, одним из

Привести в движение цепь событий, едва не навлекших публичный позор на принца Уэльского в Транби-Крофт и завершившихся судебным скандалом в следующем году, оказалось относительно просто.

Не приходится сомневаться, что Мориарти, человек ловкий, с большими связями и способностями к интриге, умел манипулировать людьми, не имевшими непосредственного отношения к сфере его деятельности. Профессор был настоящим гроссмейстером игры в человеческие шахматы и прекрасно знал, как перемещать различные фигуры, выдвигая их на нужные позиции и оставляя в покое и полной уверенности, что причуды и безрассудства людской природы рано или поздно приводят к недоброму итогу.

Именно тогда, на стадии подготовки сцены Транби-Крофт к бурным событиям 8-10 сентября, Профессор пришел к выводу, что ему вполне по силам проверить дело столетия, украв коронные драгоценности. В январе 1891 года он дважды посетил Рим, где заключил выгодную сделку с неким эксцентричным итальянским миллионером, после чего приступил к разработке планов предполагаемой кражи.

Лишь 20 января, прибыв в Париж, Мориарти узнал, что Шерлок Холмс находился в Риме в одно с ним время, и понял, что это неспроста.

В Париже Профессор занялся поисками двух самых лучших воров и там же обнаружил, что Холмс серьезно мешает ему в работе.

Для намеченного дела Мориарти взял на заметку легендарного французского взломщика Эмиля Лефантома. Предварительный разговор состоялся в скромной квартирке неподалеку от площади Оперы, и хотя Профессор раскрыл не все свои карты — и, в частности, не сказал, о какой добыче идет речь, — француз заинтересовался сделанным предложением и проявил желание сотрудничать. Однако уже через пару дней, в ходе второй встречи, Мориарти ждал неприятный сюрприз — Лефантом, как оказалось, передумал.

— Мсье Профессор, — сказал он. — Я подумал о вашем предложении. Мы хорошо работали вместе в прошлом, и ваше нынешнее предложение звучит, не скрою, заманчиво, но, откровенно говоря, я слишком стар для таких дел. Денег у меня столько, что их хватит на безбедное существование до конца дней. Лет мне осталось немного, и рисковать спокойной жизнью было бы глупо.

Француз не был членом синдиката Мориарти, всегда работал сам по себе, и надавить на него так, чтобы не настроить против себя своих компаньонов во Франции, где к Лефантому относились с большим уважением, Профессор не мог. В итоге ему ничего не осталось, как пожалеть плечами и заняться поисками специалистов должной квалификации среди своих.

Тем не менее, Мориарти провел собственное расследование и вскоре выяснил, что после его первого визита к французу наведалься кто-то еще. Судя по описанию, этим человеком был Холмс. Теперь Профессор знал, в чем истинная причина отказа Лефантома. Очевидно, сыщик, располагая некими убедительными аргументами, сумел заставить знаменитого взломщика отказаться от выгодного предложения.

К середине февраля все приготовления были закончены, планы уточнены и перепроверены, из Франции ожидался приезд четырех взломщиков. Однако в назначенный день из в дом на Стренде явились не четверо, а только двое, и эти двое объяснили, заметно волнуясь и жестикулируя, что в Дувре при высадке с пакетбота случилась неприятность.

Двое их коллег первыми сошли по трапу, но не успели сделать и двух шагов по британской земле, как к ним подошли несколько полицейских. С полицейскими был человек

посетителей заведения был принц Альберт Виктор, старший сын принца Уэльского, второй по очереди наследник трона. Правительство обвиняли в стремлении замять скандал. Другим завсегдатаем борделя был конюший принца Уэльского, лорд Артур Сомерсет. Он и содержатель заведения, Чарльз Хэммонд, бежали за границу. «Мальчики», работавшие посыльными в почтовом ведомстве, получили небольшие сроки заключения; никому из клиентов обвинение предъявлено не было.

Скандал укрепил общество во мнении, что мужской гомосексуализм есть порок, распространенный, главным образом, среди аристократов, растлевающих молодежь. Позднее, в 1895-м, обвиненный в гомосексуализме Оскар Уайльд, получил по суду два года каторжных работ.

в штатском, который заявил, что пересек пролив на том же пакетботе, и что во время короткого рейса двое французов попытались его ограбить. Позднее выяснилось, что в роли обвинителя выступал не кто иной, как Холмс, и что двух французских взломщиков отправили следующим же пароходом на родину, в Кале.

Мориарти был в ярости, но, вознамерившись во что бы то ни стало довести задуманное до конца, днем позже вернулся в Париж для отбора из французского отделения своей организации еще двух специалистов — планом предусматривалось, что делом займется именно иностранная команда.

К марту вся группа собралась в Лондоне, но тут случилась очередная неприятность: оказалось, что полиция, руководимая упрямым и цепким, как бульдог, инспектором Паттерсоном, ведет постоянное наблюдение за всеми четверьмя французами, которые к тому времени перебрались из Лаймхауза в другие места, где и жили каждый сам по себе, не поддерживая связей и не привлекая к себе внимания. Копнув где надо, Мориарти узнал, что главным информатором Паттерсона был Шерлок Холмс.

К этому моменту Профессор уже принял контрмеры, приказав людям Паркера вести постоянное наблюдение за домом 221-б по Бейкер-стрит и отслеживать все передвижения детектива. Через несколько дней стало ясно, что Холмс в курсе всех дел Мориарти, что он следует за ним по пятам, с каждым шагом доказывая, по меньшей мере, свое интеллектуальное равенство с Профессором.

Важнейшее значение в разработанном до мелочей плане похищения коронных драгоценностей играл фактор времени. Операцию намеревались провести в середине марта, когда, согласно установленному порядку, украшения чистят и подновляют. В последний момент порядок, однако, изменился. И снова не обошлось без Холмса, который, прибегнув к помощи брата Майкрофта, настоял на переносе процедуры чистки и обновления ближе к концу апреля. Ловкий этот ход резко ограничил пространство для маневра и подтолкнул Мориарти к нелегкому решению избавиться от назойливого сыщика. При этом он отдавал себе отчет в том, что, делая этот шаг, рискует собственной безопасностью. Однако, прежде чем пойти на крайнюю меру, Профессор, успевший к тому времени проникнуться невольным уважением к противнику, предпринял попытку решить проблему мирно, встретившись с сыщиком лично.⁵⁴

Холмс, как мы знаем, не внял доводам противника, и Мориарти, уже припертый к стене, озаботился подготовкой его убийства. Исполнение грязной работы было поручено Спиру и паре головорезов, к услугам которых Профессор частенько прибегал для улаживания проблем местного характера. Паркер получил указания взять детектива под постоянное наблюдение. Все знали, что получают премию, если Холмс станет жертвой несчастного случая.

Три покушения последовали одно за другим: первое — на углу Бентинк-стрит и Уэлбек-стрит, где Холмса едва не сбил бешено мчавшийся парный фургон; второе, буквально через несколько минут после первого, на Вир-стрит, где Спир бросил кирпич с крыши одного из домов. Кирпич разминулся с головой Холмса на несколько дюймов, а пару минут спустя улица уже кишела полицейскими.

Стараниями Паркера за Холмсом проследили — сначала до квартиры его брата Майкрофта, на Пэлл-Мэлл, и оттуда до жилища доктора Уотсона, в Кенсингтоне. На втором этапе один из головорезов предпринял третье, отчаянное нападение — он выскочил с дубинкой из-за угла, но не рассчитал момент, и Холмс сбил его с ног, а подоспевшие

⁵⁴ Эта встреча описана доктором Уотсоном в «Последнем деле Холмса». С учетом описанных выше событий понятнее становится и обращение Профессора к сыщику, в котором он говорит: «Вы встали на моем пути четвертого января. Двадцать третьего вы снова причинили мне беспокойство. В середине февраля вы уже серьезно потревожили меня. В конце марта вы совершенно расстроили мои планы. А сейчас из-за вашей непрерывной слежки я оказался в таком положении, что передо мной стоит реальная опасность потерять свободу. Так продолжаться не может». — *Примеч. автора.*

полицейские увезли негодяя в тюрьму.

Дальше пошло хуже: сычи потеряли Холмса, и город пришлось прочесывать с привлечением больших сил. Мориарти руководил операцией из своего кабинета, но только утром следующего дня вдруг понял, что задумал сыщик.

Уотсон, находившийся все это время под пристальным наблюдением, вышел из своей кенсингтонской квартиры, и уже через несколько секунд стало ясно, что он действует согласно некоему согласованному заранее хитроумному плану, рассчитанному на то, чтобы сбить сычей со следа. Так и случилось: люди Паркера потеряли его у Лоусерского пассажа, напротив Чаринг-Кросс. В первый момент Мориарти подумал, что туда доктор и направляется, но затем дедукция подсказала другое решение: цель Уотсона — вокзал Виктория. Именно оттуда уходил через двадцать минут поезд, согласованный с расписанием пароходов. Мориарти больше не сомневался: Холмс и Уотсон отправляются на континент.

В костюме и облике покойного брата Мориарти, сопровождаемый Спиром, Пейджетом и двумя головорезами, помчался на кэбе к вокзалу. Они прибыли, когда состав отходил от платформы, и Профессор, не теряя времени, заказал экстренный, но, как знает весь мир, в тот раз Холмс ускользнул от своего врага.⁵⁵

Лишь через неделю Мориарти удалось обнаружить Холмса и Уотсона в Швейцарии, и только 3 мая он предпринял решительные действия.

К тому времени беглецы прибыли в Мейринген, самую крупную деревню долины Халси, через которую течет река Ааре, стиснутая с обеих сторон живописными зелеными холмами.

Мориарти держал ситуацию под контролем. На протяжении последних четырех дней один или два швейцарских агента Профессора не спускали глаз с Холмса и его спутника.

Вечером 3 мая Мориарти прибыл в Мейринген, но расположился не в гостинице «Англия» у Петера Штайлера, где устроились Холмс и Уотсон, а в отеле «Флора». Его агенты тут же взялись за дело, и уже к полуночи Профессор располагал сведениями, что Холмс и Уотсон планируют на следующий день прогулку в горы и переход к деревушке Розенлау с остановкой по пути у величественного Рейхенбахского водопада. Мориарти выстроил свои планы соответствующим образом.

Существует две версии событий 4 мая: первая принадлежит исключительно доктору Уотсону, вторая, более поздняя, изложена также им, но дополнена деталями, предоставленными великим детективом. Ни та, ни другая не являются абсолютно точными и соответствуют действительности лишь до того момента, когда Уотсон, получив записку, написанную якобы Петером Штайлером и призывавшую его вернуться в гостиницу, чтобы оказать помощь некоей выдуманной англичанке, оставил Холмса одного.

Записку написал, разумеется, Мориарти, пришедший из «Флоры» в «Англию» сразу после того, как ему доложили, что Холмс и Уотсон отправились в горы. Уотсон попался на крючок, а вот Холмс, похоже, сразу понял (позднее он это подтвердил), что записка поддельная.

Однако схватки в том виде, как она описана доктором Уотсоном, не было вовсе. Мориарти и Холмс действительно встретились на узкой тропинке над пропастью, вот только первый был не один — его сопровождали Пейджет и агент-швейцарец. Увидев Профессора, Холмс услышал какое-то движение за спиной и, обернувшись, едва не наткнулся на Спира, целившегося в него из револьвера.

— Думаю, это шах и мат, — холодно заметил Мориарти. — Я устроил эту встречу, мистер Холмс, к нашей взаимной выгоде. У меня нет желания убивать вас, сэр, хотя я

⁵⁵ Как пишет в «Последнем деле» доктор Уотсон, Холмс все же перехитрил Мориарти, сойдя с поезда в Кентербери. Там они и увидели пронесшийся на всех парах паровоз с одним вагоном. Далее Уотсон и Холмс проследовали в Ньюхейвен, а потом и в Брюссель. Профессор же примчался сначала в Дьепп и уже оттуда отбыл на континент в объезд Парижа, потеряв на этом два дня. — *Примеч. автора.*

убежден, что вы с готовностью рискнули бы своей жизнью ради того, чтобы увидеть меня мертвым. Мне остается лишь воззвать к вашему благоразумию.

Холмс стоял почти неподвижно, как будто ожидая в любой момент смертельного удара.

— В Лондоне, когда мы виделись в последний раз, вы не приняли мой совет, — продолжал Мориарти. — Полагаю, вам известно, что случилось. Вы сорвали мои планы, уничтожив тяжелую многомесячную работу. Я уважаю вас и надеюсь, что теперь мы оба понимаем создавшуюся ситуацию. Мы — достойная пара, хотя и стоим по разные стороны барьера. — Он достал из кармашка часы, посмотрел на них и вернул на место. — Я не могу задерживаться, мистер Холмс, но решение относительно дальнейших шагов вы должны принять сами. Вы можете напасть на меня, и мы схватимся на этой узкой тропинке. У моих людей есть соответствующий приказ — останавливать нас они не станут. Предвижу три возможных исхода: я падаю в пропасть, вы падаете в пропасть, мы оба падаем в пропасть. Следует иметь в виду, что стоящий у вас за спиной Спир имеет приказ застрелить вас, если в пропасть упаду я один.

Холмс, похоже, попытался выиграть время, и они обменялись несколькими предложениями, но через пару минут Мориарти вернул разговор к прежней теме.

— Итак, сэр, результатом будет смерть — либо нас обоих, либо только ваша. Я предлагаю более достойный выход. Мы расстаемся и уходим, оставив улики, указывающие на то, что оба погибли. Далее — перемирие. Мы оба берем обязательство не возвращаться в Англию в течение трех лет, а когда этот период истечет, не говорить больше об этом деле. Далее я постараюсь не переходить дорогу вам, а вы обязуетесь не вставать у меня на пути.

Мы никогда не узнаем, что заставило Холмса согласиться с возмутительными требованиями Мориарти, но стороны достигли определенной договоренности. Может быть, сыщик, устав от изнуряющей борьбы, которую вел на протяжении нескольких последних месяцев, решил, что в сложившейся ситуации лучше сохранить жизнь и продолжить служить делу справедливости и законности в надежде встретиться с Мориарти в более благоприятных обстоятельствах.

Тогда, провожая взглядом Холмса и Спира, спускавшихся по тропинке в Розенлау, Мориарти отнюдь не чувствовал себя победителем. Впервые в жизни он столкнулся с достойным противником, взять верх над которым сумел не за счет ума и хитрости, а только с помощью подкрепленной логикой грубой силы.

Теперь, лежа на кровати в темной комнате, Мориарти спрашивал себя, не столкнется ли он снова с Холмсом, а если столкнется, кто выйдет победителем из второй схватки? Впервые за долгое время Профессор испытал настоящий страх.

— И как же это вы призрака вызвали?

Вопрос этот, прозвучавший в самом начале затянувшегося далеко за полночь разговора с Грином, беспокоил Спира до сих пор. Его покормили — еду снова принесла изможденная, усталая Бриджет, — дали выпить, а потом забросали вопросами. Спир быстро сообразил, что если хочет выбраться из переделки живым, то должен собраться с силами, сосредоточиться и четко держаться выбранной линии поведения.

На вопрос о призраке Мориарти он ответил мгновенно, ухватившись за первое пришедшее на ум — и самое простое — объяснение: роль Профессора сыграл специально нанятый актер.

— И что же? Они поверили? — недоверчиво протянул Питер Батлер.

— Вблизи его никто не видел, кроме нас четверых. Другие видели только издали и в тени. Старый трюк.

— Ну ты и молодец, Берт, — рассмеялся Майкл Культяшка. — Хотя, с другой стороны, и ставки-то высоки.

Допрос продолжился. Спир отвечал, смешивая правду с вымыслом и надеясь, что похитители не заманят его в ловушку и не поймают на откровенной лжи.

Так прошло около часа. Потом Грин поднялся и, отойдя в сторонку, сказал что-то тройке угрюмых здоровяков, готовых, похоже, выполнить любое задание.

Двое из этой тройки скоро ушли и вернулись часа через три. Грин же и Батлер продолжали, сменяя друг друга, допрашивать Спира, на котором бессонная ночь сказывалась все сильнее.

Около четырех, Грин снова поговорил о чем-то с троицей здоровяков, на протяжении ночи уходивших с какими-то поручениями и возвращавшихся через час-другой.

— На сегодня хватит. — Батлер потянулся и кивком указал на матрас в углу комнаты. — Если хочешь поспать, устраивайся там.

Судя по размерам помещения, они находились на приспособленном под склад чердаке. Потолка не было — только балки, стропила да черепица. Роль двери выполнял устроенный в полу люк. Комнату освещали три или четыре масляные лампы; две свисали с балок, остальные стояли на столе. Днем источником света могли служить два мансардных окна. Спир уже заметил, что похитители не дают ему подойти к этим окнам.

— Ну что, Берт, будешь ложиться? — спросил, возвратившись к столу, Грин.

Спир кивнул — ему хотелось побыстрее покончить с допросом и хотя бы немного отдохнуть, — и Культяшка, подойдя к матрасу, подтянул висевшую на проволоке обтрепанную занавеску.

— Твои апартаменты, Берт. Не то, конечно, что в Лаймхаузе, но у тебя еще есть шанс вернуться, а?

Раньше о Лаймхаузе никто из них не упоминал, хотя в том, что эти двое знали, где располагается штаб Мориарти, ничего удивительного не было. Тем не менее реплика Культяшки добавила Спиру беспокойства. Он молча пожал плечами, улыбнулся и опустился на матрас. Стащил штаны и куртку, завернулся в одеяло и вытянулся. Усталость накатила тут же, и Спир уже почти провалился в небытие, когда ощутил вдруг за занавеской чье-то присутствие.

— Кто здесь? — прошептал он. На чердаке вроде бы никого не осталось, но две лампы на столе еще горели, и Спиру не верилось, что Грин и Батлер бросят его без присмотра.

Мягкая ладонь легла на губы.

— Это я, Бриджет, — произнес чуть слышно женский голос. — Мне сказали подняться и присмотреть за тобой.

Что-то зашуршало. Присмотревшись, Спир увидел, что женщина и впрямь раздевается. В следующую секунду она уже лежала рядом с ним на матрасе.

— Все ушли? — шепотом спросил он.

— Они внизу. Все, кроме Броди и Ли. Те спят.

Спир кивнул.

— Тебе, Бриджет, тоже поспать бы не мешало.

— Там? — Она погладила его по груди.

— Спи, девочка. Выглядишь ты неважно. Загоняли работой?

— А разве бывает по-другому? Но он прибьет меня, если я вас не ублажу. — Рука поползла ниже.

Спир поймал пальцы, сжал несильно и убрал руку.

— Отдыхай. Выспись. Меня сегодня баловать не надо.

— Так я тебе совсем не нравлюсь?

Спир вздохнул — женщине никогда не угодишь.

— Нравишься, но тебе лучше поспать. Скоро утро.

Бриджет не стала больше спорить и только придвинулась к нему поближе, делясь своим теплом.

Спир проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Девушки рядом не было. В комнату через мансардные окна на дальней стене вливался дневной свет. Грин, разбудив Спира, выпрямился. Один из его подручных поставил на матрас кружку с чаем и положил

сверху ломоть хлеба.

— Едва разбудил тебя, Берт. Что так? Это малышка Бриджет унесла тебя в страну Нод,⁵⁶ а? — Грин грубовато рассмеялся. — Ладно, не хмурься. Одиннадцатый час, так что пора вставать.

Спир благодарно кивнул.

— Попозже еще поговорим, — бросил Культяшка и уже повернулся, чтобы уйти, но в последний момент как будто передумал и оглянулся. — Дело уже закрутилось, так что не беспокойся. — Хитровая ухмылка расщепила грубое обветренное лицо. — Тот актеришко, которого вы притащили в Лаймхауз изображать Профессора... Если все сложится, до ночи он не доживет.

В Лаймхаузе все встали рано. Одного из экзекуторов оставили присматривать за Роучем и Фрэм, остальных собрали и, проинструктировав, отправили в город — собирать все наличные силы. Люди уже уходили, когда Мориарти окликнул Харкнесса и распорядился приготовить кэб и ждать у двери через полчаса. Потом он послал за Пейджетом.

— Ты подумал? Пойдешь на дело в Хэрроу?

— Если надо — пойду, но предпочел бы посмотреть со стороны.

Мориарти мрачно улыбнулся.

— Посмотрим, посмотрим. А пока пусть все идет своим чередом. Сегодня вечером для Культяшки и Дворецкого все закончится. Утром сходи к Солли Абрахамсу, надо договориться насчет добычи из Хэрроу. Завтра обсудим все с Фишером, Кларком и Гэем.

Пейджет прошел на кухню — сказать Фанни, что вернется часа через два, — и немало удивился, застав там Мэри Макнил. С подвернутыми рукавами и перепачканным мукой лицом она раскатывала на доске тесто — не самое подходящее занятие для перворазрядной шлюхи.

Пока Пейджет прощался с Фанни, Мориарти, улучив момент, коротко переговорил с Паркером.

— Этот Кроу... Ты можешь связаться с нашими людьми в Скотланд-Ярде?

— На это уйдет несколько часов, может быть, день.

— К завтрашнему вечеру?

— Смогу. Точно.

— Я хочу знать о нем все, хочу увидеть его послужной список. И особенно меня интересует, зачем он приходил к Холмсу. — Мориарти помолчал, потом стрельнул глазами в Паркера. — За ним наблюдают?

— Не постоянно.

— Пусть наблюдают постоянно. Не нравится мне, когда какой-то ворон кружит, словно стервятник.

Пейджет вернулся, а Паркер незаметно, как призрак, растворился. Мориарти посмотрел на часы — почти полдень. К этому времени его лейтенанты уже должны были подтянуть первые отряды наемников. Он кивнул, и они спустились по лестнице в «комнату ожидания» и прошли к выходу.

За складом находился каретный сарай, где вполне могли поместиться не просто кэб или карета, а и большой фургон, но выезд вел к докам, что не устраивало большинство выходящих. Более удобным считался маршрут, пролежавший по узкому переулку, зажатому с обеих сторон обветшалыми, кособокими домишками и выходявшему на широкие, хотя и считавшиеся опасными, улицы.

Остановившись за порогом, Пейджет протяжно свистнул. Откуда-то из конца переулка ему ответили серией коротких свистков — один из сычей Паркера давал знать, что все чисто.

⁵⁶ Нод (Земля неприкаянных) — страна, лежащая к востоку от Эдема, в которую удалился Каин.

Мориарти и Пейджет пересекли двор, миновали арку и вышли в переулок. Кэб уже стоял у тротуара, и Харкнесс сидел на козлах. На мгновение Пейджета отвлек стук копыт — слева приближался небольшой фургон. Через несколько секунд он поравнялась с кэбом Мориарти и...

Казалось, ад обрушился на землю.

Нестройный залп баркеров⁵⁷ — всего прозвучало четыре или пять выстрелов — огласил улицу и ворвался в кэб. Щепки разлетелись в стороны, пули простучали по арке, как горсть брошенных с силой камешков, эхо пальбы пронзили рикошетные взвизги.

Харкнесс вскрикнул. Пейджет прыгнул вперед, заслоня собой Профессора, который как-то странно развернулся вполоборота. Подковы ударили о мостовую, колеса громыхнули, а из фургона раздались еще два выстрела — одна пуля пискнула, как злобное насекомое, над головой Пейджета, вторая расколола камень дюймах в восемнадцати слева. В следующее мгновение фургон скрылся за поворотом. Откуда-то выскочили двое сычей.

Мориарти лежал на спине, левый рукав его сюртука быстро темнел от крови.

— Ранен... Господи... он ранен! — завопил Харкнесс.

Профессор с усилием приподнялся и сел.

— Хватит ныть, чертов дурак. Помоги встать.

Лицо его посерело, в уголках глаз еще теплился, как показалось Пейджету, страх. Вдвоем они помогли скривившемуся от боли Мориарти подняться.

Через пару минут все трое вернулись на склад, где их встретили встревоженные выстрелами Фанни, Мэри и миссис Райт. Профессора отвели наверх.

Рана оказалась неопасной — пуля прошла навывлет, не задев кость, — но болезненная. Пока ее прочищали и бинтовали, Мориарти сыпал проклятиями.

— Если это Грин и Батлер, я сам позабочусь о том, чтобы им раздавили яйца.

— Мы их достанем, этих ублюдков, — заверил его Пейджет.

— Достанем? — рыкнул Профессор. — Никто и никогда не поднимал на меня железо.⁵⁸ Что ж я заставлю их попрыгать. За кого они меня принимают? За раззяву?

Ему принесли бренди. Бледность прошла, щеки немного порозовели. К Абрахамсу никто уже не собирался. Мориарти думал только о мести и полном уничтожении Культашки и его организации.

Случившееся сильно обеспокоило Пейджета. Решившись устранить Профессора в самом сердце его владений, Грин и Батлер продемонстрировали либо отчаяние, либо полную уверенность в своих силах. Ту же тревогу Пейджет заметил и в глазах самого хозяина. Нечто подобное он видел лишь однажды, три года назад, когда Холмс вынудил Мориарти забыть обо всем и удирать от него через всю Европу.

Сержант, светловолосый, упитанный парень двадцати восьми лет, ожидал инспектора Кроу на Хорсмангер-лейн вместе с полицейским врачом; надзирателем Уильямсом, который провел посетительницу в камеру Морана; коридорным, обнаружившим тело; охранником и начальником тюрьмы.

Кроу поговорил со всеми по очереди, постоянно ссылаясь на поданный Лестрейдом рапорт. Ничего нового не вскрылось, если не считать заявления коротышки-доктора, с полной уверенностью и важным видом объявившего, что заключенный был отравлен *Strychnos nux vomica*, или рвотным орехом, ядом, попавшим в организм с пирогом и вином, которые доставила загадочная посетительница.

Ничего нового не удалось добавить и к описанию этой девушки. Сей факт, печально отметил про себя Кроу, лишь подтвердил, сколь ненаблюдательны и беспечны служители

⁵⁷ Револютеры.

⁵⁸ Огнестрельное оружие.

исправительных учреждений Ее Величества. Описанию подозреваемой соответствовали по меньшей мере сотни жительниц Лондона. Вот и еще один аргумент в пользу составления введения системы регистрации преступников. Регистрационные карточки могли бы помочь в данном случае; пока же полиции оставалось надеяться на то, что среди доставленных для допроса многочисленных девушек похожей внешности обнаружится та, которая хитроумно доставила отравленные продукты прямоком в тюрьму.

В завершение визита Кроу попросил показать ему ту самую камеру, в которой содержался и умер полковник Моран. Инспектор твердо верил в необходимость тщательного осмотра места преступления. Но в данном случае никаких ключей найти не удалось, если, конечно, не считать тех, что оставили на стенах предыдущие сидельцы.

21 000 раз обошел я эту камеру за неделю.

Другой нацарапал следующее изречение:

Прощай, дорогая Люси:
На долгих семь лет я с тобой разлучился.
Билл Джонс

Ниже какой-то циник приписал:

Если дорогая Люси такова, как прочие девицы, то, поплавав, повздыхав, с твоим приятелем утешится.
Другой Уильям Джонс

И больше ничего. Полковник Моран не оставил нацарапанных на стене сообщений. Лишь слабый, застарелый запах, просачивавшийся через густую вонь мыльного раствора, напоминал о том, кто провел здесь последние часы.

Вернувшись с очередной порцией бумаг в Скотланд-Ярд, Кроу, руководствуясь скорее раздражением, чем добросовестностью, приказал сержанту просмотреть старые рапорты и прочие документы и отобрать те, в которых упоминается некий Драскович. Сержант ушел и не возвращался до четырех, но зато, вернувшись, принес бумаги, касавшиеся не только Драсковича, но и некоторых других. В частности, Палмера и Майклдждона.

Кроу выругался — громко и грубо. Вот уж действительно, пример того, как за деревьями не видят леса. Драскович. Инспектор знал это имя так же хорошо, как собственное. Но сначала его проигнорировал тупой констебль, а потом столь же тупой сержант, пропустивший это имя в рапорте. Оставалось только надеяться, что, может, хотя бы никто из старших офицеров рапорта не видел.

Нат Драскович. Главный инспектор Нат Драскович. Главный инспектор Билл Палмер. Инспектор Джон Майклджон. Три детектива, уволенные со службы в 1877 году. Все они получили по два года как участники «дела мадам Гонкур», вызвавшего скандал, бросивший тень позора на всю полицию.

— Таннер! — проревел Кроу. — Найдите мне папку с делом Гонкур! Жду ее здесь через полчаса. Потом я уйду домой — читать материалы, — а вы останетесь за меня.

Если Нат Драскович, лежа на смертном одре, сказал, что за аферой стоит человек по имени Мориарти, то скорее всего так оно и было, а если окажется, что Мориарти и Профессор — одно и то же лицо, то во мраке может появиться проблеск надежды. Если Майклджон и Палмер еще живы, и если кто-то из них — или же оба — подтвердят сказанное бывшим коллегой, то, возможно, хотя бы некоторые из этих невероятных историй соответствуют действительности. Привлечь Мориарти по старым делам — и, кто знает, какие еще стены падут.

— Лживый ублюдок!

Оскорбительное заявление сопровождалось ударом, пришедшимся по губам. Спир упал, чувствуя, как поползла по подбородку теплая струйка крови.

Стоявший за спиной Грина Батлер наклонился и рывком поднял упавшего. Двое других — их звали, кажется, Бови и Гиббс — пролезли в люк и встали позади Майкла Грина.

Лицо последнего побагровело от ярости. Спира он ударил правой, в левой Культяшка держал скомканный листок.

— Грязный лгун!

— Я и не притворялся святым Петром.

— Ваш план... ваша попытка обмануть всех, чтобы удержать под контролем банду Мориарти... Ты, Пейджет, Эмбер и этот китаеза... Это вы все придумали. Актер, нанятый сыграть Профессора...

Речь Грина сочилась сарказмом, а паузы заполнялись короткими, но чувствительными ударами по голове несчастного Спира.

— Полегче, Майк, этот мандрейк нужен нам живым.

Мандрейком Спира еще никто не называл. Он замахнулся, но Бови и Гиббс оказались расторопнее и весьма бесцеремонно схватили его за руки.

— Вы же сами не верили, что Профессор жив.

Разбитые губы быстро опухали, что затрудняло общение.

— Что ж, думаю, теперь-то он точно мертв. — Грин скривил губы в гнусной ухмылке. — Эй, Бови, ты видел, как он повалился?

Верзила, державший Спира за правую руку, неуверенно кивнул.

— Я уже говорил, Культяшка. Мы угостили его свинцом. Шесть порций отправили. Я сам попал по меньшей мере дважды. Свалился, как куль дохлого мяса. И Пейджет, по-моему, тоже.

— Насчет Пейджета я не уверен, — вставил Гиббс.

От них пахло порохом, и Спиру стало не по себе.

— Твой актеришка. — Грин сунул кулак ему под нос. — Парни подстрелили его возле Лаймхауза. А когда вернулись, сказали, что он вылитый Профессор. Имей в виду, ребята видели Мориарти в обоих обличьях. Не скрою, меня это обеспокоило. А вот теперь я получил одно письмецо. От человека, который видел его вблизи. Так вот, братец Спир, скажи-ка мне, как Мориарти восстал из мертвых? И что за игру он ведет?

Спир сплюнул собравшуюся во рту кровь.

— Если ты убил его, тварь, то впору тебе оглянуться, потому как демоны ада уже летят к твоему окну.

— Я отправлю этих демонов к нему. — Батлер шагнул вперед; его бледная, рыхлая физиономия оказалась в паре дюймов от лица Спира. — Посадите его на стул, а я подергаю за струны. Он у меня запоет не хуже волынки.

Спира оттащили к стулу. Он попытался сопротивляться, но силы были неравны. Его усадили и привязали веревками к спинке. Батлер сбросил сюртук и закатал рукава.

— Ну, мистер Спир? Что вы там задумали? Чего хотите? Какой у вас план? — Он повернулся к Бови. — Спустишь и скажи Бриджет, чтобы нагрела воды. Мне нужен кипяток. Только не говори, зачем. Женщины такие впечатлительные. И принеси клещи.

Мысли путались, но Спир все же сообразил, что даже если Мориарти убит, Пейджет и остальные осуществят задуманное. Грину и Батлеру в Лондоне места нет.

Глава 7 НОЧЬ ПАЛАЧЕЙ

Понедельник, 9 апреля 1894 года, 9 часов вечера и далее

Рука у Мориарти висела на перевязи. Если не считать этого, он выглядел так же, как

всегда. К вечеру собрались все, и атмосфера в Лаймхаузе царил почти праздничная, потому что им предстояло заниматься тем, что они больше всего любили и что лучше всего у них получалось.

Миссис Райт, Фанни и Мэри Макнил принесли из кухни и поставили на стол подносы с горячими пирогами и вареным картофелем и кувшины с элем. Ужинали посменно. Грубоватые шутки встречали грубоватым хохотом.

— Так что у нас сегодня на ужин?

— Четыре куска дерьма.

После ужина пришла очередь более серьезного дела. Армию требовалось вооружить. Из кладовой рядом с комнатой Пейджета принесли револьверы и древнего вида пистолеты, ножи, налитые свинцом дубинки, а также бритвы и кастеты.

Только когда все было готово, Мориарти начал делить людей на группы и ставить во главе каждой командира. Закончив с этим, он забрался на ящик и обратился к своей весьма зловещего вида армии.

— Сегодня, парни, мне нужна от вас кровавая работа, — начал Профессор. — А почему бы и нет? Сегодня эти подонки пытались убить меня. Майкл Культяшка и Питер Дворецкий — первые в этом городе, кто объявил мне войну, и если вам хочется таких донов, тогда вы знаете, что делать. — По толпе пронесся протестующий ропот, послышались крики — «нет!» и «вы наш!», «вы наш хозяин!».

Мориарти улыбнулся.

— Что ж, если я ваш, то и вы — мои.

Толпа отозвалась радостными криками. Профессор поднял руку, успокаивая особенно восторженных.

— Нельзя недооценивать врага, парни. Три года назад я не дал бы вам и пригоршни новеньких фартингов за Майкла Грина и Питера Батлера. Но теперь они другие, они прочно стоят на ногах и, похоже, считают себя ровней вам. Они покушаются на наши владения, а вчера захватили Спира. Сегодня они пытались убить меня. Я хочу, чтобы вы раздавили их, а если не получится, сам надену когти дьявола.⁵⁹

На этот раз его слова были встречены всеобщим восторгом.

Осталось самое трудное: определить цель для каждой группы. Работа растянулась на добрый час из-за возникших споров и даже небольшой перебранки, вызванной нехваткой транспортных средств, коими распорядился Пейджет.

Начиная с шести часов в штаб регулярно приходили сообщения от наблюдателей о перемещениях неприятельских сил. Оба вражеских главаря, Грин и Батлер, по-прежнему находились в притоне на Нельсон-стрит, определенном в качестве цели для Пейджета. Заряжая старый револьвер, доверенный подручный Мориарти вспомнил и о Спице: интересно, что они найдут в этом убежище Культяшки?

Первым группам предстояло начать выдвижение на исходные позиции в половине восьмого. Улучив минутку, Пейджет забежал в кухню — попрощаться с Фанни.

Выглядела она озабоченной, хотя и пыталась отвлечься от тревожных мыслей за работой. Между тонкими бровями пролегли едва заметные морщинки беспокойства.

— Сегодня ведь прольется много крови, правда, Пип?

— Что-то прольется, — кивнул он с напускным безразличием.

— Ох, Пип... Будь осторожен, ладно? — Она взяла его за руки и заглянула в глаза.

Пейджет отступил на полшага и, откинув полу, показал рукоятку револьвера.

— Пусть лучше поостерегутся встать у меня на пути — кишки выпущу.

Фанни нахмурилась.

— Береги себя.

⁵⁹ Надеть когти дьявола — то есть сесть в тюрьму, (*арго*).

— Ты-то как? Все в порядке?

Она опустила голову.

— Устала, наверно, да? День сегодня суматошный, работы на кухне столько, что и не присядешь.

— Ничего.

— С подружкой-то Профессора поладила?

— С Мэри?

— Ну.

Фанни тихонько хихикнула.

— Поладила. Она неплохая девушка, только вопросы иногда чудные задает. А я объясняю.

— И как? Слушает?

— На лету ловит.

Пейджет ненадолго задумался.

— Ты поосторожней, Фан. Мориарти-то нас защитит, но девочки Сэл Ходжес много всяких трюков знают. Ты ей лишнего не рассказывай.

Она привстала на цыпочках и поцеловала его нежно в губы, а потом обняла за шею, как будто не хотела отпускать. Глядя на нее, Пейджет подумал, что получил сокровище, какое редко достается женатому мужчине. Потом тоже поцеловал ее, поспешно обнял и ушел.

Семья у Коллинзов была большая: отец, мать, дедушка, две бабушки, шесть детей — от одиннадцати до восемнадцати, — восемь дядюшек, девять тетушек, родными из которых были только трое, и с дюжину кузенов и кузин.

Жили они в большом старом доме, бывшем некогда частью огромных, постепенно разрушающихся трущоб Сент-Джайлс. Далеко не единственный в своем роде, дом Коллинзов оставался чем-то вроде садка или берлоги с коридорами, переходами, лестницами, громоздящимися одна на другую спальнями, кладовыми и буфетными.

Кривоватая, скособоченная, понемногу рассыпающаяся, эта запутавшаяся в себе громадина служила идеальным убежищем, в котором Эдвард Коллинз — костлявый, тощий как пугало глава семейства — обучал своих родственников премудростям искусства подделки. Места хватало и для жизни, и для работы, а попасть к дому можно было только по переулку, ответвлявшемуся от Девоншир-стрит. В этом самом переулке днем и ночью дежурил либо один из младших сыновей Коллинза, либо уже проверенный в деле сыч-наемник, в задачу которого входило отпугивать чужаков. Еще Коллинз держал четырех собак — здоровенных, зверского вида псов, постоянно недокормленных и оттого злых, — сидевших у двери на цепи.

Именно дом Коллинза и был определен первой целью для Эмбера, возглавлявшего группу из дюжины громил. Сторожа — на уголовном жаргоне «ворону», — мальчишку лет тринадцати, — взяли быстро и без шума, так что поднять тревогу он не успел.

Один из громил оглушил паренька ударом по голове, другой ловко его связал. Собаки ничего сделать не смогли. Услышав возню, псы подняли лай, но цепи держали, а Эмбер уже повел своих людей на штурм. Замок выбили пулей, еще две потратили на ближайших собак, и незваные гости ворвались в дом, безжалостной волной покатались по комнатам, круша прессы, разбивая изложницы и заготовки, разливая расплавленный металл и расшвыривая рабочих.

Показательное наказание ждало только троих — Эдварда, его родного брата Уильяма и двоюродного Говарда, — самых ловких и искусных фальшивомонетчиков во всей шайке. Эмбер так быстро раздавал указания, что пауз не возникало, а значит, и не было времени на сантименты из-за жалобных воплей и слез перепуганных женщин. Избранную тройцу уложили на пол, и двое громил безжалостно обработали молотками руки и пальцы мастеров подделки.

Преподав хозяевам наглядный урок, гости ушли. У двери Эмбер остановился и,

повернувшись к сбившейся в угол кучке, крикнул:

— Всем привет от Профессора! Для верных людей у него всегда работа найдется.

Вся операция заняла не больше тридцати минут, и когда команда Эмбера ушла, часы показывали всего лишь половину десятого. А полчаса ранее другой отряд, ведомый великаном Терремантом, бурей пронесся через Ламбет в направлении доков, избивая по пути работавших на Культяшку проституток. С женщинами обошлись довольно мягко: их просто угостили кожаными плетками; куда больше пострадали сутенеры, попавшие под горячую руку, как на улице, так и в трех пивных, расположенных между Ламбет-Пэлас и мостом Ватерлоо. Двое отдали Богу душу прямо на месте, остальных сильно порезали или избили до бесчувствия. Продолжая поход, Терремант свернул к окраинам Вест-Энда у Чаринг-Кросс, где жертвами экзекуторов становились воры, уличные мошенники, сутенеры, жулики, о которых было известно, что они состоят на службе у Грина и Батлера.

Тех, кого находили, избивали или резали. Одного громилу, занимавшего высокое положение в иерархии Грина и Батлера, застрелили возле пивной неподалеку от Стрэнда.

К этому времени полиция, встревоженная захватившим значительную территорию города внезапным всплеском насилия, уже получила подкрепление и принимала решительные меры по наведению порядка. Двоих из людей Терреманта схватили у реки.

От Эмбера и Терреманта не отставал и Ли Чоу. Его объектами были два борделя на Люпус-стрит и высококлассный дом терпимости на Джермин-стрит.

Китаец обходился с проститутками примерно так же, как люди Терреманта с дешевыми шлюхами, обслуживавшими солдат и моряков. Единственная разница заключалась в том, что здесь было больше шума и протестов, поскольку среди клиентов оказалось немало уважаемых бизнесменов, почтенных отцов семейств и даже джентльменов голубой крови, которые потом еще долго не рисковали даже приближаться к популярному некогда заведению.

Особенно досталось интерьерам: мебель разломали, окна разбили, вспороли обивку и обшивку. Там же, на Люпус-стрит, взяли и трех из пяти девушек, сбежавших от Сэл Ходжес. Их быстро вытащили из заведения (на одной не было ничего, кроме простыни), усадили под дулом револьвера в фургон и увезли к Сэл, предоставив той решать, какого наказания заслуживают предательницы.

С сутенерами и вышибалами расправились коротко и жестоко. С начала операции не прошло и получаса, как двое были убиты, один умирал, трое оказались искалеченными, а остальные сильно избитыми. Последние могли считать, что им повезло.

Не обошлось без потерь и в команде Ли Чоу: один умер от удара ножом на Люпус-стрит, другой — после полученной там же похожей раны — надолго выбыл из строя, а третьего на Хей-маркет забрала полиция.

Живший за рекой, в Бермондси, среди вонючих дубильщиков и кожевников, фальшивомонетчик Джон Тоггер перекалывал пластины серебра, когда дверь его дома разлетелась от удара топором. В первый момент он подумал, что нагрянула полиция (внимания которой ему удавалось избегать на протяжении нескольких лет), но четверо гостей не были «бобби». Не говоря ни слова, они набросились на него, избили, пырнули ножом и бросили бесчувственного на пол, а потом, не обращая внимания на омерзительную вонь, преспокойно вынесли все ценности и загрузили их в фургон, на котором сами и приехали.

Часом позже та же четверка повторила урок уже в Ньюингтоне, с Израелем Кребицем.

В полудюжине ночлежек у Ливерпуль-стрит люди Мориарти почти не встретили сопротивления. Крепко досталось только двоим. Остальные — как хозяева, так и обитатели — не смогли предъявить сколь-либо убедительных аргументов изрыгающим проклятия здоровякам с громадными кулаками.

Указания Мориарти выполнялись четко и быстро: постели порезали на полосы,

грубоватые столы, стулья и кровати порубили топорами, горшки, блюда и миски побили, причем во многих случаях о головы хозяек.

Примерно в девять часов вечера в «Голове монашки», как и в десятке других заведений, пользовавшихся популярностью у людей Грина и Батлера, начало происходить нечто странное: агрессивно настроенные клиенты начинали шумно ссориться, едва успев заказать выпивку. Перебранки разгорались, в ход шли кулаки, потом стулья и кружки, стаканы и горшки.

В «Голове монашки» больше всего пострадали постоянные посетители, многих из которых хорошо знали в полиции. Владельцы некоторых особенно пострадавших заведений были вынуждены закрыть их на какое-то время для ремонта.

К вечеру число наблюдателей вокруг дома на Нельсон-стрит увеличилось вдвое. Все заняли скрытные позиции, некоторые сменили обличье, и все были настороже. Для этой цели Мориарти разработал отдельный план, первая часть которого вступила в действие в восемь часов. Всех, кто входил в дом или выходил из него, без лишнего шума останавливали и задерживали. В десять минут девятого внимание двух подошедших к двери бывших боксеров привлекла молодая женщина аккуратной и весьма соблазнительной наружности, внезапно материализовавшаяся из темноты и пребывавшая в весьма возбужденном состоянии.

Привлеченные как приятной внешностью незнакомки, так и ее огорченным выражением лица, мужчины предложили свою помощь, но когда подошли к бедняжке, возникшие невесть откуда люди схватили их за руки, заткнули им рты и принялись отделять дубинками. Через несколько секунд несостоявшихся посетителей отволокли за кусты, молодая женщина растворилась так же мгновенно, как и появилась, и на улице снова стало тихо.

Через какое-то время по улице, явно направляясь к дому Грина, пробежал мальчишка-бегунок. Впрочем, добраться до двери ему не удалось — сбитый подножкой, парнишка свалился в канаву, где маленький рот накрыла загрубелая мужская ладонь.

Еще через полчаса из дома вышел высокий плотный мужчина в длинном темном пальто и нахлобученной на затылок потрепанной высокой шляпе. Аккуратно притворив за собой дверь, он постоял под фонарем, оглядывая улицу, вслушиваясь в тишину, ловя подозрительные движения. Его покрасневшая, испещренная шрамами и оспинами физиономия напоминала в желтоватом свете поле боя.

Выждав несколько секунд, он повернулся и уверенно двинулся в направлении Коммершл-роуд, куда так и не попал, поскольку закончил путешествие в фургоне, упакованный, как рождественский гусь. Компанию ему составили пара связанных по рукам и ногам парней и мальчишка, пытавшийся попасть в дом раньше. Основные силы во главе с Пейджетом прибывали постепенно, по одному, двое и трое, и к девяти сосредоточились на подступах к Коммершл-роуд. В какой-то момент из темноты бесшумно выскользнул и оказался рядом с Пейджетом вездесущий Паркер.

— Все там, внутри, за исключением того, которого мы взяли, — шепотом сообщил он.

— Грин и Батлер тоже?

— Да, они там весь день. Веселятся.

— Я им настроение подпорчу. — Пейджет сжал кулаки — ему предстояло выполнить самое главное задание вечера. — Сколько твоих ребят приглядывают за черным ходом?

— Четверо, но бойцы из них никакие.

Пейджет кивнул и негромко отдал необходимые распоряжения, отправив четверых своих громил к задней двери — отлавливать тех, кто попытается сбежать, и при необходимости ударить с тылу.

Внутреннюю планировку притона он уже знал — Мориарти удалось раздобыть планы соседних домов, представлявших собой копию штаб-квартиры Грина. Высокое, узкое здание с заброшенным садиком, примыкающим к боковой стене. За передней дверью начинался

коридор, который вел к большой комнате в задней части дома; за дверью слева находилась гостиная. Внизу помещалась небольшая кухня; задняя лестница вела на второй и третий этажи, на каждом из которых было по три комнаты. Был еще чердак с мансардными окошками.

Закончив с приготовлениями, Пейджет свистнул. Услышав сигнал, отряд устремился к передней двери, которую разнесли в щепки тремя ударами кувалды.

Майкла Грина оповестили о вторжении, но подготовиться он все равно не успел. Когда люди Пейджета ворвались внутрь, от двери гостиной метнулась какая-то фигура — сторож, уснувший, должно быть, на своем посту у окна. Он бросился к большой задней комнате, откуда донеслись крики и невнятный шум то ли завязавшейся потасовки, то ли торопливого бегства.

Люди Пейджета, человек шесть, были уже в коридоре, когда мечущийся сторож добежал до двери и, обернувшись, выпустил пять пуль в приближающихся преследователей. Палил он наугад, не целясь, но промахнуться было трудно — трое упали, и один из них уже не поднялся.

Эхо первого выстрела еще гуляло между стен, когда Пейджет вырвал из-за пояса револьвер и открыл ответный огонь.

В комнате за дверью что-то грохнуло — ребята Пейджета ломились с тыла, — и в следующее мгновение злая волна докатилась до конца коридора, и там разделилась надвое: человек пять или шесть бросились вверх по лестнице.

Две наступающие с разных сторон силы сошлись в большой задней комнате, и люди Грина оказались зажатыми между ними, как ветчина в сэндвиче. Противники сцепились в жестокой схватке. И те, и другие дрались не на жизнь, а насмерть. Здесь не действовали никакие правила — ни чести, ни благородства, ни те, что ввел в свое время маркиз Куинсберри.⁶⁰

Они кусались и толкались, били наотмашь и пинались, пускали в ход локти и колена. Крики и стоны смешивались с хрустом костей и хрипами.

Пейджет сразу же увидел Майкла Грина, отступавшего к двери в кухню, но Батлера в общей сваре не заметил. Он попытался пробиться к Культяшке, но наткнулся на невысокого, плотного крепыша, поднаторевшего в искусстве рукопашной драки. В правой руке тот сжимал длинный, устрашающего вида нож, которым размахивал перед собой, держа противника на расстоянии и делая внезапные и опасные выпады.

Пейджет принял единственно верное решение: вскинул руку с револьвером, оттянул большим пальцем боек и спустил курок. Промедление в доли секунды едва не стоило ему жизни, но потом он понял, что оружие дало осечку, и в последний момент с силой ударил рукояткой по выброшенной вперед руке врага. Крепыш проворно, что удивительно для человека немалого веса, отступил в сторону, и револьвер лишь задел по касательной рукав; сам же Пейджет отпрыгнул вправо, уклоняясь от лезвия, едва не проткнувшего ему живот.

В следующий миг он запустил бесполезный револьвер в лицо противнику, но тот пригнулся и устремился на безоружного врага, представлявшего теперь большую и весьма уязвимую цель. Сталь прыгала слева направо, и понять, откуда ждать удара, было невозможно.

Пейджет выбросил кулак, целя в ямочку под кадыком. Под костяшками пальцев что-то хрустнуло. Враг всхрапнул, издав звук, похожий на свист паровоза, лицо его моментально побагровело, отчего под левой ноздрей обозначилась кучка мелких бородавок, лоб покрылся

⁶⁰ «Правила Куинсберри» — новые правила бокса, разработанные в 1865 году журналистом, членом Любительского атлетического клуба Джоном Грэхемом Чемберсом. Были изданы под именем Джона Шолто Дугласа, девятого маркиза Куинсберри, поддержавшего Чемберса материально и помогавшего в продвижении его детища. Повсеместное распространение «Правила Куинсберри» получили только в 1872 году. Основные положения этой работы стали основой правил, по которым сегодня проходят соревнования как профессионалов, так и любителей.

потом, а по щеке побежали тонкие струйки крови.

Не теряя времени, Пейджет врезал ему коленом в пах. Крепыш взвыл от боли, согнулся, упал на колени и вскинул руки, выронив нож. Пейджет вогнал кулак в горло, и противник, захлебнувшись криком, рухнул на спину, под ноги дерущимся, и затих.

Выпрямившись, Пейджет увидел, что Грин оттолкнул одного из экзекуторов и уже тянется к двери. Выставив вперед плечо и отбиваясь от нападающих локтями и ногами, он врезался в толпу, но опоздал — Культяшка выскользнул за дверь. Кто-то свалился, перекрывая выход, и Пейджету пришлось отодвигать тело, что стоило еще нескольких драгоценных секунд.

Он снова потерял Культяшку из виду, потому что дверь из кухни, за которой находился огороженный садик, захлопнулась перед носом, отрезав хриплое дыхание и звук удаляющихся шагов.

Пейджет быстро проверил револьвер, толкнул дверь и вывалился в сад.

Майкл Грин уже добежал до дальней стены и даже успел на нее забраться. Его силуэт четко проступил на фоне хмурого неба. Пейджет аккуратно прицелился и выстрелил — в то же мгновение Грин перевалился через стену.

Опасность добавила Культяшке прыти — когда Пейджет подбежал к каменной ограде, птичка уже улетела, не оставив ни перышка.

Он огляделся, прислушался — ничего — и, выругавшись с досады, вернулся к дому. Сражение окончилось, и победители помогали своим раненым и выстраивали у стены тех из побежденных, кто еще мог стоять. Дело было сделано, но достичь главной цели — захватить Грина или Батлера — не удалось.

Поиски наверху тоже не дали результата — вниз привели всего лишь четырех головорезов Культяшки.

— Батлера не нашли? — спросил Пейджет.

Ответом было угрюмое молчание.

Он знал, что времени у них мало, что скоро здесь будет полиция, но уходить не спешил. Отовсюду доносились стоны, хрипы, глухие проклятия, но в какой-то момент за ними послышался другой звук — тихий, жалобный плач. Звук шел из дальнего угла кухни, где, сжавшись в комочек, сидела женщина.

Пейджет без лишних церемоний схватил ее за плечо и выволок на свет.

— Ты кто такая? Гринова шлюха? — грубо спросил он и почему-то представил, как в других обстоятельствах что-то подобное говорит Фанни Джонс его враг, Грин.

Женщина невнятно забормотала. Закопченное лицо, грязная, в пятнах от жира бурая юбка, волосы, от природы светлые, спутанные и засаленные — жалкое зрелище.

— Так ты кто? Ну же, отвечай. — Слова сами срывались с языка, грубые, колючие, как удары кулаком.

— Чердак... — пропищала несчастная. — Ради бога, сэр, поднимитесь на чердак...

— Кто там? На чердаке? Батлер?

— Нет, сэр. Батлер убежал, когда ваши ворвались. Это он... — Только теперь Пейджет заметил у нее на левой щеке набухающий синяк. — Идите на чердак. Он там... Берг...

В горячке схватки, занятый Грином, Пейджет совсем позабыл про Берта Спира. Теперь он бросился к лестнице, сделав знак двум своим парням, которые последовали за ним, волоча за собой заплаканную женщину.

Спир лежал на спине поперек грязного матраса. Больше на чердаке никого не было. На первый взгляд он казался мертвым, потому что Грин и Батлер оставили пленника не в лучшем состоянии: разбитое лицо, все в корке запекшейся крови, пятна от ожогов на плечах и предплечьях, расплюснутые пальцы с вырванными ногтями...

Только когда его подняли, Спир очнулся и застонал.

— Все в порядке, Берг. Это я, Пип. Ты теперь с нами. Мы отвезем тебя в Лаймхауз.

Спир попытался поднять голову.

— Девушка... там девушка... Бриджет... Возьми ее с собой... Она хорошая...

Пейджет повернулся к женщине.

— Это ты?

Она кивнула.

— Да. Я — Бриджет. Он был добр ко мне.

Спира вынесли из дома и положили на стоявшую в соседнем переулке повозку. Проводив ее взглядом, Пейджет взял женщину за руку.

— Идем. — От нее все еще пахло кухней. — Возле Олдгейта ждет кэб. Дойти сможешь?

Бриджет кивнула.

— Он поправится?

Пейджет потянул ее за собой — встречаться с полицией не хотелось.

— Кто? Берт Спир?

— Да.

— Его отвезут в надежное место, а там о нем позаботятся.

Бриджет едва поспевала за ним.

— Так вы — люди Профессора? — отдуваясь, спросила она.

— Что ты о нем знаешь?

— Слышала разное. Там, у них. Много чего слышала, хотя выходить не давали.

— Так они держали тебя в доме? Зачем?

— Чтоб готовила... прислуживала... — Она запнулась. — Ну и все остальное. Ублюдки. Жаль, что вы их не схватили — Культяшку да этого зверя, Батлера.

— Мы за ними и пришли. Но ничего, еще возьмем. Сегодня мы их прилично приложили, а прятаться от Профессора долго у них не получится.

Подошли к кэбу. Пейджет помог ей подняться, думая о том, какая она на самом деле, эта несчастная, грязная и испуганная женщина, над которой так долго измывались Грин и Батлер. Должно быть, что-то в ней есть, некий дух или еще что незримое, привлекшие внимание Спира. Не зря же он вспомнил о ней, едва лишь придя в себя.

На Пейджета вдруг накатила волна усталости. Он чувствовал запах — крови, пота и страха, — видел распухшие костяшки пальцев, ощущал боль во всем теле. Обнять бы сейчас Фанни, прижаться к ней, услышать ее ласковый шепот... Как всегда, мысли о ней пробудили желание, а следом пришло чувство неудовлетворения, появлявшееся каждый раз, когда он думал о Фанни. Перед глазами оживала картина: залитая солнцем лужайка, уютный коттедж, розы перед домом, дети, вцепившиеся в юбку матери, и чистый воздух в легких.

Пейджет отодвинул подальше неуместные мысли. Слишком многим в своей жизни он был обязан Профессору, чтобы мечтать о какой-то другой жизни, кроме той, что определил для него хозяин. Пейджет наверняка не понял бы человека, назвавшего его романтиком в душе.

В Лаймхаузе все кипело и бурлило: женщины перевязывали раненых, мужчины разбирали добычу, выпивали, а некоторые даже умывались и заводили стирку — в кругу уголовного братства такие процедуры считались баловством и широкого применения не находили, но зато одобрялись Профессором.

Мориарти выслушивал новости у себя наверху. Причин для радости хватало — противник понес тяжелые потери, — но его огорчило и встревожило, что наказания избежали Грин и Батлер.

— Думаешь, они что-то пронюхали? Кто-то предупредил их о наших планах? — спросил он у Пейджета, принесшего с собой запах грязи и крови.

— Они точно знали, что вы вернулись. Это доказывает ваше раненое плечо. — Мориарти все еще носил руку на перевязи. — Но, — продолжал Пейджет, — я не думаю, что они знали все. Если только... — Он не договорил.

— Если только?.. — Профессор впери в него тяжелый взгляд.

Пейджет вздохнул.

— Если только не вытащили что-то из Спира, хотя я сомневаюсь — они и подготовиться не успели. Похоже, просто поймали какой-то слушок и не определились, что делать. По крайней мере, в других местах нас точно не ждали.

— Значит, кроме подозрения, ничего нет? Только чутье?

— Можно и так сказать.

Мориарти кивнул.

— Нужно поговорить со Спиром.

— Если он может говорить. Ему сильно досталось.

Спира уже перенесли в его комнату. Женщины раздели раненого, помыли и наложили пропитанные пикриновой мазью повязки. Ладони и пальцы обмотали тонкими полосками льняной ткани, смазанной воском и смоченной оливковым маслом. (Простейшими навыками в этой области владела миссис Райт.) Потом ему дали немного бренди, так что когда Мориарти и Пейджет вошли в комнату, Спир из последних сил боролся со сном.

— Ты поправишься, — негромко, но уверенно заявил Профессор. — А теперь скажи, они узнали от тебя что-нибудь? Ты рассказал им что-то? Сломался под пытками? Говори, теперь правда не повредит.

Спир застонал и с видимым усилием открыл глаза. Голос прозвучал слабо, но отчетливо.

— Ничего... я ничего им не сказал. Но к концу... они знали... что-то происходит. Будьте осторожны. Их кто-то предупредил. Кто-то, кто близок к вам, Профессор. — Он помолчал, собираясь с силами, потом выдохнул: — Бриджет... где Бриджет?

— Она здесь, Берт. В безопасности. — Пейджет наклонился к самому уху Спира. — Я пришлю ее к тебе.

— После того, как мы с ней поговорим, — негромко, чтобы не услышал Спир, добавил Мориарти.

Возвращаясь в апартаменты. Профессор задержался внизу, призвав всех расходиться по домам, и распорядился прислать наверх «девицу Бриджет».

Оказав помощь Спиру, Фанни Джонс и Мэри Макнил взялись за Бриджет. Воду для раненых грели на плите в кухне, и ее осталось еще много.

Женщины заперли дверь, притащили большую жестяную ванну и, посадив в нее Бриджет, долго скребли несчастную мочалкой, потом вытерли насухо и вымыли волосы смесью, секрет которой Мэри узнала от Сэл Ходжес — сильный щелок, отвар розмарина, настойка шпанской мушки, миндальное масло и лавандовая вода.

Пока Мэри сушила и расчесывала бедняжке волосы, Фанни, порывшись у себя в шкафу, отыскала лишнее платье с нижней юбкой, длинные белые панталоны, чулки и туфли. Синяк на щеке смазали разведенным в воде крахмалом и аррорутотом. На этой стадии процедуры пришлось прервать — постучавший в дверь Пейджет сообщил, что Профессор требует к себе Бриджет.

В присутствии столь важного человека молодая женщина поначалу оробела, но вскоре успокоилась, чему в немалой степени способствовала та мягкая, располагающая манера, в которой разговаривал с ней Мориарти.

— Расскажи нам о себе, — сказал он, и Бриджет поведала историю своей жизни, второй этап которой начался с того, что в семнадцать лет отец отослал ее из Ирландии к родственникам в Ливерпуль.

Тут Мориарти улыбнулся и заметил, что они обязательно поладят, потому что и его детство прошло в Ливерпуле. В Ливерпуле она, однако, задержалась ненадолго и уже через год уехала в Лондон с молодым моряком по имени Рэйбет. Некоторое время они жили в районе доков, но Бриджет такое положение скоро надоело: Рэйбет бывал в Лондоне редко, предпочитал развлекаться в компании приятелей и предоставлял ей самой заботиться о себе. Денег постоянно не хватало, и Бриджет призналась, что иногда торговала собой и даже занималась кое-чем похуже.

Мориарти спросил, где, по ее мнению, могут прятаться Грин и Батлер, но она только пожала плечами. Судя по всему, несчастная не могла думать ни о чем другом, кроме как о еде и отдыхе. Мориарти смягчился и сказал Пейджету, чтобы тот отвел гостью к Кейт Райт, и чтобы ее покормили и уложили спать.

Уже у двери Бриджет повернулась с благодарностью к Профессору.

— Я вот что вспомнила, — пролепетала она слабеющим голосом. — Утром они получили какое-то сообщение, после чего и накинулись на Берта. Принес его мальчишка, которого я раньше не видела, и Майк Грин, когда прочитал, чуть на стенку не полез от злости. Потом они разговаривали, и я слышала, что речь шла о вас, сэр. Сообщение было от кого-то из тех, кто близок к вам, сэр. Думаю, от женщины.

Пейджет снова закрыл дверь и усадил Бриджет на стул. Следующие полчаса они задавали ей самые разные вопросы и выяснили, что Грин и Батлер вроде бы ждали другое сообщение, которое так и не поступило. Они также пришли к выводу, что предателем, если таковой имеется, может быть только один из четырех человек.

Проводив Бриджет на кухню, Пейджет вернулся к Мориарти. Положение было серьезным.

— Поставь человека у ее дверей, пусть ее посторожат, только никому об этом не говори, — распорядился Профессор. — И я не хочу, чтобы она оставалась с кем-то из них слишком долго.

— У нас есть пленные с Нельсон-стрит, — сказал Пейджет, имея в виду двух наблюдателей, мальчишку-бегунка и человека в длинном пальто, схваченных у дома еще до начала штурма.

Из тех, кто остался в притоне и не успел уйти, большинство попали в полицию.

— Полагаю, нам следует с ними поговорить. Но только завтра — сегодня у меня голова раскалывается.

Вот так и получилось, что в постель, где его ждала Фанни Джонс, Пейджет, молчаливый как никогда, улегся только под утро вторника.

Глава 8 ВОРОН СРЕДИ ГОЛУБЕЙ

Вторник, 10 апреля — четверг, 12 апреля 1894 года

Взрыв насилия, случившийся вечером 9 апреля, доставил инспектору Кроу немало забот. Помимо тех, кто давно переступил черту закона, пострадало и немало невинных людей. Как всегда, толку от задержанных в смысле получения каких-либо полезных для расследования сведений не было никакого.

Ясно было одно, причиной взрыва стало столкновение двух банд. А поскольку за столкновением просматривались черты организации, забеспокоилось даже руководство Скотланд-Ярда.

Но еще больше заботило Кроу давнее дело, привлечшее внимание в связи с причастностью к нему Драсковича. Не желая упускать эту важную ниточку, инспектор передал расследование понедельничных событий подчиненным, наказав им по возможности лично присутствовать на допросах, отмечать реакцию на упоминание имен Мориарти и Морана и вести протоколы, которые он изучит на досуге.

Передав бразды власти, Энгус Маккреди Кроу приступил к собственному расследованию деятельности трех бывших детективов, Драсковича, Майклджона и Палмера, и той незавидной роли, которую они сыграли в скандале, связанном с делом мадам Гонкур.

Дело было запутанное, и Кроу потратил немало времени на ознакомление с имеющимися документами. В начале 1870-х по стране прокатилась волна мошеннических операций, связанных со скачками и будто списанных одна с другой.

Использовавшийся тогда метод применяется и сейчас. В газетах — как британских, так

и заграничных — помещаются объявления о том, что некая компания — в списке совета директоров которой значатся несколько известных имен — готова помочь желающим поклонникам истинно королевского спорта. От клиента требуется только одно: присылать деньги. Компания будет делать ставки от его имени и в случае удачи быстро, без проволочек отправлять ему выигрыши.

Желающие клюнуть на такого рода обещания и расстаться с собственными денежками находятся всегда. Во многих случаях люди получали квитанцию, в других — не получали. Нечего и говорить, что выигрышей не получал никто.

Кое-кто жаловался, но когда полиция начала расследование, обнаружилось, что офис по указанному в объявлении адресу пуст.

К 1883 году мошенники собирали, по приблизительным подсчетам, около 800 000 фунтов стерлингов в год. Сумма была слишком большая, чтобы полиция продолжала бездействовать. Вести дело поручили старшему инспектору Кларку, человеку аккуратному и не страдающему избытком воображения. Вскоре стало ясно, что мистер Кларк нашел неприятности на свою голову. В какой-то момент ему почти удалось схватить банду, но когда нерасположенные к откровениям жертвы наконец назвали нужный адрес, мошенники уже покинули насиженное гнездышко, не оставив никаких следов, если не считать пепла от сожженных бумаг.

В конце концов, старший инспектор пришел к неутешительному выводу: преступников предупреждает кто-то из его собственной команды.

Как ни неприятно было это признавать, но подозрение пало на сержанта Джона Майклджона. Однако собрать убедительные доказательства его виновности, как и получить ключик к личностям остальных мошенников, не удалось. Кларк и его люди продолжали работать, тщательно проверяя всех сотрудников детективного отдела.

Мало-помалу такой основательный подход начал давать результаты. Под подозрение попали два осужденных преступника — некий Уолтерс, владелец «Виноградной грозди» в Хиллборне, и Эдвин Мюррей. В конце концов, какой-то мелкий уголовник выдвинул против них обвинение в избиении и в ходе расследования дал показания, связывавшие Уолтерса и Мюррея с мошенничествами, а также с человеком по имени Курр, стоявшим за всеми этими махинациями.

Собранные против Майклджона доказательства посчитали неубедительными, дело против Уолтерса и Мюррея тоже развалилось. Обоих выпустили под залог, и они тут же исчезли — по слухам, сбежали в Америку.

Между тем старший инспектор получил информацию от некоего мистера Джонга, жителя острова Уайт. По его словам, некоторое время назад Уолтерс обратился к нему с просьбой перевести объявления для размещения в иностранных газетах. Речь, разумеется, шла о тех самых объявлениях.

Никаких карательных действий в отношении Майклджона предпринято не было, но на всякий случай его перевели на должность инспектора в полиции «Мидленд рейлуэй».

Вторую голову гидра мошенничества подняла зимой 1877 года, когда базирующаяся в Париже юридическая фирма обратилась к суперинтенданту Уильямсону, главе детективных сил столичной полиции. Их клиентом была графиня де Гонкур, у которой, как подозревали адвокаты, английские мошенники обманом выманили 10 000 фунтов стерлингов. Первым с соответствующим предложением к ней обратился некий мистер Монтгомери, в силу непонятных причин — а скорее всего по собственной глупости — назвавший графине свой лондонский адрес.

Старший инспектор Кларк, не говоривший ни на одном языке, кроме родного, передал дело старшему инспектору Нату Драсковичу, эксперту-лингвисту отдела уголовных расследований.

Драскович отправился арестовывать Монтгомери, но вернулся один и в весьма удрученном состоянии. О намечаемом аресте Кларк не сказал никому, однако ж, подозреваемого снова предупредили, причем на сей раз без какого-либо участия

Майклджона, боровшегося с преступностью на железной дороге.

Тень сомнения в данном случае могла пасть только на одного человека — Драсковича, оставленного продолжать расследование. В течение нескольких дней старший инспектор восстановил утерянное было доверие, отследив путь банкнот, полученных по выписанному графиней чеку. След вел в Эдинбург, где банкнотами расплатился человек, похожий по описанию на уже известного полиции мистера Джонга, проявившего себя законопослушным гражданином во времена ареста Уолтерса и Мюррея. Джонг, за которым установили наблюдение, привел детективов в отель «Куинс», где состоялась его встреча с другим подозреваемым, инспектором Майклджоном. Произвести арест вновь поручили Драсковичу, который уже во второй раз упустил преступников, ускользнувших у него буквально из-под носа.

Кларк и суперинтендант незамедлительно потребовали от Драсковича и Майклджона письменных объяснений. Первый заявил, что данные криминальные элементы отличаются именно своей неуловимостью; Майклджон настаивал на своем полном праве бывать где угодно, в том числе и в отеле «Куинс», куда его привели в указанном случае поиски пропавшего чемодана. Обедая с Джонгом и Гиффордом, он и понятия не имел, что делит стол с разыскиваемыми полицией людьми.

Вероятно, пытаясь доказать свою невиновность, Драскович предпринял действия, которые и привели его к падению. Он представил в Скотланд-Ярд три улики. Первой была промокательная бумага из курительной комнаты отеля, на которой отпечатались следующие слова: *«Уберите хромого»*. Из всех проходивших по делу хромым был Джонг.

Второй уликой стала телеграмма, адресованная мистери Гиффорду в отель «Куинс»:

Если Шэнкс недалеко от острова Уайт, пусть срочно уезжает и повидается с вами. Ждите письма. У. Браун. Лондон.

Джонг жил в Шенклине.

И, наконец, третьей уликой было письмо.

Мистеру Уильяму Гиффорду

Дорогой сэръ.

Из Эдинбурга поступили новости, о которых вы, вероятно, уже знаете. У них есть адрес заведения. Известно также, что день или два назад вы были в Лондоне. Возможно, вам следует встретиться со мной, поскольку дело приобретает нежелательный поворот. Новости не плохо бы передать на остров Уайт. Вам виднее. Д. отправляется туда завтра. Отошлите это.

У. Браун, бывший с вами в «Дэниел Ламберт»

Судя по почерку, письмо было написано одним из самых опытных и проверенных офицеров отдела уголовных расследований старшим инспектором Уильямом Палмером.

Несколькими днями позже Джонг, Курр, Мюррей и трое других были арестованы голландской полицией в Роттердаме и доставлены в Лондон, где их ждал суд. Джонга приговорили к пятнадцати годам, Курр и трое других получили по десять, Мюррей как соучастник отделался восемнадцатью месяцами тюремного заключения.

Еще через несколько месяцев Драскович, Майклджон и Палмер попрощались со свободой на два года каждый. Пострадал даже старший инспектор Кларк, едва не ставший жертвой организованного Курром покушения.

Инспектор Кроу засиделся над документами, снова и снова перечитывая некоторые показания. В его распоряжении было всего одно свидетельство, да и то слабое, связи Мориарти с событиями, о которых шла речь в документах. Свидетельство это исходило от Ната Драсковича и было произнесено на смертном одре. Дело требовало серьезного осмысления и тщательного расследования. Не в первый уже раз инспектор пожалел о том,

что в его распоряжении нет регистрационной системы наподобие той, которой располагает континентальная полиция. А еще он впервые всерьез задумался о роли Мориарти.

В какой-то момент Кроу понял, что должен как можно скорее поговорить по крайней мере с одним из главных участников давнего скандала. Ни с Джонгом, ни с Курром, ни с им подобными беседовать не было желания. Нет, сначала он попытается воззвать к чувствам Майклджона или Палмера.

Через полчаса ему доложили, что, судя по последним донесениям, Палмеру удалось в свое время открыть пивную в Хортоне. Кроу твердо верил в девиз «куй железо, пока горячо», а потому, не откладывая дело в долгий ящик, отправился навестить бывшего коллегу. Но тут его поджидала очередная неудача. Прибыв на место ближе к вечеру, инспектор узнал, что некоторое время назад, относительно недавно, Палмер продал заведение и эмигрировал в Австралию, дабы начать жизнь с чистого листа. Новость удивила Кроу, поскольку Палмеру было около шестидесяти, а это не самый подходящий возраст для того, чтобы пускать новые корни.

Вернувшись ближе к ночи в Лондон, инспектор забрал поступившие за день рапорты, касавшиеся понедельничных событий, и устало прошествовал домой, на Кинг-стрит, в нежные объятия миссис Сильвии Коулз. Он уже решил, что начнет следующий день с поиска Майклджона.

Во вторник, около десяти утра, Мориарти провел короткое совещание с участием Эмбера, Ли Чоу, Пейджета и Паркера. Спир провел беспокойную ночь и все еще сильно страдал от боли, но беспокоивший его накануне жар, похоже, спал.

Ли Чоу была доверена перевозка захваченной у Тоггера и Кребица добычи. Ее следовало доставить к Солли Абрахамсу вместе с сообщением, что в ближайшие двадцать четыре часа к старику наведается сам Мориарти.

Паркер, продолжавший наводить справки насчет инспектора Кроу, получил сразу несколько заданий: отправить людей в город для выяснения настроений уголовного мира, собрать подкрепление и заняться поисками Грина и Батлера. Эмберу предстояло связаться с воровской тройкой — Фишером, Кларком и Гэем — и передать им приказ: явиться в Лаймхауз для консультаций с Профессором.

— Мне нужно поговорить с ними о том деле в Хэрроу, — сказал Мориарти. — Дело намечается выгодное, и добычи там хватит на всех. — Он повернулся к Пейджету. — Ты там побывал, обстановку знаешь, так что останешься со мной.

Пейджет нахмурился — он до последнего надеялся, что Профессор не станет настаивать на его участии в планируемом ограблении.

— Ну-ну, Пип, не вешай голову. — Мориарти редко обращался к приближенным по имени, особенно в присутствии остальных. — Тебе же скоро жениться. Фанни уже определилась с датой?

Пейджет покачал головой, бросив в сторону Профессора взгляд, который при желании можно было бы интерпретировать как недобрый.

— Что ж, тогда я сделаю это за нее, — улыбнулся Мориарти. — Как насчет следующего вторника? Через неделю. К тому времени у нас всех, надеюсь, будет не один повод порадоваться.

Получив в ответ согласный кивок, Мориарти распорядился предать эту новость широкой огласке.

— Тебя ждет большой праздник. Настоящая свадьба. Свадьба, достойная королей.

Бедняга Пейджет смущенно опустил глаза.

— Нам нужно собрать все силы. — Профессор переключился на другую тему и, слегка переменяв позу, потрогал раненую руку. — Я не потерплю, чтобы какие-то выскочки пытались сдвинуть меня с законного места или расколоть мою семью. В пятницу из Парижа, Рима, Мадрида и Берлина прибывают мои люди. Они должны увидеть, что наши позиции здесь прочны и незыблемы. Мне нужно, чтобы к этому времени в Уайтчепел вернулись

брatья Джейкобс. Эмбер, — он резко повернулся, — после того, как передашь сообщение Фишеру и другим, сходи к Элтону в Стил. Я хочу поговорить с ним сегодня вечером.

Совещание закончилось, и все разошлись. Остался только Пейджет.

— Есть еще какие-то мысли насчет того, что мы вчера обсуждали? — спросил Профессор, убедившись, что дверь закрыта, и их никто не слышит.

— Скорее всего это кто-то из четверых. — Лицо Пейджета отразило сильное беспокойство. — Но о таком и думать не хочется. Надо допросить тех, кого мы взяли вчера на Нельсон-стрит. — Он прикусил губу. — Вы серьезно насчет свадьбы?

Выдержав долгую, в добрую минуту, паузу, Мориарти кивнул.

— Серьезней не бывает. — Его здоровая рука изобразила жест, обозначающий, по-видимому, что эта тема закрыта. — Терремант еще здесь?

— Терремант и еще четверо. Один присматривает за Роучем и Фрэм.

— Хорошо, они нам понадобятся.

— Остальные сторожат тех, с Нельсон-стрит.

— Мальчишку держат отдельно?

— Трое вместе, а мальчишку оставили в соседней со мной комнатухе.

— Хорошо. С ним-то мы и поговорим в первую очередь.

Архитектор и инженер, занимавшиеся в свое время переоборудованием склада, были большими хитрецами. Апартаменты для Мориарти устроили на третьем этаже, в задней его части и как раз над помещением, ставшим позднее называться «комнатой ожидания», и кухней. Человек, впервые попадавший на первый этаж, видел голое, пустое пространство, никак не используемое и пребывающее в состоянии, близком к полному разрушению.

Лишь очень немногие могли догадаться, что облезлые стены — фальшивка, что за ними скрыты переходы, ведущие в кухню.

Устроенные в этих переходах железные винтовые лестницы вели на второй этаж, представлявший собой огромный улей из жилых и спальных помещений и угрюмых камер, пригодных как для хранения оружия и добычи, так и для содержания пленных.

Комната у Пейджета была большая, окна напоминали те, что можно увидеть в мастерской художника или скульптора. Расположенные под углом к грязному небу, они все же пропускали достаточно света. Лишнего здесь не было, но имеющееся обеспечивало вполне уютное проживание: кровать, письменный стол, еще один стол, за которым Пип и Фанни ели, стулья, кресла и платяной шкаф, с которым соседствовал подобранный в пару комод.

Стены украшали несколько картин, главным образом, дешевых репродукций, напоминавших о былых делах, а на комод, рядом с серебряным дамским зеркальцем лежали две серебряные щетки.

С двух сторон к комнате примыкали кирпичные камеры — одна использовалась как ружейная, в другой в данное время содержался мальчишка-бегунок, захваченный людьми Паркера возле дома Грина на Нельсон-стрит. В эту камеру и направились Мориарти и Пейджет — ключ от нее Пейджет взял в кухне у Бартоломью Райта, отвечавшего за замки и все к ним прилегающее.

Мальчишка лежал на полу, подтянув к животу колени, с искаженным болью худеньким личиком. Лежал он неподвижно, и Пейджет, едва взглянув на него, подумал, что в такой же позе обнаружили Морана надзиратели в камере тюрьмы на Хорсмангер-стрит. На столе — высохшая лужица блевотины и остатки пищи; утром пленнику дали немного бекона, кусок хлеба и кружку пива. В памяти у Пейджета навсегда остались спутанные, жесткие от грязи, похожие на пружинки волосы.

Мориарти негромко выругался, и сердце у Пейджета сжалось и как будто провалилось в живот.

— Яд, — прошептал Мориарти. — Его отравили. Точно так же, как и полковника.

Лицо его спутника застыло, как у гранитного памятника на церковном дворе.

— Завтрак... — мертвенным голосом обронил Пейджет. — Фанни сама отнесла ему завтрак этим утром. Я был на кухне и слышал. Сначала она отнесла завтрак Роучу и Фрэю, потом тем троим, а уже после...

— Я намерен вот-вот взять под свой контроль весь уголовный мир Европы, — ледяным тоном произнес Мориарти, — и при этом не в состоянии контролировать своих людей здесь, в Большом Дыму.⁶¹ — Он нервно перевел дыхание, и Пейджет почувствовал, как закипает в нем ярость. Почувствовал так же верно, как если бы прикоснулся к ней. — Ничего пока никому не говори. Посмотри, здесь ли еще Паркер. Если здесь, приведи его с собой. Фанни разносила завтрак одна?

Пейджет медленно покачал головой.

— По-моему, с ней был кто-то из парней Терреманта.

— Пусть тоже поднимется и подождет в коридоре, пока мы его позовем.

Пейджет тут же отправился на поиски главного соглядатая и эзекутора, сопровождавшего утром Фанни. Мысли разбегались, но в одном он не сомневался: смерть мальчонки — дело рук врага, пробравшегося во владения Мориарти.

Паркер еще не ушел, и уже через несколько минут Пейджет вернулся с ним к камере, оставив эзекутора, как и было приказано, в коридоре.

Переступив порог, Паркер недоуменно нахмурился и тут же склонился над скрюченным тельцем. Выпрямившись, он отступил на шаг и удивленно свистнул.

— Я и не разглядел его вчера... темно было... — Он посмотрел на Профессора. — Это ж младший братишка Слимпера. Слимпер давно приставал — мол, возьми да возьми мальчонку.

— Приведи Слимпера, — бросил Мориарти. — И позови того, что в коридоре.

Коренастый эзекутор не заставил себя ждать.

— Ты сопровождал Фанни Джонс утром, когда она разносила завтрак по камерам? — спросил Профессор.

— Да, сэр, сопровождал.

Войти в камеру ему не разрешили, так что на вопросы он отвечал из коридора.

— Расскажи, как это было. По порядку.

— Ну, сначала мы пошли к Роучу и Фрэю. Потом вернулись на кухню за едой для тех троих. Фанни еще пошутила, мол, на службе и то легче было.

— А разве сейчас она не на службе? — без намека на шутку проворчал Мориарти.

— Потом мы еще раз вернулись, и она взяла завтрак для мальчонки. Я хотел подняться с ней, но Фанни сказала, что и одна справится.

— Кто готовил пищу?

— Миссис Райт, сэр. Как всегда. По-моему, сегодня ей помогала Мэри Макнил.

— Помогала? Как? С жаркой?

— Нет, сэр, только раскладывала. Она и мальчонке еду положила. А миссис Райт еще и пива ему налила.

Мориарти нахмурился.

— А новенькая? Бриджет?

Ответил Пейджет.

— Ее сегодня рано не будили, дали выспаться.

Профессор хмыкнул.

— О том, что мы с тобой разговаривали, никому ни слова. — Он посмотрел в глаза эзекутору и коротко кивнул. — Ступай.

Дверь камеры заперли на ключ, после чего Мориарти возвратился к себе, а Пейджет, оставив у себя ключ, отправился за первым из пленных.

⁶¹ Большой Дым (*the Great Smoke*) — прозвище Лондона с конца XIX века, связанное со знаменитым городским смогом.

Минут через десять захваченный на Нельсон-стрит пленник стоял перед Мориарти между двумя экзекуторами. Пейджет сидел в сторонке, отчетливо сознавая, что исполняет обязанности, лежавшие прежде на полковнике Моране.

Владельцу довольно неромантичного имени, Зебедея Смит, было около сорока, но выглядел он старше из-за чрезмерного увлечения горячительным и женщинами. Пейджет знал его и наглядно, и понаслышке. Лет десять назад Зебедея Смит жил припеваючи, был членом «Банды щеголей» и считался опытным карманником — на краже он попался только один раз, когда стянул золотые часы возле собора Святого Павла, за что и угодил на два года в Стил. О строгости тамошнего режима говорит хотя бы тот факт, что из тюрьмы Зебедея Смит вышел другим, конченным человеком. Ни на что больше не годный, он за несколько месяцев опустил едва ли не на самое дно и жил только тем, что обкрадывал детей на улице. Потом, правда, времена поменялись, и от воровства у детишек Смит перешел к обучению других детишек основам воровского ремесла.

Только теперь Пейджет вспомнил ходивший одно время слухок, будто Зебедея снова пошел в гору — обучая мальчишек, бывалый карманник, похоже, завоевывал их симпатии, и они с удовольствием исполняли все поручения наставника.

Первым с пленным заговорил Мориарти. Голос его резанул по ушам, как секач мясника, глаза опасно блеснули, голова исполнила ритуальное покачивание.

— Нам все о тебе известно, Смит, так что врать и юлить бесполезно. Мои ребята вчера могли бы превратить тебя в отбивную, но я человек справедливый.

Если Смит и испугался, то ни голосом, ни жестом страха не выдал.

— Дело свое ты знаешь хорошо, но раз работал с Грином, придется отвечать. Грин уничтожен, раздавлен. Но у тебя еще есть шанс получить работу у меня — если честно ответишь на вопросы и докажешь со временем свою преданность.

— Таким, Профессор, доверять нельзя. — Играя свою роль, Пейджет сплюнул и отвернулся. — Этот и дьяволу готов свечку держать.⁶²

— Я знаю, что делаю, Пейджет. Этот конь еще попашет. — Мориарти повернулся к Смицу. — Знаешь мальчишку Слимпера?

— Я многих мальчишек знаю.

— Да что с ним разговаривать. Так и будет ловчить да темнить. Поставить на нож — да и дело с концом. — Пейджет даже фыркнул, выказывая неудовольствие тем, как ведет себя патрон.

— Я спрашиваю про мальчишку, которого звали Слимпером. Знаешь его, Зебедея? — повторил вопрос Мориарти, не обращая внимания на реплики и тон Пейджета; эту часть разговора они отрепетировали хорошо.

— Да. Слимпера я знаю, — неохотно признал Смит.

Мориарти кивнул Пейджету, который поднялся из кресла, вышел в коридор и вернулся с тем Слимпером, который работал на Паркера.

— Этот?

Смит покачал головой.

— Похож, но не он. Тот помельче будет.

— А ты, Слимпер, знаешь этого джентльмена? — ласково обратился Мориарти к испуганному парнишке.

— Нет, сэ. Ни разу его не видел.

— Что ж, можешь идти. — Отпустив паренька, Профессор обратился к Смицу. — Итак, есть другой Слимпер. Он работал на тебя?

Короткая пауза...

— Да. Какой-то Слимпер на меня работал.

— Что делал?

⁶² Держать свечку дьяволу (*hold a candle to the devil*) — творить зло, вредить, (*арго*).

— Воровал и все такое.
— Больше ничего?
— Для меня он больше ничего не делал.
— Тогда, значит, для Грина. Так? Не забывай, Культяшка мертв и помочь тебе не сможет.

— Да, мальчонка выполнял для Грина кое-какие поручения.

— Какие?

— Не знаю. Был на посылках, разносил сообщения.

— Вчера тоже доставлял сообщения?

— Да.

— От кого и кому?

— Не знаю. Ей-богу, не знаю.

— Вчера утром он принес сообщение на Нельсон-стрит.

— Да.

— И вечером вы его тоже ждали?

— Культяшка ждал.

— С сообщением?

— Да.

— Но он не пришел?

Вопросы сыпались один за другим, и Смит нервничал все сильнее. Казалось, еще немного — и он сорвется. Пейджет решил, что пора и ему подтолкнуть пленного к краю.

— Хватит, Профессор. Толку никакого, только время теряем. Я сам его прирежу.

— Не знаю я, от кого оно было! — взвизгнул Смит, и слова посыпались с губ, как горох из лопнувшего стручка. — Знаю только, что сообщение касалось вас, Профессор, и что оно было от какой-то женщины. Мальчишка доставил его утром, и Грин с Батлером сразу взялись за Берта Спира. К вечеру должно было прийти второе. Грин с Батлером все ждали, ждали, места себе не находили... А когда не дождались, послали меня за мальчонкой. Тогда-то ваши парни меня и сцапали. Больше я ничего не знаю. Истинную правду говорю, Профессор.

— Я верю тебе, Смит.

Пейджет хмыкнул, показывая, что у него еще остались сомнения.

— Пейджет! — Мориарти добавил в голос стали. — Отведи Смита в отдельную камеру. Лучше держать его подальше от остальных.

Двое других пленных не знали ничего. Обычные громилы, встревоженные тем, что оказались на стороне проигравших, они жутко перепугались, впервые столкнувшись лицом к лицу с великим Профессором Мориарти. Страху нагонял и Пейджет, встречававший в разговор с кровожадными репликами. Ничего нового к рассказу Смита они не добавили и в результате были возвращены в ту же камеру в еще большем смятении.

— Вы понимаете, как рискуете сейчас? — спросил Пейджет.

Мориарти снисходительно, словно смышленому ребенку, улыбнулся ему.

— Разумеется, Пейджет, я прекрасно понимаю, какому риску себя подвергаю, а потому мы должны проявлять особую осторожность, чтобы усыпить бдительность врага, и в то же время ничего не пропустить.

— Надеюсь, вы не ждете, как те восточные владыки, что я стану пробовать вашу еду.

— Эта должность подойдет нашему доброму другу Смигу. — Мориарти все еще улыбался, но в уголках губ и глаз залегла грозная тень. — Нет, я думаю, здесь требуются более решительные меры.

Они поговорили еще минут десять, после чего Пейджет вернулся в камеру младшего Слимпера, прибрал тело, завернул в одеяло и обвязал прочной веревкой. Вечером к нему добавят цепи и железки, а потом предадут реке, где мальчик и обретет вечный покой.

Спустившись позже в кухню, Пейджет увидел, что Мэри Макнил ушла. Как они и условились, ее вызвал к себе Профессор. Ему же предстояло поговорить с Фанни, что было

очень и очень нелегко. Подозревать любимую девушку в таком убийстве да еще не всколыхнуть подозрений в ней самой... Он окликнул Фанни от двери, извинившись перед Райтами за то, что забирает на минутку помощницу. Пейджет с удовлетворением отметил, что Терремант и один из его людей уже находятся в «комнате ожидания» — Мориарти, несомненно, предупредил их и дал четкие инструкции на все случаи.

— Что случилось, Пип? — спросила Фанни, когда они подошли к его комнате. — Ты такой серьезный.

Пейджет улыбнулся и поцеловал ее в губы.

— Есть новости. Одна хорошая, другая — не очень. Какую хочешь услышать раньше?

Она откинула голову и рассмеялась.

— Думаю, про твою хорошую новость я уже знаю. Надо мной уже подшучивали на кухне. Так это правда? Профессор сказал, что мы поженимся на следующей неделе?

— Ровно через неделю, считая от сегодняшнего дня. Будем праздновать по-королевски, так сказал Профессор.

— Ох, Пип.

— И как ты на это смотришь? Хочешь стать миссис Пейджет? — Он схватил ее своими крепкими руками, оторвал от пола и закружил. Фанни счастливо пискнула. Но уже в следующее мгновение лицо его посерьезнело. Пейджет мягко опустил девушку на пол. — А теперь неприятное.

Она вопросительно посмотрела на него большими, невинными глазами.

— Случилось ужасное, Фанни, и я боюсь, что тебя это расстроит.

— Ужасное? Но ведь не с Бертом Спиром, правда? Он не...

— Нет, милая, с Бертом все в порядке. Жив и здоров. Я говорю о мальчишке, которого задержали вчера вечером. О том, что провел ночь у нас за стеной.

— Да, я помню. Такой худенький, испуганный. Бедняжка.

— Вот, вот.

— И что с ним, Пип?

— Его больше нет.

Он впился в нее взглядом, выискивая малейшее указание на неуверенность или страх, но не находил ничего. Она просто смотрела на него широко открытыми глазами.

— Нет? Он?..

— Умер.

— Но я же видела его сегодня утром. Относила ему завтрак.

— В том-то и дело, Фан. В этом самом завтраке.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он имеет в виду, а поняв, она медленно покачала головой.

— Ты хочешь сказать, что его отравили? Как полковника? О, нет, Пип... Боже. Но ведь Профессор не сделал бы ничего такого с... Нет.

Пейджет взял ее за плечи.

— Нет, Фанни, не Профессор. Просто, так случилось. Профессор поговорит с Кейт и Бартом. Скорее всего, тот яд, которым отравили Морана, попал как-то в пиво или в кувшин, а может, на тарелку. Это просто несчастный случай.

Фанни уже плакала. Плакала тихонько, почти беззвучно. Плечи ее вздрагивали, по покрасневшимся щекам текли слезы. «Она не виновата, — подумал Пейджет. — А если виновата, то очень хорошая актриса, и тогда ей самое место на сцене».

— Второй раз, Пип. Второй раз я принесла человеку смерть и за это сгорю в аду. Да, сгорю в аду.

Фанни винила себя, а Пейджет утешал ее и оставался с ней, пока она не успокаивалась.

— Послушай, милая, тут сейчас много чего будет происходить, так что ты лучше держись от всего этого подальше.

К тому времени, когда Пейджет вернулся к Профессору, Мэри Макнил уже вышла от него.

— Не знаю, что и думать. — Мориарти смотрел в окно. — Даже не представляю. А ты?

— То же самое. Привести Барта и Кейт?

— Давай покончим с этим. Пока не доведем дело до конца, я не смогу ни есть, ни пить.

Пейджет вышел, но быстро вернулся, ведя с собой Райтов. Загнав их в комнату, он закрыл дверь и остался стоять в грозной позе со сложенными на груди руками.

Мориарти кивком предложил супругам сесть, после чего сообщил о прискорбном случае, и о том, что в пищу мальчика попал стрихнин, с помощью которого они отравили Морана.

— Не понимаю... я всегда держу его в своем буфете, под замком. — Кейт вдруг побледнела от страха.

— Если яд попал к мальчишке, то и во все остальное тоже мог попасть. — Голос у Бартоломью Райта сорвался на фальцет.

— Совершенно верно. — Профессор откинулся на спинку кресла. — Вот почему Терремант со своими людьми уничтожает сейчас все продукты и выливает весь эль и вино из открытых бутылок.

— Но... — начала Кейт и замолчала, заметив что-то в глазах Профессора.

— Я хочу, чтобы ты, Кейт, спустилась сейчас с Пейджетом и отдала ему яд. Он от него избавится. Потом возьмешь Терреманта и сходишь с ним на рынок, купишь свежих продуктов и напитков. Я не хочу рисковать, Кейт. Все тарелки, блюда, подносы, чашки, кружки, ножи и прочее помыть горячей водой. Пусть этим займутся девушки, пока ты будешь покупать продукты. Таким образом мы избежим подобных неприятностей в будущем.

Пейджет спустился с миссис Райт и вскоре вернулся с синим пузырьком, помеченным черепом с перекрещенными костями. Когда супруги наконец ушли, Мориарти снова подошел к окну.

— Отныне с них не спустят глаз. Я уже послал за Паркером. Он приставит к ним своих лучших людей. Как только кто-то из них допустит ошибку, мы сразу об этом узнаем.

Пейджет понял, что их ждут трудные времена.

После полудня они вместе навестили Спира, которого застали сидящим в постели и попивающим специально для него приготовленный мясной бульон. Чашку держала Бриджит. Отдохнувшая, посвежевшая, с чистыми волосами и в чистой одежде, она предстала перед ними совсем другой, симпатичной девушкой и хотя оставалась еще худенькой и бледной, в глазах и выражении черт уже проскальзывали нагловатая задиристость и дерзость. Приятное личико обрамляли густые золотистые волосы, свисавшие до самых плеч.

В ответ на вопрос, как он себя чувствует, Спир слабо улыбнулся и сказал, что через несколько дней будет как новенький. Он негромко выругался, вспомнив про упущенную возможность посчитаться с дворецким Брэв, Хейлингом, и даже осведомился о полученной Профессором ране.

— Боюсь, руками ты сможешь пользоваться еще не скоро. — Мориарти склонился над кроватью, как врач над больным.

— Когда смогу, многим придется жить с оглядкой. — Порезанное и перевязанное лицо Спира походило на странную, жутковатую маску. — Только бы вы не схватили Грина и Батлера, пока я сам до них не доберусь.

— Успокойся, — проворковала Бриджет и повернулась к Пейджету и Мориарти. — Думаю, его сейчас лучше бы оставить в покое.

Мориарти вскинул бровь. Тонкие губы чуть шевельнула бесстрастная улыбка.

— Мисс Найтингел, — пробормотал Пейджет, когда они вышли в коридор.

— Бойкая девица, — задумчиво произнес Профессор. — Будем надеяться, что ей можно доверять.

— Я скажу, чтобы за ней тоже присматривали, — буркнул Пейджет. Овладевшее им хмурое настроение отражало мрачные мысли; он больше не знал, кому доверять, на кого полагаться.

В начале седьмого пришли Фишер, Кларк и Гэй, и следующие два часа прошли за обсуждением планов ограбления Хэрроу. Пейджет поделился своим мнением, составленным на основании непосредственных наблюдений, остальные — все люди опытные в подобного рода делах — подробно рассказали о своих наметках. Внимательно выслушав всех, Профессор одобрил предлагаемый проект, внося, как всегда, несколько поправок. Он также предложил использовать парный фургон для перевозки добычи и дал указание Пейджету в день ограбления отправиться в Хэрроу.

— На всякий случай нужно убедиться, что все в порядке. Если у твоих клиентов изменились вдруг планы и они неожиданно вернулись, то будет лучше, если ты предупредишь нас заранее. — Перехватив обеспокоенный взгляд Пейджета, Мориарти добавил: — Вернешься задолго до того, как мы вскроем эту коробочку. У меня на примете есть двое. Хочу попробовать их в настоящем деле вместе с этой троицей.

Элтон прибыл в десять. От вечернего холода и любопытных взглядов его защищали надвинутая на глаза шляпа и теплый шарф. Гостя сразу же провели в апартаменты Мориарти, где уже собрались Ли Чоу, Эмбер и Пейджет. Перед письменным столом поставили еще один, на котором Элтон и развернул большой лист с планом тюрьмы Колдбат Филдс.

Объяснение заняло едва ли не час. Элтон говорил спокойно и четко, останавливаясь только для того, чтобы выслушать тот или иной комментарий Мориарти и ответить на уточняющий вопрос кого-то из «преторианцев».

Усаживаясь в кэб, Элтон довольно улыбался — в кармане позвякивала половина гонорара. Выплата второй части была намечена на вечер четверга, когда на свободу выйдут Уильям и Бертрам Джейкобс.

Отпустив приближенных, Мориарти перекинулся с Пейджетом несколькими словами насчет наблюдения за женщинами и кухней. На следующий день его ждали два дела: разговор с первыми пленниками необъявленной войны, Фрэм и Роучем, и давно откладываемый визит к Абрахамсу, с которым предстояло обсудить детали доставки и сбыта добычи от ограбления в Хэрроу.

Однако для самого Мориарти день еще не закончился. У подножия ведущей наверх лестницы прохаживалась Мэри Макнил. Девушка отчаянно звала, но, зная плотские аппетиты Профессора, понимала, что на сон в ближайший час рассчитывать не стоит. Мориарти еще днем посоветовал ей готовиться к «долгому восхождению на Пик Наслаждения».

Впрочем, не только Мэри Макнил ожидала Профессора, но и Паркер.

— Я поговорил с нашим человеком в Скотланд-Ярде, — доложил главный соглядатай, устраиваясь в кресле перед письменным столом начальника. — Этот Кроу парень непростой и часто работает в одиночку. Сейчас, судя по всему, нацелился на вас. К нему попали кое-какие документы, а его люди задают много неудобных вопросов.

— Но, как я полагаю, не получают ответов.

— Думаю, нет, но в любом случае инспектор — противник достойный.

Далее Паркер коротко рассказал о карьере Кроу в полиции, его идеях и предложениях по реорганизации детективной работы, из-за которых инспектор и стал в Скотланд-Ярде фигурой весьма непопулярной.

Перейдя от карьеры к личной жизни, Паркер не только подробно описал квартиру Кроу на Кинг-стрит, но и привел интригующие детали его знакомства с миссис Сильвией Коулз.

— А не может ли она послужить тем рычагом, который поможет нам свалить его? — задумчиво пробормотал Профессор.

Паркер хмыкнул и покачал головой.

— Я бы на это не рассчитывал. Легко с ним не будет, сэр. Кроу большой любитель чтения, но предпочтения у него довольно странные для представителя такой профессии. Вы бы видели, какие книжки стоят на его полке.

— И какие же?

Паркер опустил руку в карман, вытащил сложенный листок, развернул его и положил на стол. Он никогда не забывал одного из любимых изречений Мориарти: «Познакомься с книжным шкафом человека и узнаешь его самого». В списке перечислялись все обнаруженные в квартире инспектора книги.

Среди вполне ожидаемых названий два или три указывали на парадоксальное увлечение детектива романтизмом. В разделе специальной литературы Мориарти нашел такие ожидаемые вещи, как «Преступник» Хэблока Эллиса, «Полиция» Гийо, перевод лекций Пуркинье об отпечатках пальцев, «Инструкции по сигналетике» Бертильона и ряд профессиональных журналов, включая выпуск «Политического и литературного обозрения» от 28 апреля 1883 года.

Что удивило Мориарти, так это присутствие «Опыта о человеческом разумении» Джона Локка, трудов Аристотеля и «О пользе и успехе знания» Фрэнсиса Бэкона. Порамышляв, он пришел к выводу, что Кроу во многих отношениях напоминает Холмса — та же порода. Меряться силой с инспектором означало бы состязаться с ним в дедуктивном методе логики, сочетаемом с научными навыками, еще не получившими широкого применения в Англии.

— Он где-нибудь бывает или только сидит и морщит лоб? — спросил Мориарти.

— Сегодня ездил в Хортон.

Мориарти вздрогнул, но размышлять о странном совпадении не стал. Он слишком устал, чтобы думать о делах, мысли слишком легко уходили в сторону, а воображение рисовало соблазнительные бедра и прочие прелести Мэри Макнил, чему не мешало нависшее над ней подозрение в предательстве.

Самое лучшее — выспаться, а уж утром, на свежую голову, подумать, какую стратегию и тактику применить против нового противника.

Ускользнуть в сладкие объятия Морфея Энгусу Маккреди Кроу удалось не сразу. Сначала его встретили нежные руки и чудные пальчики энергичной и сладострастной Сильвии Коулз, благодаря стараниям которой усталость быстро сменилась той живостью, что служит движущей силой всего человечества.

Миссис Коулз уснула первой, а Энгус Кроу еще какое-то время наслаждался тем удивительным состоянием опустошенности и удовлетворения, которое наступает после. Постепенно мысли вернулись на привычный круг обращения, в центре которого был Мориарти, скрытно становившийся его невидимым и незнакомым противником. Почерпнутые из различных документов мелкие факты и детали складывались заново, обретали новую форму и значение. Убежденность Холмса в том, что этот человек является вожаком уголовного мира; неопределенные намеки на то, что именно он и есть зловеющий организатор большинства совершаемых в столице преступлений — все это позволяло предполагать существование чего-то большего, скрытого от глаз полиции и властей.

Проспав спокойно до утра, инспектор был разбужен в семь настойчивым шепотом неутомленной миссис Коулз:

— Энгус, милый... Ну же, дорогой, еще... Умоляю тебя, еще...

Согласно хмыкнув, немногословный шотландец отринул остатки сна и — к взаимному удовольствию — взялся прокладывать еще одну борозду, результатом чего стал тот факт, что в среду, 11 апреля, инспектор вошел в рабочий кабинет с пятнадцатиминутным опозданием.

В одиннадцатом часу сержант Таннер сообщил, что ему удалось выяснить местопребывание бывшего инспектора Джона Майклдждона. К этому времени Кроу уже ознакомился с показаниями задержанных участников бурных событий, имевших место в понедельник вечером. Мориарти упоминался в них несколько раз, наравне с Майклом Грином и Питером Батлером. Как он и думал, картина проявлялась другая, и в ней проступали очертания двух соперничающих криминальных группировок, столкнувшихся в борьбе за влияние и территорию. Точных свидетельств было мало, но Кроу понимал, что если полиции удастся схватить Батлера и Грина — а эту парочку в Скотланд-Ярде знали

хорошо, — то они могут вывести к скрывающемуся во мраке призраку, профессору Джеймсу Мориарти.

В половине одиннадцатого Кроу и Таннер сели в кэб и отправились с визитом к Майклджону, проживавшему теперь на Сити-роуд.

Около одиннадцати утра Мориарти и Пейджет вышли из Лаймхауза, сели в кэб и отправились к Солли Абрахамсу. День выдался теплый и ясный, но Пейджет уже понял, что к разговорам хозяин не расположен; казалось, мысли его где-то далеко. Дел хватало, и первейшее место среди них занимала запланированная на пятницу встреча с эмиссарами из европейских столиц. Профессор намеревался выступить перед ними и готовил небольшую речь; именно от результатов предстоящего совещания зависело осуществление его давней мечты — стать господином криминального мира всего континента.

Занятый всеми этими мыслями, Мориарти ощущал тень страха. Источником беспокойства была неустранимая до конца угроза со стороны затаившихся где-то Грина и Батлера и опасность, исходившая от присутствия в Лаймхаузе их неопознанного агента.

Беспокойство вызывал и еще один фактор, представленный в тайниках подсознания фигурой инспектора Кроу, — фигурой, олицетворявшей собой закон и правосудие. Этот враг уже препоясывал чресла, готовясь выступить в поход против всего, что ценил, защищал и ради чего так долго и упорно работал Профессор.

Разговор с Солли Абрахамсом занял не больше часа и прошел в приятной обстановке за бутылкой доброго портвейна. (Старый еврей держал винный погреб и, по слухам, даже нанял однажды команду опытных взломщиков, поставив перед ними одну-единственную задачу: почистить погреб знати.) Договорившись по Хэрроу, гости откланялись и вернулись в Лаймхауз. По пути Мориарти наказал Пейджету явиться после ланча в его кабинет, где он намеревался сообщить Роучу и Фрэнку, что время ожидания истекло, и им придется сделать выбор между смертью и жизнью под угрозой тюремного заключения.

Было и еще одно дело, не дававшее Мориарти покоя. Решение пришло уже в Лаймхаузе. Миссис Райт — теперь ее неотступно сопровождал угрюмый экзекутор — уже готовилась подать ланч, когда Профессор вызвал Ли Чоу и отдал ему короткий приказ.

— Зебедея Смит. — Голос его прозвучал ровно, не выдав ни малейших эмоций.

— Вы хотите, чтобы я...

— Да. Нам он больше не нужен, а знает слишком много. Перережь ему горло и избавься от тела. Сделай это сегодня же.

Китаец чинно поклонился и удалился с улыбкой на губах. На войне нет места сантиментам; возможно, размышлял он, такая же участь уготована и двум другим пленникам.

Джону Майклджону было за шестьдесят, но обстоятельства сложились так, что ему все еще приходилось работать. Контора его, тесная и просто обставленная, находилась на втором этаже здания, расположенного неподалеку от пересечения Сити-роуд и Олд-стрит. Латунная табличка на двери оповещала, что здесь трудится «Джон Майклджон. Частный сыск и судебные расследования».

Кроу постучал и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь. Старина Майклджон сидел за большим, заваленным бумагами столом. В углу, возле единственного, закопченного окна, некий молодой человек старательно вписывал что-то в здоровенный гроссбух.

Кроу представился, и улыбка, с которой встретил гостей хозяин, сошла с усталого, расчерченного морщинами лица.

— По судебному вопросу или что-то личное? — спросил детектив, пряча беспокойство в блеклых, слезящихся глазах.

— Боюсь, скорее личное, — доброжелательно уверил его Кроу.

— Хотите, чтобы я уладил какие-то ваши дела?

— Нет, — твердо отрезал Кроу. — Речь идет о ваших прошлых неприятностях, и я надеюсь, что сможете нам помочь кое в чем разобраться.

Майклджон печально кивнул и повернулся к молодому человеку в углу.

— Бернад, у этих джентльменов ко мне личное дело. Буду признателен, если ты оставишь нас на несколько минут. — Он усмехнулся, невесело, но беззлобно. — Почему бы тебе не перейти через улицу и не попробовать познакомиться с той молоденькой продавщицей?

Когда смущенный Бернад выскочил за дверь, Майклджон жестом предложил гостям садиться.

— Полагаю, ваш визит как-то связан с гонкуровским делом. Обычно так и бывает.

— Обычно? — насторожился Кроу. — Что вы имеете в виду? Как это — обычно? К вам часто по нему обращаются? Я думал, дело давнее и о нем никто уже не помнит.

— Я, пожалуй, не совсем точно выразился, но время от времени кто-то вспоминает. Чаще всего в связи с каким-нибудь похожим мошенничеством. Тогда и приходится принимать гостей. Что, еще одна шайка завелась?

Кроу мягко улыбнулся.

— Мистер Майклджон, я не хочу напоминать вам о прошлом. Что прошло, то прошло, и не стоит ворошить былое. Вы сглупили, но, как и двое других, по счетам расплатились. — Он оглядел голую комнатушку. — Или, как я понимаю, все еще продолжаете платить.

Детектив вздохнул.

— Было нелегко, но я выкарабкался. Сейчас, знаете ли, на частные расследования большой спрос, хотя, думаю, следовало бы уехать в Америку. Там, говорят, можно по-настоящему заработать. Вот один ваш соотечественник открыл агентство и неплохо справляется.

— Да, Алан Пинкертон.

— Вот и мне бы уехать. Не стоит оставаться там, где запачкался. А я вот по глупости остался.

Кроу понимающе кивнул.

— Наверное, вы правы. Но ведь дело и впрямь давнее. Вы знаете, что Палмер перебрался в Австралию?

— Нет. — Детектив даже присвистнул. — Вот так новость. Что ж, он вовремя слинял, скажу я вам. И старина Нат тоже ушел... Можно сказать, эмигрировал.

— Из-за Ната Драсковича мы и приехали.

Майклджон горько усмехнулся.

— Только не говорите, что он оставил завещание и мне достанется две тысячи фунтов. Это было бы уж чересчур.

— Драскович умер бедняком, но вы и сами знаете. Есть, однако, кое-что еще, о чем мы не знали до последнего времени. Точнее, знали, но не обращали на это внимания. Рассчитываем на вашу помощь.

— Конечно. Сделаю все, что смогу.

— Тогда добавьте еще одно имя к тем трем, что я сейчас назову. Джонг, Курр, Мюррей. Детектив как будто растерялся, и Кроу показалось, что лицо его слегка посерело.

— Еще одно имя? Но вы их уже знаете. Ведь взяли всех.

— Уолтерса так и не поймали.

— Ну да, этот улизнул. Говорили, смылся в Америку.

— То же говорили и о Мюррее, но его нашли.

— Про Уолтерса я ничего не знаю.

Кроу перевел дух.

— А как насчет Мориарти?

Майклджон побледнел.

— Что? — Голос его дрогнул, глаза заметались по комнате, словно высматривая запасной выход.

— Мориарти, — повторил Кроу.

Детектив покачал головой.

— Впервые слышу. По крайней мере в связи с тем делом.

— А с каким-то другим?

— Ну... — Майклджон заколебался. — Знаете, слухи всякие ходят. В таком бизнесе нельзя...

— Послушайте, за тем мошенничеством, в котором вы были замешаны, стоял Мориарти. Мы это знаем, и вы тоже знаете. Нам нужно лишь ваше заявление под присягой.

— Мориарти вам не взять. Никому его не взять. И вам, инспектор, об этом известно.

— Не знаю. Мне нужно от вас данное под присягой заявление о причастности Мориарти к афере Курра и Джонга. Мне нужна правда.

Прошла, наверное, минута, прежде чем Майклджон покачал головой.

— Кто говорит, что он имел к тому делу какое-то отношение?

— Например, Драскович.

— Не верю. Если бы Нат заговорил, вы носились бы как ошпаренные.

— Он заговорил уже перед самой смертью. К сожалению, его словам не придали значения.

— У вас есть подписанное им заявление?

— У нас много чего есть.

— Сомневаюсь.

— Того, что у нас есть, вполне достаточно, чтобы доставить вам серьезные неприятности. Вряд ли они нужны человеку вашего возраста. Да что говорить, вы и сами знаете.

Снова молчание.

— Предположим, я что-то расскажу, что потом?

— Мы оставим вас в покое, мистер Майклджон.

— Может быть, но... — Детектив не договорил, и пауза повисла невысказанным вопросом.

— Вас тревожит вопрос собственной безопасности?

— А вы что думаете, мистер Кроу? Что вы на самом деле думаете?

— Я ничего не думаю, мистер Майклджон. Знаю только, что у нас имеются убедительные свидетельства того, что одно имя было изъято из дела. У меня есть основания полагать, что вам известно это имя. Ваш общественный долг состоит в том, чтобы дать сейчас официальные показания. Мне важно получить неопровержимые доказательства.

Майклджон тяжело вздохнул.

— Другими словами, вы даете понять, что загоните меня в могилу, если я ничего не скажу.

— Я бы не употреблял такие сильные выражения.

— Речь идет именно об официальном заявлении?

— Боюсь, что да.

— Хорошо. Я расскажу, что знаю, только вот знаю я немного. Насколько мне известно, организаторами той серии мошенничеств были Курр и Джонг. Мне заплатили за то, чтобы я предупредил их, когда полиция выйдет на след. Детали имеются в судебных протоколах. Ближе к концу я понял, что они действуют не одни, что за ними стоит кто-то другой. Имя я слышал несколько раз, но его самого видел только однажды, в доме Джонга в Шенклине. Этого человека звали Мориарти. Джеймс Мориарти.

— Сможете его узнать?

— Дело давнее, лет прошло немало, но, думаю, узнаю.

— Даты помните?

— Никаких записей я не вел, дневников тоже, а память уже не та, что в молодости.

— Иначе говоря, когда в суде дело дойдет до опознания, память может вас подвести?

Детектив позволил себе улыбнуться.

— Возможно.

Скрывая раздражение, Кроу кивнул Таннеру, который записал заявление и передал бумагу на подпись Майклджону, без особого энтузиазма исполнившего заключительный акт.

Выходя, инспектор обратил внимание, что за последние полчаса, пока они были с ним, детектив как будто состарился сразу на несколько лет. Кроу предпочел бы задержаться еще на полчаса, порасспрашивать, проверить некоторые теории, но это могло подождать. Полученный документ, при всей его незначительности, мог при определенных обстоятельствах послужить тараном, пробивающим защиту Профессора. Вторую половину дня инспектор намеревался посвятить изучению рапортов о событиях понедельничного вечера и, возможно, поговорить с некоторыми их участниками.

По возвращении в Скотланд-Ярд он поручил Таннеру заняться второй линией расследования: самым внимательным образом изучить и проверить факты и даты жизни, карьеру, друзей и родственников покойного полковника Морана.

Со страхом и даже ужасом Роуч и Фрэй ожидали того часа, когда Профессор вынесет им окончательный приговор. Они уже поняли, что пропустили какое-то важное событие, некое решающее сражение, в котором их сторона, сторона Грина и Батлера, потерпела поражение. Теперь им оставалось только принять наказание от человека, жестокость которого давно стала притчей во языцех среди членов криминального братства.

Сопровождаемые Пейджетом и одним из экзекуторов, они вышли из тесной камеры, спустились по винтовой лестнице, пересекли «комнату ожидания» — там уже сидели около дюжины просителей — и поднялись в апартаменты, где и остановились перед большим столом, видом своим и позами напоминая заключенных, покорно, но с замиранием сердца ждущих вердикта суда.

Восседавший за столом Мориарти — пострадавшая рука все еще покоилась в белой перевязи — и впрямь производил впечатление сурового вершителя правосудия, а когда он заговорил, роняя слова, словно увесистые камни, пленникам показалось, что они уже слышали этот голос в зале суда.

— В других обстоятельствах я бы поступил с вами так же, как поступаю со всеми, кто пренебрег моим покровительством и предал меня, — начал Мориарти. — Но я обещал дать вам возможность самим определить свою участь. — Он помолчал, как будто добиваясь драматического эффекта. — Выбор прост: вы можете либо умереть — сегодня же, быстро и без лишнего шума... — Мориарти выразительно провел ладонью поперек горла, — либо сделать то, что вам скажут, и отбыть три года в Стиле.

Принять такое нелегко. Профессору хватило нескольких слов, чтобы окружавшие его легенды ожили и стали явью. Он предстал перед ними в образе всемогущего повелителя криминального мира, посылающего виновных в одну из самых суровых лондонских тюрем и тем самым использующего силу закона в собственных целях.

Да, принять такое трудно, но Роуч и Фрэй вовсе не были глупцами. Три года тягот и лишений — малая плата за возможность сохранить жизнь. Пауза заняла считанные секунды, после чего оба выразили согласие с предложенным решением.

Мориарти кивнул, показывая, что они поступили мудро.

— Вам следует понять, — голос его упал почти до шепота, — что любое нарушение нашей договоренности означает для вас смерть. Вы знаете меня. Я смогу достать вас везде, куда бы вы ни подались. Воздаяние будет скорым.

Разговор закончился. Им сказали возвращаться в камеру и помалкивать. Все инструкции будут даны утром.

Когда Роуча и Фрэя увели, Мориарти послал за Ли Чоу и отдал распоряжения относительно собравшихся внизу. Остаток дня предстояло провести за разбором жалоб, раздачей милостей и выслушиванием просьб — такова была обязательная составляющая образа жизни, сопутствовавшего занимаемому им положению.

Глава 9

КАК МОРИАРТИ ДОБЫЛ СВОБОДУ ДЛЯ БРАТЬЕВ ДЖЕЙКОБС

Четверг, 12 апреля 1894 года

В ночь на четверг инспектор Кроу не отреагировал даже на чары миссис Коулз. Все его силы и внимание ушли на работу с документами, заключающуюся, прежде всего, в попытках разобраться с завалившими стол папками и бумажками.

— Планирование, — заявил он Таннеру. — Планирование и метод организации. Только так нам, может быть, удастся схватить этого злодея. Если, конечно, он злодей — не забывайте, что человек считается невиновным, пока не доказано обратное.

Короткий разговор с Майклджоном сыграл роль лучика света, позволившего Кроу поставить перед собой новую задачу: заново взглянуть на значимые преступления последних двадцати пяти лет, обращая особое внимание на пять лет, предшествующих 1891-му — году, когда Мориарти, по слухам, исчез.

Несколько человек получили задание просмотреть полицейские рапорты за последнюю неделю, и одно из донесений вызвало у него особенный интерес — неподтвержденное заявление о стрельбе в Лаймхаузе, возле доков.

До глубокой ночи просидел инспектор за столом, мучительно пытаясь поставить себя на место Мориарти, влезть в его шкуру.

В прошлом сей метод неоднократно доказывал свою полезность, хотя, конечно, тогда речь шла о мелкой сошке.

Лишь прибыв рано утром в Скотланд-Ярд, инспектор понял, что так и не проследил совершенно очевидную цепочку рассуждений. Майклджон жил в страхе — он разнервничался при одном лишь упоминании имени Мориарти. Да, детектив признал, что за давним мошенничеством стоял человек с таким именем, но в конце разговора даже это признание померкло в тени страха, буквально сочившегося из всех его пор.

Если человек, вполне вменяемый и неглупый, что подтверждала его прошлая и нынешняя работа, боится Мориарти, то явно не без причины. Придя к такому выводу, Кроу незамедлительно направил Таннера и еще одного детектива к Майклджону с заданием доставить его в Скотланд-Ярд. Однако опасения подтвердились: контора оказалась закрытой, и некоторые из работавших в том же здании вспомнили, что старик накануне говорил об уходе. Дальнейшие расспросы позволили установить, что Джон Майклджон рассчитался с помощником, собрал вещички и отправился утренним поездом в Дувр. Больше его никто не видел.

— Ужас, — заметил Энгус Кроу, — великая сила. Если бы на нем работали машины, мы могли передвигать целые города, и тогда нам не понадобились бы лошади, чтобы таскать эти проклятые коляски. Ужас движет многим.

И это правда. Одних ужас уносит за океан, других понуждает к молчанию. Каким будет следующий шаг Мориарти? Кроу не знал этого по той простой причине, что несколько человек — кое-кто из них даже состоял на службе Ее Величества — руководствовались девизом «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу». Некоторые ослепли, оглохли и онемели из-за денег, но большинство — от ужаса.

Серый, унылый, отталкивающий — таким был пейзаж обрамлявший исправительный дом Колдбат Филдс в Мидлсексе. Дома из красного кирпича, некогда привлекательные и радовавшие глаз, с течением лет как будто осели и съежились и выглядели запущенными и забытыми, потому что людей в них почти не осталось, и желающих жить поблизости от мрачных, колючих стен огромной тюрьмы находилось немного.

Стил — это ироничное прозвище родилось посредством урезания небольшого кусочка от имени некогда грозной французской Бастилии — располагался к востоку от Грей-Инн-роуд, между Фаррингтон-роуд и Феникс-плейс, лицом к Доррингтон-стрит.

Площадь в девять акров окружала массивная, с контрфорсами, стена, скрывавшая все признаки жизни, за исключением лопастей топчака, монотонное движение которых можно было наблюдать в дневное время.

Лужок перед тюрьмой, аккуратный вид которому придавали пасущиеся на нем овцы, портило высокое полукруглое окно выступающей клином пристройки. Справа от окна находился воротный проем с почерневшей надписью сверху — 1794. Сами ворота — выкрашенные, кстати, в зеленый цвет, — относились к типу так называемых вертикально-складных, отличались немалой крепостью, были снабжены увесистыми молотками и зарешеченной дверцей и украшены громадными железными цепями. Закрепленные на стене по обе стороны от ворот черные таблички доносили до посетителей «Информацию относительно сроков заключения», сообщали о «взимаемых штрафах» и предупреждали о том, что передача продуктов, одежды и прочего для нужд заключенных запрещена.

Вечерняя смена надзирателей и охранников заступила на службу в половине шестого вечера, когда узники ужинали. Запирать камеры начинали в шесть часов.

В тот вечер Фредерик Стедман Элтон, один из старших тюремных надзирателей, вышел в ночную смену после двухдневного отпуска, предоставлявшегося через каждые полгода посменной работы.

Подождав вместе с другими, пока дверца в воротах откроется, он прошел в узкий двор, на одной стороне которого находилась будка дежурного охранника, а на другой замкнутый дворик, ведущий к конюшням и кабинетам.

Двойные железные ворота, за которыми находился дворик, обнесенный кирпичной, с зубьями, стеной были открыты.

Охранники и надзиратели выстроились в три шеренги, готовясь к беглому осмотру, который проводил щеголеватый заместитель начальника тюрьмы. Заключенных в Колдбат Филдс считали вечером и утром, но пересчитывать надзирателей никто еще не додумался. Вот почему никто не заметил, что в этот день на службу явились три лишних человека в синей форме, и что один из них скрыл под мундиром маленький карманный пистолет.

Вообще-то, Колдбат Филдс состоял из трех составлявших единый комплекс тюрем: огромного, устрашающего вида центрального корпуса для особо опасных преступников и двух зданий поменьше по обе стороны от него, для бродяг и осужденных за мелкие преступления. Все три корпуса были построены по единому проекту: четыре длинных блока, расположенных полукругом, как спицы колеса.

В 1894-м долгая и несчастливая жизнь Стила близилась к концу, но численность его заключенных оставалась весьма значительной, в связи с чем многие из тех, кто по праву заслуживал места в главном корпусе, содержались в крохотных, холодных камерах соседней тюрьмы. Среди этих несчастных оказались и братья Джейкобс, Уильям и Бертрам, которым достались клетушки на втором этаже блока Б. Элтон был старшим надзирателем именно блока Б, и именно туда он направился сразу после проведенной заместителем начальника переключки.

Следом за Элтоном шли трое «лишних» надзирателей, двое вместе, третий чуть сзади, держа правую руку в кармане мундира.

Смена надзирателей занимает обычно около двадцати минут; одни уходят сразу же по прибытии сменщиков, другие вынуждены задерживаться, помогать пересчитывать возвращающихся с ужина заключенных и запирать на ночь камеры.

Прибывшие на смену постепенно расходились по своим корпусам и блокам. В блок Б Элтон вошел первым. Он поздоровался с дневным надзирателем, расписался в журнале и сказал, что все могут идти — при нем смена всегда проходила легко.

Три сопровождавших Элтона надзирателя задержались у двери, пропуская отработавших свое коллег, кивая в ответ на их приветствия и добродушные шуточки.

Согласно штатному расписанию на каждом этаже полагалось иметь по три надзирателя. Остановившись у входа, Элтон придержал назначенную на второй этаж троицу и, завязав

неторопливый разговор, посоветовал подчиненным не спешить и не болтаться без дела, а сходить в административную часть и побаловаться чаем, пока он проверит и запрет заключенных. Ничего необычного в этом предложении не было: старшие надзиратели — их отличали по желтым нашивкам — нередко делали поблажки своим младшим товарищам.

Как только они ушли, трое «лишних» вошли в блок Б и направились на второй этаж. Один из них держал в руке связку ключей, полученных от самого Элтона.

В шесть часов тюрьма оживала, и в следующие двадцать минут в ее дворах и коридорах звучало угрюмое эхо неторопливых шагов; после трудового дня и скудного ужина заключенных разводили строем по блокам, этажам и камерам.

В унылых, обтрепанных тюремных робах люди и выглядели унылыми и обессиленными, что неудивительно, поскольку день начинался в двадцать пять минут седьмого со звука пушечного выстрела, в семь они уже приступали к работе и трудились до половины шестого с полуторачасовым перерывом на прием пищи. Одни гнули спину на топчаке, другие перетаскивали с места на место тяжелые пушечные ядра, третьи щипали паклю, четвертые чистили сточные канавы, но таких счастливчиков среди обреченных на изматывающую, монотонную и зачастую бессмысленную работу двенадцати с лишним сотен заключенных было мало. Тем не менее ветераны считали, что им повезло, ведь еще несколько лет назад попавший в Колдбат Филдс проводил дни в полном молчании, поскольку по действовавшей тогда экспериментальной системе любые контакты с внешним миром и даже разговоры с товарищами по несчастью запрещались.

Элтон и младший надзиратель — его отличал серебристый значок — пересчитали своих подопечных в блоке Б. Увидев у входа в блок братьев Джейкобс — в грубых, бесформенных тюремных робах, штанах и шапочках, — Элтон лишь слегка поднял голову.

Вместе с другими заключенными они прошли на второй этаж, где находился лишь один дежурный надзиратель — высоченный, широкоплечий, крепкий парень в надвинутой на глаза фуражке. Надзиратель этот стоял между камерами, занимаемыми братьями Джейкобс, примерно посередине коридора. Такая позиция позволяла ему наблюдать за находящимися в камерах Роучем и Фрэм, которые уже разделись догола и сложили форму охранников. Оба выглядели глубоко несчастными, но смирившимися с неизбежным.

Как только Уильям и Бертрам вошли в камеры, Терремант — он был третьим надзирателем — начал запирает двери. За пару минут братья успели переодеться в форму, еще хранившую тепло Роуча и Фрэя, и вышли в коридор.

Троица медленно двинулась по коридору, останавливаясь у каждой камеры, запирая двери и желая спокойной ночи заключенным. Выполнив обязанности тюремщиков, они неторопливо спустились по лестнице. Терремант вернул ключи Элтону.

Все так же спокойно, без всякой спешки, трое направились к главным воротам, где смешались с дневной сменой. Усталые, спешащие домой, люди проходили мимо будки, задерживаясь на несколько секунд, чтобы отметить. Терремант и братья задерживаться и отмечаться не стали, но никто этого не заметил, никто не обратил на них внимания, и они преспокойно вышли за пределы тюрьмы. На волю.

На Грей-Инн-роуд их ждали два кэба. Едва пассажиры заняли места, как сидевшие на козлах Харкнесс и Эмбер щелкнули кнутами, и оба экипажа тронулись в направлении Лаймхауза.

Без четверти восемь Билл и Берт Джейкобс уже поднимались по ступенькам в апартаменты Мориарти; каждый со стаканчиком джина.

Пребывание в Стиле, похоже, не отразилось ни на одном из братьев; скорее оно — если не обращать внимания на залегшие под глазами тени усталости — даже пошло им на пользу: фигуры подтянулись и окрепли, лица стали жестче. Обоим под тридцать, оба плотные, но не склонные к полноте, черты лица выразительные, четкие, линии носа и подбородка чистые, что редко встречается среди представителей их класса. У обоих ясные голубые глаза, одинаково легко отражающие и трогательную нежность, и устрашающую жестокость.

Иными словами, двое этих парней при соответствующей экипировке вполне могли

сойти за джентльменов.

Мориарти встретил их так, как, наверное, встретил бы давно считавшихся пропавшими сыновей, по континентальному обычаю обняв каждого. Братья не скупилась на выражение благодарности, но без раболепия и угодничества.

Когда все рассеялись, в дверях, держа за руку Хетти Джейкобс, появился Пейджет. Следующие несколько минут в комнате звучали неумеренные восхваления и благодарности, прерываемые всхлипами и обильными слезами.

Наконец Профессору удалось успокоить счастливую мать.

— Думаю, сейчас вашим сыновьям было неразумно возвращаться домой, — с улыбкой сказал он. — Пусть побудут какое-то время здесь. Разумеется, вы сможете видеться с ними сколь угодно часто.

Миссис Джейкобс в сотый, наверное, раз припала к его руке. По пухлым ее щекам все еще катились слезы.

— И как мне только вас благодарить? — пробормотала она. — Чем отплатить за вашу доброту?

— Вы — часть моей семьи, Хетти. Вам это известно. Никакой платы не требуется. Пока. Но Билл и Бертрам предложить за свою свободу могут многое. Мне нужны такие парни, так что, вытащив их из Стила, я оказал услугу и себе самому, а потому и радуюсь вместе с вами.

Когда миссис Джейкобс удалось наконец отослать. Профессор перешел к делу, а братья выпили и сели за стол. Ужин для них приготовили и подали Кейт Райт и Фанни Джонс — под бдительным присмотром приставленного Паркером человека.

— Рад, что вы вернулись. — Улыбка тронула губы Мориарти, но не коснулась глаз.

— Они тоже рады, — кивнул Пейджет. — Вы только посмотрите — ухмылка до ушей.

— Есть работа, парни. Много работы. Вы нужны мне в доме. Хочу дать вам особенное задание.

Далее Профессор рассказал о проблемах, возникших из-за Грина и Батлера; о предателе, проникшем под крышу Лаймхауза, и о назначенной на следующий день встрече с европейскими агентами.

— Мне нужно, чтобы вы постоянно были рядом. Смотрите, слушайте и будьте готовы пустить в ход кулаки. На следующей неделе у нас большой праздник. У Пейджета во вторник свадьба. Потом на очереди одно дельце, которое должно принести хороший барыш — серебро, драгоценности, картины, наличные. — У тех троих, что предложили мне этот капер,⁶³ хорошая репутация, но с ними должен быть кто-то, которому я полностью доверяю. Одна голова — хорошо, а две — лучше, да и крепкое плечо лишним не будет. Мне будет спокойнее, если вы отправитесь туда вдвоем.

— Можете рассчитывать на нас, Профессор, — сказал Уильям.

Его брат кивнул.

— Можете доверить нам саму жизнь, сэр.

— Хорошо, — кивнул Мориарти. — Время нелегкое, и мне потребуются крепкие и преданные парни. На завтрашней встрече держитесь поближе. Там будут также Пейджет и Ли Чоу. Помните, что в мое отсутствие вам надлежит подчиняться им, как мне самому.

Устроив на ночь братьев, Мориарти направился к Спиру. Пострадавший сидел, опираясь на подушки, рядом с верной Бриджет. Мориарти с удивлением обнаружил, что она читает больному старый журнал «Харпер». Тот факт, что Спир слушает ерунду, предназначенную для домохозяек из среднего класса, вызвал у Профессора улыбку, но еще больше его удивило то, что Бриджет умеет читать.

— Вижу, скучать тебе не приходится, — заметил он. — Она так и сидит с тобой все время?

⁶³ «Дельце», план ограбления.

— Если и уходит, то на минутку.

Голос прозвучал слабо, но взгляд, которым обменялись Спир и золотоволосая Бриджет, означал только одно.

— Ты ведь хорошо о нем заботишься?

— Почему бы и нет? — Она пожала плечами. — Он один из немногих мужчин, кто был добр ко мне.

Спорить с ней Профессор не стал и, задав несколько общих вопросов, удалился — ждать новостей от Паркера, который с несколькими своими людьми отправился на вокзал Виктория, встречать прибывающий с континента поезд.

Паркер видел — с поезда сошли все четверо. Первым — маленький, худосочный Жан Гризомбр из Парижа, вор, специализирующийся на редких драгоценностях и на протяжении многих лет работавший во французской столице с бандой грабителей и головорезов. Некоторое время назад Мориарти предложил ему что-то вроде альянса. С тех пор они сотрудничали — весьма успешно и не стесняя друг друга обязательствами. Затем, уже вовремя своего трехлетнего пребывания в Европе, Профессор часто встречался с Гризомбром, как и с другими партнерами по бизнесу, пытаясь договориться о создании более широкого и прочного союза.

Француз прибыл в компании двух молодых людей — гибких, подтянутых, опасных, — манеры и внешний вид которых выдавали в них апашей.

Паркер отправил своего человека — проследить за кэбом и убедиться, что гости разместились в «Ройял экзетер», где для них были зарезервированы номера.

Гость из Берлина, Вильгельм Шлайфштайн, оказался высоким, представительным господином, смахивающим скорее на банкира, чем на организатора криминального бизнеса, — окладистая борода старила его, по меньшей мере на пару десятков лет. На самом же деле немцу было тридцать девять. В молодости Шлайфштайн занимался коммерцией и даже поступил на службу в банк, но ушел из него после обнаружения недостачи в несколько тысяч марок и несоответствия в балансовых книгах.

Начав с относительно малого, Шлайфштайн поднялся до положения ведущего специалиста по банковским мошенничествам и сбору информации, представляющей интерес для любителей дорогих украшений. Он также собрал солидную воровскую шайку, которую наводил на тщательно выбранную цель, перевозящую или имеющую при себе крупную наличную сумму.

Часто посещая Берлин после 1891 года, Мориарти узнал о существовании большой банды, занимающейся торговлей «живым товаром». Эти люди не только имели свою долю с уличной проституции, но и управляли рядом крупных борделей. Тогда же он познакомился с человеком, сопровождавшим сейчас берлинского гостя — здоровенным, ростом под семь футов, малым по имени Франц, исполнявшим при Шлайфштайне обязанности личного слуги и телохранителя.

Отправленный за этой парой сыч позже доложил, что немцы остановились в дорогом отеле «Лонге» на Нью-Бонд-стрит, сутки проживания в котором, включая питание, обходились в целый фунт.

Прибывшего этим же поездом итальянца — полного, любезного господина — звали Луиджи Санционаре. Сын пекаря, он поднялся на вершину уголовной иерархии, став в тридцать три года одним из четырех самых разыскиваемых людей в Риме, причем, искали его не только *questori*,⁶⁴ но и собратья из криминального мира.

Санционаре привез с собой двух смазливых, смуглых молодых людей, привлекающих внимание своей кричаще пестрой одеждой. Единственного из всей четверки, его сопровождала женщина — брюнетка с оливковой кожей, источающая красоту и

⁶⁴ Полицейские, (*итал.*).

чувственность, одним лишь взглядом воспаляющая воображение мужчин, будоражащая кровь и заставляющая оглядываться ей вслед. Если итальянец хотел привлечь к себе внимание, он, несомненно, преуспел, поскольку все мужчины на платформе, словно зачарованные, или, что более современно, впад в гипнотическое состояние, буквально не сводили с нее глаз, пока она, дерзкая и заносчивая, шествовала мимо них.

Команда Санционаре остановилась в «Вестминстер Пэлас» на Виктория-стрит, и люди Паркера быстро узнали, что синьорина Адела Асконта разместилась по соседству с синьором Санционаре.

В сравнении с другими гостями Эстебан Бернардо Зегорбе выглядел определенно скромно. Невысокий, аккуратно и неброско одетый, он сам вынес из поезда свой чемодан, без лишнего шума нанял носильщика и едва не ушел от раскинутой Паркером сети. Но все же не ушел, поскольку позднее стало известно, что испанец снял комнату в скромном «Сомерсет-Хаусе» на Стрэнде.

Из всех гостей меньше других Мориарти знал Зегорбе. Рекомендую надежных людей, Профессору посоветовали обратиться к этому тихому, неприметному жителю Мадрида, который принял приезжего англичанина в уютном, но далеко не роскошном доме, внимательно его выслушал, согласился — в принципе — с предложением заключить некое подобие альянса и впоследствии вел дела между ними без лишнего шума и с дотошной честностью.

Мориарти знал, что испанец контролирует немалую долю столичной проституции и имеет долю в многочисленных незаконных предприятиях, например, занимается торговлей «белыми рабынями». И тем не менее во многих отношениях Эстебан Бернардо Зегорбе оставался для Профессора загадкой.

— В чем дело, Пип? Ты такой странный.

Фанни сидела за самодельным туалетным столиком в панталонах и сорочке. Наблюдая за ней, Пейджет не в первый уже раз приходил к выводу, что она совершенно не похожа на тех женщин, которых он знал. Во-первых, как подсказывал ему собственный скромный опыт, панталоны носили только шлюхи высокого разряда, хотя они неплохо смотрелись и на тех высокомерных дамочках из среднего класса, рисунки которых ему доводилось видеть в журналах. Он вспомнил, как рассматривал принесенный откуда-то Эмбером журнал и как смеялся над объявлениями о продаже корсетов и прочего белья. Были еще открытки — Спир говорил, что они из Парижа, — с молодыми женщинами в цветных, отделанных кружевами панталонах. Те картинки неизменно повергали Пейджета в ужас. Как и теперь вид сидящей за столиком Фанни.

И все же он не мог избавиться от ужасного подозрения, снова и снова зарождающегося в его бедной голове. В последнее время оно не давало ему покоя. Фанни Джонс, девушка ниоткуда, выглядела порой настолько чуждой ее нынешнему окружению, что иногда, особенно по ночам, ему недоставало смелости даже прикоснуться к ней. Возможно, то, что он чувствовал, и было той странной штукой, которую называли любовью, хотя что именно это значит, Пейджет не очень-то понимал.

Облечь одолевавшие его страхи в слова он не мог, хотя они и крепили день ото дня. Если выяснится, что Фанни агент Грина или подослана к Мориарти полицией, что ему делать? У Профессора ответ на все один, и от одной мысли об этом Пейджета бросало в дрожь.

— Пип? — снова окликнула его Фанни. — Тебя что-то беспокоит? Наша свадьба? — Она поднялась со стула и, подойдя сзади, обняла за шею и ткнула носом ему в затылок. — Свадьба, да? Не хочешь на мне жениться?

Никогда не отличавшийся обходительностью в отношениях с женщинами, Пейджет повернулся и крепко ее обнял. Как объяснить, что именно этого он хочет больше всего на свете? Как признаться — даже самому себе, — что ради нее он готов на все, даже если придется расстаться с Мориарти.

— Я люблю тебя, Фан, — только и сказал Пейджет. — Я люблю тебя, и во вторник мы

поженимся. Ни о чем другом я и думать не могу.

Глава 10 КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ АЛЬЯНС

Пятница, 13 апреля 1894 года

Энгус Кроу чувствовал — прогресс, пусть и небольшой, все же есть, дело не стоит на месте. Он, правда, вряд ли мог бы сказать, в каком именно направлении оно продвигается, поскольку ниточки, возможно, вели в разные стороны. А еще радовало то, что у него уже сейчас были вполне законные основания для ареста Джеймса Мориарти. Оставалось только подобраться к нему поближе.

Увеличивался и список имен — одних инспектор находил в старых папках, другие всплывали при допросах задержанных по горячим следам событий понедельничной ночи. Да и сам Холмс упоминал некоего Паркера, исполнявшего обязанности то ли шпиона, то ли наблюдателя. Среди сомнительных знакомых полковника Морана постоянно повторялось имя Спира, а в показаниях арестованных чаще других звучали имена китайца Ли Чоу и Пейджета, причем последний, похоже, определенно участвовал в разборке на Нельсон-стрит.

К сожалению, выйти на след Майкла Грина и Питера Батлера по-прежнему не получалось, хотя немалое число их сторонников и оказалось за решеткой. Кроу распорядился продолжать допросы, не давая задержанным никаких послаблений, и одновременно расширить область поисков исчезнувших главарей.

Стрелка часов подползала к одиннадцати, когда телеграф принес сообщение из римской квестуры.

По нашим сведениям в Англию прибыл некто Луиджи Санционаре тчк
Предлагаем установить наблюдение тчк Подозревается в убийстве краже и других
преступлениях тчк Санционаре сопровождают двое мужчин и женщина известная
под именем Адела Асконта тчк

Далее шло основанное на антропометрической системе описание Санционаре. Не придав сообщению большого значения, Кроу с завистью подумал об эффективности итальянской полиции. Когда-нибудь, мечтал он, британская и континентальная полиция создаст единую организацию, способную отслеживать перемещения каждого пересекающего границы преступника.

К сожалению, заманчивые мечты ничем не помогли Кроу в его нынешнем расследовании, а потому инспектор решительно отодвинул их подальше и сосредоточился на текущей задаче. Если Мориарти и впрямь генерал некоей криминальной армии, то не исключено, что истории о нем, встречающиеся в старых документах, содержат по крайней мере крупицу правды.

Одной из самых невероятных и часто повторяющихся тем была та, согласно которой Мориарти был профессором Джеймсом Мориарти, прославившимся рядом работ в научном мире и обладавшим сверхъестественной способностью полностью изменять внешность. Поработав с показаниями, инспектор сумел выделить по меньшей мере один факт: Мориарти существовал как бы в двух обликах. Одни описывали его как высокого, сухощавого мужчину с характерным лицом, хорошо известным многим ученым; другие — как человека, не столь высокого роста, на несколько лет моложе, плотного и к тому же, в отличие от первого, обладателя внушительной шевелюры.

Логика вела инспектора к простому заключению: либо за профессора Мориарти, вожака преступного мира, выдают себя два разных человека; либо один человек выдает себя за двоих. Если верно последнее положение, то человек этот не может быть профессором Мориарти хотя бы в силу возраста. *Quod erat demonstrandum.* Что и требовалось доказать.

Довольно улыбнувшись, инспектор начал тихонько напевать про себя, а потом и вовсе разразился песенкой:

О! Мистер Паркер, что делать мне?
В Бирмингем я хотела поехать,
Но меня отправили в Кру...

Несколько недель назад миссис Коулз затащила его на постановку «Мисс Мари Ллойд» в Эмпайр-театр, что на Лейстер-сквер, и они еще долго посмеивались над весьма откровенными намеками героини.

Верните же в Лондон меня,
Скорее, скорее верните,
О! Мистер Портер...

Инспектор вздрогнул и остановился, услышав донесшееся от двери вежливое покашливание.

— Звали, сэр? — спросил сержант Таннер.

— Нет, не звал, — грубовато отозвался смущенный Кроу. — Но раз уж вы здесь, то будет и для вас задание.

Вот так сержант Таннер подключился к группе детективов, которым было поручено детальным образом изучить жизнь и биографию Мориарти — его родственников, работу в университете, все и всех, кто был связан с ним до его переезда в Лондон.

Коря себя за неуместное рвение, сержант Таннер внес изменения в свое рабочее расписание, перепоручил другому детективу дело покойного полковника Морана и приступил к исполнению нового задания, предоставив инспектору возможность целиком посвятить себя логическому исследованию иных аспектов ситуации.

— Как думаешь, Джим, из-за чего вся эта суета?

Вопрос, адресованный Джиму Терреманту, задал экзекутор с изуродованным, перебитым носом.

— Не знаю и знать не хочу, — отозвался Терремант. — По-моему, это как-то связано с тем мальчишкой. Профессор — человек осторожный. Мой тебе совет — делай, что скажут, смотри во все глаза и не верь никому, кроме Профессора, Пейджета и Ли Чоу.

— У меня от этого желтого черта мурашки по коже.

— Ну, тогда дела твои плохи. — Терремант с чувством сплюнул. — Чертей здесь соберется сегодня целый дом. Итальяшки, немчура, лягушатники, испанцы. Профессор всех собирает.

— Тогда да. За женщинами глаз да глаз нужен. А итальяшку я бы и с собственной бабулей на минуточку не оставил.

— Вот и присматривай за всем: за женщинами да за серебром.

Кареты начали подъезжать в четверть двенадцатого. Из «Вестминстер Пэлас» приехал Луиджи Санционаре в сопровождении юного соотечественника; из «Сомерсет-Хауса» Эстебан Зегорбе — в единственном числе; немец Фриц покинул «Лонг» в компании герра Шлайфштайна; а Жан Гризомбр, выйдя из «Ройял экзетер», предпочел совершить пешую прогулку под присмотром двух французских телохранителей.

Письменный стол убрали в спальню, а его место занял большой обеденный. Вокруг стола расставили шесть стульев. Из людей Мориарти пригласили только Пейджета, Ли Чоу и двух братьев Джейкобс, хотя и команда Терреманта, наблюдавшая сейчас за приготовлением еды и напитков и их доставкой из кухни в апартаменты Профессора, должна была находиться поблизости.

Внешнее наблюдение за всеми подходами к Лаймхаузу вел отряд Паркера, причем

некоторые из сторожей держали наготове заряженные револьверы и пистолеты.

Мориарти, не ставший принимать обличье брата, оделся в черное: длинный сюртук, брюки, манишка и несколько старомодный галстук, придававший ему сходство то ли с врачом, то ли с банкиром. Гостей Профессор встречал на верхней площадке. Справа и чуть позади от него стоял Пейджет. Рукопожатия, улыбки, поклоны, приветствия, знакомства... Санционаре, как выяснилось, еще не встречался со Шлайфштайном, который, в свою очередь, не был знаком с Гризомбром. И, наконец, никто из гостей до сегодняшнего дня в глаза не видел Зегорбе.

Языковую проблему решили заранее — все переговоры предполагалось вести на английском, а вот сопровождавшим, поскольку не все они владели этим языком, пришлось повсюду использовать язык знаков и жестов.

Дело шло к ланчу, когда Мориарти попросил внимания.

— Джентльмены, прежде чем мы перейдем к официальной части, я хотел бы сказать, что позволил себе небольшую вольность. У нас есть еще один гость.

Присутствующие нервно переглянулись.

— Прошу не беспокоиться, — с улыбкой продолжал Мориарти. — Он — один из нас. Европейец, хотя и принял новое гражданство. — Профессор взял паузу, скользнул взглядом по встревоженным лицам. — Нам говорят, что Америка — самая прогрессивная страна нашего времени. Так оно и есть, поскольку наши друзья уже прекрасно организованы. Вот почему я, исходя из наших интересов, пригласил эмиссара из этой великой страны, чтобы он — как бы вернее выразиться? — понаблюдал за нашими дискуссиями и поделился своим мнением.

Мориарти кивнул Пейджету, и тот открыл дверь перед высоким, дородным мужчиной лет тридцати в темном костюме с жемчужно-серебристым платком на шее.

— Позвольте представить... — Профессор широко раскинул руки. — Мистер Пол Голден из Нью-Йорка.

При всех своих внушительных габаритах мистер Голден производил впечатление человека далеко не флегматичного, что подтверждал и цепкий, пытливый взгляд, скользнувший по лицам собравшихся. Когда же гость заговорил, голос его прозвучал с сильным гортанным акцентом.

— Мне приятно находиться здесь. — Полные, мясистые губы едва заметно дрогнули в легкой улыбке. — Друзья в Сити — так у нас называют Нью-Йорк — просили передать вам всем самые наилучшие пожелания. Я также благодарен за приглашение, позволившее мне совершить путешествие через океан. Как уже сказал уважаемый Профессор, мы стараемся работать организованно. Мне будет интересно узнать, как работаете вы.

Внимательно выслушав американского коллегу, гости с некоторой робостью подошли к нему — пожать руку и засвидетельствовать почтение.

Пейджет уже заметил, что американец — о прибытии которого Профессор сообщил ему за пару минут до начала собрания — не расположен к продолжительным разговорам.

После двух или трех стаканов кларета присутствующим предложили ланч. Прислуживали за столом Билл и Берт Джейкобсы, имевшие немалый опыт по этой части. Блюда же из кухни доставили Фанни Джонс и Мэри Макнил, за каждой из которых неотступно следовал человек Терреманта. За всем происходящим наблюдали со стороны Пейджет и Ли Чоу.

Миссис Кейт Райт на сей раз превзошла себя. За похлебкой (приготовленной из фасоли, помидоров, свеклы, лука и сельдерея) последовали отбивные из омара. Мясная перемена включала в себя традиционный ростбиф с йоркширским пудингом, пюре из моркови с репой, вареный картофель и весеннюю капусту. Санционаре с улыбкой заметил, что Зегорбе, Гризомбру и ему самому следовало бы испросить папское разрешение, поскольку день сегодня пятница, а они все принадлежат к семьям, исповедующим римско-католическую веру. Шлайфштайн нахмурился — реплика явно пришлась ему не по вкусу. Голден загадочно усмехнулся, как будто знал нечто такое, чего не знали другие. Потом подали

лондонский пудинг, любимое блюдо самой Кейт Райт, приготовленное из абрикосового джема, песочного печенья, сливочного масла, молока, лимона и яиц. Закончился ланч «верховыми ангелами», пикантным кушаньем, особо ценным Мориарти, который всегда питал слабость к бекону и устрицам.

Пока пять вожаков наслаждались ланчем, их приближенные довольствовались холодными закусками в сторонке, не спуская, разумеется, глаз со своих подопечных.

Заседание продолжилось под председательством Мориарти. Пейджет, выйдя из комнаты, убедился, что все люди Терреманта находятся на своих постах; молчаливые телохранители гостей расположились за спинами охраняемых.

С тостами выступали по очереди — Мориарти с холодной деловитостью; Санционаре и Гризомбр — с цветистой многословностью; Шлайфштайн — сдержанно и отстраненно; Зегорбе — спокойно, с легкой насмешкой; Голден — уважительно, как и подобает стороннему наблюдателю.

Поднявшийся затем Мориарти выступил с длинной речью.⁶⁵

— Джентльмены, я хотел бы пожелать вам приятного пребывания здесь и поблагодарить за те усилия, предпринять которые вам пришлось. Всем вам пришлось проделать долгий путь, претерпеть неудобства, оторваться от дома и привычной среды.

В последние годы мы неоднократно обсуждали предлагаемые мною планы. Все мы обладаем немалым опытом, который учит нас тому, что там, где речь идет о так называемой незаконной деятельности, требуются согласованные выступления значительных сил, а не вылазки действующих по собственной инициативе одиночек.

Вор, взломщик, черпала, одетый с иголки мобсмен, мелкий кидала, проститутка и даже убийца — каждый из них может вести свой бизнес в одиночку и получать небольшую прибыль, но мы с вами знаем, что у человека, сотрудничающего с себе подобными, больше возможностей, больше прибыль и больше шансов обойти закон. Да, я человек самоуверенный, но у меня есть основания полагать, что из всех здесь присутствующих именно я имею наибольший опыт. Моя организация самая большая, и я контролирую самые крупные силы не только в Лондоне, но и в Англии, Шотландии и Уэльсе.

Те договоренности, которых мы сумели достичь в последние годы, со всей очевидностью доказали, что организация, основанная на взаимном доверии, понимании и общей выгоде, не только возможна, но и определенно послужит нашим интересам. Не буду скрывать, джентльмены, собирая вас здесь, я намеревался обсудить создание сети, которая охватила бы весь континент, поскольку Европа — это средоточие богатств и власти. Богатств и власти, взять и воспользоваться которыми мы можем, если вы захотите.

Мы хорошо понимаем, что работающие с нами и на нас — люди малообразованные, с низким интеллектом. Наша обязанность, наш долг — заботиться о них, руководить ими и направлять их, чтобы их таланты находили наилучшее применение. Если это достижимо здесь, в Великобритании, то достижимо и в масштабах всего континента. Такова моя цель.

Глупцов здесь нет — иначе мы не сидели бы сейчас за этим столом. Нам нужно серьезно обсудить различные аспекты контроля и методы, необходимые для поддержания альянса, — потому что, да, именно так я это вижу: грандиозный альянс, основанный на современных методах.

Теперь я подхожу, возможно, к самому важному пункту. Прогресс, джентльмены, прогресс. Слишком долго мы и наши собратья цеплялись за старые, закостеневшие методы, не желая замечать, что окружающий мир меняется, как никогда раньше. Многие из достижений науки, к сожалению, отвергаются нами как глупости, забавы и прихоти. Знаки перемен видны повсюду, однако же мы не видим заметных перемен в нашей жизни. Подумайте хотя бы о железных дорогах — какие огромные расстояния мы можем покрывать теперь за

⁶⁵ Текст речи Мориарти взят непосредственно из его дневников, и это указывает на то, что Профессор записал ее в течение двадцати четырех часов после выступления. — *Примеч. автора.*

относительно короткое время. Мир уменьшается, и этот процесс будет продолжаться. Мы должны замечать эти перемены и использовать к собственной выгоде.

Возьмем, например, телефон и телеграф, которые идут вперед семимильными шагами. Несколько минут — и мы можем разговаривать с человеком, находящимся на другом краю города. Телеграф позволяет связаться с самыми далекими уголками Европы. Этими современными возможностями мы уже пользуемся, но разве прогресс остановится на этом? Любому здравомыслящему человеку ясно, что современные телефон и телеграф не останутся такими надолго. Они будут развиваться и совершенствоваться, и их уже не остановить. Через несколько лет мы сможем разговаривать друг с другом на больших расстояниях. Представьте, как это отразится на наших целях.

И не только на наших. Изменения коснутся полицейских сил всего мира, правительств, банков, промышленности. Мы должны принимать их в расчет и строить наши планы соответственно. Если мы согласны с этим положением, то должны рассмотреть и другие факторы.

Я говорил о железных дорогах. Развиваются и другие формы сообщения. Вскоре будут построены новые корабли, крупные, надежные и быстроходные. Сегодня мы улыбаемся свысока, глядя на такой странный феномен, как безлошадные повозки. Не улыбайтесь, говорю я вам. Эти шумные, дребезжащие, бьющиеся друг о друга коробки — заря новой транспортной эры, которая превзойдет все, о чем мы можем только мечтать.

Возможно, вы посмеетесь и над следующим моим предложением. Мы видим, какой популярной новинкой становятся воздушные шары. Кто из нас не качал с сомнением головой, видя странные рисунки и слыша утверждения некоторых о том, что когда-нибудь человек сможет летать, как птица?

Однако, если принять во внимание достижения в других областях, то можно ли сомневаться, что теории тех, кого мы принимаем за глупцов и мечтателей, станут через какое-то время реальностью, с которой придется считаться? Слышал ли кто-либо из вас об опытах такого человека, как Отто Лилиенталь?⁶⁶ Придет время — а это так же верно, как и то, что за сегодня наступит завтра, — когда люди будут парить в небе, словно орлы.

Друзья мои, я говорил о некоторых направлениях прогресса, который идет впереди нас и оказывает существенное влияние на нашу жизнь и работу. Нам следует оценить будущий климат, определить, кто контролирует эти изменения. Ответ прост: политики, промышленники, генералы и богачи. Ключ к могуществу у них, и если мы хотим иметь какую-то долю в том будущем, которое нас ждет, то должны иметь долю и во власти. Как этого достичь?

— Наш бизнес классифицируется многими как порочный. Пусть так. Но в каких условиях процветает этот так называемый порочный бизнес? Мой ответ таков: в условиях хаоса, нестабильности, неуверенности. Эти три слова должны быть краеугольными камнями нашего мышления.

В сегодняшнем мире называют великие революционные изменения. Подобно вулкану, они прорвутся огнем и насилием. Анархия охватила континент. Мы слышим об убийствах, взрывах бомб, разрушении устоев повседневной жизни — и все это совершается во имя неких политических идеалов.

Предлагаю взять эти методы на вооружение и использовать их для обслуживания наших интересов. Поддерживая состояние анархии, тревоги и смятения и даже самостоятельно совершая подрывные акты, мы могли бы создавать ситуацию, при которой созревшие плоды будут сами падать нам в руки.

⁶⁶ Отто Лилиенталь (1848–1896) — немецкий инженер, один из пионеров авиации. Разработал, построил и испытал одиннадцать летательных аппаратов. Совершил свыше 2 тыс. полетов на планерах собственной конструкции. Отто Лилиенталь погиб в Берлине во время перелета. Его планер перевернуло внезапным порывом ветра. Научное обоснование причин парения птиц, сделанное Лилиенталем и продолженное Н. Е. Жуковским, во многом определило развитие авиации.

Нам остается лишь все спланировать, принять решение и быть готовыми к жатве, когда урожай поспеет.

Профессор сел. Некоторое время в комнате стояла тишина. Ее прервали аплодисменты Гризомбра. После некоторого колебания к французу присоединились и остальные. Шлайфштайн хлопал ладонью о стол.

Когда недолгая, но искренняя овация стихла, Гризомбр поднялся и, тщательно подбирая слова, заговорил:

— Я с большим интересом выслушал рассуждения и предложения нашего любезного хозяина. Исходя из собственного опыта, могу утверждать, что к ним стоит прислушаться. В 1871 году я был еще очень молод, но хорошо помню настроения, преобладавшие в Париже во время осады.

Он бросил быстрый взгляд на Шлайфштайна, словно ища подтверждения у представителя нации, взявшей верх в ходе франко-прусской войны.

— Условия были ужасные. Продуктов не хватало, и горожанам приходилось есть даже крыс. Я помню тот день, когда в зоологическом саду застрелили слона. Но самое яркое впечатление связано с охватившими город грабежами. Я знаю людей, которые сделали тогда состояние. Разрушение общества поможет нам набрать силу, а потому лично я приветствую профессора Мориарти как нашего духовного лидера.

Один за другим остальные гости высказались в том же духе. Оставалось только обсудить и согласовать основные детали будущей общеевропейской организации. Но прежде чем разговор повернул в эту сторону, из-за стола поднялся Санционаре.

— Как гость Профессора я хотел бы выразить свое уважение, так сказать, в осязаемой форме, — заявил он и, щелкнув пальцами, подозвал сопровождавшего его молодого человека.

Смуглый юноша тут же оказался рядом с ним, продемонстрировав такую быстроту, которую Мориарти счел бы опасной в иных обстоятельствах. Словно ниоткуда, появился вдруг небольших размеров, продолговатый пакет. Санционаре взял его, прошел вдоль стола и с коротким, но почтительным поклоном передал Мориарти.

Профессор осторожно развернул бумагу. Под ней обнаружилась аккуратно перевязанная ленточкой шкатулка. В шкатулке лежала книга — в кожаном переплете, украшенная золотым листком — переведенная на итальянский «Динамика астероида» Джеймса Мориарти. Прекрасно издание, полностью заслуживающее права называться произведением искусства.

— Ее изготовил по моему заказу лучший мастер Флоренции, — сказал Санционаре, и Мориарти пристально посмотрел ему в глаза. Что это? Насмешка? Ярость всколыхнулась в нем. Лицо обдало жаром. Но уже через секунду Профессор овладел собой и произнес положенные случаю слова благодарности.

Не желая уступать итальянцу, Гризомбр подал знак одному из своих сопровождающих, который с характерной для родной нации театральностью предъявил и водрузил на стол плоский предмет, также оказавшийся книгой, не столь толстой, как та, что преподнес Санционаре, но большего формата и в сафьяном переплете.

— Месье Профессор. — Гризомбр облизал губы. — Вы, как и я, ценитель женской красоты. Вы — истинный знаток искусства любви. Представленные здесь фотографии — лучшие из тех, что имеются в моем распоряжении.

Альбом содержал более двухсот фотографий, и в наши дни вызвал бы огромный интерес у богатых коллекционеров эротического искусства. Перевернув несколько страниц, Мориарти позволил себе улыбнуться. Взгляд его ненадолго задержался на изысканных парижанках, запечатленных на разных стадиях разоблачения и в весьма соблазнительных позах.

Следующим на очереди был Шлайфштайн. Подойдя к Мориарти, он по-военному, на прусский манер, щелкнул каблуками и положил на стол лакированный ящичек красного дерева.

— Думаю, мой подарок имеет более практическую ценность.

Крышка повернулась на петлях, и взгляду Мориарти предстал необычной формы пистолет, лежащий на синей бархатной подложке. Ничего подобного Профессор прежде не видел, и, по правде говоря, из всех подарков этот понравился ему более других. Начать с того, что в нем как будто не было ни патронника, ни бойка.

Он вынул пистолет из ящичка, взвесил на ладони — увесистое, надежное, настоящее мужское оружие — и вопросительно посмотрел на немца.

— Это автоматический пистолет, — объяснил Шлайфштайн. — Как видите, еще одна примета прогресса. — Он взял у Мориарти оружие. — Патроны закладываются в обойму, которая вставляется в рукоятку. Взводится само после каждого выстрела. Идея позаимствована у «максима», сам же пистолет — изобретение Хуго Борхардта. Изготовлен в Берлине Людвигом Леве.⁶⁷ Я привез несколько обойм. Смеею предположить, что эта вещь, подобно многим другим, о которых вы упоминали, будет немало содействовать переменам в нашем бизнесе.

Мориарти кивнул. Огнестрельное оружие всегда привлекало его; держа в руке пистолет, он испытывал странное, волнующее чувство.

Повернувшись, Профессор взглянул на Зегорбе. Испанец не отвел глаз.

— В сравнении с этими подарками мой выглядит не слишком оригинально, — с улыбкой сказал испанец и, поднявшись, протянул длинный, тонкий сверток, в котором оказался толедский кинжал — с рубинами на рукоятке и острым, как бритва, клинком. — Его достоинство в бесшумности, — добавил он спокойно.

Мориарти обозрел лежащую перед ним коллекцию, и губы его чуть заметно дрогнули.

— Ваши подарки, — произнес он негромко, почти шепотом, — представляют все классические грани великого интригана. Добавить сюда пузырек с ядом и какое-нибудь взрывчатое вещество — и меня можно будет назвать ученым, распутником и ассасином.

За столом послышались сдержанные смешки.

— Но мы собрались не для обмена подарками, — продолжал Профессор. — Я пригласил вас поделиться опытом и мыслями, создать некую структуру и наметить планы на будущее. Итоговый результат встречи и будет подарком для всех нас.

Пол Голден ничего не говорил, но слушал внимательно.

— Та штука... автоматическая... выглядит внушительно, — заметил позже Пейджет. — Посмотреть бы еще, как она свинцом плюется.

Разговаривал он со Спиром, который определенно шел на поправку, хотя физиономия его еще оставалась синюшной, а повязки на руках приходилось менять по два раза на день.

— А что за книжку ему француз подарил? — Спир хитро подмигнул, и Пейджет ухмыльнулся.

— Ты-то откуда знаешь?

Спир кивнул в сторону Бриджет, сидевшей на своем обычном месте у кровати.

— Она сказала.

Бриджет покраснела, прикусила губу и смущенно отвернулась.

— А сама от нее узнала. — Теперь Спир кивнул уже в сторону Фанни.

Пейджет повернулся к невесте и вопросительно вскинул брови. Губы дрогнули, сдерживая усмешку.

— Ну... — Фанни нерешительно вздохнула.

— А ведь вы, Фанни Джонс, говорили, что книжка мерзкая, гадкая и какая там еще. Как

⁶⁷ Автоматический пистолет Борхардта был по сути предшественником «люггера». Модель его Хуго Борхардт сконструировал в 1890-м, когда жил в Америке, но ни один из производителей оружия в США не проявил к новинке ни малейшего интереса. В конце концов Борхардт привез свое изобретение в Германию. В 1893-ем Леве запустил модель в производство. Это был один из первых автоматических пистолетов, которые продавались в больших количествах. — *Примеч. автора.*

же так? — Пейджет фыркнул, припоминая, как отчитала его Фанни, когда он рассказывала ей о фотографиях.

— Ну... — повторила Фанни. Других слов для объяснения у нее не нашлось.

— Какие ж у вас, девочки, мысли грязные. — Спир с притворным осуждением посмотрел на Фанни и Бриджет и, не сдержавшись, ухмыльнулся.

— Мы просто любознательные, — попыталась оправдаться Бриджет.

— Вот встану и чему надо научу, — пообещал Спир.

— А может... — Фанни сложила руки на коленях. — Может, сыграем во вторник двойную свадьбу.

Спир и Бриджет промолчали, но задумались.

Известие о том, что Санционаре вышел из «Вестминстер Пэлас» с одним сопровождающим, оставив другого с Аделой Асконта, достигло Скотланд-Ярда уже во второй половине дня.

Хотя официально полиция не имела к итальянцу никаких претензий, Кроу все же взял это сообщение на заметку, после чего продолжил изучать документы, касавшиеся Мориарти. Профессор математики все еще оставался для него загадкой, но инспектор надеялся, что картина прояснится в ближайшие дни. В первую очередь Кроу интересовали такие эпизоды, как уход Мориарти из университета и переезд в Лондон.

Между тем появилось кое-что еще. Со слов осведомителя стало известно, что некто Пейджет, чье имя фигурировало в списке знакомых Морана, собирается жениться, и что церемония пройдет во вторник в церкви Святого Андрея.

Если Пейджет сообщник Морана, рассуждал Кроу, и если Моран сообщник Мориарти, то Пейджет может быть связан с обоими. По крайней мере, было бы любопытно взглянуть как на него самого, так и на невесту.

Мысль о невесте потянула за собой другую, воображение живо нарисовало соблазнительный образ миссис Сильвии Коулз, заставивший Энгуса Кроу позабыть о Профессоре и устремиться к тем сладким утехам, что предлагались ему на широкой вдовой кровати.

Опомнившись, он шумно выдохнул и ослабил воротничок.

Ждать. Ничего другого ему не оставалось. Ждать Мориарти. Ждать, когда появятся какие-то зацепки и ключи. Ждать, пока его собственные силы дедукции сойдутся в поединке с неопровержимыми фактами и либо победят, либо проиграют. В каком-то смысле он ждал себя самого, и это было самое нелогичное — ждал решения в отношении миссис Коулз. В этом вопросе, признал Энгус Маккреди Кроу, его эмоции пребывали в состоянии, близком к хаосу.

Вечером в пятницу Луиджи Санционаре возвратился в отель и провел несколько часов с Аделой Асконта; Вильгельм Шлайфштайн пообедал в «Кафе Ройаль» и по возвращении отправился спать; Жан Гризомбр и оба его сопровождающих, воспользовавшись советом Мориарти, посетили заведение Сэл Ходжес; и наконец Эстебан Бернардо Зегорбе сел за стол у себя в номере «Сомерсет-Хауза» и написал длинное письмо в Мадрид — деловые интересы отнимали у сеньора Зегорбе много времени и требовали неустанный внимания.

В Лаймхаузе люди Терреманта по-прежнему ни на шаг не отставали от работавших в кухне женщин. Мориарти, отправив Мэри Макнил спать, до глубокой ночи засиделся в кабинете, готовясь к продолжению совещания. Спир дремал, Бриджет караулила у кровати. Фанни и Пейджет крепко спали в объятиях друг друга, хотя Пейджету почему-то снились кошмары: тюремная камера, преследующие его по пятам полицейские, и он сам, съездившийся до размеров крысы, под занесенной над ним громадной ногой. Ли Чоу и Эмбер приходили и уходили, как, впрочем, и многие другие — приближался вторник, и нужно было думать о подарках. Ни один мало-мальски уважающий себя член огромной семьи Мориарти

ни за что бы не явился на свадьбу с подарком, купленным за деньги.

Глава 11 ПЛАНИРОВАНИЕ УБИЙСТВА

Суббота, 14 апреля 1894 года

Структуру организации обсудили накануне, после знаменательного ланча. Рассмотрение планов, осуществление которых привело бы к погружению в хаос всей Европы, решили перенести на вторую половину субботы. Вопрос был серьезный, и каждый из участников совещания собирался предложить свой вариант действий.

Все сошлись на том, что кампанию по подрыву мира, гармонии и спокойствия следует провести в крупнейших Городах по всему континенту и с таким расчетом, чтобы подрывные действия были приписаны политическим экстремистам, уже терзавшим многие страны Европы. Первым с конкретным предложением совершить политическое убийство выступил Гризомбр.

— Никакой другой акт не способен произвести на общество столь сильное впечатление, — сказал француз. — Полагаю, что именно в моей стране реакция будет самой быстрой и спровоцирует всеобщее возмущение. Я сам позабочусь о том, чтобы президент Франции был убит в ближайшие недели.

Гризомбр, как мы уже знаем, слов на ветер не бросал. Состоявшаяся по инициативе и прошедшая под руководством Мориарти встреча, несомненно, стала сигналом к внезапному и резкому подъему политической активности в Европе, ведущей силой которой стали анархисты. В июне президент Франции Сади Карно пал от ножа анархиста во время поездки в Лион. Интересно, что убийцей был итальянец, в связи с чем логично предположить, что континентальные филиалы империи Мориарти уже тогда работали в полном согласии.

Можно не сомневаться, что и другие события конца 1890-х и начала 1900-х являются прямым следствием лондонского совещания 1894 года. Некоторые свидетельства указывают на то, что даже смерть президента Соединенных Штатов Уильяма Маккинли в 1901 году была частью некоего, более позднего плана. Что же касается трагической гибели австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево, давшей начало цепи событий, кульминацией которых стала Первая мировая война, то не приходится сомневаться, что она была прямым результатом подрывных действий Мориарти.

События же, произошедшие в самой Англии и ставшие прямым следствием программной речи Профессора, долгое время оставались тайной для широкой публики.

Твердость и решительность, прозвучавшие в обещании Гризомбра, неприятно поразили Мориарти. Похоже, француз пытался перебить его ставку в некоей смертельно опасной игре. О том же, вероятно, подумали и остальные гости, устремившие на Профессора выжидающие взгляды.

С минуту он молчал, потом едва заметно кивнул.

— Хорошо. Хорошо. Это послужит тем самым сигналом, который всем нам нужен.

Прежде чем продолжить, Мориарти внимательно оглядел коллег.

— У меня тоже есть планы, — негромко сказал он. — В этой стране убивать премьер-министра практически бессмысленно. Что касается нашего символа, королевы, то старушке в любом случае недолго осталось.

Профессор выдержал драматическую паузу.

— Моей целью является следующий представитель династии, тот, кто взойдет на престол, когда королева Виктория, говоря словами Шекспира, «сбросит этот бранный шум». Я сделал выбор в пользу уже прославившегося, хотя и не во всем с лучшей стороны, принца Уэльского Альберта Эдуарда. Именно поэтому, джентльмены, сегодня вечером я приглашаю вас всех на особенное представление. Можете не сомневаться: принц умрет в ближайшие недели.

Гробовое молчание, которым сидящие за столом встретили это заявление, лучше всяких слов передало произведенный им эффект.

Первым тишину нарушил Пол Голден.

— Профессор. Джентльмены. Все это весьма поучительно и интересно. К сожалению, я не смогу составить вам компанию в назначенном на вечер представлении, поскольку обстоятельства требуют от меня возвращения в Нью-Йорк. Разумеется, я представлю своим коллегам самый подробный отчет. Я также не вижу причин, которые помешали бы нам в какое-то согласованное заранее время провести соответствующую акцию в Новом Свете. И, разумеется, вы можете всегда рассчитывать на нашу помощь и совет. Надеюсь на успешное и взаимовыгодное сотрудничество.

Стоявший у двери Пейджет даже не понял, что именно всколыхнуло его беспокойство. Большую часть жизни он отчаянно пытался выбраться из помойки, в которой оказался по воле обстоятельств. Уже находясь под крылом Мориарти, ему приходилось делать немало такого, что считалось незаконным, но, как и многие люди его положения и взглядов, Пейджет сохранил уважительное и почтительное отношение к королевской семье. И вот теперь его хозяин произнес слова, означавшие, что их всех ждет предприятие подлое, бессмысленное и неразумное.

Представление, посетить которое Мориарти приглашал своих европейских коллег, состоялось в одном из лучших лондонских мюзик-холлов, «Альгамбра Пэлас», расположенном на Лейстер-сквер.

Как ни странно это может показаться, Мориарти был большим любителем таких вот шумных, веселых, порой вульгарных, но всегда красочных спектаклей, предлагаемых мюзик-холлами, и в данном случае он приложил немало сил, чтобы зарезервировать для своих гостей самую лучшую ложу. Причем речь шла не только о первой четверке — билеты получили и сопровождающие. Сам Мориарти отправился на представление в компании одного лишь Пейджета, который, по требованию хозяина, взял с собой пистолет.

Польщённый оказанным доверием, Пейджет не мог, однако, отделаться от мысли, что создание континентального альянса подталкивает Профессора в направлении, крайне опасном, и сулит большие неприятности. Он знал — хотя и никогда не вникал в детали, — что Мориарти и в прошлом нередко брал на себя выполнение важных поручений иностранных держав и участвовал в сомнительных и откровенно бесчестных сделках с политиками и монаршими особами. Но тогда монаршие особы, насколько было известно Пейджету, представляли чужеземные страны, а теперь дело обстояло совсем иначе.

Последнее заседание европейских эмиссаров завершилось около пяти часов пополудни. Все договорились встретиться в роскошном фойе «Альгамбры» за пятнадцать минут до начала второго вечернего представления.

В тот день «Альгамбра» предлагала своим гостям впечатляющую программу развлечений. Помимо двух балетных выступлений (владельцы заведения не жалели средств, приглашая самых лучших танцовщиц), зрителям предстояло увидеть: «мистера Дж. Х. Шригуина, Белоглазого Кафира; мисс Сиси Лофтус; мистера Джорджа Роуби, юмористические куплеты которого доводили публику до слез; лейтенанта Фрэнка Трэвиса, чревовещателя; мисс Весту Тили и мистера Чарльза Кобурна, Человека-который-сорвал-банк-в-Монте-Карло».

Но даже в этом, столь впечатляющем составе исполнителей, выделялся артист, привлекавший особенное внимание Мориарти. В афише он значился как «Доктор Ночь, иллюзионист и фокусник». Именно его Профессор желал показать европейским гостям.

Помимо прочих соображений, Мориарти привлекало несравненное мастерство, с каким этот искусник исполнял свои трюки. Возможно, интерес объяснялся еще и тем, что в некотором смысле и фокусник, и Профессор работали в одной сфере, сфере иллюзий, исчезновений и манипуляций. Кстати, в тот самый вечер Мориарти появился на публике в обличье профессора Джеймса Мориарти, человека, провозглашенного когда-то гением математики.

Первым вступил оркестр. Занавес раздвинулся, явив зрителям сцену — черные шторы, декоративные столики и некий непонятного назначения, но, бесспорно, магический аппарат.

Барабаны выдали тревожную дробь, оборвавшуюся с появлением Доктора, мужчины среднего сложения, в безупречном вечернем костюме, с черными волосами и бородкой, окруженного аурой, несомненно, дьявольского происхождения. Его исполненный превосходства — если не откровенного презрения — взгляд скользнул по притихшей публике.

— Леди и джентльмены. Волшебство Востока и Запада, — объявил он, простирая руку с неведомо откуда взявшимся синим шелковым платком. — Один и один будет два... — В другой его руке затрепетал второй платок. — И три... и четыре.

Снова и снова вытягивал фокусник руки, словно собирая в воздухе оставшиеся дотоле невидимыми платки, потом, когда их было не меньше десяти, свернул шелковые комочки в шар, напоминающий формой грушу и достигающий восьми или девяти дюймов в диаметре, и резким движением руки послал его вверх. На секунду шар повис неподвижно, а затем вдруг раскрылся, превратившись в огромную, раскинувшую крылья бабочку, будто подвешенную перед ним на невидимых нитях.

Последовавшие далее фокусы, живые и яркие, привели зрителей в восторг, заставив замереть даже вечно шумную галерку. Сначала появился египетский саркофаг с мумией. Публике было позволено рассмотреть его со всех сторон. Мумию извлекли, демонстрируя ее весьма хрупкое состояние (в какой-то момент демонстрации голова даже отделилась от тела), потом вернули на место, и саркофаг вдруг закружился, сотрясаясь от яростных ударов, доносящихся явно из него самого, как будто кто-то отчаянно рвался наружу.

Иллюзионист церемонно откинул крышку, и из саркофага под жутковатые звуки восточной музыки выступила облаченная в великолепные одеяния египетская принцесса, исполнившая чарующий и сладострастный танец.

Из-под повисшего в воздухе шелкового купола были извлечены четыре больших стеклянных чаши, каждая из которых в момент извлечения вспыхивала ярким пламенем.

Спустившись в зал, Доктор Ночь собрал восемь игральных карт и позаимствовал три кольца у трех заметно разнервничавшихся леди. В следующий момент восемь карт вдруг появились неведомым образом на концах огромной серебряной звезды. Между тем таинственный кудесник взял обычную сковороду, разбил в нее несколько яиц, добавил три кольца и, полив этот омлет бренди, поджег смесь и тут же накрыл пламя крышкой. Впрочем, крышка была незамедлительно снята, и под ней обнаружили три белоснежных голубя, с ленточками на шее, на которых висели те самые, позаимствованные в зале кольца.

Вернув на сцену египетскую принцессу, Доктор Ночь погрузил ее в транс и заставил левитировать перед сотнями застывших в напряжении зрителей.

Завершив выступление столь эффектной кульминацией, иллюзионист покинул сцену под бурю аплодисментов. Мориарти сидел тихо, словно увидевший чудо мальчишка. Внимательный наблюдатель, пожалуй, обнаружил бы в его глазах легкую тень зависти. Сам того не сознавая, великолепный Доктор Ночь задел его ахиллесову пятую. Большая часть показанных фокусов остались для Мориарти загадкой, и теперь он преисполнился решимости раскрыть секреты столь впечатляющего искусства. Чего он не знал, так это того, что судьба собирает против него другие силы.

Ранее, когда Мориарти и его гости, еще только собирались в фойе «Альгамбры», сержант Катберт Фроум, служивший в отделе уголовных расследований Скотланд-Ярда, прогуливался в районе Вест-Энда. Никакой особенной цели у него не было, кроме разве что желания получше познакомиться с расположением некоторых объектов. Фроуму было двадцать восемь лет, и он лишь сравнительно недавно перешел в столичную полицию из манчестерской. Сообразительный, увлеченный, с большим запасом свойственного молодости энтузиазма, он мечтал о большой карьере. Проведя в Скотланд-Ярде всего только шесть недель, сержант уже знал на память списки и описания разыскиваемых личностей.

Фроум проходил мимо «Альгамбры», когда его внимание привлекла остановившаяся у входа карета и ее пассажиры: поразительной красоты молодая женщина в сопровождении двух молодых мужчин приятной наружности и человека постарше, также смуглого, с чертами, присущими уроженцу Италии.

Внешность этого последнего подпадала под описание из полицейского циркуляра, и теперь сержант напряг память, силясь вспомнить соответствовавшее описанию имя. Какое-то итальянское... Санто?.. Санционаре. Точно. Между тем кампания из четырех человек уже прошла в театр, и Фроум последовал за ними, предъявив на входе свое удостоверение.

Не обнаружив итальянца в фойе, сержант прошел в бар, уже заполненный мужчинами и женщинами в вечерних нарядах. Среди поклонников искусства он заметил и немалое число дам легкого поведения, давно облюбовавших «Альгамбру» и подобные ей заведения как места, где они сбывали желаящим свой соблазнительный товар, невзирая на все усилия миссис Ормистон Чант, стремившейся закрыть варьете как рассадники разврата и очаги порока из-за открыто предлагаемых там соблазнов.

Санционаре и его спутников Фроум засёк в дальнем конце бара в обществе нескольких мужчин, один из которых выделялся как сигнальный бакен — высокий, худощавый, с внушительным лбом и глубоко посаженными глазами. Сержант и его узнал по описанию.

Молодой детектив мог бы, конечно, вернуться в Скотланд-Ярд — сообщение о высоком, сухощавом мужчине вызвало бы там большой интерес, — но после недолгих размышлений принял решение остаться и продолжал наблюдение до тех пор, пока вся компания не прошла в ложу.

Парой минут позже Фроум прорвался в кабинет управляющего, угостил того наспех сочиненной историей, содержащей лишь малую толику правды и был пропущен на галерку, откуда мог видеть ложу, занятую Санционаре и его спутниками. Занимая удобный наблюдательный пункт, сержант сделал несколько набросков мужчин и женщин, что, как выяснилось впоследствии, имело большое значение.

Никто, разумеется, не проинформировал Фроума о том, что за отелем, в котором остановился итальянец, как и за ним самим, установлена слежка. Вот только детектив, получивший это задание, отнесся к делу формально и не пошел далее буквального исполнения полученной инструкции. Вот почему, в то время как Фроум сидел в «Альгамбре» и набрасывал портреты членов подозрительной группы, детектив просто коротал время в ближайшей пивной, поглядывая на часы и ожидая появления Санционаре после окончания представления, за что уже в понедельник утром, когда подробный рапорт Фроума лег на стол инспектора Энгуса Кроу, удостоился от последнего строгого выговора.

Глава 12 СВАДЬБА

Воскресенье, 15 апреля — среда, 18 апреля 1894 года

Инспектор Энгус Маккреди Кроу прочитал рапорт Фроума только в понедельник утром, поскольку, несмотря на все неотложные дела, твердо соблюдал воскресенье как день покоя и отдыха. А еще он знал, что не может больше откладывать решение проблемы, олицетворяемой миссис Коулз.

Миссис Коулз всегда была женщиной милой, любящей, нежной и понимающей, однако в последнее время к ее страсти добавилась требовательность, а ласковые словечки, которые она нашептывала ему на ухо в минуты нежности, щедро пересыпались однозначными, бьющими в одну точку намеками и домогательствами. Не выражая этого напрямую, миссис Коулз давала понять, что готова либо потерять жильца, либо заполучить супруга. Некогда убежденный холостяк, Кроу пребывал в нерешительности: расставаться с уютно устроенным бытом не хотелось, но и обзаводиться женой, которая могла встать между ним и делом всей его жизни — восстановлением справедливости в отношении преступивших закон, —

инспектора тоже не тянуло.

Тем не менее, будучи человеком рассудительным, Кроу прекрасно сознавал, что дальнейшее затягивание с его стороны и уклонение от прямого ответа могут привести к неприятностям. И хотя логика подсказывала, что ему следует сосредоточиться на поисках правды относительно загадочной личности Мориарти, вопрос о Сильвии Коулз нельзя было откладывать вечно.

Руководствуясь этими мыслями, Кроу и предложил своей хозяйке провести воскресенье вместе, вдали от суеты. После ланча в доме 63 по Кинг-стрит, они прокатились на кэбе до Марбл-Арч, после чего неспешно прогулялись по Гайд-парку до Серпантина.

День клонился к вечеру, когда пара вернулась на Кинг-стрит, и Кроу, перебравший до того все мыслимые темы, кроме той, что не давала ему покоя, переступил-таки через себя, смилив гордыню и отринув сомнения.

— Сильвия, — грубовато начал он, — я хочу спросить тебя кое о чем. — Прозвучало это до невозможности банально, словно инспектор выдернул слова из какого-то дешевого романа. — Скажи, ты счастлива со мной?

— Энгус, тебе прекрасно известно, что я счастлива, но ты должен также знать, что у меня, как и всех, есть совесть. — Она мило улыбнулась.

— Вот об этом я и хочу с тобой поговорить. Счастье это, моя дорогая, не может продолжаться, если все будет идти так, как идет сейчас.

Засим последовала долгая пауза. Сильвия Коулз внимательно, с легким прищуром посмотрела на своего спутника.

— Да? — холодно, словно ожидая худшего, произнесла она.

— Я хочу сказать, моя дорогая... — Боже, подумал Кроу, я ли говорю это? — Я хочу спросить... Сильвия, окажешь ли ты мне честь, став моей женой?

Ну вот. Вылетело. Боже, сможет ли он когда-нибудь взять свои слова обратно?

— Энгус. — В глазах миссис Коулз блеснули слезы. — Энгус, дорогой. Как пишут в романах, я уже думала, что ты никогда этого не скажешь. Конечно, я выйду за тебя. Таково мое самое сокровенное желание.

И тут вдова убедительно продемонстрировала, насколько велика сила ее сокровенного желания.

Позднее у инспектора Энгуса Маккреди Кроу даже появились мысли, что, может быть, оно и к лучшему, что его холостяцкие деньки наконец-то истекли.

Явившись в воскресенье в Лаймхауз, Сэл Ходжес провела час в обществе Мориарти, потягивая шерри и решая деловые вопросы. Затем она отправилась навестить Спира.

— Бриджет, — ласково обратился к своей сиделке Спир, представив женщин друг другу, — будь добра, оставь нас с Сэл. Нам нужно обсудить с ней кое-какие вопросы.

— А при мне обсудить нельзя? — попыталась было возразить Бриджет.

— Нет, нет, нельзя. У нас приватные дела.

— Я уйду, — бросила сердито Бриджет, — но не забывай, что я не служанка какая-нибудь, как Фанни. Я кусалась, обдираала ногти, дралась и воровала не хуже всех остальных. И если у меня пытаются отнять что-то мое, то я и убить за это могу. — Она порывисто поднялась и, раскрасневшаяся от сдерживаемой злости, вылетела из комнаты.

— Твоя? — любопытствовала Сэл, присаживаясь на стул у кровати. В том мире, который назывался семьей Мориарти, Спир был последним мужчиной, который, по ее мнению, мог бы соблазниться хорошеньким личиком.

— Вроде бы да.

— Имей в виду, если когда-нибудь захочешь от нее избавиться, у меня для девочки с норовом местечко всегда найдется.

— Сильно сомневаюсь, что от нее получится избавиться. Она как репей, Сэл, прицепилась крепко. Может, мне на беду. Но давай об этом не будем.

— Тебе уже лучше?

Спир посмотрел на свои перебинтованные руки.

— Пользоваться ими, как хотелось бы, еще не могу, но мне уже лучше. Ты часто бываешь в своем заведении на Беруик-стрит? — Мышца на правой щеке дрогнула, и уродливый шрам проступил лиловым рубцом.

— Пару раз в неделю, а что?

— Я посылал туда кое-кого в прошлое воскресенье. Послушай, Сэл, мне хотелось оказать Пипу Пейджету и Фанни небольшую услугу. Фанни потеряла хорошее место из-за одного охочего до сладкого дворецкого. Звать его Хейлинг. Я думал подловить его, оставил записку — мол, Фанни будет в заведении на Беруик-стрит. Хотел прийти пораньше да приглядеть, чтобы его угостили. А вышло так, что эти дьяволы, Грин с Батлером, по пути меня и перехватили.

— Приходил твой Хейлинг. — Сэл усмехнулась. — Я была там в понедельник и слышала про него от Дельфины. Поначалу, конечно, разозлился из-за того, что девочки ни про какую Джонс и не слыхали, но потом Дельфина его успокоила. Пыжился, как паровоз.

— Если вернется, ты можешь устроить так, чтоб его маленько проучили?

— Придется заплатить ребятам. Да и неприятности мне лишние не нужны.

— Двадцать гиней? — предложил, вскинув вопросительно бровь, Спир.

— Должно хватить.

Спир указал забинтованной рукой на стоявший у окна старый комод.

— Там. В верхнем ящике. Возьми.

Бриджет вернулась ровно в тот момент, когда гостя уже уходила, и элегантная, утонченная мадам не устояла перед искушением выпустить парфянскую стрелу.

— Передам девочкам, Берт, что ты всех их любишь.

— К черту девочек.

— Они очень по тебе скучают.

— Ты просто сделай, что я просил.

— И о чем же это ты просил? — поинтересовалась Бриджет, как только за Сэл закрылась дверь.

— Ты уже ревнуешь, а я ведь мы с тобой еще и джигу на нашем тьюфяке не сплясали.

— Ничего, Берт Спир, ты себя еще покажешь, да и я кое-чему тебя поучу. Так что эта сучка должна для тебя сделать?

— Ну, раз ты так хочешь знать, скажу. Готовит свадебный подарок для Пипа Пейджета и Фанни Джонс.

— Я бы и сама приготовила.

— Тебе выходить не разрешается, и ты прекрасно это знаешь. В любом случае подарок особенный, и приготовить его может только Сэл.

Бриджет одарила его сияющей улыбкой.

— И что ж это такое? Что-то, на чем Пейджет сможет попрактиковаться?

— Хватит. Прекрати! — прикрикнул Спир и, тут же смягчившись, добавил: — Не считаешь мне?

— Могу предложить кое-что получше. — Она соблазнительно выпятила бедро.

— Твоими б ляжками да орешки щелкать.

— А я и пощелкаю, Берт Спир. Твои орешки. Когда захочу, я — большая мастерица по части орешков.

Обращаясь с письмом к Доктору Ночь, иллюзионисту, Мориарти поставил адрес своего бывшего дома на Стрэнде. Письмо было короткое: воздав должное мастерству фокусника, Профессор просил доктора о встрече — «обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес». Не уточняя, в чем именно состоит его интерес, Мориарти предлагал выплатить значительную сумму в обмен на некоторые профессиональные секреты Доктора Ночь. Идея захватила его и не отпускала, как будто трюки и уловки иллюзиониста могли укрепить его личную власть. Мечтая об этой власти, Мориарти тем не менее не забывал и о повседневных

делах.

Дождаясь возвращения Эмбера — именно ему было поручено доставить письмо и принести ответ иллюзиониста, — Профессор перебирал в уме неотложные вопросы.

На первом по важности месте стояла, конечно, приближающаяся свадьба Пейджета и Фанни Джонс, но событие это омрачало сознание того, что пробравшийся в Лаймхауз предатель до сих пор не изобличен.

С того самого момента, как Мориарти пришел к заключению, что среди его приближенных завелся отступник, за всеми четырьмя подозреваемыми было установлено наблюдение. Знание человеческой природы подсказывало, что виновный, по всей вероятности, раскроет себя каким-нибудь необдуманым поступком в самые ближайшие дни, возможно, еще до назначенной на вторник свадьбы.

Следующим по значимости считалось планируемое ограбление в Хэрроу. Еще утром один из взломщиков, Фишер, представил список того, что предполагалось вывезти из поместья Пиннера. Помимо прочего, список включал в себя редкие серебряные и золотые подносы, драгоценности на сумму по меньшей мере в 20 000 фунтов стерлингов, хранившиеся в сейфе «кантри джентльмен» работы фирмы «Джордж Прайс Лтд.» из Вулверхемптона, который стоял в кабинете на первом этаже, и несколько ценных предметов искусства, в том числе две картины Каналетто.

Судьба картин уже была решена: через несколько часов после ограбления картинам предстояло отправиться в Италию, где их сбытом занялся бы, согласно предварительной договоренности, Луиджи Санционаре.

Отодвинув все эти проблемы, Профессор переключился на принца Уэльского. Копии «Придворного циркуляра»⁶⁸ уже лежали у него на столе. Оставалось только определиться с местом, датой, временем, способом и тщательно все подготовить.

В самом начале десятого вернулся Эмбер, принесший адресованный Профессору конверт. Размашистый почерк отправителя украшали причудливые завитки.

Достопочтенный профессор,

Вы оказали мне великую честь, проявив интерес к практикуемому мною благородному искусству. Я буду безмерно счастлив познакомиться со столь почтенным джентльменом и обсудить «вопросы, представляющие взаимный интерес». Если вы сообразовите навестить меня в гримерной «Амальгамы» после моего последнего представления в среду вечером, то есть примерно в одиннадцать часов, я буду крайне рад вас видеть. Если указанное время не устраивает вас, возможно, вы предложите другое, дабы я постарался совместить его с моими планами.

Остаюсь, сэр,

Вашим покорным слугой,

Уильям С. Уозерспун
(Д-р Ночь)

Губы Мориарти сложились в кислую улыбку. «Мошенник, — подумал он. — Уильям С. Уозерспун. Доктор Ночь. Дешевый жулик».

«Напыщенный ублюдок», — подумала Дельфина Морчант. Ее клиент, мистер Хейлинг, с такой тщательностью причесывался перед зеркалом, как будто каждая прядь имела свое особенное место на лысеющей макушке. В постели он взялся за дело с похотливой живостью, хотя и в манере, несвойственной большинству мужчин, но, едва надев штаны,

⁶⁸ «Придворный циркуляр» — ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях; рассылается редакциям газет и журналов. Введен королем Георгом в 1803 году.

снова задрал нос, как какой-нибудь лорд или герцог. Господи, да были у нее и лорды, и герцоги, видные мужчины в отличие от этого стручка сушеного. И дело свое мужское делали получше.

— Можешь, если хочешь, остаться со мной на всю ночь, — соблазнительно шепнула Дельфина.

Сэл Ходжес как-то сказала, что сладкий голосок действует на мужчину так же возбуждающе, как и прочие женские прелести.

— Дитя мое, мне пора возвращаться. — Мистер Хейлинг взглянул на часы и с важным видом вернул их в кармашек. — Так что не получится. У меня свои обязанности перед слугами. Некоторые из них еще совсем молоденькие. На мне лежит большая ответственность. Приватные удовольствия не должны мешать исполнению общественного долга.

«Общественный долг, как же! — подумала Дельфина. — Плевать тебе на долг. И на слуг тоже. У тебя ж на физиономии написано, кто ты такой. Дворецкий и не больше того. Бедные девочки!» — Дельфина знала, каким адом может обернуться жизнь молоденькой горничной, если над ней стоит такой вот похотливый, двуличный, до невозможности придирчивый дворецкий. Напускная респектабельность, как густой клей, скрывает многие грешки.

Часы показывали десять, когда Хейлинг вышел из заведения на Беркуит-стрит и торопливо зашагал в сторону Парк-лейн, дабы укрыться за надежными стенами особняка Брэев. Он свернул налево, пересек Брод-стрит и направился в сторону Бруэр-стрит. Тумана не было, но над домами висела плотная завеса дыма, а по узким улочкам проплывет и сизые клочья смога.

Его встретили в переулке, неподалеку от Бруэр-стрит. Они появились внезапно, двое грубых парней размером, как ему показалось, с гориллу. Позднее полиция пришла к выводу, что имело место обычное ограбление, но Хейлинг, изувеченный на всю оставшуюся жизнь, имел на этот счет иное мнение. Они быстро сбили его с ног двумя или тремя ударами по голове, забрали бумажник и сорвали с цепочки часы. Хейлинг даже не пытался сопротивляться. Но потом, когда он уже лежал, беспомощный и с пустыми карманами, они не убежали, а нанесли еще несколько ударов ногами — по ребрам и ниже, — лишив остатков мужественности, но сохранив жизнь.

Известие о случившемся, переданное со всеми подробностями, немало порадовало Спира. Справедливость, как он представлял ее, была восстановлена, а тот факт, что Фанни Джонс и Пип Пейджет остались в полном неведении, доставлял ему дополнительное, тайное удовольствие. Больше эта мразь, этот до тошноты приторный мистер Хейлинг, не тронет уже ни одну служанку.

Свинина и говядина, куры, индюшки и кролики — все это доставили в Лаймхауз в понедельник утром. Фанни — на правах невесты — от кухонных работ освободили, а ее место заняла Бриджет, покинувшая своего подопечного с большой неохотой. Спиру наконец-то позволили встать с постели и перебраться в приготовленное специально для него кресло — от участия в празднике он не отказался бы даже в том случае, если бы ему пришлось спускаться вниз на оконном ставне.

Суэта на кухне, начавшая с раннего утра, постепенно набирала силу и ближе к вечеру достигла пика — одни готовили, другие неотступно следовали за ними, четко исполняя строгие инструкции и наблюдая за каждым движением поваров.

В полдень начали принимать вина: ящики с шампанским, не дошедшим до места назначения благодаря всевозможным хитростям и приемам, начиная от банальной взятки и кончая откровенным, в том числе с угрозой применения силы, грабежом.

В самом доме с утра трудилась бригада китаянок, привлеченная для тщательной уборки Ли Чоу. Из каморок и кладовых появлялись дополнительные лампы; их чистили, заправляли и развешивали в нужных местах. По всей длине этажа расставляли сколоченные наспех

столы, другие спешно устанавливали перед входом в «комнату ожидания».

После мужчин за дело взялись женщины — жены и подруги тех, кто считал себя членом семьи Мориарти, принесли охапки весенних цветов и гирлянды и принялись украшать интерьер, являвший собой дотоле весьма унылую картину. Масштабы происходящего ясно показывали, что Мориарти намерен отметить важное для Пейджета и его невесты событие по всем правилам и с размахом.

Тем не менее бизнес шел своим чередом. Утром Профессор провел совещание с тремя оставшимися «гвардейцами», пригласив также Паркера и братьев Джейкобс, которые явно играли все более значительную роль в структуре власти. Потом ему пришлось разбираться с просителями. Сам Пейджет принимал денежные подношения от сборщиков, сутенеров и всех тех, кто по обычаю выходил на улицы по уикендам — выколачивать положенную дань, поступающую регулярно в казну Мориарти.

Во второй половине дня Пейджет, выбрав момент, когда Профессор остался один, заглянул в его апартаменты.

— Хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали для нас с Фан, — почтительно обратился он к патрону.

Мориарти поднял голову. Взгляд его был серьезным и настороженным.

— Так и должно быть, Пейджет. Как-никак ты со мной уже давно, и сейчас я доверяю тебе больше, чем другим. Надеюсь только, что эта женщина не станет такой же, как большинство из них, и никогда тебя не подведет.

Тень беспокойства на мгновение омрачила лицо Пейджета; предатель оставался нераскрытым, и подозрение, висевшее, в том числе, и над Фанни Джонс, не давало ему покоя.

— Не могу поверить, что это она. — Смелые слова, но в глазах еще пряталось сомнение. — Что касается вашего доверия, то я стараюсь его оправдать, но есть одно дело, о котором я должен с вами поговорить.

Голова Мориарти качнулась, лицо потемнело, оповещая о грозе, которая могла разразиться, если Пейджет бы высказал несогласие с каким-то из задуманных и тщательно разработанных проектов.

— Продолжай. — Голос прозвучал холодно, подстать колючему, ледяному взгляду.

Пейджет собрал в кулак все свое мужество. Промолчать он не мог, это было бы неправильно.

— Я много всякого сделал. Профессор, и еще много чего сделаю. Вы и сами знаете. Воровал, наказывал отступников, долги выколачивал, даже убивал. Но не просите меня выполнить то, что вы пообещали тем джентльменам с континента.

— Почему же?

— Не могу, вот и все. На принца Уэльского у меня просто рука не поднимется.

— Сантименты, — отрезал Мориарти. — Ты такой же, как и все остальные. Воры, грабители, убийцы — однако ж королевская семья — для них святое. Сантименты и предрассудки. — Он коротко усмехнулся. — Но можешь не беспокоиться. Участвовать в уничтожении Берти Уэльского тебя никто просить не станет. Это мое личное дело, и я сам займусь им. А теперь ступай — у тебя сегодня особенный день.

Явившись в понедельник утром в Скотланд-Ярд, инспектор Энгус Маккреди Кроу не стал никого оповещать о своем решении расстаться с холостяцкой жизнью. Узнают и без него, решил он. Тем более что миссис Коулз уже потребовала разместить объявление в соответствующей колонке «Таймс».

Все мысли о будущих матримониальных волнениях вылетели, однако, из головы, когда он увидел на столе рапорт детектива Фроума. В обычных обстоятельствах документ никогда бы не дошел до Кроу, но его заместитель, увидев карандашный набросок, сразу понял, что молодой детектив запечатлел, помимо прочих, самого профессора Джеймса Мориарти.

В том, что ошибки нет, и что Фроум увидел именно Мориарти, инспектор не

сомневался — сходство было полное, именно таким его и описал Холмс. Сообщение сильно обеспокоило Кроу, поскольку указывало на возможный масштаб преступной деятельности Мориарти. Рядом с ним в ложе «Альгамбры» сидели Луиджи Санционаре и спутница последнего, Ад ел а Асконта. На лице девушки застыло недоуменное выражение, голову она слегка склонила набок. Остальные, насколько мог судить Кроу, тоже были иностранцами.

Передав дело заместителю, инспектор после недолгих размышлений распорядился сделать с наброска копии и разослать их коллегам на континенте с просьбой провести идентификацию прочих спутников Мориарти. Затем он вызвал детектива, наблюдавшего в день спектакля за Санционаре. Но время было упущено: итальянцы еще утром покинули «Вестминстер Пэлас» и сели на поезд, направлявшийся, согласно расписанию, в Рим через Париж. Как говорится, поздно запирать стойло, когда лошадка сбежала.

Тот факт, что Мориарти открыто принимал в столице неких иностранных преступников, наводил на определенные размышления, и Кроу не понадобилось много времени, чтобы вывести логическое заключение: скорее всего, на встрече обсуждалось какое-то крупное ограбление. Или же, что намного хуже, речь шла о создании союза криминальных элементов всей Европы.

Что же делать? Объявить полномасштабные поиски Мориарти? Схватить его и задержать, предъявив обвинение по старому делу мадам де Гонкур? Соблазн поступить именно так был велик, но Кроу понимал, что любой опытный адвокат без особого труда снимет со своего клиента такое обвинение и вытащит его из-за решетки. В лучшем случае они продержат Мориарти день или чуть больше. Что это дает? Практически ничего. Нет, решил инспектор, его настоящий шанс — продолжать игру и ждать.

Во второй половине дня с докладом явился Таннер. Накопать удалось немного. Согласно собранным данным, профессор Мориарти оставил академическое поприще не по собственному желанию, а в связи со скандалом, в который были замешаны двое учеников. В университете полагали, что уехал он в компании младшего брата, несколько раз посещавшего его на съемной квартире.

О семье Мориарти также удалось узнать немного. Детство его прошло в Ливерпуле, где он жил с матерью и двумя младшими братьями, тоже Джеймсами. Один из них служил в 7-м уланском полку, о другом известно было еще меньше — вроде бы он ушел из дому и поступил на работу в «Западной железнодорожной компании», где, что удивительно, никаких следов служащего с такой фамилией не обнаружилось.

Возможно ли такое? Как вышло, что младшего брата не смогли найти? И что дальше?

Кроу пришлось вернуться к началу. Если Профессор может появляться в двух обличьях, не следует ли из этого, что тот Мориарти, которого они ищут, есть на самом деле младший брат знаменитого ученого? После недолгих раздумий Кроу отдал Таннеру указание продолжать поиски фактов, имеющих отношение к Джеймсу Мориарти-младшему.

Далее внимание инспектора привлекло сообщение о назначенной на следующий день церемонии бракосочетания с участием небезызвестного Пипа Пейджета. Провести церемонию должен был викарий прихода Святого Андрея. Сообщение поступило от немолодого, около сорока, сержанта с немалым опытом работы в закрытом для посторонних районе доков.

Вполне естественно, что инспектору захотелось разузнать об источнике информации. Разговор с сержантом затянулся едва ли не на целый час, но сержант, как и любой хороший детектив, уперся и имя своего осведомителя не назвал.

— Поймите, сэр, там очень нелегко. Можно работать в самой гуще самых отъявленных злоумышленников и ничего ни о чем не знать. Приходится полагаться на удачу. Могу только сказать, что этот Пейджет — здоровенный парень с большими связями, и завтра его окольцуют. По всем правилам. Как положено. Что до моего осведомителя, то раньше я никогда ничего от нее не получал, но эти сведения, похоже, верные. Мне показалось, что она нервничала, пока со мной разговаривала, боялась, что за ней следят, а еще что у нее вроде как зуб против кого-то, но это уж только моя интуиция, не более того.

— В интуиции ничего плохого нет, особенно если ее подкрепляют здравый смысл и логика.

Сержант рассмеялся.

— Вот только с женщиной логика и здравый смысл плохо совмещаются.

Разговор с сержантом снова вернул инспектора к невеселым мыслям о близком расставании с собственной свободой. Похоже, свадьбы входят в моду, невесело подумал он и решил, что обязательно прокатится в Лаймхауз и посмотрит, как все пройдет у Пейджета и его невесты. В крайнем случае, понаблюдает со стороны, как это бывает у других.

Влияние Мориарти никогда и никем под сомнение не ставилось, и тот факт, что он сумел организовать свадьбу без такой формальности, как трехкратное оглашение имен жениха и невесты, никого не удивил и был воспринят как должное. Никто не спрашивал, за какие ниточки и на каком уровне ему пришлось подергать. Никто не задавался вопросом, какие способы убеждения несговорчивых были задействованы. Профессор лишь объявил, что церемония состоится в церкви Святого Андрея в одиннадцать часов, и что присутствовать на ней смогут лишь немногие — в отличие от неофициальных торжеств на первом этаже склада.

Как всегда, распоряжения Профессора были строго исполнены, так что без пяти минут одиннадцать у входа в церковь собралась лишь небольшая группа особо доверенных лиц. Пейджет сидел на передней скамье вместе с Паркером — свежим, прилично одетым, чисто выбритым и вообще имеющим вид почти респектабельный, — выбранным на роль шафера. Спиру прийти в церковь не разрешили, но Бриджет, Кейт Райт и ее муж присутствовали, как и Эмбер, Ли Чоу и пара парней Терреманта. Никакой суеты, никакого хора, никакого органа — дабы не привлекать к церемонии ненужное внимание. Музыка, танцы, шумные поздравления — все это было оставлено на потом, когда запертые двери склада скроют веселье от посторонних глаз.

Паркер заранее расставил своих сычей на ближних подходах к церкви, но никто из них не стал особенно приглядываться к горстке старушек и паре грубоватой наружности мужчин в рубчатом плесе и с красными платками на шеях, сидевших на задних скамьях. Свадьбы, крещения и похороны всегда привлекают любителей порадоваться и поплакать с людьми, которых совсем не знают.

Энгус Кроу чувствовал себя неловко в непривычном облачении — казалось, все только на него и смотрят, — но сопровождавший инспектора детектив заверил шефа, что уж за полицейского его наверняка никто не примет.

Ровно в одиннадцать у алтаря появился викарий. Пейджет поднялся и, подталкиваемый Паркером, занял свое место.

Они шли по главному проходу. Фанни, сосредоточенная, с сияющим лицом за белой кружевной вуалью, в платье — белый шелк, короткий шлейф и закрытая кружевная пелерина, — на которое ушли долгие часы кропотливого труда. Невеста выглядела трогательно хрупкой рядом с мужчиной — высоким, с горделивой осанкой, слегка сутулым, — на руку которого опиралась. Мориарти был без перевязи, которую снял впервые со времени покушения. За ними, заметно нервничая, шла Мэри Макнил, на плечи которой свалились обязанности подружки невесты.

Кроу наблюдал за происходящим во все глаза. В первую очередь его внимание привлек сопровождавший невесту мужчина. Мориарти он видел впервые, и все происходящее выглядело нереальным, словно перед ним разыгрывалась сцена из какого-то романа.

Свадебная процессия остановилась, жених и невеста неуверенно переглянулись, и викарий заговорил:

— Дорогие возлюбленные, мы собрались здесь, пред ликом Господа и сего собрания, дабы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака...

Не слушая священника, Кроу не спускал глаз с Мориарти, и им овладевало странное, гнетущее и тяжелое чувство. Само присутствие здесь, в священном месте, такого человека

ложилось на торжественную церемонию черной тенью. Казалось, Мориарти окружен огромным морем невидимого зла. Зла, исходящего от него самого. В воображении инспектора вспыхивали необычайно яркие картины с громадными, бьющимися о неуступчивые камни волнами. Камни — это церковь, подумал он, противостоящая наступлению злых сил.

Жених и невеста последовали за викарием в ризницу, и в этот момент Мориарти обернулся, и тяжелый взгляд его глубоко посаженных глаз впился в Кроу. В какой-то момент у инспектора возникло ощущение, что взгляд этот проникает в голову и пронзает мозг. По спине как будто пробежали ледяные пальцы.

Когда счастливая пара вернулась из ризницы, Кроу, присмотревшись внимательнее, с удивлением обнаружил, что, во-первых, жених, Пейджет, наверняка запечатлен на рисунке детектива Фроума, сделанном в зале «Альгамбры», и что, во-вторых, невеста, счастливая и обворожительная, с откинутой назад вуалью, подходит под описание молодой женщины, навещавшей полковника Морана в тюрьме на Хорсмангер-лейн и принесшей в камеру корзинку с отравленными продуктами.

Хотя Кроу и не стал задерживаться в церкви, выйдя, он обнаружил, что вся компания исчезла без следа, растворилась в одном из переулков подобно плывущим в воздухе струйкам дыма. Как будто ее и не было. Во второй раз за утро инспектора посетило ощущение нереальности, призрачности всего случившегося.

Увиденное вполне укладывалось в логику рассуждений, и хотя в облике Профессора Кроу не обнаружил ничего странного — например, использования грима и прочих средств маскировки, — он окончательно уверился, что ответ на одну из проблем кроется в связи между Мориарти, профессором математики, и Мориарти, младшим из братьев. Не сомневался инспектор и в том, что Пейджет служил не только Морану, но и Мориарти. Необходимо, решил он, поговорить и с женщиной, свежее испеченной миссис Пейджет. В том, что служанка, приходившая в тюрьму на Хорсмангер-лейн, и невеста Пейджета одно и то же лицо, Кроу был теперь уверен.

Но что делать дальше? Какую стратегию избрать? Выбрать было нелегко. Прежде всего, как найти этих людей в запутанном лабиринте улочек и переулков Ист-Энда? И даже если удастся найти, можно ли их задержать? Если Мориарти и впрямь настолько влиятелен, как говорил Шерлок Холмс, то его охраняет едва ли не целая армия. А сколько у него путей отступления? Так что же, ждать, когда он появится снова? Объявить Мориарти в розыск? Нет, такой вариант ненадежен. Мориарти узнает о принятом решении через час и затаится. И тогда его просто не найти.

Пожалуй, решил Кроу, возвращаясь в кэбе в Скотланд-Ярд, лучше всего сейчас ничего не предпринимать. Подождать. Рано или поздно Профессор или кто-то из его подручных должен проявить себя. В сумерках отчаяния забрезжил лучик света. Ответы были рядом, близко. Оставалось лишь набраться терпения. Когда-нибудь злодей поднимет голову, высунется из своего мира и попадет в мир Кроу.

Таким склад еще никто не видел. В воздухе стоял аромат цветов, горели лампы, повсюду царило веселье. Отыскать свободное место было проблемой; казалось, вся огромная семья Мориарти собралась здесь, чтобы засвидетельствовать свое почтение и отметить торжественное событие в жизни Пейджета.

Новобрачные сидели за столом, установленным в «комнате ожидания», вместе с Мориарти, Эмбером, Ли Чоу, братьями Джейкобс, Терремантом и Спиром. Справа на небольшом помосте расположились музыканты — пара скрипок, корнет, два банджо, цитра и аккордеон, — готовые разразиться «Счастливой селяночкой», «Иль Корриколо» и «Моной», а потом, когда веселье будет в полном разгаре, добавить огоньку под «Хмельной Хэмпстед», «Топают ножки по Кентской дорожке» и «Моя старушка — голландская кружка».

Ровно в двенадцать ворота закрыли и заперли — все расселись по местам. После полудня, согласно распоряжению Мориарти, доступ был закрыт.

Растянувшиеся по левой стороне столы ломились от угощений: пирогов и заливного, холодных кур и индюшек, ветчины и пикулей. В центре высился трехъярусный торт. Пили шампанское и эль. Закусывали пирожками, бисквитами и заливным. Человек со стороны, наверное, немало бы удивился, увидев все это — казалось, разношерстная компания пытается копировать манеры, стиль и этикет средних классов.

В еще большей степени это подтверждали и выложенные на другом столе свадебные подарки. Каждый приносил что-то свое, но, кроме одной или двух оригинальных вещей, на всем лежала печать одинаковости. Золотые цепи соседствовали с браслетами и ожерельями, украшенными жемчугами и алмазами; броши — с представленными во множестве колечками; золотые печатки — с подвесками в виде сердечка и золотыми булавами для шейного платка. Серебряных карандашей набралось бы с дюжину, золотых было четыре. Часы — как мужские, так и женские — со всевозможными приспособлениями. Два набора антикварных ложечек для фруктов. Массивная серебряная щетка для волос — в футляре. Пара полевых биноклей. Флаконы «Ройял Перфьюмерис Шипр» и «Нью-Моун Хей».

В целом почти все подарки имели общее свойство: их можно было легко убрать в карман или же быстро изъять из кармана законного владельца. Крупные преподнес сам Профессор: галантерейный набор для Фанни, включавший в себя так же и все те мелочи, которыми постоянно пользуются женщины, и несесер из марокканской кожи с бритвами и прочими принадлежностями — для Пейджета.

Гости, заполнившие склад, являли собой странное собрание: с одной стороны, модно — а некоторые и со вкусом — одетые мужчины и женщины; с другой, наряженные пестро и даже кричаще. Некоторые выглядели нелепо в деловых костюмах; другие, одетые скромно и с достоинством, могли быть людьми свободных профессий, врачами, банкирами и даже политиками. Две эти большие группы плохо сочетались с остальным народом — грубоватым, в поношенных одеждах и стоптанной обуви, с теми, кого ежедневно встречаешь на улицах как Иста, так и Вест-Энда.

Самым необычным для постороннего было то, что все они, при всех их различиях, легко смешивались, общались, смеялись и шутили. Украшенный синяками задира весело трепался с элегантным джентльменом; легко узнаваемая уличная красотка строила глазки пожилому мужчине, который как будто пришел с Биржи; стройная леди в фасонистом платье чокалась с молодым человеком, в котором даже неискушенный признал бы личность с весьма сомнительными привычками.

Пейджет и Фанни словно и не замечали толпы, отвлекаясь только тогда, когда кто-то из служащих Мориарти — а здесь все в той или иной степени служил ему — подходил к столу с поздравлениями, засвидетельствовав прежде свое почтение самому Профессору.

И все же где-то в уголке сознания Пейджета застряли и не давали покоя, как двурогая колючка, тревога и отчаяние. С одной стороны, их с Фанни окружала необыкновенная атмосфера тепла, доброжелательности и нежности; с другой, он никак не мог отделаться от мысли, что его невеста может быть той, которая, подобравшись так близко к Мориарти, уже предала однажды и готова сделать то же самое еще раз. А еще Пейджета никак не оставляло ощущение беспокойства, впервые проявившегося в Хэрроу и с тех пор присутствовавшего в форме постоянно крепнущего понимания, что нынешняя жизнь никогда и ни при каких обстоятельствах не приведет к тому счастью, которого он страстно желал для них обоих.

Сидевший рядом Мориарти принимал подходивших к столу гостей на манер великодушного отца-покровителя: пожимал протянутые руки или принимал объятия, выслушивал любезности или просьбы, сохраняя при этом ту твердую, непоколебимую концентрацию, которую демонстрировал всегда. Однако же за привычной маской спокойствия крылась глубоко проникшая тревога. Похоже, никто не обратил внимания на двух мужчин, сидевших во время церемонии на задних скамьях. Он заметил. Заметил и учуял опасность. Это седьмое чувство, способность чутко опасность, пробуждалось в нем и раньше, когда Холмс подбирался слишком быстро. Мориарти не сомневался — эти двое из полиции, и один из них, вероятно, и есть тот самый Кроу.

Он прошел взглядом по приближенным, сидевшим вместе с ним и молодоженами. Спир, похоже, веселился вовсю, но на лице еще темнели синяки, и руки выглядели далеко не лучшим образом. Потребуется еще какое-то время, прежде чем он сможет пользоваться ими должным образом. Профессор вздохнул. Пейджет... Несомненно, лучший из всех, но эта сияющая от счастья юная леди, Фанни Джонс, взяла его, как говорится, за яйца, а мужчины, увы, слишком легко становятся рабами женщин. Хорошо бы Спир поскорее поправился.

Веселье продолжалось, музыка вливалась в головы, еда и вино наполняли животы, вселяя обманчивое ощущение безопасности. Расслабились даже экзекуторы, а расставленные Паркером снаружи соглядатаи понемногу уставали, с завистью и досадой косясь на двери, за которыми гуляли счастливики.

За столами начали петь, кто-то вышел танцевать, и вскоре весь этаж задрожал, повторяя ритм музыки и топчущихся ног.

Женщина пробивалась через разгоряченную толпу, останавливаясь на секундочку, чтобы переброситься парой фраз с одним, обменяться шуткой с другим, чмокнуть в щеку третьего. Никто не обратил внимания, когда она подошла к двери в надежно запертых воротах; никто не забеспокоился — даже если бы и увидел, — когда она отодвинула засовы и открыла замок.

Ближе к вечеру к затянувшему улицы дыму добавился туман; все, что было дальше двух ярдов, скрылось в густой колышущейся мгле, искажавшей звуки шагов, заглушавшей эхо и сбивавшей с толку пешеходов.

Двое мужчин вышли из запряженного парой серых аккуратного экипажа в трех сотнях ярдов от арки и ведущего к складу переулку. Двигались они бесшумно, держась в тени, прижимаясь к стенам, проскакивая между темными сгустками дыма и тумана наподобие бестелесных призраков.

Достигнув наконец арки и пройдя еще немного по переулку, они оказались перед складом.

— Как думаешь, ключ она уже раздобыла? — шепотом спросил один, взглядываясь сквозь мглу в лицо спутника.

— Если нет, придется подождать, — ответил другой.

Проскользнув неслышно на открытое место, они приблизились к воротам. Первый прижался к доскам и, вытянув руку, сжал железное кольцо задвижки и осторожно дернул. Из-за дверей, окон и даже стен доносились звуки веселья.

Задвижка поддалась. Дверь чуточку приоткрылась.

— Как войдем, действовать быстро, — выдохнул тот, что держал задвижку. — Готов?

Напарник кивнул, и они сбросили пальто, под которыми обнаружили модные, длинные, ниже колен, серые сюртуки. Оба носили бороду, волосы обоим тронула седина, и выглядели они почти прилично.

Первый оглянулся, еще раз кивнул, перевел дыхание и резко толкнул дверь. Через несколько секунд они уже были внутри и быстро, так что заметили новых гостей лишь немногие, смешались с шумной толпой.

Бородачи поели курицы, выпили по паре стаканов вина и незаметно просочились мимо танцующих и беззаботно болтающих, достигнув наконец удобной для наблюдения позиции справа от главного стола. Момент был выбран верно — Мориарти живо обсуждал что-то с двумя мужчинами, в которых новые гости узнали взломщиков, Фишера и Гэя. Как и прежде, крадучись, пара чужаков прошмыгнула в дверь, ведущую из «комнаты ожидания» в апартаменты Профессора, и, бесшумно ступая по деревянным ступенькам, поднялась наверх.

Между тем гулянка продолжалась, и Мориарти знал, что если пустить дело на самотек, веселье затянется до утра. Будучи, однако, человеком, у которого на первом месте стоят интересы организации, он намеревался закончить все к восьми вечера. Часы уже показывали семь, а потому Профессор наклонился к Пейджету и, не привлекая внимания, посоветовал

ему удалиться с супругой в брачные покои.

Пейджет, в обычных обстоятельствах сдержанный и немногословный, на этот раз не удержался от грубоватой шутки и заметил, что все, полагающееся новобрачным, они давно уже выполнили. Реплика эта была встречена с явным неодобрением. Мориарти ответил холодно, ясно дав понять, что независимо от всего прочего, официально это их брачная ночь, а потому им, из уважения к заключенному добровольно союзу, надлежит хотя бы исполнить, как он выразился, «положенный постельный ритуал».

— Если я не выставлю отсюда этих гуляк, все они перепьются, и никакой работы завтра не будет. Так что отправляйтесь, оба.

Попытка новобрачных откланяться вызвала, однако, такой взрыв смеха, сальных шуточек и восторга, что прошло еще добрых полчаса, прежде чем они распрощались наконец с гостями, пробились через заполнившую «комнату ожидания» толпу и прошли по коридору к винтовой лестнице, что вела на второй этаж и в комнату Пейджета.

Мориарти тут же сделал знак Терреманту, и те из экзекуторов, которые еще не слишком накачались, принялись понемногу подталкивать гостей к выходу.

Многие из постоянных обитателей склада уже достигли определенных договоренностей с присутствовавшими на празднике дамами, и это означало, что отыскать свободное помещение в предстоящую ночь будет пожалуй, невозможно.

Общая атмосфера вкупе с выпитым подействовала даже на Сэл Ходжес. Раскрасневшаяся, она подошла к столу Мориарти и, наклонившись, прошептала ему на ухо:

— Ты говорил, что был бы не прочь сплясать со мной джигу, так почему бы не сегодня? Избавься от этой куколки Мэри, и я покажу тебе такое, что ты не скоро забудешь.

Мориарти похотливо усмехнулся.

— Сэл, по-моему, мы слишком давно не играли с тобой в две руки. — Он оглянулся и, поймав взгляд Кейт Райт, жестом подозвал ее к себе.

Кейт торопливо подошла.

— Убери Мэри, — негромко сказал Профессор. — Пусть ее возьмет сегодня Терремант или кто-нибудь еще. Разведи огонь и зажги лампы в моей спальне.

Лицо домоправительницы выразило некоторое удивление, но уже в следующую секунду она понимающе усмехнулась, кивнула и, повернувшись, прошла мимо Спира, поднимавшегося со своего места с помощью не отходившей от него ни на шаг Бриджет.

В то время как гости мало-помалу и весьма неохотно покидали склад, Пип Пейджет на своей кровати обнимал уже не любовницу, а законную жену.

— Знаешь, Фан, я, наверное, люблю тебя, — прошептал он. — И как оно тебе теперь?

Она подняла голову и нежно поцеловала его в щеку.

— Вообще-то, дорогой, я пока еще ничего не почувствовала. Попробуй еще раз, а я постараюсь быть повнимательней.

Оба рассмеялись.

— Нет, правда, — сказал он через какое-то время, — тебе нравится здесь? Ты хотела бы здесь остаться?

Она ответила не сразу.

— Да, мне здесь нравится, и я хотела бы жить здесь с тобой, заботиться о тебе. Но меня беспокоит то, чем тебе приходится заниматься. Думаешь, это навсегда? А вдруг с тобой случится что-то? Как со Спиром? Что тогда? Я просто не представляю. А если тебя схватит полиция? Меня, после того как побывала на Хорсмангер-лейн, до сих пор кошмары мучают. Если ты попадешь в тюрьму, я этого не вынесу.

Пейджет промолчал, так и не решившись поделиться с женой своими тревогами и мыслями.

Не прошло и нескольких минут, как кто-то забарабанил в дверь, а в коридоре послышались громкие крики. Склад уже почти опустел, когда миссис Райт, спустившись, сообщила Профессору, что в его спальне все готово.

— Я положила на кровать чудесную батистовую сорочку.

Она многозначительно взглянула на Сэл Ходжес, которая лишь улыбнулась в ответ. Профессор поднялся и, предложив Сэл руку, повел ее к лестнице.

Что-то не так... Мориарти понял это, едва переступив порог спальни. Запах опасности. Особое, седьмое чувство, отточенное за годы двойной жизни, сработало как сигнальный колокольчик. Этот «звонок» и дал Профессору некоторое преимущество: он прыгнул вперед, и два ножа рассекли только воздух.

Они поджидали его, встав по обе стороны от двери, и, промахнувшись, на мгновение потеряли равновесие.

Воспользовавшись замешательством двух своих противников, Мориарти с удивительной живостью метнулся к письменному столу, рванул на себя ящик и схватил выкованный в Толедо стальной кинжал, подаренный испанцем Зегорбе. Наверное, он предпочел бы холодному оружию автоматический пистолет, но тот, к сожалению, хранился под замком.

В следующее мгновение он уже повернулся лицом к врагам и замер в классической позе: правая, ударная, рука опущена, ноги расставлены и слегка согнуты в коленях.

— Ну, теперь-то вам конец, — прошипел Мориарти, узнав за приклеенными бородами физиономии Майкла Грина и Питера Батлера, которые медленно расходились от двери с явным намерением взять своего противника в клещи и атаковать одновременно с флангов.

Мориарти отступил, выигрывая пространство для маневра, ограниченное, впрочем, находящимся у него за спиной камином.

Батлер и Грин наступали молча — первый, хищно пригнувшись, второй — с улыбкой, перебрасывая нож из руки в руку с расчетом смутить противника. Отступая и понемногу забирая влево, к двери, Мориарти приходилось наблюдать за обоими.

И тут с лестницы донесся грохот.

Миг растерянности и неожиданный для врагов прыжок Мориарти вперед дали Сэл Ходжес возможность подумать и принять правильное решение. Мозг ее, слегка затуманенный шампанским, отреагировал не так быстро, как сработал бы в иных обстоятельствах, так что какие-то секунды она потеряла. Оценив наконец ситуацию и сообразив, что от нее требуется, Сэл повернулась и устремила вниз по лестнице.

Она почти добралась до подножия, когда увидела стоящую посередине «комнаты ожидания» и прислушивающуюся к доносящимся сверху звукам Кейт Райт.

— Кейт! Кейт! — закричала Сэл. — Быстрее! Профессор. Они его убьют!

Но вместо того чтобы предпринять какие-то действия, по крайней мере позвать на помощь, Кейт повернулась и направилась к лестнице, сжимая в правой руке подсвечник.

Сэл оставалось пройти еще две ступеньки, когда до нее дошел смысл происходящего, но к этому моменту Кейт уже преодолела разделявшее их расстояние и, вскинув руку, изготовилась нанести удар.

— Заткнись, подстилка. Что заслужил, то и получит.

— Ах ты тварь! — взвизгнула Сэл и, поддернув повыше юбки, выбросила вперед обтянутую шелковым чулком ногу. Острый мысок сапожка угодил противнице в живот.

Удар достиг цели. Кейт охнула и завалилась на спину, а Сэл, потеряв равновесие, кувыркнулась и рухнула на нее сверху.

Между тем наверху Мориарти нащупал дверную ручку и, резко ее повернув, сделал шаг назад. Грин и Батлер прыгнули, но Профессор снова был проворнее и, уклонившись, отскочил в сторону. Его бородатые противники снова столкнулись в дверном проеме.

Быстро оглянувшись, Мориарти отступил к уже расстеленной кровати, поперек которой лежала батистовая, вся в кружевах и оборках — как и говорила Кейт Райт — ночная сорочка. Подхватив ее левой рукой, Мориарти повернулся навстречу Питеру Батлеру, выбравшему именно этот момент для решающего выпада. Направленный под ребра нож, однако, пронзил лишь нежную ткань, усладу для Сэл Ходжес.

Воспользовавшись тем, что лезвие запуталось в сорочке, Мориарти резким рывком вынудил Батлера сделать шаг вперед и прямым ударом от плеча вонзил острую, как бритва, толедскую сталь противнику в живот.

Батлер успел лишь вскрикнуть, пронзительно и коротко, и отшатнулся. В следующий момент в горле у него заклокотало, и Мориарти вырвал кинжал из раны.

Тем временем схватка продолжалась и внизу, на полу «комнаты ожидания», где сцепились Сэл Ходжес и Кейт Райт. Отчаянно барахтаясь, женщины демонстрировали не только ноги, но и подвязки, а Сэл даже белые панталоны с кружевными оборками. Сопя, пыхтя и мутузя друг дружку, соперницы сражались за единственное подручное оружие, которое все еще сжимала в руке Кейт Райт.

Наверху, в спальне, Мориарти и Майкл Культяшка замерли один против другого по обе стороны от притихшего Батлера.

— Ну же, Культяшка, смелей! — подбадривал врага вдохновленный победой Мориарти.

Грин сохранял спокойствие и переходить к активным действиям не спешил. Пригнувшись, изготавившись к прыжку, он понемногу смещался влево, чтобы не оказаться спиной к двери, шум за которой становился все сильнее.

Вцепившись в руку противницы пониже запястья, Сэл изо всех сил пыталась удержать ее, не дать Кейт Райт размахнуться и использовать тяжелый бронзовый подсвечник не по прямому назначению. Другой рукой Сэл старалась схватить Кейт за горло, но та успешно отбивалась свободной левой, не стесняясь пускать в ход зубы и ногти. В какой-то момент домоправительница, собравшись с силами, рванулась в сторону, высвободилась, отбросила Сэл и занесла руку для последнего удара. Понимая, что все кончено, Сэл изловчилась и, выгнувшись, схватила Кейт за ногу и дернула.

Кейт вскрикнула и выпустила подсвечник, упавший на каменный пол в дюйме от головы Сэл. За ним, но с гораздо большим грохотом, приземлилась домоправительница.

В ту же секунду Сэл оказалась сверху и пустила в ход свои маленькие, но крепкие кулачки.

Донесшиеся снизу грохот и вскрик на долю секунды отвлекли Грина, и Мориарти, внимательно наблюдавший за противником, не преминул воспользоваться шансом.

Но на этот раз ему не повезло — Грин успел повернуться и выставить руку, блокируя выпад, так что испанский клинок лишь разрезал рукав.

Враги отпрянули друг от друга и снова замерли, отдуваясь, с горящими глазами, как два хищника, схватившихся из-за самки.

Сэл не знала, что с домоправительницей, но та лежала без движений, и она поднялась, выждала секунду и, убедившись, что миссис Райт не шевелится, бросилась по коридору. Она неслась так, словно весь ад мчался за ней по пятам. Коридор... дверь... лестница... Спотыкаясь и падая, не переставая звать на помощь, Сэл взлетела по винтовым железным ступенькам, свернула к двери, за которой вроде бы находилась комната Пейджета, и принялась колотить по ней.

Пейджет скатился с кровати. Судя по крикам и отчаянному стуку, там происходило что-то, требовавшее его незамедлительного вмешательства. Не удосужившись даже одеться, он открыл дверь и предстал в таком виде перед запыхавшейся Сэл Ходжес, которая выпалила с десятков не связанных между собой слов. Пейджету понадобилась еще секунда, чтобы схватить штаны и старый пятизарядный револьвер.

Грин снова перешел в атаку, и Мориарти, уклоняясь от летящего по дуге ножа, упал на постель. Лезвие прошло мимо.

Мориарти скатился с кровати и моментально повернулся. Теперь их разделяло широкое препятствие. Профессор начал уставать. Ремни сковывали движения, а раненой руке не доставало прежней ловкости.

Грин на секунду замер, не зная, какой путь выбрать — напрямик, через кровать, или в обход. Взгляд его метался из стороны в сторону. Мориарти стоял неподвижно. Впрочем,

замешательство длилось считанные секунды, и вот уже Культяшка метнулся вправо, вынуждая Профессора повернуться ему навстречу. Оба одновременно вскинули руки, и те сомкнулись. Пальцы сжали запястье. Теперь все зависело не от сноровки или ловкости, а исключительно от силы — кто кого пережмет.

Мориарти казалось, что состязание в силе продолжается целую вечность, и эта самая сила уходит из него с каждым выходом. Дважды он пытался ударить Культяшку ногой по лодыжке, но тот был настороже, и чаша весов постепенно клонилась в его сторону. Враг не поддавался, а вот рука Профессора понемногу опускалась. В какой-то момент Грин резко нажал и, высвободив руку, занес нож для смертельного удара.

Раздался выстрел. Эхо отскочило от стен и ударило по ушам с такой силой, будто рядом бабахнула пушка. Лицо Грина перекосилось, рот расползся, рука, словно подрезанная, вяло упала.

Пуля угодила в грудь, и из раны ударил фонтанчик крови. В следующее мгновение тело шмякнулось на пол, воздух наполнился запахом пороха. Мориарти поднял голову — полуголый, растрепанный, Пейджет стоял в дверном проеме, опустив револьвер, из дула которого лениво выползала змейка дыма.

Грин прожил не больше двадцати минут, и ему еще повезло. Дыхание причиняло боль, с губ срывались мольбы о помощи, но Мориарти удалил из комнаты посторонних и, опустившись на кровать, молча смотрел на несчастного, пока тот не испустил последний вздох.

Пейджет привел наверх четырех экзекуторов, полусонных и плохо понимающих, что происходит. Тела убрали. Кейт Райт связали и заперли в одной из комнат под охраной Терреманта.

Разбуженные суматохой, прибежали Эмбер и Ли Чоу. Фанни занялась ушибами и царапинами Сэл Ходжес, которая, воспользовавшись моментом, проглотила два стаканчика «Хеннесси» 1840 года, приберегаемого Профессором для особых случаев. Как только тела унесли, Ли Чоу и Эмбер взялись убирать в комнате: оттерли кровь, вымыли пол и перестелили постель.

Мориарти, закутавшись в длинный шелковый халат, сидел у камина, потягивая бренди. Пейджет, уже полностью одетый, стоял у стола.

— Не могу поверить... Кейт Райт... — Он покачал головой.

Мориарти угрюмо смотрел на пылающие угли.

— Где ее муж?

— Мы держим его внизу. Говорит, что ничего не знал.

— И наверняка клянется в вечной преданности.

Пейджет кивнул.

— Пусть его приведут сюда. И вот что... Пейджет...

— Да, Профессор?

— Не знаю, как и благодарить тебя. Если бы не твой револьвер...

— Это мой долг, Профессор. Любой на моем месте сделал бы то же самое.

Бартоломью Райта привели наверх. Лицо его было бледное как мел, в глазах и уголках рта прятался страх. Говорил он, как человек, сраженный внезапно обрушившимся горем, сломленный потерей кого-то из близких и не вполне понимающий, как такое могло случиться.

Проведя с мистером Райтом несколько минут, Мориарти раздраженно распорядился увести его, а потом позвал Ли Чоу. Китайцу было приказано взять бутылку дешевого бренди и посидеть с Бертом, пока тот не уснет. Ли Чоу кивнул и без лишних слов удалился.

Настала очередь миссис Райт. Терремант и Пейджет привели ее в комнату Профессора. Женщину трясло после схватки с Сэл Ходжес, все ее лицо расцвело синяками и царапинами, но держалась она совсем не так, как ее муж.

— Вот, значит, как, Кейт. — Мориарти посмотрел на нее с нескрываемым презрением.

— Значит, так.

Пейджет мог бы поклясться, что она усмехнулась.

— Итак, это ты продала меня Батлеру и Грину?

— И нисколько не жалею. А довелось бы опять, поступила б так же.

— Мальчишку Слимпера тоже ты?

— И мальчишку тоже я. Он рассказал бы тебе, что носил записки от меня на Нельсон-стрит.

— Да. — Мориарти отвернулся к камину. — Но почему, Кейт? Разве я не заботился о тебе? Разве обижал? Почему?

Некоторое время она молчала. Потом выпрямилась и гордо подняла голову.

— По личным причинам.

Профессор вскинул брови.

— Чувства, Кейт? А я думал, тебе не до этого.

— Вот и супруг мой так же думал, а я ему три года рога наставляла.

Мориарти нахмурился, словно пытаюсь разгадать какую-то загадку, но потом лицо прояснилось, будто ему открылась некая истина. Губы разошлись в недоброй улыбке.

— Моран... Так это был Моран?

— Да. Себастьян обращался со мной, как с королевой.

— Конечно. Когда уставал от своих шлюх.

— Шлюхи у него были. — Миссис Райт держалась спокойно и полностью себя контролировала. — Но полковник всегда возвращался ко мне. Те три года, что тебя не было, были для меня самыми счастливыми за всю жизнь.

— Но... Послушай, ты же сама собрала ту корзинку для Морана. Ты ничего не сделала, чтобы спасти его.

Она пожала плечами.

— Какой смысл? Да и готовил все Барт, не я. А для Себастьяна так было лучше, чем ждать виселицы. Быстрее. Потом, когда его уже не стало, за дело взялась я. И мы почти прикончили тебя. — Кейт Райт вдруг рванулась вперед и смачно плюнула Мориарти в лицо.

— Уберите ее. — Профессор отвернулся, сделав вид, что не слышит проклятий, которыми сыпала в его адрес Кейт, пока Тееремант вытаскивал ее из комнаты.

Пейджет задержался в ожидании распоряжений, которые не замедлили последовать.

— Мне все равно, кто из вас это сделает, — бесстрастно сказал Мориарти. — И как это будет сделано, меня тоже не интересует. Я лишь хочу, чтобы от нее избавились сегодня же. Потом пришли мне Фанни. И Ли Чоу тоже пусть придет, как только накачает Барта бренди. Мы не можем сейчас рисковать.

— Вы не... — начал Пейджет и не договорил.

— Что, Пип? Я не должен поступать так с Бартом Райтом? А разве я могу поступить иначе? Считаешь, на него можно положиться? Думаешь, я могу ждать от него уважения и верности? Разберись с женщиной. Берта оставь Ли Чоу.

Пейджет вышел от Профессора не в самом лучшем настроении. Ночь выдалась беспокойной, смертей хватало, и убийство женщины его отнюдь не прельщало, но Профессор доверял ему, полагался на него, и переложить неприятную обязанность на кого-то еще вряд ли бы получилось. Если он что-то и мог, то лишь постараться, чтобы для Кейт все закончилось быстро.

Фанни предстала перед Мориарти, старательно скрывая тревогу, которая тем не менее проступала в каждой черточке ее милого личика. Она вовсе не была дурочкой и догадывалась, что будет дальше.

Профессор держался скованно, но Фанни сочла такое его состояние естественным результатом перенесенного испытания. Ей и в голову не приходило, что скопившееся напряжение готово разорвать его изнутри, как пар котел паровоза.

Схватка с Грином и Батлером, разоблачение Кейт Райт и необходимость в скорых и жестоких мерах — все сыграло свою роль, к тому же Профессор не мог избавиться от

беспокойства, гвоздем сидевшего у него в голове с тех пор, как он увидел двух незнакомцев в церкви.

Кроу был человеком упрямым и цепким, но при этом здравомыслящим, рассудительным и логичным. Мориарти не потребовались ни хрустальные шары, ни другие атрибуты ясновидцев и предсказателей, чтобы открыть для себя правду. Он знал — это знание пришло к нему само собой, как приходит откровение в моменты просветления, — что Кроу открыл сезон охоты и уже вышел на след. Воображение рисовало жуткие картины: полицейские выслеживают его, наблюдают за ним, выжидают, плетут свою паутину, и во главе всего этого — он, Кроу, тот, кто организует, просчитывает, предугадывает, используя ум и интуицию.

— Миссис Пейджет, — устало заговорил Мориарти, и Фанни испытала что-то вроде шока, в первый раз услышав свою новую фамилию. — Миссис Пейджет, у нас возникли некоторые проблемы, о которых вы, несомненно, наслышаны.

— Да, — едва слышно пробормотала она.

— Наши добрые друзья, Кейт и Барт Райт, вынуждены покинуть нас... довольно неожиданно. Я оказался в весьма неудобном положении, без домоправительницы. — Его голова задвигалась из стороны в сторону в характерной манере. — Без домоправительницы, — повторил Мориарти. — Так что место свободно. Работа нелегкая, но оплачивается хорошо. Впрочем, вы и сами это знаете. — Он вздохнул и провел ладонью по лбу. — Я пытаюсь сказать... не хотите ли вы принять обязанности на себя?

Фанни смутилась — ей и в голову не приходило, что разговор может пойти об этом. Наконец она открыла рот, но Мориарти ее опередил.

— Понимаю, вам необходимо посоветоваться с Пейджетом. Такие решения в одиночку не принимаются. На вас ляжет большая ответственность, но, если вы согласитесь, я позабочусь о том, чтобы вы не пожалели. В любом случае я буду признателен, если вы замените миссис Райт по крайней мере на ближайшее время. — Он снова замолчал, как будто задумался о чем-то, потом продолжил: — Возможно, нам придется изменить образ жизни. Я имею в виду, что мы вскоре сменим местожительство. Если вы примете мое предложение, заботы, связанные с переездом, также лягут во многом на вас. Поговорите с Пейджетом.

— Да, профессор. Конечно. Обязательно поговорю. И обязанности Кейт... миссис Райт... я выполнять буду... пока.

Мориарти вяло махнул рукой, показывая, что больше ее не задерживает.

Растерянная и смущенная, Фанни покинула апартаменты. Все так закрутилось и запуталось. И хотя память об ужасах прошлой ночи была еще свежа, замечание Профессора о переезде странным образом ее обеспокоило.

Беспокойство не оставляло и Мориарти. Склад был идеальной штаб-квартирой, он располагался в самом сердце его империи, здесь было все необходимое как для него лично, так и для организации. Ему нравились апартаменты, заново отделанные за время его вынужденного отсутствия. Однако присутствие двух полицейских на свадебной церемонии Пейджета заставили Профессора всерьез задуматься о запасных вариантах. Предвидя подобную ситуацию, Мориарти уже давно принял меры предосторожности и купил поместье в Беркшире. Все это время оно содержалось в прекрасном состоянии, хотя большая его часть пустовала, а меньшую занимала пожилая пара, нанятая исключительно для этой цели. Впрочем, пустовало поместье не всегда — довольно часто оно использовалось как убежище для тех, кого искала полиция, или в особых случаях, когда нужному человеку требовалось затаиться в ожидании отправки за границу. Может быть, рассуждал Мориарти, приближается время, когда ему придется перебраться туда со всей свитой. С другой стороны, такой шаг мог иметь и катастрофические последствия для организации, поскольку база в Лондоне всегда считалась необходимой.

Мориарти прождал еще час, прежде чем в комнату заглянул Пейджет, бледный, усталый и хмурый. «Дело сделано», — коротко доложил он и добавил, что Ли Чоу получил

соответствующие распоряжения и отчитается утром. Насчет последнего Мориарти не беспокоился: в вопросах жизни, смерти и лояльности китаец угрызений совести не испытывал. Если бы Мориарти приказал Ли перерезать горло своей матери, тот сделал бы это без малейших колебаний.

Разделить с Мориарти остаток ночи пришла Сэл Ходжес, но постель стала для них не полем празднества плоти, а прибежищем для ищущих покоя и утешения душ. Для большинства приближенных Профессора ночь прошла в беспокойном забытьи, расцвеченном кошмарными фантазиями и неприятными снами.

Вырезки из «Таймс» от 18 апреля 1894 года

ПОМОЛВКИ

Кроу — Коулз. Объявлено о помолвке между Энгусом Маккреди Кроу, инспектором столичной полиции, сыном покойных доктора Джеймса Маккреди Кроу и миссис Кроу, Кейрндоу, Аргайлшир, и Сильвией Мэри Виктория Коулз, дочерью покойных мистера и миссис Ферридоул, Честер-Мэншнс.

ПРИДВОРНЫЙ ЦИРКУЛЯР

Их королевские высочества, принц и принцесса Уэльские устраивают небольшую вечеринку в Сандринхеме⁶⁹ с четверга 26 по понедельник 30 апреля. На званом обеде в пятницу, 27 апреля, гостей будет развлекать знаменитый иллюзионист Доктор Ночь.

В среду утром инспектору Кроу довелось выслушать немало язвительных комментариев и ответить на добрую дюжину насмешливых поздравлений. Большинство старших офицеров читают за завтраком «Таймс», так что к моменту его появления в кабинете новость уже разлетелась по Скотланд-Ярду.

Тем временем в доме 63 по Кинг-стрит миссис Коулз, едва получив «Таймс», почистила перышки, принарядилась и отправилась купить еще дюжину экземпляров, чтобы разослать вырезки своим многочисленным родственникам.

Услышав, что его вызывает комиссар, Кроу, естественно, предположил, что тот хочет добавить к массе сердечных поздравлений и свои несколько слов. Так и случилось. Комиссар пожелал инспектору всего хорошего, но развивать тему не стал, а предложил поговорить о ходе расследования по делу Мориарти. Причиной пробудившегося вдруг интереса были тревожные сообщения (поступившие из различных источников) о том, что в последние несколько дней Лондон посетили несколько крупных преступников из европейских стран. Судя по всему, речь шла о некоей встрече больших фигур криминального мира.

К тому, что он уже доложил заместителю комиссара, Кроу смог добавить немного. Изложив логику рассуждений, определивших направления расследования, инспектор не стал скрывать, что поначалу, получив задание, и сам был настроен весьма скептически, но полностью поменял точку зрения в ходе следствия.

Согласившись с тем, что задерживать Мориарти прямо сейчас было бы неразумно, комиссар тем не менее не одобрил тактику выжидания, предложенную Кроу.

— Я бы сказал, что это скорее тактика бездействия, — недовольно заключил он.

В ходе длившегося не менее часа обсуждения все пришли к заключению, что Мориарти скорее всего использует в качестве оперативного штаба какое-то убежище в районе Ист-Энда, возможно, Лаймхауз. Комиссар согласился предоставить в распоряжение Кроу еще десять детективов, которые, должным образом замаскировавшись, поработали бы в названном районе, имея перед собой две цели: установить точное местонахождение Мориарти и выяснить, какие силы он имеет в своем распоряжении.

⁶⁹ Сандринхем — одна из загородных резиденций английских королей, находится в графстве Норфолк.

— Не нравится мне, что мои люди будут водить компанию с криминальными элементами, — посетовал комиссар, — но ничего другого нам, кажется, не остается.

Кроу воздел очи к небу (разумеется, мысленно). Ну как еще можно получить информацию о преступниках, если не общаться с ними, не проникать в их среду? Увы, прогресс в приемах расследования движется в Лондоне с черепашьей скоростью, вздохнул он про себя. Чуть позже Кроу подумал о том, что и его собственные дедуктивные методы, даже в сочетании с традиционной полицейской работой Таннера и других, похоже, не слишком-то ускорили расследование.

Подкрепление прислали во второй половине дня, и все тут же получили детальные наставления: смотреть и слушать, ничего не упускать, имея в виду, что их главная цель — арест профессора Мориарти по обвинению в серьезном преступлении и полное уничтожение контролируемого им преступного синдиката.

Большую часть дня Мориарти занимался тем, что решал обычные повседневные проблемы, снова и снова возвращаясь к нерешенному вопросу: переводить ли штаб-квартиру из становящегося опасным Лондона в тихий зеленый уголок Беркшира. А вот еще один вопрос, с домоправительницей, решил сам собой, когда за ланчем к нему подошла Фанни и сказала, что готова занять место Кейт Райт. Профессор поговорил с ней, подробно рассказал о своих предпочтениях в еде и напитках, проинструктировал относительно ее обязанностей, распорядка дня и передачи ключей.

Кейт вела хозяйство на пару с мужем, и Мориарти пообещал Фанни, что при первой возможности подыщет двух работников, а пока ей придется рассчитывать на Бриджет и — в меньшей степени — на Мэри Макнил, которая, посчитав себя оскорбленной накануне, все еще дулась.

От внимания Мориарти не ускользнуло и сообщение в «Таймс». Мозг его уже работал наперед, выстраивая план исполнения обещания, данного коллегам с континента.

С приближением вечера волнение овладевало им все сильнее. Думая о встрече с загадочным Доктором, Мориарти чувствовал себя мальчишкой, ожидающим чуда.

Поужинав в одиночестве — ужин старательно приготовила и подала Фанни, — он в половине одиннадцатого вышел, не прибегнув к маскировке, из склада и отправился в «Альгамбру».

Смотрителя у служебного входа предупредили заранее, и мальчик-посыльный провел гостя в довольно тесную уборную Доктора Ночь. Следуя за мальчуганом по узким коридорам, Профессор думал о том, что сейчас, после последнего вечернего представления, за кулисами мюзик-холла уже не ощущается никакой магии.

Уильям С. Уозерспун, в отличие от Доктора Ночь, на волшебника тоже походил мало. Вблизи он оказался человеком невысокого роста, с вкрадчивыми манерами и абсолютно лишенным той магической ауры, что окружала его на сцене. В уборной было жарко и душно, пахло рыбой и жареной картошкой, гримом и элем, который иллюзионист, судя по числу пустых бутылок, потреблял в огромных количествах.

— Большая честь, профессор. Принимать вас — для меня большая честь. — Руки Доктора совершали странные движения, он как будто вытирал одну о другую. Пестрый клетчатый костюм выглядел неуместно.

— Удивлены? — усмехнулся иллюзионист, перехватив взгляд гостя. — Я одеваюсь так умышленно. Иначе пришлось бы крутиться в этом шоу двадцать четыре часа в сутки. Некоторые из моих коллег ведут себя иначе, но я достаточно выкладываюсь на сцене, чтобы не изображать из себя иллюзиониста еще и после выступления. То, что вы видите, моя собственная маленькая иллюзия, маскировка, если хотите. Пожалуйста, садитесь. — Он смахнул пару газет с ближайшего стула, явно нуждавшегося в помощи плотника.

Мориарти готовился к встрече с совсем другим человеком, и теперь ему пришлось напомнить себе, какое блестящее впечатление производил иллюзионист на сцене.

— Спасибо, Доктор Ночь, — любезно сказал он.

— Билл. Пожалуйста, называйте меня Билл. Доктор Ночь — это для них, там. — Иллюзионист кивнул в сторону двери.

— Хорошо, пусть будет Билл. Ваше выступление произвело на меня сильное впечатление. Весьма и весьма сильное.

— Вы очень любезны. Спасибо. Похоже, мне удалось произвести впечатление не только на вас. — Он понизил голос. — Случайно не видели объявление в сегодняшней «Таймс»?

— Вообще-то, видел.

— Большая честь. Такое случается нечасто. Насколько мне известно, его королевское высочество проявляет немалый интерес к трюкам и всяким чудесам. Наверное, и сам кое-какие карточные фокусы знает, а?

Мориарти кивнул. Вступление закончилось, пора переходить к делу.

— Сколько вам здесь платят, Билл?

— Ну, знаете, не думаю, что мне...

— Не беспокойтесь, Билл. Я сам имею контрольный пакет акций в нескольких мюзик-холлах — признаюсь, конечно, не таких шикарных, как этот, — и готов заплатить вам втрое больше того, что вы получаете здесь.

Уозерспун вскинул голову. Глаза его алчно вспыхнули.

— До следующего месяца я занят, — быстро ответил он, и Мориарти понял, что задел нужную струну.

— Неважно. Если вы примете предложение, которое я намерен вам сделать — а мне представляется, что вы его примете, — то выплаты пойдут со следующего понедельника.

— Что? Даже если я не буду выступать? Э... мне нужно поговорить с агентом и...

— Поговорить с агентом? — рассмеялся Мориарти. — И потерять десять процентов? Вашему агенту знать о нашей договоренности вовсе не обязательно. По крайней мере, до начала ваших выступлений в одном из моих залов. А пока пусть все останется между нами двумя.

— Между нами? А как же Роза? Это девушка, которую я... с которой я выступаю.

Мориарти хитро улыбнулся и заговорщически подмигнул.

— И только, Билл?

Уозерспун ухмыльнулся.

— Ну, всякое бывает. Иногда. Но обычно я с такими не связываюсь. Нет, нет, профессор, это не про меня. А вы, как я вижу, человек знающий.

— Да, можно и так сказать.

— Так что за предложение? Выкладывайте.

Мориарти с улыбкой откинулся на спинку стула.

— Я скажу вам, чего хочу...

Он говорил около получаса — мягким, вкрадчивым, завораживающим голосом. Говорил и не мог поверить, что великий Доктор Ночь может быть таким легковерным простаком.

Из театра Мориарти направился в сторону Лейстер-сквер, где остановился ненадолго, вдыхая запахи дыма, копти и лошадей и глядя на площадь с ее кустиками, цветочными клумбами и статуей Шекспира, еще не утратившей своей первоначальной белизны. Взгляд его неторопливо скользил по ярким афишам, спешащим пешеходам, громящим омнибусам и кэбам. Куда они спешат? Что знают о жизни все эти люди? Что знают о мире? Они живут в другом обществе, не ведающем тех темных тайн, что известны ему. Как будто смотришь на две стороны монеты. Да, монеты. Верное сравнение, потому что деньги и есть то единственное, что соединяет два мира. Одна сторона не имеет представления о другой, и как бы ни старались эти недалекие, честные людишки, как бы ни напрягали воображение, проникнуть в его владения им не под силу. И когда его время истечет, никто, даже историки, не смогут попасть в его мир, распутать завязанные им узлы.

В течение следующей недели приближенные Мориарти заметили любопытную закономерность: каждый день, после полудня, Мориарти исчезал часа на три. Харкнесс, когда к нему подступили с вопросами, только нахмурился.

— Не мое дело, — проворчал он. — Вы меня знаете. Мне платят, чтобы я его возил и не трепался.

Они знали, нажимать бесполезно — Харкнесс слишком давно служил Профессору, чтобы поддасться соблазну после стольких лет.

Глава 13 ОГРАБЛЕНИЕ В ХЭРРОУ

Суббота, 21 апреля 1894 года

Медовый месяц получился не очень сладким — Пейджет занимался обычными делами, на Фанни же свалились новые обязанности. Да и вообще на беззаботного новобрачного Пейджет походил мало. Да, он исправно — и к взаимному удовольствию — исполнял супружеские обязанности, но в остальное время выглядел озабоченным, как будто постоянно думал о чем-то своем.

Не зная, что думать и как быть, Фанни поделилась своими тревогами с Бриджет, а та же рассказала обо всем Спиру, который объяснил, что Мориарти замышляет большое дело, и Фанни не о чем беспокоиться.

Спир уже ходил и даже начал понемногу работать руками, хотя покалеченные пальцы еще побаливали. В ночь после свадьбы они с Бриджет впервые сплясали постельную джигу. Тем не менее перемены в поведении Пейджета, его замкнутость и неразговорчивость, обеспокоили и Спира. Недолго думая, он обратился со своими сомнениями к Мориарти, который списал их на тяготы супружеской жизни и на том счел вопрос закрытым.

А между тем причины для беспокойства были, поскольку бурные события свадебной ночи глубоко огорчили Пейджета, обнаружившего вдруг, что счастье, обретенное им в браке с Фанни, плохо совмещается с его прошлой и нынешней жизнью. Кровавые события той ночи и ужасная расправа с Кейт Райт, учинить которую его заставил Мориарти, стала той самой последней — или, вернее предпоследней — каплей. Мысли о запланированном на субботнее утро ограблении в Хэрроу не вызывали теперь у Пейджета ничего, кроме отвращения.

Фургон, запряженный двумя добрыми лошадьми, был уже готов, расписанные для каждого участника роли отрепетированы. Согласно плану Пейджету предстояло выехать субботним утром в Хэрроу, пройти пешком до поместья Пиннеров, заглянуть в пивную и разнюхать общую обстановку.

К вечеру в Хэрроу должны были приехать Билл Фишер и один из братьев Джейкобс. Пейджету надлежало встретить их на станции и передать последние новости.

Прибытие остальных — Кларка, Гэя и второго Джейкобса — планировалось на вечер. Пейджету после встречи с Фишером разрешалось вернуться в Лаймхауз.

Мориарти рассчитывал, что команда справится с делом к двум часам ночи и возвратится в Лондон — на том же фургоне — не позднее половины четвертого утра.

Не будучи посвященной в детали, Фанни тем не менее чувствовала, что замышляется нечто серьезное, и когда Пейджет сказал, что его не будет всю субботу, попросила мужа взять ее с собой. Он напомнил ей об обязанностях домоправительницы, но Фанни стояла на своем, и Пейджет, не найдя иных убедительных контраргументов, отправился к Профессору.

— Вы знаете, мне не хочется там показываться, но, может быть, если я буду с женщиной, то не вызову особых подозрений. Как-никак в прошлый раз я выдавал себя за человека, ищущего работу в поместье, и ссылаясь на то, что жене нейдет уехать из города.

Мориарти, поднаторевший в искусстве обмана за несколько встреч, проведенных под руководством Доктора Ночь, который проявил себя весьма способным учителем и большим

профессионалом, сразу понял, что присутствие Фанни отвлечет внимание от его разведчика. Взвесив «за» и «против», он дал свое согласие, но предупредил Пейджета, что ему не следует излишне откровенничать с женой.

Вот так и получилось, что субботним утром Фанни — в новой шляпке и новой накидке, которую сама же и пошила, — предстала в Хэрроу рука об руку с супругом в роли пары, надеющейся получить работу в Бичес-Холле.

Назвать Хэрроу полноценной «сельской местностью», наверное, нельзя, но в сравнении с привычным городским окружением, увиденное здесь показалось Фанни настоящими вольными просторами с зелеными лужками и рошицами, той самой природой, о которой она могла лишь мечтать в Лондоне.

В поезде Фанни вела себя, как восторженный ребенок, и Пейджету несколько раз пришлось напоминать жене о той роли, которую ей предстоит сыграть по прибытии к месту назначения.

День выдался чудесный, не очень теплый, но ясный, с чистым небом, вернувшим природную голубизну, как только они отъехали от промышленных зон, отравленных грязным, тяжелым дымом. Дальше была чудная, беззаботная прогулка через Хэрроу к имению Дадли Пиннера. Фанни легко скакала рядом, непринужденно щебеча, рассказывая о детских годах в Уорвикшире, называя прыгающих с ветки на ветку птах и ныряя время от времени в кусты — за привлекшим ее внимание цветком.

Солнце поднялось к зениту, когда они увидели вдалеке кучку домиков, лавку и пивную. В двадцать минут первого Пейджет открыл дверь «Синицы» и пропустил вперед Фанни.

Хозяин, Мейс, разговаривал с высоким, темноволосым мужчиной в твиде и крагах, по-видимому, охотником. Единственными другими посетителями была пожилая пара: мужчина с глиняной кружкой посасывал пиво; женщина, седоволосая, почтенного вида, сидела тихо, сложив на коленях руки.

— Ну и ну, — встрепенулся Мейс, — да ведь это тот самый парень, о котором, мистер Ривз, я вам рассказывал. Входите, входите. Джонс, верно?

Пейджет растерянно улыбнулся.

— Вы меня помните?

— У нас здесь гости бывают редко, так что свежие лица мы всегда запоминаем. Знакомьтесь — мистер Ривз, управляющий в поместье.

Мужчина в твиде дружелюбно кивнул. Пейджет заказал кружку пива — для себя и стаканчик портвейна — для Фанни.

— Мейс говорит, вы уже были у нас, спрашивали насчет работы. — Голос у Ривза был грубоватый, но не резкий, взгляд — оценивающий, как будто управляющий присматривался к скотине, которую собирался купить на забой.

— Моя жена, Фанни, — робко сказал Пейджет.

Мейс усмехнулся и кивнул. Ривз коротко улыбнулся.

— Значит, ищите работу, — повторил он.

— Ну да, — неуверенно протянул Пейджет. — Я сейчас работаю в доках, а Фан... ну, она много чего умеет. И в кухне, и по дому. По правде говоря, мы оба от тамошней жизни устали. Тяжело и грязно. Понимаете, Фан сама из деревни...

— Ну, у нас здесь не совсем деревня, но близко к тому, — сказал Ривз. — Да и работать приходится не меньше. В страду, бывает, в пять поднимаемся и до десяти в поле.

— Я знаю.

— Да и заработки не те, что в доках.

— Мы знаем, но есть ведь и преимущества, правда? — встала Фанни.

Ривз рассмеялся.

— Есть, конечно. Коттедж, весной и летом овощи. Раньше было хуже, но после того как принц Уэльский взялся улучшать положение своих арендаторов в Норфолке, дела пошли на лад. Да и платят здесь побольше, чем в других графствах. Вы на двоих будете получать тридцать шиллингов или два фунта.

У Пейджета похолодело в груди. Он знал, что в Ист-Энде есть семьи, живущие на такие деньги, но хватит ли этого им с Фанни, если они станут работать в поместье?

— Ты парень вроде бы крепкий. — Ривз наклонился и похлопал Пейджета по упругому предплечью. — Подумай, работать придется много, и в доме, и около, а летом готовься помогать в поле. — А ты, — он повернулся к Фанни, — будешь чистить овощи да стирать. Пока ребенка нет, работа будет, а вот потом... Не знаю. А как вы думаете, мистер Берроуз? — Управляющий посмотрел на пожилого мужчину за столиком.

— Сильный, здоровый, молодой. — Берроуз вынул изо рта трубку. — Нам бы такой подошел. Вместо тех хлюпиков, что были раньше.

Миссис Берроуз улыбнулась.

— Подойди, дорогая, расскажи мне про себя. — Она похлопала по скамье, подзывая Фанни, и та, вопросительно взглянув на мужа, подошла к столику и присела рядом с миссис Берроуз, которая негромко спросила ее о чем-то.

— Мистер и миссис Берроуз, — объяснил Мейс, — вроде как присматривают за поместьем. Сэр Дадли человек добрый, вот и содержит стариков. Когда хозяин с хозяйкой уезжают, они живут в поместье. Миссис Берроуз помогает иногда кухарке, а мистер Берроуз — дворецкому. Они и сейчас там живут. Слуг всех отпустили, кроме двух молодых лакеев.

— Так хозяйева еще не вернулись? — спросил, изображая огорчение, Пейджет.

— Дня два их еще не будет. Но я же и говорил, что раньше двадцатого они не вернутся.

— Да, да, я помню. Просто... ну, мы подумали... может быть...

— Так вы бы взяли работу? — спросил Ривз.

— Все дело в моей хозяйке, — признался, понизив голос, Пейджет. — Там, где мы сейчас, ей совсем не нравится. Вот я и хочу увезти ее отсюда.

Ривз пристально посмотрел на него, потом кивнул.

— Что ж, обещать не буду. В конце концов, все решает сэр Дадли, но вы можете прямо сейчас посмотреть коттедж. Желających много, но вы — люди приличные. Попробуйте. А если не подойдете, расстанемся.

Пейджет неохотно кивнул. Все, что требовалось, он узнал и задерживаться не собирался, но и отказаться от предложения не мог — это выглядело бы подозрительно. Он посмотрел на занятую разговором Фанни.

— А вы что думаете, миссис Берроуз? — спросил Ривз.

— Думаю, она прекрасно бы справилась, мистер Ривз. У меня нет в этом ни малейших сомнений.

Ривз пожал плечами, словно желая показать, что его сомнения еще не рассеяны полностью.

— Что ж, если хотите взглянуть на коттедж, я вас туда отведу.

— Да, пожалуйста! — обрадовалась Фанни, а Пейджету снова стало не по себе. Лицо его супруги светилось таким счастьем, какое он не видел даже в самые пылкие моменты их любовных утех.

Коттедж был невелик, скорее даже мал. Одна комната да кладовая внизу. Деревянная дверь открывалась на узкую лестницу, которая вела наверх. Но зато домик содержался в хорошем состоянии, а сзади к нему примыкал небольшой садик.

— Так чисто и свежо, — рассмеялась Фанни. — О, Пип, мы были бы счастливы здесь, как ты думаешь?

— Полегче, миссис Джонс, полегче, — охладил ее энтузиазм управляющий. — До возвращения сэра Дадли никакую работу я вам дать не могу, но обещаю, что в списке вы будете первыми.

— Спасибо, сэр, мы так вам признательны. Мне здесь уже нравится.

Вернувшись в «Синицу», они взяли хлеба с сыром и еще по стаканчику, после чего направились в Хэрроу.

— Я серьезно, Пип, — негромко сказала Фанни, когда они миновали дома. — Мне бы хотелось там жить.

— Я так и понял. — Пейджет уже представил, как они, переехав, начинают новую жизнь, пусть нелегкую, трудовую, но совсем другую, без постоянного напряжения и страха. Представил и... сердце сжалось от отчаяния.

— Лучше и не думай, Фан. Выброси из головы. Этого никогда не будет.

— Но почему, Пип? Знаю, будет трудно, но, как говорила моя мать, лучше трудная жизнь да честная.

— Но жила-то она не в грязном домишке с одной комнаткой.

— Там вовсе и не грязно. И у меня все будет чистенько.

— Я не про коттедж. Я про ту конуру, где сам рос.

— Ужасно, да? — Она погладила его по руке.

— Мы жили не хуже, чем другие, кто работает на Профессора. Но твоей матери наверняка не приходилось вставать ночью, чтобы отгонять крыс от своих детей.

Дальше шли молча, думая каждый о своем — Пейджет с тоской о том, что надежды нет, что убежать от Профессора еще никому не удавалось. Разве не он несколько дней назад спас Мориарти жизнь? И разве не Мориарти спас его? Но ведь известно, от Профессора живыми не уходят. Кто приходит к нему, тот все равно, что попадает в тюрьму.

В таком мрачном настроении Пейджет пребывал до самой ночи.

Фишер и Берт Джейкобс сошли с поезда в восемь часов, и все направились в ближайший заезжий двор — поговорить.

Пейджет сообщил, что в поместье сейчас никого нет, кроме двух лакеев и мистера и миссис Берроуз.

— Плевое дело, — улыбнулся Фишер. — Как я и говорил.

— Как войдете? — спросил Пейджет.

— Гэй проникнет с тылу и откроет нам переднюю дверь — добро пожаловать, дорогие гости.

— А потом?

— Лакеев и стариков свяжем и посадим в подвал. Все пройдет как по маслу. Передай Профессору, что вернемся вовремя. Если, конечно, остальные вовремя подъедут.

Разговор настроения не добавил. Молчаливые, невеселые, Фанни и Пейджет сели в поезд и вернулись на склад около десяти часов вечера.

Фанни сразу отправилась на кухню — готовить, а Пейджет по пути наверх наткнулся на Эмбера, одетого в длинное, едва ли не до лодыжек, пальто.

— Ты его уже видел? — спросил Эмбер.

— Профессора?

— Кого ж еще...

— Нет, не видел.

— Тут сегодня свиньи шлялись. Разнюхивали, вопросы всякие задавали. Мне такое не больно нравится, а ему хоть бы хны. Спокоен как камень, наш Профессор.

В субботу Доктор Ночь давал дневное представление, но Мориарти все же успел провести с ним два часа после ланча. Вернувшись на склад, он заперся в апартаментах и еще два часа просидел перед зеркалом с гримировочными материалами. За это время Профессор несколько раз очищал лицо и заново накладывал краски и парик, пока не добился наконец желаемого результата. Помогало то, что Доктор был примерно одинакового с ним сложения. Мориарти считал, что уже может выдать себя за знаменитого иллюзиониста и обмануть всех, кроме разве что матери мистера Уозерспуна.

Около семи Бриджет принесла ужин — холодное мясо, пикули и эль. Ел Профессор рассеянно; голова гудела от мыслей, а мысли кружили вокруг плана и его осуществления.

В восемь к нему явился заметно встревоженный Паркер.

— Они повсюду, Профессор, — выдохнул он с порога.

— Кто? — Мориарти живо вскинул голову.

— Пилеры. Их здесь полно, этих свиней. В пивных, на улицах. Выведывают, спрашивают про вас.

Мориарти почувствовал, как по шее пробежал холодок.

— Уверен?

— На все сто. Парочку сам видел. Мне их вопросы не нравятся.

— И что они узнали?

— Ничего. Вы же знаете, Профессор. Здесь на вас никто не донесет.

— Кейт Райт сдала меня Грину. Могут найтись и другие...

— Не найдутся. Все знают, как она закончила.

Мориарти ненадолго задумался.

— Хорошо. Будь начеку и держи меня в курсе.

За последнюю неделю люди Паркера доказали, что кое-чего стоят. Они, правда, подвели его, когда просмотрели Грина и Батлера, позволив парочке пробраться на склад, но потом осечек уже не допускали и информацию давали точную. О том, что свиньи Кроу вышли на улицы, Мориарти узнал еще два дня назад, но так быстро они подобрались впервые.

Наверное, он слишком долго тянул с решением. Что люди Кроу нагрянут в ближайшие дни, представлялось маловероятным, но в течение недели базу менять придется и по крайней мере ближайшее окружение перебрасывать в Беркшир. Да и самому, возможно, потребуется затаиться на время. Но организация может работать и без него — в этом он убедился за время своего отсутствия. За порядком присмотрит Пейджет, да и Спир скоро придет в норму.

С Пейджетом он поговорит, когда тот вернется, а потом, завтра, приведет в действие весь план.

Пейджет явился в начале одиннадцатого с известием, что в Хэрроу все идет как надо.

— Я встретил Эмбера, — добавил он. — Похоже, полиция что-то разнюхивает.

— Пусть себе разнюхивают, — пренебрежительно отозвался Мориарти. — Пусть нюхают, пока сопли не потекут. Поговорим завтра. Если придется, переберемся в Беркшир. Там они нас не найдут, а когда все утихнет, мы вернемся. Обсудим это утром. Приходи с Фанни.

Заверения Профессора не рассеяли, однако ни тревожных мыслей, ни поселившегося в душе Пейджета беспокойства. Покоя он лишился раньше, а теперь в воздухе повисло что-то еще, что-то тяжелое и мрачное, и наигранное безразличие Профессора его не обмануло. Пейджет слышал кое-что об инспекторе Кроу и чувствовал — хозяин озабочен. А еще он знал, что и ночь не принесет облегчения. Скорее наоборот.

Проведя день на открытом воздухе, Фанни с непривычки устала и быстро уснула, а вот к Пейджету сон не шел. Проворочавшись пару часов, он все же задремал, но почти сразу очнулся. Шаги. Или только показалось? Рядом чуть слышно посапывала Фанни. Он прислушался — какие-то звуки доносились издалека, из других помещений склада.

Пейджет осторожно выскользнул из-под одеяла, чиркнул спичкой и посмотрел на часы — почти пять утра. Он натянул штаны, набросил рубашку, сунул ноги в ботинки, взял свой старый револьвер — после недавних событий постоянно лежавший заряженным у кровати — и вышел в коридор.

Он остановился у винтовой лестницы и снова прислушался. Голоса доносились, похоже, из «комнаты ожидания». Осторожно ступая по железным ступенькам, Пейджет спустился, прошел по коридору первого этажа и приблизился к кухне. Теперь голоса слышались яснее — он узнал Фишера и Гэя, потом Берта Джейкобса и, наконец, Мориарти.

— Что ж, добыча неплохая, но все нужно увезти, — говорил Мориарти. — Берт, не забудь забрать картины. Их надо отправить рано утром, так что времени у тебя немного.

— Хорошо, Профессор. И... мне жаль, что так получилось со стариками.

— Выбора у тебя не было. Иногда людьми приходится жертвовать. Отправляйся.

Пейджет замер. Тяжелые шаги прошлепали по коридору и стихли.

— Так что же там случилось? — спросил Мориарти.

— Все так и было, как он говорил, — отозвался Фишер.

— В точности, — подтвердил Кларк.

— Вошли без проблем, — продолжал Фишер. — Лакеи сопротивляться не стали. Я бы даже сказал, проявили стремление к сотрудничеству.

— Потом мы поднялись наверх, к сейфу, и тут откуда-то старик с хозяйкой. Расшумелся так, что и мертвецы бы проснулись. Ну Берт его и приложил. Старик кувыркнулся с лестницы да и отдал Богу душу. А старуха на нас, с воплями да с кочергой. Берт схватил ее за горло... ну, чтоб не вопила, а она... Думаю, он не нарочно.

— И вы там их и оставили? — спросил Мориарти.

— А где ж еще? Задерживаться было не с руки.

Пейджет узнал достаточно и дальше слушать не стал. Берроузов убили, а значит, полицейские могли появиться здесь в любую минуту. Их с Фанни обязательно допросят, как только поговорят с Ривзом и Мейсом. А расследует убийства уголовный отдел. Скотланд-Ярд.

Спустившись вниз, Пейджет поспешил вернуться. Мысли скакали и разбегались в разные стороны. Дельце в Хэрроу прошло неплохо, но все испортило убийство. В Ист-Энд нагрянули полицейские. Разнюхивают, расспрашивают о Профессоре. А раз так, рассудил Пейджет, то всем им скоро крышка, это дело времени. Да, они, наверное, сорвутся отсюда и махнут в Беркшир. Место приятное, тихое, и Фанни бы понравилось, но как она поведет себя, когда проведает про стариков Берроузов? Она ведь еще не отошла от кровавой резни, случившейся в их брачную ночь. Не слишком ли для нее? И не слишком ли для него самого? Так что делать? Может, пришла пора рискнуть? Он достаточно послужил Мориарти и хотел счастья для Фанни, а счастье ведь стоит риска?

Войдя в комнату, Пейджет чиркнул спичкой и зажег лампу. Уходить нужно быстро — небо за окном уже начало светлеть. Он осторожно потряс Фанни.

— Милая, проснись.

Она нехотя разлепила веки и улыбнулась.

— Что? Уже пора?

— Нам пора, Фан. Хочешь коттедж? Хочешь жить в деревне? Со мной?

Теперь она проснулась по-настоящему и села.

— Что случилось? Что?..

Он накрыл ладонью ее губы.

— Одевайся. Побейстрее. И постарайся не шуметь. Я все объясню потом.

Брать много не стали, только самое ценное: кольца, украшения, три сотни фунтов, припасенных Пейджетом на черный день. Деньги и остальное положили в сумку из телячьей кожи. Пейджет купил ее годом раньше — таскать барыгам разную мелочь (носить краденое в краденом считалось небезопасным).

Ни в кухне, ни в «комнате ожидания» не встретили ни души, но за дверью склада их окликнул один из сычей Паркера.

— Это я, — быстро ответил Пейджет.

Сторож шагнул из тени.

— А, мистер Пейджет. Мне ничего про вас не сказали.

— Кое-что случилось. Но беспокоиться не надо. Нам надо выполнить небольшое поручение, пока Профессор не проснулся. А за остальными приглядывай. И молодец, что меня остановил.

Парень по-военному бросил два пальца к виску и отступил к стене, в темноту. Пейджет и Фанни повернулись, прошли по переулку, нырнули под арку и зашагали дальше, стараясь не перейти на бег, чтобы не вызвать ненужных подозрений.

Теперь, приняв решение, Пейджет знал что делать. Просто бежать — бессмысленно, кто-нибудь догонит в любом случае, не полицейские, так люди Профессора. Так или иначе, они рисковали, но зато Пейджет испытывал теперь новое, непривычное чувство гордости.

Даже если не все пойдет как надо, он по крайней мере будет знать, что пытался изменить свою теперешнюю жизнь — ради счастья Фанни.

Исчезновение Пейджета обнаружилось только в половине восьмого, и только около восьми Эмбер и Паркер выяснили, что из комнаты пропали драгоценности. Дежурившего под утро сторожа расспросили, и вот тогда-то стало ясно: здесь что-то не так.

Профессор, когда ему доложили о случившемся, поначалу пытался убедить себя, что ничего особенного не произошло, что всему есть простое объяснение, что Пейджет и Фанни скоро вернутся или пришлют записку с объяснением. Не получив никакой записки к полудню, Мориарти забеспокоился всерьез.

Он всегда с некоторым недоверием относился к тем, кто слишком, по его мнению, привязывается к женщинам. Если Пейджет и впрямь сошел с правильного пути, то виноватой в этом грехопадении могла быть только Фанни.

Тем не менее, как ни пытался он оправдать Пейджета, который за короткое время сумел стать самым надежным и доверенным из его приближенных, Мориарти понимал, что принимать в расчет приходится самые пессимистические варианты. Супруги сбежали, и их побег мог быть следствием одной из трех следующих причин: парочка где-то спряталась, потому что девчонка, как какая-нибудь бестолковая последовательница Уильяма Бута,⁷⁰ убедила Пейджета отказаться от его теперешней жизни; Пейджет вступил в какую-то соперничающую группировку или даже возглавил таковую; и, наконец, они сбежали, чтобы сдать полицию. Последний вариант представлялся самым сомнительным и самым неприятным.

В десять минут первого Мориарти собрал у себя ближайшее окружение: Спира, Ли Чоу, братьев Джейкобс, Эмбера, Паркера и Терреманта. В наше время это назвали бы заседанием антикризисного комитета.

— Вы знаете, как досаждают нам в последнее время полиция, — начал Мориарти, — а тут еще и Пип Пейджет с Фанни исчезли. Куда они подевались, я представить не могу, но надеюсь, что Паркер со своими ребятами их отыщет. На этой неделе у меня особенная работа, и я намерен выполнить ее во что бы то ни стало. Что дальше — решу, когда закончу. А пока я хочу, чтобы все обязанности Пейджета взял на себя Спир.

— Возьму, — проворчал Спир, — и с Пипом Пейджетом разберусь, если он сдать нас надумал.

— Отложим выяснения до более спокойных времен. — Мориарти поднял руку, успокаивая Спира. — Дальше. Мы перебираемся на новое место. Со всеми пожитками. Сделать это надо быстро и тихо, чтобы никто ничего не заметил. Все перевозим в дом Стивентона, в Беркшире. Это понятно?

Присутствующие одобрительно закивали.

— Если здесь запахнет жареным, вы все можете укрыться там до лучшей поры. — Он обвел взглядом собравшихся. И вот что еще. Может так случиться, что некоторые из вас какое-то время меня не увидят, но я буду на связи, и все должно идти своим чередом, без каких-либо изменений. Вернусь, как только смогу. Сейчас вам надлежит заняться перевозкой ценностей и оружия. За старшего, как я и сказал, остается Спир. Начинайте.

Все поднялись. Мориарти жестом задержал Паркера и Эмбера и, когда остальные ушли, отдал им короткие и четкие инструкции.

— Пришлите сюда Мэри Макнил, — добавил он напоследок, — а ты, Эмбер, позаботься о картинах. — Речь шла, конечно, о его любимых полотнах Жан-Батиста Греза. — Увидимся завтра, как договорились.

Когда все ушли и шаги затихли, Мориарти стал выдвигать ящики стола и вынимать

⁷⁰ Уильям Бут — методистский священник, создавший в 1865 году религиозно-благотворительную организацию — Армию спасения.

бумаги. Одни он перекладывал в портфель, другие бросал в камин.

Закончив с бумагами, Профессор достал из нижнего ящика автоматический пистолет «борхардт», проверил, заряжен ли он, и положил оружие в карман пальто вместе с запасными патронами. Последним, что захватил Мориарти, был набор для маскировки: краски, кисточки, пудра и накладные волосы — все то, от чего во многом зависел успех его ближайших планов.

Мэри Макнил вошла в комнату, когда Мориарти закрывал портфель.

— Так это правда? — спросила она. — Мы уезжаем?

Он кивнул.

— Да, уезжаем. И нам с тобой нужно кое-что сделать.

Профессор посмотрел на нее тяжелым, гипнотизирующим взглядом, словно передавая ей свою силу.

— В следующие несколько дней ты станешь свидетельницей странных событий. Я попрошу тебя сделать кое-что такое, чего ты, возможно, не поймешь. Но так нужно, Мэри. И мне необходимо твое полное доверие. Обещай, что будешь выполнять мои указания, не задавая лишних вопросов и без задержки.

У Мэри вдруг закружилась голова, но она прекрасно понимала, что говорит Профессор и как важно то, чего он от нее хочет.

Ее собственная воля ослабла, так что даже если бы она захотела, сопротивляться хозяину уже не было сил.

— Я сделаю все, что только потребуется, — твердо пообещала Мэри.

— Хорошо, тогда спустись и скажи Харкнессу, чтобы подал кэб к передней двери. Мы выезжаем через двадцать пять минут.

Задержавшись недолго у окна, Мориарти обвел взглядом комнату. Он оставлял это уютное место с сожалением, но того требовали обстоятельства. Что ж, будут другие места, столь же надежные и укрытые от посторонних глаз, а может, даже и получше. Он надел пальто, забрал портфель, нахлобучил шляпу и решительно вышел из комнаты.

Глава 14 ЦАРСТВО НОЧИ

Воскресенье, 22 апреля — пятница, 27 апреля 1894 года

Сейчас рискованно все. — Пейджет задумчиво посмотрел в кружку с элем. — Все, что мы делаем, — риск. Я должен предпринять кое-что против Профессора, чтобы помешать ему выследить нас. Если мне удастся повернуть дело так, чтобы он не пострадал, тем лучше.

— И что потом? — дрожащим голосом, сдерживая слезы, спросила Фанни.

Они сидели в углу привокзального буфета, то и дело озираясь, высматривая знакомые физиономии.

— Потом, — сказал Пейджет, — мы сядем на поезд и уедем куда-нибудь в Мидлендс. Только не в город, Фан. В городе он нас точно найдет. Но ты ведь те места знаешь. Знаешь Уорвикшир и...

— Я не могу поехать домой, Пип. Сейчас не могу. Ты же и сам понимаешь.

— Нет, домой к тебе мы не поедem. Выберем какую-нибудь деревушку. У меня с собой три сотни фунтов, так что на первое время хватит. Снимем комнату в заезжем доме, подальше от людных мест, там, где ни «бобби», ни Профессор искать нас не станут. Нам сейчас важно выиграть немного времени. — Он посмотрел на нее с любовью и нежностью. — Милая, я сделал это все для тебя. Ты же сама не захотела бы оставаться там навсегда, правда?

Фанни прерывисто вздохнула.

— Нет, Пип. Господи, да я и минуты лишней там бы не осталась. — Она протянула руку, накрыв ладонью его пальцы, и с тревогой заглянула ему в глаза. — Но... а если с тобой

что-нибудь случится, пока ты...

— Ничего со мной не случится. Ты возьмешь билеты до... Знаешь, какое-нибудь подходящее место?

— До Уорвика? Есть еще Лемингтон. Там много деревень с гостиницами. И работу найти можно.

— Давай так и сделаем. Возьми билеты до Лемингтон-Спа. Жди меня здесь. — Он подтолкнул к ней стоявшую на полу кожаную сумку. — Тут все. Все, что у нас есть, в том числе и мои три сотни фунтов. Если я не вернусь к четверем, забирай ее и поезжай в Лемингтон.

— А если ты задержишься? Если опоздаешь?

— Если не приду к четверем, поезжай без меня. Но я вернусь. Обязательно. И намного раньше.

По крайней мере он на это надеялся. Только бы Паркер не разослал по городу своих людей. Уехать из Лондона, спрятаться в глубинке, подальше от дома Стивентона, куда собрался перебираться Мориарти, — вот их единственная надежда. Остаться в Лондоне с Фанни Пейджет не мог и не хотел — здесь не было никого, кому он мог бы довериться. То, что он задумал, предстояло сделать в одиночку: подкинуть Профессору неприятностей, поставить в положение, когда ему нужно будет думать о себе, а не о паре беглецов. Если все получится, то уже через год они будут жить другой жизнью, спокойной, размеренной, тихой. Он отпустит бороду. Они откажутся от прежних привычек и прежней жизни. Со временем след остынет. И тогда через год или два они будут в безопасности.

Но сейчас перед ним стояла опасная и трудная задача: продержаться несколько часов и, прежде чем покинуть Лондон, сунуть голову в пасть льву.

Доехав на кэбе до Скотланд-Ярда, Пейджет попросил возницу подождать немного, пока он отлучится на несколько минут. Затем, собрав в кулак всю свою храбрость и приняв вид человека, имеющего полное право находиться здесь и даже отдавать приказы, он подошел к окошечку дежурного.

— Я к инспектору Кроу, — произнес он твердо и уверенно. Эту манеру Пейджет позаимствовал у Мориарти, наблюдая со стороны, как держится тот в подобного рода ситуациях.

Сидевший за столом дежурный сержант поднял голову и посмотрел на посетителя с подозрительностью, ввевшейся, казалось, в каждую морщинку его усталого лица и бывшей вполне естественной для человека, многие годы имеющего дело с сомнительными личностями.

— Инспектора сегодня не будет, — хмуро ответил он, выказывая, возможно, недовольство тем порядком, что вынуждает человека работать по воскресеньям. — Приходите завтра.

— Завтра не могу. Дело срочное. Семейное. Я приехал издалека и провел в дороге всю ночь.

— Ничем не могу помочь. Его сегодня нет.

— Где я могу найти инспектора?

Сержант смерил Пейджета недоверчивым взглядом.

— Срочное, говорите?

— В высшей степени срочное. Вопрос жизни и смерти. — По крайней мере для самого Пейджета так оно и было.

Сержант открыл какую-то толстую книгу.

— Так... — Брови сдвинулись к переносице. — Вы только на меня не ссылайтесь, ладно? Поищите его на Кинг-стрит. Дом шестьдесят три. Как, вы сказали, вас зовут?

— Еще не сказал. Я его кузен, Альберт Руке.

— Вот как! Ну, тогда все в порядке. Поезжайте на Кинг-стрит. Дом шестьдесят три.

Прошло, наверное, минут десять, прежде чем у сержанта зародились некоторые

сомнения относительно кузена инспектора Кроу.

— Я заплачу тебе то, что должен, и дам еще пять шиллингов сверху, если подождешь, — сказал вознице Пейджет, когда кэб остановился перед домом 63 по Кинг-стрит. — Мне надо взять здесь одно сообщение, так что, когда выйду, тебе придется выжать из своей лошадки все, что есть. Получишь еще пять шиллингов.

Возница согласно кивнул.

— Буду на месте, приятель.

Пейджет соскочил на тротуар и направился напрямиком к двери. Подойдя вплотную, он сунул правую руку под пальто и сжал рукоятку револьвера, а левой потянул за шнур.

Харкнесс высадил Мориарти и Мэри Макнил у таверны неподалеку от Лейстер-сквер, открытой по воскресеньям и предлагавшей посетителям сытный ланч. Ели молча, и только когда со стола убрали, Мориарти наконец заговорил, дав Мэри простые и четкие инструкции. Расплатившись за картошку с жареной говядиной, он вернулся со своей спутницей к кэбу и приказал Харкнессу отвезти их к «Альгамбре», где у него была назначена встреча с Доктором Ночь, на которую он уже опаздывал.

Привратник, очевидно, и живший в театре, встретил Профессора приветливой улыбкой.

— Он уже ждет вас, сэр. На сцене. Сегодня театр в полном вашем распоряжении. По воскресеньям здесь никого не бывает.

Доктор Ночь — или, если угодно, Уозерспун — ожидал Профессора со своей ассистенткой, пухленькой Розы, явно недовольной тем, что ей испортили выходной, заставив приехать из Клапама. «Женщина», — вздохнул про себя Мориарти. С готовностью принимая от Доктора дополнительную плату, она не желала смириться с необходимостью отдавать за это свое время.

Все складывалось к лучшему. До последнего времени Мориарти намеревался приступить к осуществлению своего плана не ранее вечера четверга, но ситуация изменилась, и положение дел требовало незамедлительных действий. Мориарти улыбнулся. Что ж, по крайней мере он исчезнет, не оставив и следа полиции и всем остальным. Разве это не настоящая магия?

— А, вот и вы. — Уозерспун шагнул навстречу с протянутой рукой.

— Прошу извинить за опоздание. Бизнес, знаете ли, не знает выходных.

— К тому же вы с дамой. — Уозерспун поднял бровь, показывая, что присутствие незнакомой женщины его совсем не радует.

— Мэри Мэллони, моя секретарша, — представил спутницу Мориарти, которого недовольство иллюзиониста ничуть не смутило. — Нужно было произвести впечатление кое на кого, вот я и подумал, что Мэри прекрасно подойдет для этой цели.

Уозерспун смягчился.

— Конечно, конечно. Так вы посвятили ее в наш маленький секрет?

— Разумеется. Она же моя секретарша.

— Что ж... — Иллюзионист потер руки. — Должен сказать, моя дорогая, ваш хозяин — способный ученик. Известно ли вам, что он уже сейчас может выполнить мой трюк почти так же хорошо, как я сам?

— Только не этот, новый. — Мориарти указал на два узких, похожих на гробы ящика, стоявших в углу сцены.

— Да, да. — Уозерспун похлопал по кончику носа длинным указательным пальцем. — Не уверен, что это можно сделать сейчас. Мы с Розы как раз отработывали номер. Я планировал приступить к нему позже, когда мы начнем работать в ваших залах. — Он ослепительно улыбнулся и повернулся к Мэри. — Весьма и весьма впечатляющее зрелище. Мы пригласим на сцену нескольких зрителей и предложим им осмотреть эти ящики — я называю их Ларцами Метаморфоз. Потом в один из них — тот, что справа, — встанет Розы. Ящик перевяжут веревками. Сам я встану в другой ящик, тот, что слева. Его тоже обвяжут веревками. Зрители сосчитают до пяти, после чего я постучу. Веревки развяжут, крышки

снимут. Я выйду из того, в котором была Роза, а она — из того, в котором был я. Ну, что вы об этом думаете?

— Поразительно! — ахнула Мэри. — А как это делается?

— Ха! Это вам только предстоит узнать. Скажу только одно: никто не может выйти из этих ящичков, пока они перевязаны веревками.

— Боже!

Мориарти пришлось умерить восторги своей «секретарши».

— Э... не могла бы Роза... э... проводить мисс Мэллони в... помыть руки, пока мы поговорим наедине? — Он твердо посмотрел на Мэри, потом снова на Уозерспуна.

— Конечно. — Уозерспун нервно улыбнулся, а его черная борода задержалась. — Роза, проводи нашу гостью в свою уборную.

Когда женщины удалились, Мориарти опустился на деревянный стул, бывший частью реквизита иллюзиониста.

— Вы, должно быть, волнуетесь, — добродушно сказал он. — Пятница уже скоро.

— Да, вы правы. Какой-то страх перед выходом на сцену. Раньше со мной ничего подобного не случалось.

— Вас, вероятно, отправят туда специальным поездом?

— Нет, нет. На вечернее представление меня заменят, поставят Эллиотов и Савонас. Вы, должно быть, слышали о них?

Мориарти кивнул. Слышал? Да они выступали в одном из его мюзик-холлов.

— Мне сказали приготовить все к трем часам и ждать здесь, у входа. Сначала отвезут в Шордич, а уже оттуда поездом до Вулфертона. С нами поедет конюший, — с гордостью объяснил иллюзионист.

Именно это Мориарти и желал знать.

Занавес опущен, в зале никого, привратник на своем месте. Время пришло.

— Я пробовал повторить тот трюк с веревкой, который вы показали мне вчера. — Мориарти неторопливо поднялся — сейчас важно было не спугнуть Уозерспуна резким движением или неосторожным взглядом. — Похоже, я что-то упустил. Не могли бы вы продемонстрировать его еще раз, пока девушки не вернулись.

— Конечно, с удовольствием. Тут есть одна тонкость... — Иллюзионист направился к одному из столов. — Вот, возьмите эту веревку, смотрите на меня и повторяйте мои движения.

Он бросил Мориарти тонкий шнур длиной в три фута и направился к гостю. Их разделяло два шага, когда Мориарти указал в угол сцены.

— Тот ящик, посмотрите...

Уозерспун оглянулся. В тот же миг Мориарти с поразительной быстротой вскинул скрещенные в запястьях руки. Петля упала на голову Уозерспуна, и Мориарти резко дернул ее вниз и потянул. Пользоваться гарротой он научился давным-давно.

Доктор Ночь успел издать один лишь звук, похожий на тот, что слышен иногда в пустом кране. Руки взметнулись, пальцы царапнули горло, ноги застучали по полу, все тело выгнулось вперед, но это продолжалось не больше минуты, а потом он затих и безвольно свалился, как кучка собранной для старьевщика одежды.

Несколько секунд Мориарти стоял над телом, отдуваясь, приходя в себя, потом прошел к одному из Ларцов и откинул крышку.

Протасив мертвеца через сцену, он засунул труп, словно охапку тряпок, в ящик, вытащил из карманов ключи, часы и бумажник и опустил крышку, которую закрепил потом веревками. Доктор был прав, сказав, что, когда ящик перевязан, из него никто не выберется. По крайней мере сам он точно не выберется, подумал Профессор.

Девушку было жаль, но его план не предусматривал сохранение жизни свидетелям, и Мориарти утешил себя тем рассуждением, что Роза расползлась, что с работы ее скоро прогнали бы, и вообще она неприятная, вульгарная особа.

— Здесь не так уж и воняет, — сказала она, возвращаясь вместе с Мэри. — А где наш

великий фокусник?

— В ящике, — улыбнулся Мориарти. — И хочет, чтобы вы заняли второй.

Когда все закончилось, Мориарти перетащил оба ящика за кулисы и придвинул к стене. Потом он взял со стола две больших наклейки, написал на каждой по несколько слов печатными буквами и приклеил по одной на обе крышки.

ДОКТОР НОЧЬ.
ИЛЛЮЗИОНИСТ И НЕСРАВНЕННЫЙ ФОКУСНИК.
В САНДРИНХЕМЕ НЕ ЖДУТ.

Разумеется, произошедшее на ее глазах изрядно напугало Мэри, но она все еще находилась под гипнотическим влиянием, укрепить которое Мориарти рассчитывал в ближайшие дни. А пока Мэри помогла ему расставить по местам оборудование иллюзиониста.

Убедившись, что все в порядке, Мориарти отвел свою спутницу в уборную Уозерспуна. Его ожидало самое трудное испытание.

Накануне Профессор обратил внимание, что в гримерке фокусника висит один из его безобразных клетчатых костюмов. В него-то теперь и облачился Мориарти с помощью Мэри. Костюм оказался впору, хотя и сидел небезупречно. Мориарти открыл свой портфель, достал краски, кисточки и все остальное и сел перед зеркалом, чтобы завершить преобразование.

Работа заняла не более получаса. Закончив, Профессор повернулся к Мэри.

— Невероятно! Я бы никогда...

— Придется поверить, — резко бросил он. — Отныне ты должна верить, что я — Доктор Ночь. Понимаешь?

Она робко кивнула.

— Хорошо. Знаешь, что делать дальше?

— Знаю.

— Тогда иди.

Мэри вышла из уборной и направилась в фойе. Привратника на месте не было, но она все же задержалась на секунду, прежде чем выскользнуть на улицу. Харкнесс ждал ее на Лейстер-сквер, откуда они поспешили на очередное свидание.

Выждав полчаса, Мориарти последовал за Мэри Макнил, но задержался у выхода — здесь ему предстояло пройти первую проверку.

Старик сидел в своей каморке, удобно устроившись с чашкой чая и трубкой.

— Сегодня сцена кому-нибудь нужна? — осведомился Профессор.

— Нет, мистер Уозерспун, насколько мне известно, никому, — отозвался привратник, не поворачивая головы.

— Хорошо, тогда передайте директору, что я, возможно, займу ее на весь день. Буду репетировать с новой помощницей.

— С новой помощницей? — Старик поднял голову. — А что же с нашей Розы?

— Она разве не сказала вам, когда уходила?

— Я ее не видел.

— Больше и не увидите. Пришлось уволить. Девчонка возомнила о себе немного лишнего.

Привратник медленно кивнул.

— Я это тоже заметил, так что не удивляюсь. Ладно, скажу. А у вас уже есть кто-то на примете?

— Да, девушка, с которой работал раньше. Возьму ее на время.

Мориарти небрежно шагнул к выходу. Теперь он чувствовал себя намного увереннее — почти новым человеком.

Миссис Сильвия Коулз открыла дверь.

— Инспектор Кроу здесь? — с располагающей улыбкой и дрожа внутри как осиновый

лист, спросил Пейджет.

— Кто желает его видеть?

— Инспектор Кроу здесь?

— Дома, но кто желает его видеть?

— Я. — Пейджет вынул револьвер — быстро, одним движением кисти, без лишней драматической аффектации — и переступил порог. Миссис Коулз попятилась — рот ее распахнулся, глаза закатились, а крик, испустить который она намеревалась, так и замер где-то в недрах ее голосовых связок.

Не оборачиваясь, Пейджет толкнул ногой дверь. Теперь он мог пустить в ход угрозы.

— Где Кроу? И не вздумайте шуметь или получите пулю в ваш миленький животик.

Миссис Коулз сглотнула, сомкнув на мгновение губы, и снова раскрыла рот, но уже шире.

— Ну же, ну!

Что бы он сделал в последнюю очередь, так это спустил курок, но миссис Коулз об этом, конечно, не знала. Взгляд ее метнулся влево, ко второй двери по коридору.

— Он там?

Глаза сказали правду. Пейджет втолкнул несчастную леди в комнату и сам вошел вслед за ней.

Кроу сидел в кресле, листая страницы лежащего на коленях каталога — пара выбирала мебель для своего будущего дома.

Полицейский оказался не робкого десятка. Неспешно, почти лениво, повернувшись, он мгновенно оценил ситуацию. Взгляд его задержался на секунду на револьвере.

— Мистер Пейджет, полагаю, — сказал Кроу.

Пейджет позавидовал его хладнокровию.

— Вы меня знаете?

— Я был на вашей свадьбе. Что все это значит?

Пейджет легонько подтолкнул миссис Коулз к нареченному.

— Оба — туда. — Он ткнул дулом револьвера в угол комнаты. — Я вас долго не задержу.

Они молча повиновались.

— Вы меня ищете?

— Вас и некоторых других.

— Профессора Мориарти?

— Естественно. — Кроу по-прежнему держался с достоинством и ничем не обнаруживал страха. — Я бы посоветовал вам опустить револьвер. Наделаете глупостей — далеко не уйдете, это я вам обещаю.

— Никаких глупостей, инспектор. Я пришел предложить сделку.

— Мы сделок не заключаем, и вам это известно.

— Нет? Даже если я предложу вам Профессора?

Он бросил взгляд на красивые часы, стоявшие на каминной полке. Почти полтретьего.

— Дайте мне оружие, — спокойно, не повышая голоса, сказал Кроу. — Потом расскажете, что знаете. Дадите показания, и я сделаю для вас что смогу.

— Принимаете меня за легковверного простачка? Нет, инспектор. Мне нужна свобода. Мне и...

— И вашей жене?

— И ей тоже.

— Ничего не получится. Мориарти мы возьмем. Не сегодня, так завтра. Или на следующей неделе. Или через год. Это не так уж важно. Мы его возьмем.

Все это время инспектор обнимет тихонько плачущую миссис Коулз за плечи.

— Я никого еще не сдавал, мистер Кроу. Но сейчас приходится. Потому что я хочу жить. С Фанни. Хочу уехать, убраться отсюда, и чтоб ваши люди не гонялись за мной по пятам.

— А как же Мориарти? Его людей вы не боитесь? Разве они за вами гоняться не будут?

— Не догонят, если мы поспешим.

Кроу едва заметно пожал плечами.

— Знаю, что «бобби» на слово верить нельзя, — продолжал Пейджет, — но я все-таки рискну. Возле дома мои люди. — Ложь далась легко, без усилий — он освоил это искусство давно. — Вот мое предложение. Я указываю вам убежище Мориарти. Как и вы, обещаний давать не могу, потому что он уже знает, что я ушел. Сейчас меня, наверное, уже пол-Лондона ищет, а в моем распоряжении всего лишь горстка верных парней.

— Вы же предатель. Доносчик. — В голосе Кроу сквозило отвращение.

— Мне дорого собственное будущее, и я ставлю на него все. Я расскажу, где искать Профессора, как туда попасть... расскажу все. Но только при условии, что вы дадите мне час.

В голове у Кроу уже гудел растревоженный рой мыслей. Предложение Пейджета стало неожиданным подарком, манной небесной. Пейджета можно взять потом, а сейчас — если он выдаст логово Мориарти — все полицейские силы следует бросить на поимку главного злодея. На остальное времени не будет — именно на это и делает ставку Пейджет.

Кроу медленно кивнул.

— Я дам вам час, — спокойно проговорил он.

Пейджет облегченно выдохнул. Волна надежды ударила с такой силой, что он едва не выпустил рукоятку револьвера.

— Ладно, инспектор. Будем считать, договорились. Посмотрим, кто чего стоит.

Некоторое время — Кроу оно показалось вечностью — Пейджет молчал, потом, словно приняв окончательное решение, заговорил — негромко, твердо, как человек, покончивший с сомнениями. Он рассказал о складе все: месторасположение, пути подхода, внутреннее устройство. Рассказал, как пройти через ворота, описал замки и запоры на дверях. Он говорил долгих десять минут, и все это время Кроу слушал его — внимательно, сосредоточенно, не перебивая и не отвлекаясь.

— Что еще вам нужно? — спросил наконец Пейджет.

— Сколько человек там может быть?

— Трудно сказать. Когда я уходил, все готовились к переезду. Возможно, птичка уже улетела. Если нет, человек двадцать-тридцать. Или даже больше, если Профессор решил остаться и дать бой. Все входы будут прикрывать еще и снаружи. У него отличная система наблюдения и охраны.

— И вы говорите, что подходить следует только пешком?

— Да. Подъехать можно лишь со стороны доков.

— Расскажите об этом.

Пейджет подробно расписал маршрут, зная, что к этому времени на складе уже никого не осталось.

— Хорошо, — сказал наконец Кроу. — Благодарить сейчас не стану. Думаю, мы еще встретимся.

— Я уже говорил вам, что дом окружен. — Пейджет скосил глаза на часы. Прошло двадцать минут — поезд от Паддингтона уйдет через семьдесят с небольшим. — За вами будут присматривать еще десять минут. — Он криво усмехнулся. — Поверьте мне, инспектор Кроу, они застрелят любого, кто попытается выйти раньше назначенного времени. — Их взгляды встретились, и Пейджет понял — полицейский знает, что он блефует. — Мне нужно убраться отсюда. Понимаете?

— Вам позволят убраться.

Сильвия Коулз в очередной раз всхлинула. Справиться с истерикой у нее не получалось, и Пейджет подумал, что инспектор еще намается с этой дамочкой.

— Тогда я пойду.

Пейджет осторожно отступил к порогу, вышел в коридор, закрыл за собой дверь и рванул по коридору.

Кэб стоял на прежнем месте. Пейджет подлетел к нему, вскочил на подножку и окликнул возницу.

— Отвези меня к Марбл-Арч. — От триумфальной арки до вокзала было не так уж далеко, к тому же он знал короткий маршрут.

Кэб сорвался с места. Пейджет плюхнулся на сиденье и выдохнул.

— Привет, Пип, — раздался у него над ухом тихий голос. — Я подумал, что приберегу тебя для себя. Хорошо, что мои парни приглядывали за мистером Кроу.

Паркер сидел рядом с омерзительной улыбочкой на губах, и дуло его револьвера упиралось Пейджету в живот.

Уильям С. Уозерспун, он же Доктор Ночь, квартировал в доме на Сент-Мартин-лейн, неподалеку от «Альгамбры», что, вероятно, в какой-то степени компенсировало расходы.

Профессор уже ознакомился с деталями на удивление скромной личной жизни и быта иллюзиониста, бывшего за пределами театра человеком тихим и нелюдимым. Знал он и то, что в доме есть небольшая мансардная комната, которую хозяйка никому не сдает.

Выйдя из «Альгамбры», Мориарти быстро прошел на Крэнборн-стрит, где его ждал кэб с Харкнессом и Мэри. Оттуда они проехали к Сент-Мартин-лейн, где Профессор и Мэри вышли, а Харкнесс получил указание относительно следующей встречи. Пара прошла к дому миссис Харрингтон, добродушной, краснощекой дамы, переживавшей затянувшийся роман с бутылкой джина.

На цепочке у Уозерспуна болталось несколько ключей; угадать, который из них открывает переднюю дверь, Профессору не составило труда — по части замков у него был немалый опыт.

Он закрывал дверь, когда из гостиной вышла миссис Харрингтон.

— Мистер Уозерспун, — с чувством произнесла она и, увидев Мэри, осеклась и выразительно вскинула бровь. — О, у вас гостя. Не желаете ли чаю?

— Да, миссис Харрингтон, если можно. — Мориарти пришлось слегка понизить голос, чтобы попасть в нужный тон. — И не могли бы вы помочь мне в одном деле?

— Для вас, мистер Уозерспун, все, что угодно. — Хозяйка жеманно, как девчонка, хихикнула.

— Все дело в Розе, — сказал Профессор.

— Розе? Той самой, что выступала с вами?

— Я отпустил ее.

— О... Дали ей коленкой под зад? — Новость удивила миссис Уозерспун не больше, чем привратника в «Альгамбре».

— Я стараюсь не употреблять таких выражений, миссис Харрингтон. Это нехорошее выражение. Но вы правы, Розе пришлось уйти. — Он кивком указал на Мэри. — Ее заменит мисс Мэри Мэллони.

Выпитое добавило улыбке хозяйки тепла.

— Рада познакомиться.

— Я тоже, — ответила Мэри.

— Дело вот в чем... — нерешительно начал Мориарти. — Мисс Мэллони живет далеко отсюда, а нам в ближайшие дни предстоит много работать, чтобы подготовиться к выступлению.

— Да?

Он подумал, что вот сейчас миссис Харрингтон встанет в позу и заявит, что у нее приличный дом.

— Вы не могли бы сдать на несколько дней мансардную комнату? Она ведь сейчас пустует?

— Да, — неуверенно ответила миссис Харрингтон. — Там никто не живет.

— Я заплачу вам больше обычного, поскольку это ненадолго, и вы избавили бы меня от неудобств.

Сдавать комнату наверху миссис Харрингтон не хотела, но предложение выглядело заманчиво, и отказываться от хороших и быстрых денег было бы глупо.

— Пусть берет. Надолго?

— Только до конца недели. Видите ли, — важно, следуя манере настоящего Доктора Ночь, добавил Мориарти, — нам еще многое нужно сделать до пятницы, когда мы выступаем перед принцем и принцессой.

Это историческое событие, по всей видимости, выпало из памяти миссис Харрингтон, и теперь она едва не склонилась в почтительном поклоне.

— Ах, да, да. Конечно. Как я могла забыть! Разумеется, пусть занимает ту комнату.

— Я спущусь позже, и мы обсудим условия.

Хозяйка закивала.

— А я пока принесу вам чай. Вы только дайте мне парочку минут.

После чая Мориарти попросил Мэри помолчать, а сам сел к столу. Миссис Харрингтон унесла чашки, и их место заняла карта. Вооружившись парой компасов, линейкой, бумагой, ручкой и навигационным справочником — все это было извлечено из портфеля, который он привез с собой из Лаймхауза, — Профессор взялся за дело.

Целый час он сидел над картой, изучая участок побережья с отмеченными на нем песчаными банками, косами и отмелями, носящими такие названия, как Воровская бухта, Черный Питер, Залив Сэл...

Проведя за расчетами чуть больше часа, Мориарти взял ручку и начал составлять длинную зашифрованную телеграмму Жану Гризомбру в Париж.

Кэб катился, набирая ход, а возница все обхаживал лошадь кнутом. Пассажиров то и дело подбрасывало на неровностях или швыряло друг на друга, но победная улыбка прочно держалась на губах Паркера, а рука крепко сжимала револьвер.

— Отдай-ка мне свое оружие, — потребовал он.

— Куда мы едем?

— Скоро узнаешь. Оружие.

Пейджет выглянул в окошко и увидел, что они сворачивают в сторону Кенсингтона. Похоже, Паркер распорядился гнать в Беркшир. Пейджет знал — там никаких шансов у него уже не будет. Действовать надо быстро, иначе к утру Фанни останется вдовой.

— Я могу объяснить. — Он попытался улыбнуться. — Не все так плохо, как кажется со стороны.

— Прибереги свои объяснения для Профессора. Или Спира. Он тоже хочет с тобой потолковать.

Кэб сбавил ход, и их уже не трясло, а только потряхивало. Пейджет небрежно пожал плечами.

— Ладно. Оружие. Отдай его мне. Где оно у тебя, за поясом?

Держа револьвер в правой, Паркер протянул левую.

— Ну!

Главное — не допускать резких движений, чтобы палец не дернул курок, напомнил себе Пейджет. Опустив руку к поясу, он неторопливо сунул ее под пальто и, как только кэб встряхнуло, навалился всем весом на Паркера, вытащил револьвер и одним движением пальца взвел курок и выстрелил.

Пуля попала Паркеру в живот. Пейджет услышал, как его револьвер глухо стукнулся о пол, и почувствовал под собой что-то влажное. Он тут же отстранился и взглянул на возницу — слышал ли тот выстрел? Но возница был всецело занят своим прямым делом, с трудом управляя лошадью в плотном потоке движения. Справа Пейджет увидел зеленые лужайки и деревья Кенсингтон-Гарденз.

Рядом подпрыгивал, понемногу сползая на пол, труп. Пейджет отодвинулся подальше. Трясло уже не так сильно, они ехали по одной из самых оживленных улиц Лондона. Пейджет схватился за ручку, толкнул дверцу и высунул голову. Впереди катился омнибус и несколько

кэбов, позади — фургон и по меньшей мере три кареты. Теперь они приближались к Хай-стрит, и экипажи сбились в плотную группу. Ситуация складывалась благоприятная: кэб Пейджета шел в левом ряду, почти рядом с тротуаром, запруженным в этот воскресный денек праздной публикой.

Возница придержал лошадь и оглянулся. В ту же секунду Пейджет сунул револьвер за пояс, глубоко вдохнул, распахнул дверцу и прыгнул, растянувшись на тротуаре под возмущенные крики прохожих.

Он услышал громкий вопль возницы, встревоженные голоса позади и, торопливо поднявшись, помчался по улице, отталкивая тех немногих, кто пытался его задержать. Он бежал, спотыкался, падал, снова поднимался и наконец нырнул в знакомый переулок.

Сил хватило минут на десять. Поняв, что оторвался от преследователей — если таковые были, — Пейджет остановился, отдышался, вытер платком мокрый лоб и попытался определить, где находится. Место было незнакомое, но минут через пять ему удалось поймать кэб.

— Заплачу вдвойне, если успеем к Паддингтону до четырех, — пообещал он вознице.

И все же они опоздали.

Хотя Сильвия и умоляла сделать все так, как приказал Пейджет, Кроу согласился подождать только пять минут. Важно было как можно быстрее попасть к комиссару и его заместителю. Время решало все, потому что ему предстояло возглавить крупнейшую облаву за всю историю существования полицейских сил.

Выбежав наконец на Кинг-стрит, инспектор не обнаружил ни обещанных бандитов, ни самого Пейджета. Лишь на следующий день, когда из транспортного отдела пришел отчет об обнаруженном в кэбе мертвце, в котором признали Паркера, Кроу сопоставил факты и понял, что случилось.

В пять часов инспектор дал «добро», и полицейские силы обеих служб, полиции Лондона и Сити, начали выдвижение на исходные позиции.

Операция началась в двадцать пять минут седьмого. Семь полицейских фургонов промчались галопом через доки и подлетели к складу — клубы пыли, храп взмысленных лошадей, скрип рессор, крики. Одновременно десятки пеших полицейских вступили на территорию Лаймхауза длинной, растянувшейся едва ли на весь переулок колонной. Зарешеченную дверь снесли с петель, и стремительная волна прошла по открытому пространству двора, раскатилась по комнатам, коридорам и винтовым лестницам и взмыла по деревянным ступенькам к личным апартаментам Мориарти.

Но склад был уже пуст. В кладовых остались продукты, в кухне еще не остыла еда, в жилых комнатах валялись брошенные второпях вещи — украшения, картины, одежда и тому подобное, — но ценного не осталось ничего.

В апартаментах Мориарти их встретили пустые книжные шкафы, скомканные листки на полу и кучка пепла в камине. Переворошив золу и остывающие угли, Кроу отыскал один-единственный обгоревший клочок бумаги с едва различимыми буквами. Все оставленное прежними обитателями склада было собрано, пронумеровано и тщательно изучено в последующие несколько дней. Но и это ничего не дало — ни малейшего ключа, ни единого намека на то, что случилось с Профессором и куда подевалась его банда. Они как будто растворились в воздухе, исчезли, подобно облачку дыма, которое смахнул ветер.

Часы показывали десять минут пятого, когда двуколка доставила Пейджета к вокзалу. Торопливо сунув деньги в заскорюзлую ладонь кучера, он соскочил на землю и помчался к станционному буфету. Но Фанни там уже не было. Подгоняемый паникой, Пейджет устремился в зал. Безумный взгляд его метался по лицам пассажиров. Схватив за грудки проходившего мимо носильщика, он прорычал что-то насчет поезда до Лемингтона.

— Там... — Испуганный носильщик указал дрожащей руку в сторону платформы. — Уже отходит...

Зажав в потном кулаке скомканные бумажки, Пейджет вылетел из зала. У калитки его попытался остановить контролер, но он бросил ему деньги и крикнул, что заплатит, если потребуется, на конечной станции. Контролер, мужчина дородный и строгий, даже схватил безбилетника за руку, но Пейджет легко и без усилий, словно то был чахлый кустик, оттолкнул его в сторону.

Проводник уже свистнул в свой свисток, но тут Пейджет увидел высунувшуюся из вагона и машущую рукой Фанни. Он крикнул что-то в ответ, собрал остатки сил и, едва ли не волоча за собой налившиеся свинцом ноги, заковылял к вагону, находившемуся в середине состава.

Фанни открыла дверь, призвав на помощь некоего молодого человека в очках, судя по наружности, клерка, вдруг раззадорившегося, словно в нем проснулся дремавший дух авантюризма.

Паровоз издал пронзительный прощальный гудок и выпустил громадный клуб белого дыма, когда Пейджет ступил на подножку, с которой его втащили в вагон, где он оказался в крепких объятьях отчаявшейся было супруги.

Многие из завсегдатаев «Альгамбры», оказавшиеся в понедельник на вечернем представлении Доктора, отмечали, что никогда еще не видели знаменитого иллюзиониста таким собранным и сосредоточенным. Некоторые видели причину в том, что ему помогала новая ассистентка, другие указывали на предстоящее выступление в Сандринхеме, подготовка к которому требовала особой ответственности. Так или иначе, Доктор умело и с присущим ему блеском провел свою юную напарницу через все испытания.

Первая репетиция прошла утром, когда они, поначалу неспешно, с объяснениями и остановками, прошли по всей его программе. Доктор показал, где ей стоять, когда и по какому знаку подавать ему ту или иную вещь, и как выходить к публике. После перерыва на ланч со сцены убрали лишнее, и иллюзионист, удалив всех посторонних, отрепетировал с мисс Мэллони ее эпизоды: вход через потайную дверцу в египетский саркофаг; облачение в специальный костюм со скрытыми в нем металлическими прутьями — для номера с левитацией.

Большая часть второй половины дня прошла в упорных тренировках, продолжавшихся до тех пор, пока вся последовательность действий не отложилась прочно в милой головке Мэри. Единственный получасовой перерыв Доктор использовал для встречи с двумя посетителями в своей гримерной.

Посетителями этими были, разумеется, Эмбер и Харкнесс. Отдав необходимые распоряжения, Мориарти выслушал отчет об организации дел на новом месте, в Беркшире, где этим занимался Спир, и с горечью принял удручающие известия о налете полиции на склад и безвременной кончине Паркера.

Прежде чем они ушли, Профессор повторил главное.

— Ждать не меньше десяти часов, — сказал он Эмберу. — На случай, если что-то пойдет не так. А ты, — он повернулся к Харкнессу, — отправляйся туда сегодня же. Изучи все дороги. Ты должен знать их, как свои пять пальцев, чтобы мог проехать даже с завязанными глазами.

Вечером Доктор Ночь предстал перед публикой в великолепной форме. Уже после выступления директор театра выразился так:

— Впечатление такое, будто это новая программа. Все так свежо, так динамично. Может быть, новая ассистентка дает ему что-то такое, чего у него не было раньше.

— Надеюсь, это не проказа, — пошутил кто-то из рабочих сцены.

В течение всей последующей недели зрители, посещавшие «Альгамбру», неизменно признавали, что Доктор Ночь никогда еще не был так хорош. Следует, правда, отметить, что некоторые жаловались на его нежелание общаться за кулисами: слишком уж возгордился, говорили они, удостоившись внимания монарших особ.

Что касается инспектора Кроу, то ему эта же неделя принесла сплошные

разочарования. Найденные на складе немногочисленные документы и даже обрывки бумаг были тщательно изучены, но никакой сколь-либо ценной информации извлечь не удалось. Местопребывание Мориарти оставалось тайной, разгадать которую инспектор уже отчаялся.

Глава 15 ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК

Пятница, 27 апреля 1894 года

В пятницу, 27 апреля 1894 года, ровно в три часа пополудни два экипажа и фургон свернули на Лейстер-сквер и остановились возле театра «Альгамбра». Боковая дверь открылась, и рабочие вынесли и загрузили в фургон несколько увесистых ящиков. За ящиками последовал большой сундук, принадлежащий, как следовало из надписи на его крышке, Доктору Ночь.

Два прибывших в экипажах джентльмена вошли в театр через ту же дверь. Встретивший гостей управляющий представил им Доктора Ночь и его очаровательную ассистентку, мисс Мэри Мэллони.

В половине четвертого все четверо вышли и разместились в экипажах, которые и доставили их к специальному поезду, коему надлежало отвезти иллюзиониста в Вулфертон. Оттуда его путь лежал в Сандринхем, одну из загородных резиденций английских королей.

В половине восьмого поезд, пыхтя, остановился у платформы Вулфертона. Пассажиры пересели в кареты. Отсюда до загородного поместья принца Уэльского было не более четверти часа пути. Дорога пролегла между пустошами и редкими рошицами — необжитой, безрадостный, открытый ветрам, сей уголок мира навевал уныние и порождал меланхолию.

Говорили, что престарелая королева недолголюбит Сандринхем, считая его несчастливым домом; для других он был очагом общественных конфликтов. Возможно, размышлял Мориарти, и одни, и другие еще до истечения нынешней ночи получат новые подтверждения своей правоты.

Встретившие гостей рабочие проворно разгрузили фургон, тогда как конюший провел доктора и его юную помощницу по длинным коридорам в большой танцзал, уже подготовленный для представления — тридцать или сорок расставленных аккуратными рядами стульев смотрели в сторону расположенных на восточной стороне эркеров, перед которыми и предстояло выступить Доктору Ночь.

Впечатляющий зал. Сцена, достойная триумфа. Около семидесяти футов в длину, тридцать в ширину и двадцать три в высоту. Пол из дубового паркета, глубокие альковы, богатые панели и, как сказал конюший, сто двадцать шесть газовых светильников. Повсюду индийские щиты, тигровые шкуры, накидки для слонов и тому подобное.

Сбоку от восточной стены уже стояли стулья и пюпитры для оркестра, терпеливо дожидавшегося прибытия Доктора Ночь. Как только ящики и сундуки были перенесены в дом, иллюзионист раздал музыкантам их партии и коротко переговорил с дирижером.

Задержавшись ровно настолько, чтобы оценить звучание, Доктор Ночь попросил адъютанта не беспокоить его в ближайшее время, поскольку ему нужно разобрать реквизит и подготовиться к представлению на фоне роскошного кремового гобелена, коим были задрапированы все окна.

Конюший отдал необходимые распоряжения и сообщил Доктору, что в соседней комнате для него уже накрыт стол с легкими закусками для укрепления сил, а ужин будет после выступления.

Их королевские высочества в это самое время обедали с гостями, и конюший взял на себя смелость предположить, что обед закончится примерно к десяти.

Ветер со стороны Уэльса усилился к вечеру, принеся наконец дождь, которым грозил с самого утра. В нескольких милях от Сандринхема, в таверне на окраине Вулфертона, Харкнесс потягивал бренди, то и дело поглядывая часы. Время как будто остановилось.

Для Энгуса Кроу день тоже тянулся с раздражающей медлительностью. Снова и снова он просматривал найденные на складе документы и всматривался в обгоревшие клочки бумаги. В какой-то момент инспектор поймал себя на том, что постоянно возвращается к одному и тому же фрагменту, потемневшему от пламени обрывку с несколькими едва различимыми словами:

Если...
н будет...
, то самое...
обное...
время и дата...
Ночь...

Было здесь что-то такое, что зацепило внимание с самого начала и вот уже несколько часов не давало покоя Энгусу Маккреди Кроу. Но что? «Ночь»? Да, слово было написано с прописной буквы, но ведь смысл его от этого не изменился? Загадка, если она и существовала, не давалась, а осознание своего бессилия только распалило раздражение и недовольство собой. К концу дня Кроу понял, что вот-вот не выдержит и сорвется. Что толку сидеть в кабинете, если методы дедукции не дают результата? Не лучше ли взяться за дело с другой стороны: прочесать воровские притоны, разгрести криминальные помойки, пройтись широкой сетью по улицам, а уже потом, если потребуется, выбить информацию из задержанной уголовной мелочи.

Кроу чувствовал, что устал. Может быть, завтра он соберет своих людей, проведет с полдюжины облав, задержит с десятков известных полиции злодеев и употребит их с той же целью, с которой Сильвия употребляет капсулы каскары⁷¹ от «Дункан энд Флокхарт», запас которых хранится в ее медицинском шкафчике. Завтра. А на сегодня с него хватит.

Он вышел из Скотланд-Ярда без десяти пять, взял кэб и, вернувшись на Кинг-стрит, застал врасплох Сильвию Коулз, сидевшую с ножницами в руках за столом, заваленным конвертами, бумагой и вырезками из «Таймс».

— Я ужасно занята, дорогой, — с улыбкой сообщила она. — Пишу письма друзьям и родственникам и раскладываю извещения о нашей помолвке.

— Со всем этим можно и лавочку открывать, — бодро ответил Кроу, убирая с любимого кресла ворох истерзанных газет. Взгляд его пробежал по странице и застыл, наткнувшись на объявление в разделе «Придворный циркуляр»:

...Званный обед в пятницу, 27-го, с участием знаменитого иллюзиониста
Доктора Ночь.

Обгоревший клочок? Ночь? Доктор Ночь?

Кроу еще раз пробежал глазами все объявление в разделе протокольных мероприятий двора. Сандринхем? Принц Уэльский? Возможно ли такое? Нет, не может быть. По крайней мере, маловероятно. А если да? Он никогда себе не простит. Доктор Ночь и принц Уэльский с супругой?

Инспектор вскочил, словно подброшенный пружиной.

— Господи! Мне надо бежать. Не знаю, когда вернусь, но ты не волнуйся. Кажется, я знаю, где скрывается Мориарти.

В кэбе, по пути в Скотланд-Ярд, Кроу попытался привести в порядок мечущиеся мысли. Действуя официально, согласно протоколу, вопрос не решишь — бюрократия шагу

⁷¹ Таблетки, приготовленные из сушеной коры каскары (др. название — крушина), использовались как стимулирующее и слабительное средство.

ступить не позволит. Все будут мяться, обсуждать, тянуть, и ни кто не будет знать, что делать. Ему ничего не остается, как только рискнуть, поставив на кон свою репутацию и, может быть, карьеру. В случае ошибки, он вызовет сильное неудовольствие Альберта Эдуарда, принца Уэльского. И тогда ему конец. Но если он прав...

Таннер был на месте.

— Собирайтесь, сержант. И поживее — нас ждет прогулка на поезде.

Таннер полез было с расспросами, но Кроу решительно пресек все поползновения любопытного сержанта. Все, что ему сейчас требовалось, это время отправления следующего поезда до Вулфертона или же до Кингс-Линн. Ближайший уходил в десять минут шестого, и они, если поспешить, еще мог ли к нему поспеть. Торопливо нацарапав текст телеграммы констеблю в Линне, он выдвинул ящик стола, взял лежавший там служебный револьвер с пятьюдесятью патронами, сунул оружие в карман инвернесса⁷² — погода не обещала ничего хорошего — и торопливо спустился к выходу. Таннер дышал шефу в спину. Если повезет, прикидывал инспектор, то в Линне они будут к половине десятого, в Вулфертоне — без четверти десять, а в Сандринхеме — если констебль сделает все, как надо, — в начале одиннадцатого.

Знать бы еще, когда обедают их королевские высочества и на какое время назначено представление.

В половине десятого Харкнесс вышел из таверны, а еще через пять минут его лошадка бежала по дороге, раскисшей от зарядившего, похоже на всю ночь, дождя.

Тем временем Доктор Ночь и его ассистентка расставили столы и оборудование и удались в отведенные для них комнаты — переодеться к представлению. Мориарти прихватил с собой саквояж.

Мэри Макнил облачилась в костюм египетской принцессы, изготовленный таким образом, чтобы его можно было скрыть под пышным золотистым нарядом, выступать в котором ей предстояло в первом акте.

Мориарти, как того требовал протокол, надел фрак, привел себя в порядок и, постояв перед зеркалом, вернулся к саквояжу, из которого достал автоматический пистолет. Он вставил обойму, взвел курок, поставил оружие на предохранитель и спрятал его в один из многочисленных потайных карманов. Выйдя затем из комнаты, Профессор окликнул Мэри, и они вместе отправились перекусить. Встретивший их конюший сообщил, что их высочества и гости заканчивают обед. Дамы уже удалились, и принц пообещал, что мужчины не станут задерживаться за портвейном.

На часах было почти без четверти десять.

У въезда в резиденцию Харкнесса остановил привратник. На вопрос, что ему нужно, Харкнесс ответил, что служит у Доктора Ночь и везет необходимое для представления оборудование. Привратник принял такое объяснение, и экипаж беззвучно — скрип колес и стук копыт покрывал шум дождя — вкатился во двор. Кучер остановил кэб у стены, возле восточного окна танцевального зала, и поднял воротник.

Стрелки часов приближались к десяти.

Поезд опаздывал на добрых полчаса. Таннер заметно нервничал, демонстрируя удручающее неверие в логические построения шефа в частности и теорию дедукции в целом. По его мнению — коим он и поделился с инспектором, — найденный в камине обгоревший клочок никак нельзя считать надежной уликой. И по крайней мере, совершенно неубедительной, чтобы оправдать вторжение в резиденцию принца Уэльского, принимающего у себя важных особ.

Время уходило, и с каждой потерянной минутой Кроу все больше мрачнел и злился. В

⁷² Инвернесс — свободный плащ с отстегивающимся капюшоном.

Кингс-Линне к ним присоединился местный инспектор, сообщивший в весьма резких выражениях, что полученные распоряжения выполнены, что в Вулфертоне их уже ожидает фургон с констеблями, но вот только он никак не может понять, из-за чего вся эта спешка и суета.

— Доверьтесь мне, — загадочно ответил Кроу, догадываясь, что ждет его, если выстроенная на шатком основании теория не подтвердится. — Всю ответственность я возьму на себя, — добавил он и взглянул на сержанта. — Это и к вам относится.

Принц с принцессой вошли в танцевальный зал, когда часы показывали двадцать минут одиннадцатого. Мориарти наблюдал за ними не без тайного удовольствия. Невысокий, тучный принц пребывал в прекрасном расположении духа. Принцесса Александра выглядела, как всегда, чудесно, хотя и немного прихрамывала вследствие ревматизма — из-за дующих с Северного моря ветров в Сандринхеме постоянно было холодно и сыро. Присутствовали также проживавшие здесь молодые герцог и герцогиня Йоркские. Оглядывая гостей, Мориарти замечал знакомые лица, как мужчин, так и женщин, элегантных, увешенных драгоценностями, при виде которых у Мориарти разгорались глаза.

Наконец все расселись, и распорядитель вечера объявил:

— Ваши королевские высочества, милорды, леди и джентльмены. Сегодня вашему вниманию предлагается величайший иллюзионист нашего времени — Доктор Ночь!

Оркестр грянул вступление, и Мориарти, сунув руку в потайной карман, коснулся пальцами рукоятки пистолета. В следующее мгновение он расправил плечи и вышел на сцену под бурные аплодисменты.

Без четверти одиннадцать поезд еще стоял в десяти минутах от Вулфертона — следовать дальше не позволял дорожный сигнал.

Такого представления Доктор Ночь еще не давал. Поскольку обстановка предполагала некоторую камерность, он включил в программу несколько коротких номеров, которые никогда не показывал со сцены. К тому времени, когда появившаяся из египетского саркофага Мэри исполнила свой волнительный танец (у нее это получилось лучше, чем у Розы), публика уже задыхалась от восторга. Сам Мориарти ощущал небывалый подъем. Восхищение зрителей передавалось ему, вызывая прилив эмоций, наслаждаться которыми он решил до самого конца.

Доктор Ночь исполнил фокус с кольцами, позаимствовав печатку у самого принца.

Было десять минут двенадцатого.

В четверть двенадцатого поезд подошел наконец к станции Вулфертон. Детектив выскочил из вагона, не дожидаясь полной остановки, и, сопровождаемый Таннером и инспектором из Линна, помчался к ожидающему их транспорту. Задержавшись ровно настолько, чтобы отдать указания констеблям, он вскочил в экипаж и, перекрывая шум дождя, крикнул кучеру что-то вроде «гони во весь опор».

И вся кавалькада понеслась сквозь ночь безумным галопом.

Что представление доставляет присутствующим удовольствие, было ясно без слов: принцесса Александра запищала от восторга при виде голубей, а принц изумленно ахнул, увидев, как выбранные карты появляются на лучах серебряной звезды. Между тем представление достигло кульминационной точки — зрителей ожидало чудо левитации.

С величайшей осторожностью Мориарти ввел ассистентку в транс, музыка чуть дрогнула, когда он уложил ее на кушетку и принялся исполнять магические пассы. Неподвижное тело медленно поднялось в воздух...

Они уже повернули к главным воротам. Кроу привстал и, сжимая в правой руке револьвер, схватился левой за дверцу.

Храпящие кони, громяющие колеса, раскачивающиеся экипаж и фургон — все эта

шумная процессия остановилась вдруг, и Кроу соскочил на землю. Таннер не отставал от шефа ни на шаг. Констебли высыпали из фургона. Двое присоединились к Кроу, остальные рассредоточились, перекрывая возможные выходы.

Парящее тело почти опустилось на кушетку, когда Кроу ударил кулаком в переднюю дверь.

Доктор Ночь церемонно раскланялся перед восторженной аудиторией. За шумными аплодисментами звучал голос принца Уэльского — «Браво! Браво!»

Мориарти еще раз поклонился — глубоко, почтительно, смиренно — и, отыскав взглядом бородатое и улыбающееся лицо, отвел правую руку, сжал рукоятку пистолета и большим пальцем сдвинул «собачку» предохранителя. Выпрямившись, он вынул «борхардт», поднял руку и положил палец на спусковой крючок.

За дверями послышались громкие голоса. Мориарти замер в нерешительности. В следующее мгновение двери распахнулись.

Принц обернулся и привстал. По залу прокатилась приглушенная волна голосов. Мориарти еще немного поднял руку и прицелился, но взгляд сам собой метнулся к проходу, по которому, отодвинув в сторону лакеев, решительно шагали несколько мужчин. Шедший впереди, высокий, в промокшем инвернесе, крикнул:

— Стоять! Стоять — или я стреляю!

На долю секунды Мориарти застыл, определяясь с целью, потом сдвинул дуло на несколько дюймов влево и спустил курок.

Кроу услышал треск дерева и штукатурки — пуля со свистом врезалась в стену у него над головой — и тут же выстрелил в ответ, целясь в темную фигуру на фоне высоких окон. Зазвенело, осыпаясь, стекло.

Кто-то вскрикнул, и Мориарти понял — выход только один. Остаться — значит погибнуть. Благоразумнее отступить. Вторая пуля прошла ближе, раздробив на кусочки серебряную звезду, которую он использовал для фокуса с картами.

— На пол! — крикнул кто-то. — Всем на пол!

И тут же другой, властный, голос:

— Стоять!

Больше Профессор не ждал. Не теряя ни секунды, он метнулся к восточной стене, откинул портьеру и прыгнул в окно.

Мокрые подошвы скользили на полированном паркете. Пробежав через зал, Кроу приостановился и выстрелил во второй раз, но опоздал — мгновением раньше хруст и звон стекла известил о том, что самозванный иллюзионист эффектно покинул сцену.

Упав на сырую землю, Профессор прокатился по траве. Тело пронзила острая боль. Он кое-как поднялся — из разбитого окна доносились крики. Темноту рассекал пронзительный свист.

Торопливо оглядевшись, Мориарти бросился в сторону, туда, где его ждал Харкнесс. Обогнув угол, он услышал лошадиный храп. В следующее мгновение из тени выступил полицейский. Профессор машинально вскинул руки и выстрелил. Короткий стон — и путь свободен: полицейский покатился по траве. Мориарти улыбнулся.

— Сюда, Профессор. Быстрее, — окликнул его Харкнесс, и через секунду Мориарти уже вскочил в кэб. Кучер хлестнул лошадь. Где-то неподалеку грянул выстрел, и пуля расщепила дверцу.

Кроу и Таннер последовали за Мориарти в окно, и именно инспектор произвел последний выстрел в отъезжающий кэб и бросился к экипажу, на бегу крича вознице, чтобы тот разворачивал лошадей.

Щурясь от бьющего в лицо дождя, Харкнесс всматривался в темноту. Этот участок маршрута был для него самым трудным; дороги за пределами поместья он знал назубок, потому что целую неделю гонял по ним днем и ночью. Промокший до нитки, он подался вперед, отыскивая ворота.

Они появились неожиданно, выступив из-за пелены дождя. К ним уже бежал, размахивая руками, привратник. Харкнесс огрел лошадку кнутом, и та рванула, вынудив привратника прыгнуть в сторону, чтобы не попасть под копыта. За спиной грянул выстрел — Профессор угостил свинцом распростершегося на земле слугу.

Они пролетели ворота, свернули и понеслись, глотая ярды, в сторону Дерсинхема. Дождь хлестал Харкнесса по лицу, ветер свистел в ушах, заглушая стук копыт и лязг колес.

Привратник лежал на траве, зажимая ладонью простреленное плечо. Теряя сознание, он все же крикнул, что кэб свернул на дерсинхемскую дорогу. Кроу выругался. Кучер-полицейский, с сомнением покачав головой, высказался в том смысле, что погоня в такую темную ночь бессмысленна, но Кроу, взбешенный неудачей, не желал и слышать никаких возражений.

Час спустя, помотавшись кругами и несколько раз проехав через Дерсинхем, инспектор понял, что толку от такого преследования нет, и что поиски придется отложить до утра. Впрочем, иллюзий он не питал. И именно тогда, стоя у обочины с мокрой головой, инспектор Энгус Маккреди Кроу дал обещание посвятить жизнь одной цели: найти, арестовать и отправить на виселицу профессора Джеймса Мориарти или того, кто скрывается под этим именем.

В Дерсинхеме они свернули влево, в сторону моря и, проехав около мили, пересекли железнодорожный путь. Еще через милю Харкнесс заметил в стороне от дороги свет.

Из темноты с фонарем в руке вышел Эмбер.

— Все в порядке, Профессор? — прокричал он сквозь дождь.

Мориарти выругался и, соскочив на землю, поплотнее завернулся в плащ.

— Что... — начал Эмбер.

— Кроу, — процедил Мориарти. — Чертов Кроу. Это был он.

— Хорошо хоть, ноги унесли, — с облегчением добавил Харкнесс.

— Унесли. Но я вернусь.

Эмбер схватил Мориарти за руку.

— Надо торопиться. Долго ждать они не станут. Отсюда еще две мили, а дороги нет.

Мориарти кивнул и, повернувшись, помахал на прощание Харкнессу. Эмбер поднял фонарь и двинулся вперед, через дюны и залитые водой низины — туда, где между Вулфертонской бухтой и дорогой их поджидал ялик.

Свернувшись комочком на кровати в крохотной таверне милях в трех от Лемингтон-Спа, Фанни Пейджет улыбнулась во сне, повернулась и положила руку мужу на грудь.

«Завтра, — подумала она сквозь сон. — Завтра мы начнем искать работу. Нас ждет новая жизнь, и мы свободны».

Глава 16 **ВТОРАЯ ССЫЛКА**

Суббота, 28 апреля 1894 года

Берег отступал и таял в густом утреннем тумане. Первые, ранние часы наступившего дня они шли вдоль берега, жались к нему, пользуясь крепким попутным ветром, покачиваясь на упругой приливной волне. И вот теперь старый рыбацкий смэк, носящий французское имя «Ле Конфли» и присланный Жаном Гризомбром, уже воротил носом, учуяв впереди родную гавань. Для Мориарти это означало свободу и безопасность.

Эмбера укачало сразу, едва они сели в ялик, и теперь он, зеленый и несчастный, лежал, скрючившись, в уголке рулевой рубки. Мориарти с улыбкой отвернулся от берега. Через несколько часов он будет в Бельгии. Завтра — Париж, на следующей неделе — Марсель, а потом — пароход в Америку. Он оглянулся через плечо — разлука будет недолгой.

Мысли перескочили на дом в Беркшире. Спир, наверное, только-только просыпается под боком у своей Бриджет. Сегодня ему предстоит договориться со сборщиками насчет нового места передачи денег. Паркера нет. Теперь его людей ждут большие перестановки. Пожалуй, место Паркера следует отдать одному из братьев Джейкобс. Сейчас, когда их штаб-квартира перенесена из Лондона, осторожность важна как никогда прежде.

Он тяжело вздохнул, вспомнив о ночной неудаче. Хотя все сложилось не так уж и плохо. Кто еще может похвастать тем, что ему удалось войти в Сандринхем и уйти оттуда целым и невредимым? Прямо из-под носа полиции. Интересно, что случилось с Мэри Макнил? Впрочем, она выберется. Такие, как Мэри, всегда выживают.

Лондон тоже просыпается. На рынках — в Ламбете, в «Слоне и Замке», на Петтикоут-лейн и Бервик-стрит — расставляют лотки, готовятся к воскресной торговле. Уличные торговцы катят свои нагруженные товаром тележки, в лавках, мастерских и магазинах открывают ставни. Шлюхи еще спят, их время наступит ближе к вечеру, а вот таверны и пивные уже полны народу.

Карманникам только того и надо, как и уличным жуликам, ронялам и наперсточникам. Его карманникам, его жуликам, его наперсточникам.

Мориарти громко рассмеялся — бизнес начинается. Позже, уже днем, на улицы выйдут крепкие парни с черными мешочками. Они пройдут по торговым рядам, лавкам, магазинчикам, тавернам, пивным и воровским кухням. Вкрадчиво улыбаясь лоточникам и лавочникам, сутенерам и аббатисам, они везде будут говорить одно и то же: «Мы пришли от Профессора. Мы пришли за его долей».

И, что еще лучше, происходит это будет не только в Лондоне, но и в других городах — Манчестере и Ливерпуле, Бирмингеме, Лидсе и Ньюкасле. А потом, уже скоро, такие же люди появятся на улицах Парижа, Лиона, Марселя, Рима, Неаполя, Милана, Берлина, Гамбурга и, может быть, даже в Новом Свете, в Америке.

В фонтанах брызг «Ле Конфли» резал носом волны, и Мориарти чувствовал себя настоящим хозяином. Хозяином своего мира. Все звенело вокруг, и даже витавшая над палубой водяная пыль, казалось, шептала милые сердцу слова: «Мы пришли от Профессора. Мы пришли за его долей».

ГЛОССАРИЙ

Аббатиса (*abbess*) — содержательница борделя.

Баркеры (*barker, barking Irons*) — «рыкуны», «рычащее железо», пистолеты, револьверы.

Божьи коровки (*ladybirds*) — шлюхи.

Бузила (*rampman*) — лихой бандит, хулиган-задира.

Ворон (*crow*) — сторож, дозорный.

Вострила (*sharp*) — карточный шулер.

Гоноф (*gonoph*) — мелкий мошенник, воришка.

Даффер (*duffer*) — торговец краденым.

Держать свечку дьяволу (*to hold a candle to the devil*) — творить зло, вредить.

Доллимоп (*dollymop*) — непрофессиональная проститутка.

Дон (*don*) — уважаемый (опытный) преступник, главарь.

Дубинщик (*bludger*) — «громилла», агрессивный преступник, использующий дубинку.

Железо (*iron*) — огнестрельное оружие.

Желтяк (*fawney*) — кольцо.

Капер (*caper*) — «дельце», криминальный план и его воплощение.

Кидала (*magsman*) — мелкий мошенник.

Мандрейк (*mandrake*) — «мандрагора», гомосексуалист.

Матчер (*mutcher*) — вор, обирающий пьяных.

Мисс Лейкок (*Miss Laycock*) — женские половые органы.

Мобсмен (*mobsman*) — жулик, карманник, обычно хорошо одетый, первоначально член знаменитой в начале XIX века «Банды щеголей» (*Swell Mob*).

Моллишер (*mollisher*) — подружка, любовница преступника.

Навуходоносор (*Nebuchadnezzar*) — мужской половой орган.

Надеть когти дьявола (*wear the deoil's claws*) — сечь в тюрьму; дьявольскими когтями называли широкие стрелы на тюремной форме.

Насвистеть (*blow*) — сообщать, доносить; Свистун (*blower*) — доносчик, информатор.

Нобблеры (*nobblers*) — «вышибалы», преступники, услугами которых пользуются, когда нужно преподать кому-либо серьезный урок с телесными повреждениями (от *nobble* — «испортить» лошадь перед скачками: специально травмируя либо применив вредоносный препарат).

Обдирала (*macer*) — мошенник.

Олдермен (*alderman*) — монета в полкроны.

Паломники (*palmer*) — магазинные воры.

Петрова иголка (*St Peter's needle*) — строгое наказание.

Пуговка (*buttoner*) — приманка, «подсадная утка».

Разыгрывать Ротшильда (*come Rothschild*) — притворяться богачом, хвастать.

Ронялы (*fawney-droppers*) — мошенники, использующие уловку «ронять желтяк».

Ронять желтяк (*fawney-dropping*) — мошенническая уловка; мошенник притворяется, что нашел колечко (которое на самом деле ничего не стоит), и продает его как ценную вещь по относительно невысокой цене. Рэкет (*racket*) — незаконные, уголовные деяния.

Свинья (*pig*) — полицейский, обычно детектив.

Семья (*family*) — организованное преступное общество.

Соляная кубышка (*salt box*) — тюремная камера.

Сыч (*lurker*) — «соглядатай», «разнорабочий» в криминальной среде, чаще всего нищий-бродяга или выдающий себя за нищего.

Тоффер (*toffer*) — проститутка высокого класса.

Трассено (*trasseno*) — злодей, проныра.

Тулеры (*toolers*) — карманники.

Уж (*snakesman*) — гибкий, ловкий преступник (чаще мальчишка), которого используют для участия в квартирных кражах.

Черпала (*dipper*) — карманник.

Экзекуторы (*punishers*) — «костоломы», нобблеры высшей категории, нанятые для жестокой расправы.